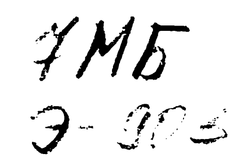
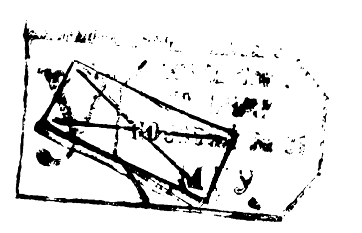
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1981

18

Очередной том ежегодника содержит статьи по русской, славянской, индоевропейской и неиндоевропейской (картвельской) этимологии. Рассматривается обширный лексический материал, предлагаются новые этимологические решения, одновременно в ряде статей освещаются методологические проблемы этимологии. Критико-библиографический отдел состоит из рецензий, характеризующих новые публикации (словари, сборники, монографии) по этимологической проблематике.

Э $\frac{70101-365}{042(02)-81}$ 456--81.4602000000

СТАТЬИ

В. А. Меркулова

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. I

При реконструкции праславянского состояния конкретного славянского языка мы вынуждены считаться со значительными утратами, происшедшими на протяжении истории языка по разным причинам, как внутрилингвистическим, так и экстралингвистическим.

Все имеющиеся в нашем распоряжении лексикографические труды не отражают и не могут отражать лексику данного языка во всем его объеме. Тем более это относится к работам по исторической лексикографии, где число сохранившихся памятников ограничено. Поэтому утверждение, что данная лексема, этимологическое гнездо, корень отсутствуют в конкретном языке, может быть принято только условно. Мы лишь вправе сказать, что у нас нет данных, говорящих о существовании той или иной лексемы.

При таком положении вещей особую ценность приобретают остаточные, реликтовые слова, показывающие, какие этимологические гнезда были утрачены. Выявлением таких лексем этимологи занимаются постоянно. М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» указывает на архангельское *рёдрый* 'бурый, рыжий', пермское *она́ва* 'усталость', костромское *усло* 'затканная ткань на стану' и т. д. В «Этимологическом словаре славянских языков» и в «Праславянском словаре», издаваемом в Кракове, мы неоднократно встречаем пометы: архаизм, реликтовое слово, реликтовое гнездо слов и т. д. (см. статьи **adati*, **astrъ*, **azьno*, **bati*, **bebrěnъ*, **buga*, **ętelь*, **glęsti sę*, **jaliti* и др.).

Но вместе с тем сама фиксация таких лексем зачастую случайна. Вопрос о выявлении в говорах архаичной, в первую очередь, глагольной лексики, никем никогда не ставился. Для славянских языков типичным является сохранение производных отглагольных имен при утрате производящего глагола; нередко мы наблюдаем вытеснение одного глагола другим. Древнерусский глагол **kriti*, **krьnǫti* 'купить' был вытеснен заимствованным глаголом **kupiti*, но следы его могли сохраниться в производных именах, в связанной форме. Глагол **(s)kriti* 'летать' был вытеснен глаголом **lětati*, глагол **čersti* глаголом **rězati* и т. д. Мы наблюдаем отсутствие глагола **ęgti* 'душить' при **ęga*, **ękti* 'гнуть' при **ęčaja*, **ǫkotь*. Если бы не было случайно записано слово

усло, наше представление о динамике ткаческой терминологии в праславянском было бы искаженным. Праславянское **uslo* предполагает существование глагола **usti* 'ткать' в соответствии с литовским *áusti*, *áudžiu* 'ткать'. Задача этимологов заключается в том, чтобы частично, насколько это возможно, реконструировать утраченные лексемы и дать в руки диалектологов программу для проверки. Заранее можно сказать, что по большей части поиски будут тщетными, но какие-то результаты все же будут.

Работа этимолога с уже зафиксированными реликтовыми формами представляет значительные трудности. В большинстве случаев мы имеем дело с единственной фиксацией. Задача заключается в проверке точности записи. Возникают сомнения в реконструкции, что дает нам право при отсутствии дополнительных данных предлагать несколько вариантов реконструкции: **zaędъ* и **zaętь* и т. д. Исключительно важным представляется проверка точности передачи семантики слова, что очень трудно сделать при отсутствии текста или в случае, если лексема трактуется многозначным словом. Так, например, и реконструкция и этимология слова *невенный* 'худой' полностью зависят от правильности понимания его семантики. Изолированность слова нередко мешает установлению его хронологии, что приводит к тому, что мы вынуждены предлагать несколько возможных решений. Реликтовые лексемы могут принадлежать к разным хронологическим пластам, так как утраты происходили постоянно. Иногда это лишь косвенные показатели существования того или иного этимологического гнезда в праславянском. Так, русское слово *нецевéнье*, реконструируемое как **ne čьvenьje*, является доказательством существования в восточнославянских языках глагола **čьvati*, *čujǫ*, формы более древней, чем сохранившаяся **čuti*, *čujǫ*.

К реликтовым образованиям относятся такие лексемы, как **zlěti* 'блестеть, сиять' при **zolto*, **zolkъ*; **zaminǫti* или **zamenǫti* 'забыть', **namenǫti* 'напомнить', **zamętь* и **mętь* 'память' (ср. лит. *mintìs)* и т. д.

В данной статье я рассматриваю несколько восточнославянских слов, представляющих этимологический интерес.

прущ

В путевых записках академика И. И. Лепехина, изданных в конце XVIII в. и переизданных в 1821 г., многократно встречается название герани — *прущ*. Тексты говорят о том, что автор употребляет это слово в качестве термина: «на тучных около Тагила полях росли... *прущь-трава* с листами цикуты (Geranium cicutarium), *прущь светлой* (Geranium lucidum)...»; «*голубиной прущь* (Geranium columbium) и *лесной прущь* (Geranium silvaticum)»[1]. Н. И. Анненков дает слово *прущ* с пометой сибир-

[1] Записки путешествия академика Лепехина, т. III. СПб., 1822, с. 68—69.

ское[2]; В. Даль приводит слово *прущ* как название Geranium sylvaticum: *прущ* м. раст. Geranium sylvaticum, болотник или мозгуша, хомячий окорм, егорово копье, усовная трава[3]. В XIX в. термин вышел из употребления и был заменен заимствованным словом *герань*.

В картотеках древнерусского языка слово *прущ* отсутствует, что не является доказательством его отсутствия в живом языке, так как памятники сохранили нам очень мало названий растений.

Облик слова достаточно архаичен. Лексема может восходить к праславянскому периоду, но прямых соответствий в других славянских языках нет. Возможны восемь вариантов реконструкции в зависимости от трактовки корневого гласного и конечного сочетания согласных. Мы предлагаем здесь одну из возможных реконструкций, а именно **pruščь* < *prusk-j-*. В этом случае слово **pruščь* представляет собой один из вариантов огласовки в этимологическом гнезде глагола **pryskati* 'брызгать', 'фыркать', 'ударять', 'лопаться с треском'. Существительное **pruščь* предполагает наличие производящего глагола **pruskati*, являющегося более точным соответствием литовскому *praũsti* 'мыть (лицо)'; ср. еще в.-луж. *pruskel* м. 'синяк, кровоподтек'.

Анализ семантики слова представляет серьезные трудности. Из-за формы плодов, напоминающих длинный клюв, наиболее распространенными названиями герани стали γεράνιον от γέρανος 'журавль', pelargium от πέλαργος 'аист', erodium от ἐρῳδιός 'цапля'[4]. В русском языке это термины-кальки: *журавельник* и *аистник*. В русской народной терминологии форма плодов герани нашла отражение лишь в одном названии — *егорово копье*. Наиболее распространенное народное название герани — *усовная трава*, т. е. 'трава, используемая при усовях или колотье'. Речь идет о сильных колющих болях в боках и спине при пневмонии и плевритах. «*Усовная трава*, герань лесная, Geranium silvaticum, отвар ее употребляется на обмывание и обтирание боков при колотье»[5]. В названии *прущ* отражен, по-видимому, другой признак.

Одно из значений глагола **pryskati* 'лопаться (о почках), распускаться, расцветать'. Ср. *вспрыски* 'всходы посева' (новг., псков.)[6], *прыск* 'цветущая пора, налив, самая сила': Плодовые деревья теперь *в самом прыску* — покрыты цветом[7]; Парень *в самом прыску* — в расцвете сил[8], *отпрыск* 'отросток' и *прыщик* 'почка, отросток'. При таком семантическом развитии слово *прущ*

---

[2] *Анненков Н. И.* Простонародные названия русских растений. М., 1858, с. 46.
[3] *Даль*[3] III, стб. 1389.
[4] *Carnoy A.* Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes. Louvain, 1959, p. 129.
[5] *Куликовский*, с. 125.
[6] *Филин* 5, с. 211.
[7] *Даль*[3] III, стб. 1390.
[8] Сл. Сред. Урала I, с. 97.

могло значить просто 'цветок'. Но материал явно недостаточен, чтобы принять окончательное решение. Реконструкция формы и значения могут быть приняты лишь условно.

уя́чить

В русских говорах есть глагол *уя́чить* 'отделать кого ловко; состязаясь преодолеть' (вят.)[9]; 'измучить, убить до смерти', 'уходить, уморить, погубить' (влад.): *Уя́чили* бурку крутые горки![10]. В западнобрянских говорах *уе́чыцца* значит 'сильно испачкаться', *уе́чыть* 'испачкать'. *Уе́чыла* я его (платок) у штось[11]. В ярославских говорах *нaя́чить, объя́чить* 'обмануть, надуть'[12].

Глагол выступает с тремя приставками, реальность глагола **ячить* несомненна.

Вопрос о реконструкции слова практически является и этимологическим решением: **jačiti* или **ęčiti*.

Если реконструировать **jačiti*, то мы должны будем связать русский глагол с сербохорватским *jâк, jáка, jáко* 'сильный, крепкий', *jàчати* 'крепнуть, усиливаться, становиться более сильным', 'усиливать, укреплять'; *jàчати се* 'усиливаться, укрепляться', уст. 'состязаться в силе'.

Этимологически *jaк* 'сильный' восходит к **jakъ* 'какой'.

При такой трактовке мы наблюдаем совпадение и формы и значения, но возникают некоторые сомнения.

Союзы, местоимения и числительные исключительно устойчивы. В том случае, если мы реконструируем глагол как **jačiti*, мы вынуждены предположить, что в русском языке было местоимение **jakъjь*, которое активно употреблялось, кроме того, оно приобрело, как и в сербском, своеобразное значение 'сильный' и дало производный глагол со значением 'осилить'. На самом деле, этого нет. В русском языке *яко* и *який* — церковнославянский и книжный элемент, его место в системе занимают *как* и *какой*, в русских говорах *як* и *який* существуют только в качестве проникновений из белорусского и украинского языков. Поэтому предложенная реконструкция представляется малоправдоподобной.

Вторая возможная реконструкция — **ęčiti* включает этот глагол в этимологическое гнездо **ęčaja*, **ęčьту*, **pa*ǫ*kъ*, **za*ǫ*kъ* и **ǫkotь*. Анализируя слово *za*ǫ*kъ*, Ж. Ж. Варбот пишет: «В славянских языках не отмечены глаголы, которые могли бы быть отнесены к рассматриваемому гнезду. . .»[13]. О. Н. Трубачев предполагает существование в праславянском глагола **ękti* 'гнуть, сгибать,

---

[9] *Васнецов*, с. 332.
[10] Опыт, с. 243; *Даль*[3] IV, стб. 1126.
[11] *Расторгуев*, с. 267.
[12] *Балов А.* Народный говор в Пошехонском уезде Ярославской губ. — ЖСт., год третий, вып. IV. СПб., 1893, с. 249; *Мельниченко*, с. 121, 129.
[13] *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. II. — В кн.: Этимология, 1972. М., 1974, с. 54.

складывать петлей, кольцом'[14]. Справедливость этой мысли подтверждается наличием таких откровенно отглагольных образований как *zaǫkъ от *zaękti. Перед нами реликтовое этимологическое гнездо. Глагол *ękti, по-видимому, еще в праславянский период был вытеснен глаголом *gъbnǫti. Все сохранившиеся имена давно деэтимологизировались. Но, думается, что еще не исчерпаны возможности более полного восстановления данного гнезда. Так в брестских говорах белорусского языка мы находим *яка* 'мотыга'[15], по-видимому, из первоначального 'кривая палка', 'крюк'. Следует сказать о большой активности слова *за́ук* в севернорусских говорах и о значительном семантическом диапазоне данного слова: 'рукав пожни, заулок', 'огороженный прогон для скота', 'проулок', 'улица между домами'[16]. Любопытно, что значение 'гнуть', как кажется, достаточно долго было ощутимо в слове **ęčьmy* 'ячмень', ср. череповецкий производный глагол *ячменитися* 'гордиться'[17], т. е. 'надуваться, выгибать грудь'.

Анализ рассматриваемых глаголов *уя́чить*, *зая́чить*, *объя́чить* затруднен тем, что перед нами явно экспрессивные глаголы. Не существует словаря синонимов для русских говоров, но даже в литературном языке такие значения как 'обмануть' и 'испачкать' дают синонимический ряд, состоящий из двадцати и более слов. Значения же 'победить, осилить' и 'уморить, погубить' имеют меньший набор синонимов и, скорее всего, являются первичными. Отношения *gъbnǫti* — *gubiti* давно известны, поэтому формальная и семантическая связь реконструированного **ękti* 'гнуть' — **ęčiti* 'губить' кажется вполне логичной. От значения 'гнуть, плести' постоянно развивается производное значение 'обманывать', ср. *оплести* 'обмануть', *обогну́ть* 'обольстить, одурачить' (влад.)[18]; *lǫka* 'кривизна, изгиб', *lǫkavъjь* 'хитрый', *облучи́ть* 'обмануть' (псков.)[19]. От имени существительного *сеть* мы имеем два производных глагола: *осе́товать* 'напавши одолеть, взять верх' (влад.)[20] и *осе́тить* 'обмануть, провести'[21]; *огуда́ть* 'осилить' (псков.)[22] и *огуда́ть* 'обмануть' (арханг., волог., сарат., тамб.)[23]. Значение 'испачкать' может быть объяснено как вторичное от 'погубить' → 'испортить', ср. *устосать* 'сильно замазать платье' при *усто́сать* 'избить, убить'. С большой степенью гипотетичности к этому же гнезду может быть отнесено и колымское *я́чиха* 'лишай' из первоначального 'порча' (если это исконное слово).

---

[14] ЭССЯ 6, с. 61.
[15] Жывое слова. Мінск, 1978, с. 250.
[16] Картотека СТЭ.
[17] Доп. к Опыту, с. 314.
[18] Опыт, с. 133.
[19] Картотека Псковского областного словаря.
[20] Опыт, с. 145.
[21] *Даль*[3] II, стб. 1607.
[22] Картотека Псковского областного словаря.
[23] Опыт, с. 137.

Дополнительным подтверждением нашей этимологии служит приставочный глагол *заякну́ться* 'зайти, завернуть': Ты к нам никогда не *заякнешься* (нижегор.)[24].

кроса

В картотеке Брянского областного словаря есть следующий текст: С'ича́с вам са́мъја у кро́су у пал'т'е́, за́утра мо́жа и жа́рка. Этот текст дает возможность рассмотреть выражение *самъја у кросу* — 'в самый раз, как раз'. Анализ фразеологизма достаточно сложен. Следует исключить заимствование или калькирование. Ни белорусский, ни польский материал как будто бы не дают нам оснований говорить о заимствовании. Если мы предположим, что перед нами исконное выражение, то мы можем рассматривать имя *кроса*, значение которого приблизительно передается как 'раз'. Слова со значением 'раз, миг, отрезок времени' в ряде случаев производны от слов со значением 'удар'; ср. **raziti* → **razъ*, **(s)ker-* 'резать' → **kortъ* 'удар, раз' (см. *двукратный*) и т. д. Следовательно, производящим для имени *кроса* может быть глагол со значением 'бить, ударять, резать'. Таковым является праславянский глагол **kresati* 'высекать огонь, ударяя камень о камень', 'резать', 'ломать, бить, колотить', 'тесать', 'выдирать, полоть'. В других славянских языках есть указания на существование производных имен от данного глагола, ср. ст.-чеш. *krosina* 'идол, кумир', производное от глагола *kresati* в значении 'тесать, придавать дереву форму'. Для интересующего нас слова мы предполагаем следующий путь образования: **kresati* 'ударять кресалом по кремню' → **krosa* 'удар кресала по кремню' → перен. 'раз'. Предложенная этимология является условной гипотезой, а выводы, построенные на одном примере, нуждаются в серьезной проверке.

стубла

В южнославянских языках широко представлена основа *stub-*: серб. цслав. *стубль* 'источник', с.-хорв. *сту̏блина* 'колода, выдолбленное внутри бревно', словен. *stúblo* 'труба, сделанная из дерева', болг. *стубел* м. 'источник с водопойной колодой', по говорам многочисленные названия колодцев: *сту̀бел* м., *сту̀б'ил'* м., *сту̀блъ* ж., *сту̀блицъ* ж. При интерпретации значения одного из этих вариантов пишется, что это 'колодец на болоте, вода которого отделяется деревянным срубом'[25]. В древнечешском существовало слово *stbel* 'источник'. В восточнославянских языках соответствиями являются только гидронимы: *Стубло*, *Стубла* — приток Стыри, *Стубла* — приток Горыни, *Стубелка* — приток Стубли[26]. В памятнике XV в. река Стубла называется *Стоубелъ*: мы великиі кнѧзь Александро... чинимъ знаменито... ижетъ... дали єсмо ємоу имєнє

---

[24] *Филин*, вып. 11, с. 202.
[25] БД V, с. 41.
[26] Словник гідронімів України. Київ, 1979, с. 535.

в Лоуцкомъ повете оу Жоукове село Алышовъ, на реце на Стоубле (Луцьк. 1446. AS III, 5)[27]. Речка *Стубленка* существует в Тульской области[28]. В лексических материалах, собранных Н. В. Никончуком в украинском Полесье, отмечено слово *стубла* 'трясина'. Слово записано в селах Дубровица и Селец Дубровицкого района Ровенской области[29]. В Выгоновском Полесье (Брестская область) зафиксировано слово *стубло* 'небольшая впадина на болоте, где летом не высыхает вода': *Стубло* е й доўгэ, е ї круглэ, а й глубóкэе[30]. Эти реликтовые полесские лексемы увеличивают список полесско-южнославянских параллелей. С точки зрения семантики мы наблюдаем здесь единый комплекс 'колода' — 'источник'. В. Даль таким образом определяет слово *колодец*: 'яма, вырытая до водяной жилы, для воды, и одетая срубом, либо камнем, а иногда и цельною дуплястою колодой, отчего, или от водопойной колоды, и самое название...'[31]. О. Н. Трубачев пишет: «...Терминология родников и колодцев в славянских языках охватывает целый ряд достаточно древних названий, распадающихся на несколько реально-семантических групп. Вот примеры: 1) названия от естественного характера источника ('горячий', 'холодный', 'бьющий струей'): **trusk-*, **trysk-* (ср. *Трускавець*, местное название в Западной Украине, лечебные воды), **pryščina* (ср. сербохорв. *Приштина*, название города в Югославии), **verdlo* (чеш. *vřídlo*), **studьna*, **studenьcь*, **jьzrojь*, **jьzvorъ*; 2) названия от рытья: **kopanь* (укр. *копань*, *копанка* 'род маленького колодца без венца', 'ямный колодец'), **krъnica* (укр. *криниця*); 3) названия от деревянного сруба: **koldęzь*, ср. **kolda* 'колода' (подобно лит. *šulinys* 'колодец': *šulas* 'столб', другие этимологии праслав. **koldęzь* все-таки менее убедительны); 4) названия от воды: **ǫbel / ǫbьlъ*, ср. болг. *въбел* 'колодец', ст.-слав. (др.-болг.) ѫбьлъ, сербохорв. *убао* — от и.-е. **a(m)bh-*, *ap-* 'вода', сюда же полаб. *wumbal* 'Brunnen'»[32]. Семантическую связь 'источник' — 'болото' мы наблюдаем в славянских языках: ср. блр. *крыны́чына* 'трясина, болото' (брест.)[33] при укр. *криниця* 'колодец, источник', *колóд'а* 'глубокое место в реке' (брян.)[34] при *колодец* и т. д.[35].

Этимология праславянского *stublь/stublo* предложена О. Н. Трубачевым[36].

[27] Словн. ст.-укр. мови XIV—XV ст., 2, с. 395.
[28] *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 81.
[29] Лекс. атлас Правобережного Полісся, с. 52.
[30] Народнае слова, с. 82.
[31] *Даль*³ II, стб. 352.
[32] *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 224—225.
[33] Народная лексіка, с. 78.
[34] Картотека Брянского областного словаря.
[35] См. *Мокиенко В. М.* Основные семантические модели образования славянских географических терминов со значением 'болото'. — Местные географические термины в топонимии. Тезисы докладов и сообщений. М., 1966, с. 19—21.
[36] *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 137.

часля

Слово *часля* — полесский бортнический термин. Оно обозначает большое боковое отверстие в колодочном улье. Представлено это слово достаточно широко; Н. В. Никончук фиксирует его в двадцати пунктах[37]. Слово отмечено в двух вариантах: *часля́* и *ча́с'л'а*. Терминология бортничества очень архаична. Само бортничество возникло в глубокой древности и пережило длительную эволюцию. Первоначально, по-видимому, люди просто разоряли пчелиное гнездо, добывая мед. Самым древним видом бортничества было добывание меда следующим образом: заметив дерево с дуплом, где поселились пчелы, человек влезал на дерево, пробивал длинное и узкое отверстие в дупле, доставал мед и заделывал отверстие дощечкой или дощечками, на дереве ставился знак. Следующий этап — это выдалбливание дупла в живом дереве с тем, чтобы в нем поселились пчелы. Затем стали делать ульи из колоды, их подымали на дерево и укрепляли на специальном помосте, подвешивали (*свепет*) или же несколько ульев устанавливали на земле. При этом мы наблюдаем, что целый ряд терминов обладает синкретизмом значения: большое отверстие в дупле или затем в улье-колоде обязательно закрывалось дощечкой, поэтому слово **dъlžь* обозначало как отверстие, так и закрывающую его дощечку. Дупло, выдолбленное в дереве, называлось **bъrtь*. Очень любопытно семантическое наполнение этого термина в Полесье: *борт'* 1) большое боковое отверстие в колоде, служащее для осмотра пчел; 2) должея, крышка этого отверстия; 3) полое пространство, выдолбленное в живом дереве для пчел; 4) полое пространство в колодочном улье; 5) дупло в дереве, в котором самостоятельно поселились дикие пчелы; 6) дикая семья, живущая в дупле; 7) место в лесу, где находятся ульи[38]. Таким образом, на определенном этапе слово **bъrtь* выступает как синоним слова **dъlžь*. Как мы видели выше, название отверстия в дупле, заделываемого дощечкой, исторически древнее названия искусственно выдолбленного дупла. Число лексем, обозначающих большое отверстие в дупле или в улье в славянских языках, невелико. В русском языке это **dъlžь*, **dělь* и **kolzьna*; в украинском **dъlžь*, **bъrtь*, в белорусском **dъlžь*. Полесский термин *часля* представлен на ограниченной территории, но, по-видимому, достаточно архаичен.

От глагола **česati* в западнославянских и южнославянских языках существует производное имя **českь*: «Название орудия, производное с суф. *-lь*, соотносительное с гл. *česati* (см.), точнее с его праформой *česti*. Древнее образование, продолжающее

---

[37] Лекс. атлас Правобережного Полісся, с. 208; *Анохина В. В., Никончук Н. В.* Полесская терминология пчеловодства. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, с. 364.

[38] *Анохина В. В., Никончук Н. В.* Полесская терминология пчеловодства. — В кн.: Лексика Полесья, с. 322.

дослав. модель»[39]. В «Праславянском словаре» дается несколько вариантов слова: *českь*, *česla* (*česl'a*), *češlo* — диал. южн. и зап.[40]; «Первичные nomina instrumenti *českь* 'гребло, гребень': *česati*»[41]. На восточнославянской территории лексема **českь* 'гребень' отсутствует, тем более любопытно полесское **časl'a*. Мы наблюдаем наложение форм *česla*, *česl'a* и *časla*, *časl'a* с отличиями только в вокализме. Может быть предложено две гипотезы: 1) слово *ча́сля* образовано на местной почве от итеративной формы глагола *чесать* — *ча́сать*, ср., например, укр. *чаха́ти* 'отламывать, отщеплять'; 2) слово *часля* восходит к праславянскому **časl'a* и является архаизмом глубокой древности, представляя ту же огласовку корня, что и в праславянском **časъ*[42]. В этом случае мы наблюдаем два производных, имеющих четкий географический ареал:

česti → *česla*, *česl'a*, *češlь* — южн.-зап.
česti → *časla*, *časl'a* — вост.

О том, что и слово *česla* когда-то входило в бортническую терминологию, свидетельствует с.-хорв. *češelj* 'пласт воска, сделанный пчелами за один день'[43].

О более широком распространении в древности слова *часля* в восточнославянских языках говорит русское местное название *Часлицы* (Гусь-Хрустальненский р-н Владимирской обл.). В южнославянских языках мы наблюдаем целый ряд названий растений, образованных от слова *českь* с суф. *-ika*, праслав. **češlika*[44], чему соответствует слово **časlica*, образованное с помощью суф. *-ica* от **časl'a*. Реконструкция семантики топонима на данном этапе невозможна.

Думается, что полесское слово *часля* 'большое отверстие в улье-колоде' заслуживает внимания этимологов.

застума

В первом томе «Словаря русских говоров Среднего Урала» мы находим слово *засту́ма* м. и ж. 'о ком-либо загрустившем, опечалившемся': «Щё така *застума* сидишь, случилось разе щё»[45]. Пример единственный. В других русских говорах это слово не отмечено. При сложности национального состава Урала можно было бы предположить украинизм, но в украинском языке такого слова

---

[39] ЭССЯ 4, с. 87.
[40] Słownik prasłowiański II, с. 174.
[41] Там же, I, с. 105.
[42] *Якобсон Г.* Развитие понятия времени в свете славянского *časъ*. — Scando-slavica, IV. Göteborg, 1958, с. 286—307.
[43] Słownik prasłowiański II, с. 174.
[44] ЭССЯ 4, с. 87.
[45] Сл. Сред. Урала I, с. 187.

тоже нет, но есть слово *застум* 'укромное место, пустынное глухое место'. Гринченко, ссылаясь на писателя Кулиша, приводит следующие примеры: «Сховалась ти на відпочинок, як лебідь в тихі *застуми* води», «Чи не сором тобі покидати нас і по *застумах* цього ліса блукати без нас?»[46]. В толковом словаре украинского языка слово *застум* объясняется как 'глухой угол, глушь'. «Вітки, що опали в *застумі* духмянім...» И «...у пущі по звірячих *застумах*»[47].

В этимологической литературе слова *засту́ма* и *за́стум* не фигурируют. В то же время нет никакого сомнения в том, что они генетически родственны.

В русском языке 'глухой угол, глушь' чаще всего обозначается словом *захолустье*. Семантическое наполнение слова *захолустье* таково: 'тень', 'место, защищенное от ветра', 'залив', 'укромное место', 'приют, убежище', 'глухой угол'.

Значение 'тень' представлено очень широко в севернорусских говорах; «у нас посветлее, а там *захолу́стье*, совсем темно» (новг.)[48]; *захолустье* 'тень' (белоз.)[49], 'место в тени' (костром., арх.); *захолы́стье* 'тень, прохлада' (волог.), *захолотьё* то же (волог.)[50]. По «Словарю русских народных говоров» *захолустье* 'тень' представлено в нижегородских, казанских, московских и архангельских говорах: «Как мы в *захолустье* под копной гожо отдохнули» (казан.); «*Захолустье* — там тень, летом в *захолустье* сидишь, за домом, там не жарко» (моск.); «Пойдем в *захолустье*, там солнце не хватает» (арх.). Значение 'тихое, защищенное от ветра место' представлено в саратовских и вятских говорах: «В *захолустье*-то потеплее». *Захолюсток* 'небольшой глубокий залив в реке' (арх.). Значение 'укромное место' зафиксировано во владимирских и костромских говорах: «Самовар там, за постелью, в *захолустьице*» (влад.); 'приют, убежище': «Что от дождика *захолустьице*» (костром.)[51].

Значение 'глушь, глухое место' представлено в вологодских, тверских говорах и в литературном языке: «Ну уж в такое *захолузье* забрался» (волог.), *захолустье* 'глушь, глухое место' (твер.)[52].

Два других названия глухого угла образованы от глаголов *ткать* и *толкать*: *затка́ть* 'заткнуть, запрятать' (псков., твер.), *затка́ться* 'скрыться': «*Заткались* за печку» (псков.); *за́тканец* 'домосед' (псков.)[53]; *утка́ться* 'запрятаться, заподеваться' (псков., твер. осташ.)[54]. Ср. блр. *стыка́ць* 'затворять'[55]. Сюда же *заточи́ться* 'забраться в узкое пространство, спрятаться' (сев.-двин.), ср. *заткаться* то же, и *заточи́ть* 'заключить в тю-

---

[46] *Гринченко* II, с. 102.
[47] Словн. укр. мови 3, с. 336.
[48] Картотека Новгородского ГПИ.
[49] Картотека Словаря белозерских говоров.
[50] Картотека СТЭ.
[51] *Филин*, вып. 11, с. 159.
[52] *Смирнов*, с. 56.
[53] *Филин*, вып. 11, с. 95.
[54] Доп. к Опыту, с. 284.
[55] *Носович*, с. 620.

рьму' = 'закрыть, запереть', ср. *зато́чник* 'арестант', 'несчастный человек' (ряз.)[56].

В архангельских и вологодских говорах *зато́чное*, *зато́шное место* 'глухое место, захолустье', *за́тошь* 'отдаленное, глухое место, захолустье' (волог.)[57].

От глагола *толкать*, *затолкать* — *за́толок* 'место, находящееся вдали от населенного края, захолустье' (яросл., сибир).[58], *за́толочье* то же (перм.)[59], *за́толшный* 'находящийся в пустынном месте, проселочный' (новг., белоз.)[60], *за́толшье* 'глушь, захолустье' (череп.), *за́толшь* 'глухое место в стороне от большой дороги': «Живем в *затолши*»[61]. В отличие от слова *захолустье*, слова *за́тошье* и *за́толшье* имеют более узкое значение: 'глухое место' и не имеют значений 'тень', 'убежище', 'залив' и пр.

С другой стороны, целый ряд слов имеют значения 'тень', 'укрытие', но не имеют значения 'глухой угол, захолустье', ср. *заувéя*, *завéя*, *за́усень*, *заусоло́нье* 'тень', *за́витерь*, *за́витерье* 'место, защищенное от ветра', 'заводь', 'кров, убежище', *заве́тье* 'место, защищенное от ветра', 'кров', *за́вень* 'затишье, место в реке или озере, огражденное от ветров'. Ряд слов имеет более емкую семантику: *стень*, *застень*, *застенье* 'тень' (др.-русск.)[62], *засте́нистый* 'забывчивый, рассеянный', *засте́нчивый* 'робкий' (= 'держащийся в тени'), польск. *zaścianek* 'захолустье', *засте́нько* 'захолустье': «в мојо́ зас'т'е́н'ко н'е угод'и́т' н'ика́к» (арх.)[63].

Очень близким по семантике является и слово *зату́ла*, имеющее следующие значения 'преграда, защита', 'тень', 'укромное место', 'место, укрытое от ветра и дождя', 'приют, убежище', 'глухой угол'. Значение 'преграда, защита' представлено как в древнерусском, так и во многих русских говорах: «От ветру нет *затулы*, от дождя обороны»; значение 'тень' только в архангельских: «жарко зд'ес' / пошл'и в *зату́лу*», в тех же говорах *зату́лье* 'глухое местечко'[64]. Даль приводит прилагательное *уту́льчивый* 'робкий, застенчивый'.

То, что слова **zastuma* и **zastumъ* совмещают значения 'опечалившийся человек' и 'глухой угол', заставляет нас предположить емкую семантику этимологического гнезда с корнем **stum-*. Словообразовательный анализ говорит о том, что это отглагольные имена, образованные от несохранившегося глагола **застумать*, в свою очередь образованного от **стумать*. Существование корня *(*s*)*tum-* в русском языке подтверждается следующими

---

[56] Не от *точить* 'заставлять идти', как думает Фасмер (II, с. 83).
[57] Картотека СТЭ.
[58] *Филин*, вып. 11, с. 104.
[59] Опыт, с. 67.
[60] Картотека Словаря белозерских говоров.
[61] *Герасимов*, с. 41.
[62] СлРЯ XI—XVII вв. 5, с. 305.
[63] Картотека СТЭ.
[64] Там же.

примерами: *затýмный* 'темный, отсталый': *затýмный край* (калуж. жиздр.); *затýмнеть* 'замереть': «у меня сердце *затумнело*» (петерб.)[65].

Что касается этимологии слова, то она может быть высказана лишь предположительно. Логичнее всего связать русское *(s)tumati с лит. *stùmti* 'толкать', лтш. *stumt* 'толкать, пихать'. Для развития значения 'глухой угол' можно учесть отношения лит. *atstúmti* 'оттолкнуть' — *atstumà* 'отдаление, расстояние'.

При этом, разумеется, следует учитывать разницу в огласовке славянских и балтийских слов.

Анализ слов с корнем *(s)tum- в славянских языках нуждается в дополнительных данных.

потороонки

В рукописи третьего тома «Словаря русских говоров Среднего Урала» имеется любопытное слово *поторóнки* 'обноски, остатки'. Перед нами несомненное производное от глагола *потереть*. Значение 'изнашивать (об одежде)' у глагола *тереть* сохранилось в приставочных формах и в причастии: ср. *потёртый* 'бывший в долгом употреблении, поношенный'; *протереть* 'испортить, продырявить трением': «*протёр* рукава на локтях», «брюки *протерлись*» и т. д. В русском диалектном языке образовано имя со значением результата: *трун*, *труньё* 'тряпка, тряпицы, отрепье, лохмотья, ветошь, обноски' (волог.)[66]; *труньё* 'худая одежда, тряпье' (яросл.)[67]; 'рваная, истрепанная изношенная одежда' (моск.)[68], 'тряпье, ветошь, старый одежный хлам', *трун* 'оборвыш, оборванец' (арх.)[69], *трунóтья* 'всякая мелочь' (пенз.)[70].

Семантическая сторона модели: 'тереть' → 'обноски, остатки' не вызывает никаких сомнений.

Словообразовательный анализ дает возможность предположить в качестве производящей основы имя прилагательное **potornъ*, образованное от глагола **poterti* с помощью суф. *-n-* и чередования корневого гласного. Ср. аналогичные отношения: **viti* → **věnъ*, **verti* → **vornъ*. Отношения глагол — имя с чередованием *e/o* говорят о большой древности образования. До сих пор рассматривались формы только с переносными, вторичными значениями **tornъkъjь* 'тяжелый, частый, густой, обильный', **pritornъjь* 'приторный'.

---

[65] *Филин*, вып. 11, с. 111.
[66] *Даль*[3] IV, стб. 854.
[67] *Мельниченко*, с. 202.
[68] *Иванова*. Подмоск., с. 515.
[69] *Подвысоцкий*, с. 175.
[70] Опыт, с. 233.

Л. В. Куркина

ПРАСЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Стратификация словаря, разграничение в его составе общеславянской лексики и лексики ограниченного распространения, опирается на представление праславянского как непрерывного диалектного континуума и связанное с ним положение об автономности праславянских состояний лексики славянских языков (диалектов) [1]. И хотя для понимания структуры и состава праславянского одинаково важно выявить общеславянское наследие и локально ограниченные явления, в настоящий момент целесообразно выдвинуть на первый план исследование того слоя лексики, который отличительно характеризует славянские диалекты. Проблема общего и частного в словаре особенно актуальна для ю.-слав. языков, так как от решения этой проблемы зависит общее понимание этногенеза, формирования и развития языков Балканского пол-ва. Выделяемая путем конфронтации специфически ю.-слав. часть словаря включает разные явления, в том числе и лексические единицы с ограниченными, разнонаправленными соответствиями (ср. словенско-восточнославянские, словенско-западнославянские, болгарско-кашубские, белорусско-южнославянские и т. д.) [2], но особый интерес представляют регионализмы, изолированные факты лексики, лишенные прямых славянских соответствий. В связи с этим принципиальное значение имеет разработанное О. Н. Трубачевым положение о древнем славянском диалектизме с родственными образованиями лишь на и.-е. уровне. Лексика, составляющая исключительную принадлежность ю.-слав. языков, естественно, имеет разную природу и разную хронологическую соотнесенность. Это образования с прозрачной словообразовательной структурой, отражающей древние отношения, и образования с затемненной, стертой первоначальной формой, в восстановлении которой решающее значение принадлежит этимологическому анализу. Общий исторический подход позволяет в какой-то степени разграничить явления архаичные, унаследованные из праславянского, и новообразования балканской эпохи. Еще недостаточно изучены и не полностью выявлены специфические факты лексики праславянского происхождения, но предваритель-

---

[1] *Трубачев О. Н.* О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 154—171; *Он же.* О составе праславянского словаря. — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 168—170.

[2] Ср. для примера: *Bezlaj.* Eseji, гл. VII, VIII; *Popowska-Taborska H.* Z problematyki badawczej nawiązań leksykalnych (na materiale kaszubsko-południowosłowiańskim). — RS XXXVI, 1, с. 3—16; *Цыхун Г. А.* Беларуска-паўднёваславянскія лексічныя сувязі. Некаторые праблемы і вынікі. — Беларуская лінгвістыка, 1974, 5, с. 41—51.

ные наблюдения показывают, что они составляют небольшую часть праславянского словника ю.-слав. языков. По понятным причинам в этот слой лексики не входят балканизмы, так называемые культурные термины, сложившиеся в период освоения новой родины (ср. термины ткачества **tara*, **natьra*, субстратное **tokъ* 'футляр, кошелек' и др.) [3].

Для регионализмов с затемненной внутренней формой характер и направление родственных связей всецело зависит от выбора этимологического решения. Отмеченные в литературе некоторые специфические ю.-слав. архаизмы не имеют однозначного истолкования, но по одной из наиболее распространенных версий ю.-слав. лексемы предположительно рассматриваются как единственные следы древних и.-е. основ на славянской почве. К числу таких архаизмов с глубокими и.-е. связями относят основы **sorga* (с.-хорв. *srȁga* 'капля', словен. *srága* то же ~ др.-инд. *sargaḥ* 'струя жидкости'), **trapъ* (с.-хорв., болг. *трап*, словен. *trap* 'яма' ~ лит. *tàrpas* 'пустое место, расселина'), **tragъ* (с.-хорв. *trâg* 'след', словен. *tražiti* 'искать' ~ лат. *trahere* 'тащить, тянуть') [4], **slъd-* (словен. *slà* 'cupido, libido', ц.-слав. *ослънѫти* 'испытывать голод' < и.-е. **su̯el-d-* [5]). Следы древних и.-е. основ хранит лексика словенского языка: ср. *távati* 'тяжело ступать' ~ лит. *taujóti* = лтш. *tàũjât* 'бродить' [6]; *sôt* 'горная тропа' (< **sent-*) ~ лит. *siunčiù*, гот. *sandjan* 'посылать' [7]; *rę̂šek* ~ лит. *erszkẽtis* 'терн' [8] и т. д. Очень трудно поддается этимологизации ю.-слав. *šaka*: ц.-слав. *шака* 'manipulus, δραγμα', болг. *шака* 'горсть', с.-хорв. *šaka* 'кисть руки', 'горсть, пригоршня', 'кулак', 'ладонь', 'рука', словен. *šáka* 'горсть', 'кулак', 'ряд', *šákelj* 'горсть', 'пучок (травы)' [9]. Отмеченное Коттом для чешского слово *šaka* 'пролет (арки, моста)' [10] позволяет несколько расширить ареал ю.-слав. основы, хотя открытой остается возможность заимствования на смежной территории. Истоки ю.-слав. **šaka* неясны, и проблематичными остаются попытки сближения этой основы с ю.-слав. **šapa* (с.-хорв. *šápa* 'лапа пса, кошки, лисицы' > словен. *šapa* то же, болг. *шап*, *шепа* 'горсть'). Последняя получает наиболее приемлемое объяснение на основе чередования **šapa*: **xopiti* (ц.-слав. *хапити*, *хопити* 'хватать'), семантически ср. лит. *rankà* и *renkù*, *rinkaũ*, *riñkti* 'собирать' [11].

---

[3] *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 128; *Skok* III, с. 479.
[4] *Skok* III, с. 314, 491, 487—488.
[5] *Ramovš F.* Csl. *oslъnǫti* 'esurire', slov. *sla* 'fames, cupido, libido' in *snagolten* 'avidus' — SR 1949, II, 1—2, с. 301—302 (с обзором этимологической литературы).
[6] *Čop B.* Etyma balto-slavica. V. — SR 1961/62, XIII, с. 197—199.
[7] *Bezlaj H.* Eseji, с. 143; *Он же.* Stratigrafija Slovanov v luči onomastike. — JФ 1958, XXIII, с. 88.
[8] *Fraenkel*, S. 122—123.
[9] *Miklosich* LP, с. 1131; *Skok* III, с. 738; *Pleteršnik* II, S. 615—616.
[10] *Kott* III, S. 838: без локальных помет.
[11] *Štrekelj K.* Slavische Wortdeutungen. — AfslPh 1905, XXVIII, S. 67—68. Здесь же отвергается принадлежащая Миклошичу реконструкция

В специфически ю.-слав. часть словаря входит и основа ***mъr-siti** в значении 'нарушать пост, есть скоромное': с.-хорв. *mŕsiti*, *mr̂sîm* 'есть мясо', *mr̂s*, *mr̂sa* м. р. 'мясная еда', словен. *mŕsiti* 'нарушать пост употреблением мяса'[12], болг. *мо̀рсе̂м са* 'есть скоромное', *мърсим се* то же, *мъ̀рса* то же, *мръ̀сен* прил. 'скоромное'. Эта же основа известна и в значении 'грязный, нечистый', 'пачкаться': ц.-слав. *мръситисѧ* 'foedari', *мръсьнъ* 'foedus', болг. *мръсен*, *мръсни* 'грязный, нечистый', 'проявляющий бесстыдство, дерзость', *мърсол* 'сопли', с.-хорв. *mrsolj* то же[13]. Специального выделения заслуживает **mъrsiti* с другим рядом значений: с.-хорв. *mŕsiti* 'спутать, запутать; нарушать порядок; приводить в замешательство, сбивать с толку' и 'бросить, изничтожить', словен. *mŕsiti* 'двигать, дрожать, спускать курок', болг. *смърсувам*, *смр̥свам* 'путать пряжу, нитки', *умъ̀рси се* 'смешивать зерно (перед обмолотом)', *мръ̀си* 'смешивать', словарь Югославянской Академии здесь же отмечает и укр. *омерснутися* 'errare'[14]. Естественно, встает вопрос, в каком отношении находятся эти два ряда значений: принадлежат ли они омонимичным основам или явились результатом семантического расщепления единой основы. Скок предполагает единую линию семантического развития в направлении: 'errare, заблуждаться, пачкаться' > 'нарушать пост' > 'бросить, уничтожить' > 'нечто запутанное'[15]. В построении Скока отсутствуют четкие представления об исходной основе, поэтому семантические переходы не получают ясного и определенного обоснования. Поиски этимологии для слав. **mъrsiti* велись в плане сближения с разными основами даже в пределах литовского языка: ср. лит. *smarsas* 'жир' (~ *smirdėti*), *mùrkšlinti* 'пачкать' (~ **smъrkati*), *apmulst* 'perturbare' (~ *pasi-mùldyti* 'заблуждаться'). В числе родственных указывалось и и.-е. **smeru-* 'жир'. На наш взгляд, направление этимологических связей определяет одно очень важное обстоятельство: ю.-слав. **mъrsiti* является не просто нейтральным обозначением определенных запретов, установлений в сфере религиозной жизни, но содержит еще дополнительные оценочные моменты. Нарушение поста воспринималось как осквернение, как духовная и физическая нечистота, грязь, скверна. С некоторой долей уверенности можно предположить, что ю.-слав. **mъrsiti* 'нарушать пост' этимологически тождественно слав. **smьrd-*/**smord-* (ср. рус. *смердеть*,

---

**šempa*, см. *Miklosich*, S. 338. См. еще: *Skok* III, с. 381: принимает идею Младенова о родстве с нем. *Huf*, слав. **kopyto* < и.-е. **k'âpho-* или **k'opho-*.

[12] *Pleteršnik* I, S. 613; RJA VII, 30, с. 78—80.

[13] *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 210; *Божкова З.* Принос към речника на софийския говор. — БД I, с. 255; *Бояджиев Т.* Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — БД VI, с. 58; *Стойков С.* Лексиката на банатския говор. София, 1968, с. 147.

[14] *Божкова З.* Указ. соч., с. 267; *Гълъбов Л.* Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, с. 105; *Младенов М.* Из лексиката на Кюстендилско. — БД VI, с. 144.

[15] *Skok* II, с. 470.

лат. *merda* 'кал, нечистота', греч. μορύσσω 'делать черным, покрывать сажей' [16]) и представляет расширение апофонического варианта *(*s*)*mъrd-* элементом *-s*.

Показательно, несмотря на различие в корневом вокализме, соответствие болг. родоп. *дмарса* 'жир' и лит. *smarsas* то же [17]. Содержание понятия **mъrsiti* формировалось в плане противопоставления тому, что считалось соблюдением поста, это было противопоставление высокой, праведной жизни и жизни низкой, греховной, осуждаемой. Отсюда и оттенок уничижительности, свойственный образованиям со значением 'проявляющий бесстыдство, наглость'. Семантикой исходной основы 'смердеть' определяются и поддерживаются значения 'пачкаться, быть нечистым, оскверняться' и 'скверна' > 'жир' > 'мясо, употребляемое во время поста'.

Трудно понять переход от очерченного выше семантического ряда к обозначению конкретных физических действий — путать (нитки), смешивать (зерно), дрожать, двигать, приводить в замешательство. С.-хорв. *mrsiti* с более удаленным значением 'бросить, изничтожить' в словаре Югославянской Академии (со ссылкой на Стулли) толкуется как производное от *mrsiti* 'путать', т. е. 'спутанное, утратившее целостность и единство' > 'разрушенное, ненужное'. Возможность отношения 'смердеть, вонять' > 'путать; двигать, дрожать' как будто бы не подтверждают типологические параллели, поэтому возникает вопрос, не принадлежат ли эти несводимые значения исторически разным основам?. Ответ, естественно, может быть очень гипотетичным, поскольку вторая основа сохранилась фрагментарно и границы ее сильно размыты. Но ближе всего основе **mъrs-*, передающей движение, слав. **mъrdati*: ср. болг. *мърдам* 'двигать, шевелить', с.-хорв. *mȑdati* 'двигать(ся), шевелить(ся), вертеться, делать ч.-л. неумело, копаться, возиться', словен. *mȓdati* 'двигаться туда-сюда; вилять хвостом; гримасничать', ст.-чеш. *mrdati* 'двигать, шевелить, кивать, вилять', *mrdný* 'ловкий, проворный', рус. олон. *смо́рдать* 'сминать, стирать' [18]. Можно предположить, что и вторая основа **mъrs-* имеет структуру сигматического образования **mъrd-s-*. В семантике слав. **mъrdati* заложены возможности для развития значений 'путать, смешивать' (< 'качать, шевелить, двигать туда-сюда') и 'двигать, дрожать'.

Сложно и не вполне определенно в этимологическом плане ю.-слав. ***šupъ**, ***šuplь**: ср. ц.-слав. *шоупль* прил. 'debilis', болг. *шу́пла* 'по́ра, пустота (в хлебе, сыре)', *шупли́в* 'пористый, ноздреватый', диал. 'червивый', макед. *шуплив* 'полое дерево', 'пустой орех', с.-хорв. *šup* прил. (хрв. по Миклошичу) 'cavus', *šup* ж. р. 'cavitas', *šupína* (Истра) 'vanitas', 'homo stultus', *šúpalj* 'утлый',

---

[16] *Фасмер* III, с. 685, 691.

[17] *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД V, с. 193; *Fraenkel*, S. 841.

[18] *Куркина Л. В.* Этимологические заметки. Праслав. **mъrdati*. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974, с. 215—218.

šupljača (ткач.) 'продырявленная дощечка для укрепления навоя в станке', 'глубокая ложка' (Сплит), словен. *šupelj* 'полый', *šûplja* 'дыра', *šuplják* 'пустой орех', 'гнилой зуб', 'пустая голова'[19]. Г. А. Цыхун сопоставляет с ю.-слав. материалом блр. *шу́пля* 'разбитая скорлупа', 'вареное яйцо с разбитой скорлупой' и видит в этом отражение специфической связи некоторых диалектных зон южно- и восточнославянских языков[20]. Однако блр. *шу́пля* стоит в ином ряду и поэтому должно быть отграничено от ю.-слав. **šupъ*. Вместе с польск. *szupina* 'скорлупа, шелуха', чеш. *szupka*, *szlupka* белорусское слово в конечном счете восходит к нем. *Schuppe*[21]. По-разному подходили к истолкованию ю.-слав. **šupъ*, **šuplь*. Махек допускал соответствие ю.-слав. **šuplь* и сев.-слав. **ščuplь* (ср. рус. *щуплый*, чеш. *štíplý* 'поджарый, стройный, худощавый', словац. *šťuply* 'стройный, худой') и предполагал, что обе основы возникли на основе взаимодействия семантически близких **šut-* и **dupľь* с последующей заменой *d* на *š* (*šuplь) и развитием *šť* из *š + d* (**ščuplъ*)[22]. Выдвигаемое Махеком объяснение сложно и неубедительно с фонетической точки зрения, отсутствует семантическое тождество сближаемых основ. Основа **šupъ*, **šuplь* довольно устойчиво и определенно обнаруживает стержневой семантический признак 'полый, пустой', сев.-слав. **ščuplъ* характеризует иное содержание, которое определяется производностью от гл. **ščupati* (ср. рус. *щупать*), т. е. первоначально 'такой тощий, что можно прощупать кости'[23]. Иное истолкование ю.-слав. **šupъ* дает Скок[24]. Он восстанавливает исходный корень **(s)k'eu-* (греч. κύλα, авест. *sūra* 'яма', арм. *soil* < **keulo* 'полость') и, ориентируясь на вторичное для славянских языков значение 'гнилой', включает сюда же лит. *šiùpti* 'гнить (о дереве)', *sušiùpes* 'гнилой', что едва ли правомерно, так как литовские примеры, по данным словаря Френкеля, вместе с гл. *šìpti* 'ослабевать, терять силы', *šiẽpti* 'скалить зубы' восходят к и.-е. **skeip-* / **kseip-*. В литературе не раз высказывалась мысль о родстве основ **šupъ* и **šutъ* (ср. рус. *шутый* 'безрогий, комолый', болг. *шут* то же, словац. *šutý* и т. д.[25]), и эта идея представляется вполне оправданной. Признание этимологического тождества этих основ предполагает единую интерпретацию на основе и.-е. **kseu-t/p-* (< **kes-*)[26] и выделение общего семантического признака 'пустой, свободный'. Основа *šut-*, выступающая в функции пастушеского термина, сохраняет в отдельных диалектах следы старого, нейтрального

---

[19] *Бернштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. М., 1966, с. 725; *Конески* III, с. 583; *Pleteršnik* III, S. 650—651; *Skok* III, с. 423.
[20] *Цыхун Г. А.* Указ. соч., с. 48.
[21] *Brückner*, с. 558.
[22] *Machek*[2], с. 626.
[23] *Фасмер* IV, с. 510.
[24] *Skok* III, с. 378; *Fraenkel*, S. 980, 986, 993.
[25] *Machek*[2], с. 626; *Skok* III, с. 423.
[26] *Мельничук А. С.* Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков. — В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, с. 213—214.

значения 'пустой, лишенный ч.-л.': ср. болг. родоп. *шу́тница* 'пшеница без ости', 'тихое, безлюдное, пустое место', макед. *шут* 'без кожуры (о зерне)', *шутка* 'початок кукурузы без зерна' (ю.-зап. г-ры) [27]. На вост.-слав. почве возможным продолжением этой основы является рус. диал. *шутем* 'поле под паром', 'луг, находящийся на некотором возвышении' [28].

В словаре ю.-слав. языков находим изолированные лексемы, ограниченные в своем распространении отдельными языками и диалектами. Особенность их составляет отсутствие полных лексико-семантических соответствий в сев.-слав. языках, для них прослеживаются в слав. языках лишь родственные образования. Специфические диалектизмы, требующие этимологического анализа, сложились в разные периоды развития праславянского. Примерами подобных регионализмов являются следующие образования.

Словен. **kópiti** 'резать овцу, барана' и 'беспокоить, озабочивать' (Бела-Крайна) [29] этимологически тождественно слав. **skopiti* (ср. словен. *kopíti* = *skopíti* 'кастрировать', рус. *скопить* то же и т. д.) и восходит к и.-е. *(*s*)*kŏp*- с *s-mobile*. В это этимологическое гнездо входит греч. κόπτω 'бью, разбиваю', лат. *cāpō* 'каплун' и т. д. Семантический переход 'резать' > 'озабочивать, беспокоить' свидетельствуют словен. *krę̂msati* 'рубить тупой секирой' и *kr'msati se* 'раскаиваться, быть печальным',[30] лит. *krim̃sti*, *kremtù* 'грызть, кусать', 'мучить, докучать' < и.-е. *(*s*)*krem*- < *(*s*)*ker*- 'резать' [31].

Словен. **miljâva** 'горящие угли, жар' [32] занимает изолированное положение в словаре и толкуется по-разному: и как возможное видоизменение *muljava* 'пастбище, корм' (Плетершник) и как развитие формы с корневым *ě* [33]. Прояснению словен. *miljâva* помогают архаичные диалектизмы, обнаруженные в отдельных говорах болгарского и белорусского языков: родоп. *смилѐло го̨ йе* безл. 'больно, дерет' и блр. брянск. *засмиле́ть* 'загореться' [34]. Намеченное соответствие, интересное в плане изоглоссных связей, позволяет определенно говорить о корневом (*s*)*mil*-. Поиски дальнейших этимологических связей приводят к и.-е. **smel*- 'медленно гореть, тлеть', которое на славянской почве продолжают две основы **smola* и **smaliti*. Основу **smaliti* с продлением кор-

---

27 *Стойчев Т*. Родопски речник. — БД II, с. 307; И-С, с. 539; *Пеев К*. За македонската дијалектна лексика. — МЈ 1970, XXI, с. 131. Более подробно о функционировании основы *šut*- в нейтральном значении см. в кн.: *Клепикова Г. П*. Славянская пастушеская терминология. М., 1974, с. 74 и след., особенно примеч. 85, 86.

28 *Фасмер* IV, с. 492; Опыт, с. 269.

29 *Šašelj I*. Bisernice iz belokranjskega narodnega zaklada, I. Ljubljana, 1906, c. 271; Narodopisje Slovencev, I. Ljubljana, 1944, c. 174.

30 *Фасмер* III, с. 650; *Pokorny*, S. 930; *Pleteršnik* I, S. 463; *Šašelj I*. Op. cit., c. 266.

31 *Fraenkel*, S. 299.

32 *Pleteršnik* I, S. 582.

33 *Bezlaj F*. Einige slovenische und baltische lexische Paralleln. — Linguistica, 1966—68, VIII/1, c. 66.

34 *Стойчев Т*. Родопски речник. — БД II, с. 269; *Расторгуев*, с. 113.

невого гласного *ō* представляют в.-луж. *smalić* 'жечь', н.-луж. *smališ* 'палить, жечь, коптить', польск. *smalić* то же, укр. *смалити* 'опалять, обжигать, жечь', блр. *смалíть* 'обжигать шерсть на убитом животном; сильно пригревать, припекать'[35]. Слав. **smaliti*, являясь отыменным образованием, может быть понятно как каузатив по отношению к основе, засвидетельствованной, в частности, словен. *malę́ti* 'пылать, гореть'. Именную основу с той же огласовкой корня представляют, возможно, болг. * óмала*, *óмалию* 'зной, жара', *óмалный* 'о погоде'[36]. Основу **smol-* с корневым *о* представляют и некоторые германские формы: флам. *smoel* 'душный, знойный', ср.-англ. *smolder* 'дым'[37]. Другие апофонические варианты и.-е. **smel-* отражают балтийские языки: лит. *smelà* 'смола, вар, деготь', лтш. *smeļi* 'смолистые поленья', с расширителем *-k* лит. *smiłkti* 'тлеть, гореть, дымить', *smilkýti*, *smilkstù* 'курить благовониями'[38]. Приведенные славянские примеры свидетельствуют о частичном отражении диалектами основы **smil-* с продлением ступени редукции в корне. Продолжением той же основы **smil-* можно считать название растения с желтым цветком, растущего на песчаных почвах, разновидность Helichrysum: ср. макед. *смил*, с.-хорв. *smȋlj*, словен. *smiljka*, укр. *чмил*, *чмел*. С той же основой и некоторые топонимические названия: макед. *смил* 'желтая земля', *смилица*, название места с желтой землей, с.-хорв. *Smiļevac*, топ. в Боснии и название пашни в Хорватии, *Smiļevo*, село в старой Сербии и т. п.[39] Семантически близкое явление представляет лит. *smė̃lys* 'песок', *smėlýnas* 'песчаная почва', лтш. *smẽlis* 'чистый песок'[40].

Болг. **ошчер**, *дштур*, *дщур* отмечено во многих диалектах в значении 'род, корень, происхождение'[41]. По всей видимости, болгарский диалектизм родствен слав. **pra-sk(j)urъ* 'прапрадед, родоначальник': ст.-слав. прашчоуръ 'pronepotis filius', праштоуръ то же, др.-рус. *пращуръ*, *прашюръ* 'прапрадед, праправнук', др.-польск. *praskurzę*, *praszczur* 'праправнук'. В исследовании, посвященном славянским терминам родства, О. Н. Трубачев восстанавливает для **skjur-* исходное значение 'прапрадед, прародитель' и сближает эту основу с лит. *prakurė̃jas* 'прародитель', родств. *kùrti*, *kuriù* 'основывать, строить', далее греч. κῦρος 'сила, власть' и т. п. < и.-е. **skour-* / **skeur-*[42].

---

[35] *Фасмер* III, с. 684, 690.
[36] *Pleteršnik* I, S. 545; *Геров* II, с. 360.
[37] *Pokorny* I, S. 969.
[38] *Fraenkel*, S. 846.
[39] *Skok* III, с. 292; RJA XV, 66, с. 721; *Конески* III, с. 245; *Каровски Л.* Зборови от Тиквешко. — MJ 1951, III, 3—4, с. 92.
[40] *Fraenkel*, S. 843.
[41] *Гълъбов Л.* Указ. соч., с. 97; *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 97, 227; *Китипов П.* Речник на говора на с. Енина, Казанлъшко. — БД V, с. 133; *Хитов Хр.* Речник на говора на с. Радовене, Врачанско. — БД IX, с. 293; *Кепов Ив.* Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко. — СБНУ XLII, с. 271.
[42] *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства. М., 1959, с. 72—73; *Фасмер* III, с. 356.

С.-хорв. ošćela отмечено Вуком и Стулли в значении 'щепка, стружка' [43]. В словаре Югославенской Академии высказывается предположение о возможности заимствования итал. *astella* или *asticella*, ум. от *asta* 'рукоятка', но при этом отмечаются трудности семантического порядка. Эта точка зрения нашла отражение в словаре Скока. Между тем с.-хорв. *ošćela* может получить вполне удовлетворительное объяснение на славянской почве как отражение основы **skel-* 'колоть, расщеплять' с префиксом *ob-*. Славянские образования с корнем **skel-* довольно широко отражают семантический переход 'расщеплять, колоть' > 'щепка стружка', ср. словац. *štelina* 'щепка', словен. *skala*, *škala* 'лучина', кашуб. *skål* м. р. 'палка', ср. еще лит. *skalà* 'древесная щепка' [44].

Болг. шикълкъ 'округлый нарост на дубовых листьях', *шикалка* то же и 'помет овцы, козы', 'шишка еловая', сосновая', 'початок кукурузы', *шикла* 'семя в еловой шишке' [45]. Младенов, пытаясь наметить родственные связи, сближает это не вполне ясное слово с болг. *шишарка* и предположительно выделяет корень *ши-* [46], что само по себе еще не раскрывает структуру болгарского слова и исходную для него основу. Совершенно очевидно, ключевым моментом, определяющим истолкование болг. *шикълкъ*, является понимание его структуры, определение характера составляющих его морфем. На наш взгляд, болг. *шикълкъ* имеет одну интересную особенность, которая определяет принадлежность этого слова к древнему типу образований с архаичными приставками *ko-*, *šče-*, *še-*. Славянские языки сохраняют немало образований такого рода с различными приставками, уже окаменевшими, выделение которых возможно лишь с помощью этимологического анализа: ср. рус. диал. *сковоронок* и *щевронок* 'жаворонок' [47], *ши-жгаль* 'промотавшийся бедняк', родств. *жечь*, *ши-верзить* 'мешать другим' [48], блр. *шы-гыльня* 'мелкие сучья' (ср. *голлё* 'сучья'), укр. *ши-гбл́ля* 'тонкие ветки, молодые побеги' [49] и т. д. Болг. *шикълкъ*, являясь отражением такого типа образований, представляет собой сочетание архаичного элемента *ши-* с корневой морфемой *кълк-*, этимологически тождественной в.-луж. *kulka* 'щиколотка' [50], болг. *клъка* 'бедро', диал. 'холм', родоп. *кǒлка* 'кривая печная труба', 'поворот дороги' [51]. Праслав. **kъlk-* далее продолжают рус. диал. *колк* 'костяной комель под рогом

---

[43] RJA IX, 40, с. 318; *Skok* I, с. 761 (s. v. jȁšlja).
[44] *Machek*[1], с. 512; *Bezlaj F.* Eseji, с. 127; *Sychta* V, с. 47.
[45] *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 305; V, с. 219; *Младенов М.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 194; *Ралев Л.* Говорът на с. Войнягово, Карловско. — БД VIII, с. 183.
[46] *Младенов*, с. 693.
[47] *Фасмер* IV, с. 497.
[48] Опыт, с. 265; Доп. к Опыту, с. 306.
[49] *Расторгуев*, с. 292; *Гринченко* IV, с. 494.
[50] *Шустер-Шевц Г.* Из славянского этимологического словаря. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971, с. 474 и далее.
[51] БТР; *Григорян Э. А.* Словарь географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975, с. 108.

коровы или быка' [52], словен. *kȍłk* 'бедро', диал. 'выступ скалы, вершина горы', *kólkovina* 'плохая пряжа с очесами' [53], словац. диал. *klki* то же [54]. В связи с болг. *шикълкъ* заслуживают самого серьезного внимания рус. диал. *шиковка* (**ši-kъlka*) 'шишка на теле человека', 'бугор, неровность на дороге, ухаб' [55] и диал. *щиколка* 'щиколотка' с иным префиксальным элементом *šči-*. В словарях Даля и Фасмера рус. *щиколка* подается как синонимичное и этимологически тождественное рус. *щиколотка*. Неявно, но вполне определенно у обоих авторов присутствует мысль о вторичном характере слова *щиколка* по отношению к основному и изначальному *щиколотка* [56]. В поисках этимологического решения авторы, как правило, исходят из представлений о сложной структуре слова и видят в нем соединение двух основ, сильно затемненное фонетическими преобразованиями. Не совсем определенно выделяемая первая часть сложения сближается с лат. *ciccum* 'кожура граната; ничто', которое, однако, считается не исконным, а заимствованием из греческого, а вторая часть отождествляется с рус. *лодыжка*. Обозревая известные этимологии слова *щиколотка* и соответственно *щиколка*, Фасмер справедливо признает их сомнительными и недостоверными. Между тем указанная словообразовательная модель позволяет иначе подойти к истолкованию слов *щиколка* и *щиколотка* и видеть в них не фонетическое преобразование, а скорее разные основы. Причем права исконного, изначального образования принадлежат слову *щиколка*. По отношению к нему слово *щиколотка* вторично и сложилось, возможно, не без влияния таких слов, как *колода*, *колодка* (ср. рус. диал. *колодка* 'плоский холодный желвак на ногах, над волосенью, у лошадей' [57]). Рус. *щиколка*, как и болг. *щикълкъ*, продолжает древнюю основу **кълк-* с первоначальным значением 'утолщение, выступ'. Соответствующие образования в других и.-е. языках также выступают в функции своеобразного анатомического термина: ср. лат. *calx* 'пятка', *calcar* 'шпора', лит. *kulkšìs*, *kulkšnìs* 'лодыжка, щиколотка', 'сустав, сгиб' [58].

Макед. **шќебав** 'слабый' и родственное ему *шкобав*, *шкоблест* 'плохой, худой, тощий', болг. *сшкобава* 'сморщиваться' [59] принадлежат этимологическому гнезду с корнем **ščeb-/*skoba* (ср. рус. диал. *щебло* 'сосновая лучина, щепка', *щебень* 'мелкий камень', *щебель* 'щебень', псков., твер.) [60]. В кругу продолжений

---

[52] *Фасмер* II, с. 291—292.
[53] *Pleteršnik* I, S. 424.
[54] *Palkovič*. Oravský idiotikon Ctibora Zocha. — Slavica Slovaca, 1961, ročn. 2, 1, с. 75.
[55] *Иванова*. Подмоск., с. 545.
[56] *Даль²* IV, с. 657; *Фасмер* IV, с. 507.
[57] *Даль²* II, с. 139.
[58] *Pokorny* I, S. 928.
[59] *Конески* III, с. 571; *Тасевски J*. Зборови от тетовскиот говор. — MJ 1952, III, 10, с. 246; *Кепов Ив*. Указ. соч., с. 279.
[60] *Фасмер* IV, с. 496—497; Доп. к Опыту, с. 310.

слав. **šćeb-* македонские примеры обнаруживают признаки семантически производных образований ('скоблить, расщеплять' > 'становиться мелким, дробным, плохим' > 'плохой, слабый'), семантически близко им лит. *skeberdėti* 'расщеплять', 'приходить в упадок, становиться жалким, бедным' [61].

С.-хорв. **škȓge** 'жабры' относится к числу узко локальных образований, соответствующее слово не засвидетельствовано в восточной части ю.-слав. языков, а в словенский проникло путем заимствования [62]. Скок производит с.-хорв. *škȓge* вместе с синонимичным ему *krelje* из и.-е. **(s)ker-* 'резать' с расширителем *-g*. Сербохорватский диалектизм представляет, таким образом, лексикализацию старой славянской основы **(s)kъrga*, известной в значении 'кривой, изогнутый' (ср. рус. *корга* 'кривое дерево, дуга', с.-хорв. *kȑga* 'виноградная лоза' и т. п.[63]). По всей видимости, в основу этого обозначения положен отличительный признак органов дыхания рыб — зубчатая, изогнутая форма. Косвенным подтверждением тому служат словен. сложения *kitoškŕga* 'Meerzähne, Zahnröhrer' [64]. Интересно, что и слав. **žabra*, этимологические истоки которого остаются не вполне ясными, совмещает значения 'орган дыхания рыб' и 'изогнутое, зазубрина': ср. рус. урал. *жáбрина* 'зазубрина на вилке, остроге и на крючке уды', *жабра*, *зебра* 'зазубрина', *жаберка*, *жаберцы* мн. 'зазубрина, насечка на удочке' [65].

Словен. **snúditi se** = *smukati se* 'шмыгать, сновать', ср. povsod se okoli nas *snudi* (долина Савы)[66], ближе всего стоит лит. *snaudulioti*, *-snáusti* 'дремать, спать; медлить, колебаться' *snaudà* 'дремота, медлительность', лтш. *snaũda* то же[67]. Допустимо предположить общую для них и.-е. основу **sneu-* 'мотать, сновать', расширенную элементом *-d*. Сходную структуру имеет, видимо, кашуб. *snukać* 'тянуть, вытягивать нить'[68]. В известном смысле подтверждением взаимосвязи значений 'сновать' > 'дремать' служит слав. **klemati* / **klimati*, продолжения которого обнаруживают значения 'быть неустойчивым' и 'дремать': ср. макед. *клима* 'качать головой, кивать' и чеш. *klímati* > **klemati* 'дремать'[69].

Словен. **vada** 'длинный невод с двумя крыльями, нижний край утяжелен свинцом, верхний обтянут пробковой корой' не имеет ничего общего с нем. *waten*[70], вероятнее всего соотносительно с гл. **vesti*, **voditi* и родственно слав. **nevodъ*. Ближайшие соответствия дают балтийские языки: лит. *vãdas*, *vadai* 'сеть',

---

61 *Fraenkel*, S. 799.
62 *Skok* III, с. 402; *Pleteršnik* II, S. 497.
63 *Фасмер* II, с. 323—324, 326.
64 *Pleteršnik* I, S. 399.
65 *Даль*² I, с. 524; Доп. к Опыту, с. 47.
66 *Pleteršnik* II, S. 527.
67 *Fraenkel*, S. 852.
68 *Sychta* V, S. 115.
69 И-С, с. 215; *Machek*², с. 257.
70 *Pintar L.* Slovarski in besedoslovni paberki. — LMS 1898, с. 181.

лтш. *vads* 'большой невод, крыло невода', лит. *vedė̃ja* 'рыболовная сеть, которую обслуживают два человека'[71].

Словен. **vẹ̑gati** 'колебать, качать', *vẹ̑g* 'кривой, изогнутый', *izvẹ̑žiti* 'деформировать'[72] вместе с болг. диал. *вѐгаф*, *-ва* 'кривой' *в'ѐгаф* 'косой'[73] (< **vẽg-*) входят в круг продолжений и.-е. **(s)weig-*: ср. лит. *vìglas* 'живой, подвижный, ловкий, проворный', др.-инд. *vēgas* 'быстрое движение', авест. *vaēg-* 'качаться', др.-в.-нем. *wīhhan* и т. д.[74] С другой ступенью корневого вокализма словен. *viga* 'углубление между скалами', *svihke* мн. ч. 'тиски, давление'[75].

Словен. **vẹ̑zniti** 'опрокинуть', в сочетании с приставками *povêzniti* (*skledo*) 'опрокинуть, поставить вверх дном', *podvêzniti* rake, djati jih pod *povêznjeno* posodo, da se razlêzejo.[76] О. Н. Трубачев обратил мое внимание на близкие этимологические соответствия в балтийских языках: лит. *vóžti* 'покрывать крышкой', лтш. *vâzt* то же и особенно лит. *pavožti* (ср. словен. *povêzniti*) 'переворачивать, опрокидывать, ставить ч.-л. под опрокинутую посуду'[77]. Общая семантическая продвинутость по отношению к исходному 'везти' предполагает утрату промежуточных звеньев 'двигать > 'надвигать' > 'покрывать крышкой', 'покрывать' > 'опрокидывать'. В балтийских языках имела место лексикализация основы с корневым *o* < **ā*. Труднее решить вопрос об исходном корневом вокализме словен. *vẹ́zniti* В словаре Плетершника более или менее последовательно графическим знаком *ẹ́* передается гласный, исторически соответствующий *ě*, хотя встречаются и отступления. Можно думать, что именно лексикализация словен. *vẹ́zniti* с последующим отрывом от этимологического гнезда с гл. **vezti* привела к сближению с основами другого ряда — *vẹ́gati*, *vẹ̑g*.

* * *

Узкие регионализмы, известные лишь отдельным ю.-слав. языкам и диалектам, включают образования с архаичными приставками **ko-*, **pa-*: ср. словен. *pamolje* 'спицы в мельничном колесе' (~ **melti*), *pákelj* 'крюк, согнутый палец' (~ **kъlъ*, ср. рус. *клык*), *parez* 'кол', *škomŕdati* = *mrdati* 'идти шатаясь' и *škomŕditi se* 'морщить лоб' (~ **mъrdati*)[78], с.-хорв. *пàлок*, *на палоку* 'на руках', *komèšati se* 'двигаться, суетиться, шевелиться' (~ **ko-měšati*), *kȍmračiti* 'прозябать, влачить жалкое существование' (~ **ko-mor-*

---

[71] *Фасмер* III, с. 55; *Fraenkel*, S. 1177, 1211.
[72] *Pleteršnik* II, S. 754.
[73] *Шклифов Б.* Речник на костурския говор. — БД VIII, с. 215; *Стойчев Т.* Родопски речник. — БД II, с. 135.
[74] *Pokorny* I, S. 1130; *Fraenkel*, S. 1248.
[75] *Pleteršnik* II, S. 616; *Bezlaj F.* Eseji, c. 124.
[76] *Pleteršnik* II, S. 754; *Miklosich*, S. 389.
[77] *Niedermann — Senn — Salys — Brender* III, S. 713; *Fraenkel*, S. 1275.
[78] *Pleteršnik* II, S. 4, 9, 632.

čiti), *kovitlati* 'сильно вертеть'[79], макед. *ќавлак*, *ќавлаци* 'шкура овцы'[80] и т. д.

Многие специфические лексико-семантические диалектизмы, охватывающие всю ю.-слав. область или отдельные диалекты, построены по славянским словообразовательным моделям и имеют прозрачную структуру:

**snutъkъ*: с.-хорв. *snutak* 'основа (текст.)', словен. *snûtek* то же (< **snuti*, **snovǫ*)[81];

**sǫžьn-*: ц.-слав. *сѫжьница* 'captiva', *сѫжьнь* 'captivus', болг. *съжни*, с.-хорв. *sȕžanj* то же, словен. *suženj* < с.-хорв.[82];

**sъ-logъ*, соотносительное с **ležati*, *-*logъ*: с.-хорв. *сло̏г*, *сло́га* 'гряда', словен. *slòg*, *slǫ́ga* то же (ср. *slog* je večji od ogona, ima več ko šest brazd), болг. *слог* 'межа', диал. *слок* 'накопанная земля или естественное возвышение, которое служит границей между полями'[83];

**pъlža* (~ **pelzti*) в качестве географического термина: с.-хорв. *puža* и словен. *pólza* 'крутая тропа'[84];

**po-tъka*: с.-хорв. *по̏тка* 'межевой кол', болг. *по̀тка* 'пограничный знак', 'ров на границе между полями'[85];

**trop-* (~ **trepati*): с.-хорв. *trȍp* = *trôp* 'выжимки', *tròpine* то же, словен. *tropína* то же[86];

**sъ-tiska*: с.-хорв. *сти̑сак* 'сжатый кулак', болг. *стиска* 'охапка, горсть', макед. *стиска* то же[87];

**za-strugъ*: болг. *за̀струг*, *заструзи* 'деревянная посуда с крышкой (для соли)', с.-хорв. *заструг* то же[88];

**za-tъka*: болг. *затка* 'затычка, втулка, пробка', словен. *zátka* то же[89].

Достаточно выразительно характеризуют отдельные ю.-слав. диалекты изолированные образования, представляющие собой лексикализацию семантического или словообразовательного акта: ср. словен. *pláža* 'сорняк' (< **polža* ~ **pъlzati*), *klâja* 'корм для скота' (< **kladja* ~ **klasti*), *viva* 'розга', *viba* 'спираль', *vinek*, *ovinek* 'поворот дороги' (~ **viti*), *skopec* 'ловушка, капкан' (< **skopiti* 'кастрировать', при общеслав. **skopьcь* 'кастрат')[90]; болг. *струнка* 'решето' (< **struna*), *по̀влака*, *повлекло̀* 'род, происхож-

---

[79] *Skok* II, c. 133, 135, 594.
[80] Зборови от к'урчискиот занает. Св. Николско. — MJ II, 7, 1951, c. 166.
[81] RJA XV, c. 863; *Pleteršnik* II, S. 527.
[82] *Skok* III, c. 367.
[83] *Караџић*, c. 714; *Pleteršnik* II, S. 512; БТР; *Божкова З.* Указ. соч. 267; *Гълъбов Л.* Указ. соч., с. 105; *Младенов М.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, c. 167 и др.
[84] RJA XII, c. 812; *Pleteršnik* II, S. 136.
[85] *Караџић*, c. 571; *Гълъбов Л.* Указ. соч., с. 99; *Младенов М.* Из лексиката на Кюстендилско. — БД VI, c. 147.
[86] *Skok* III, c. 506; *Pleteršnik* II, S. 696.
[87] И-С, c. 484; *Караџић*, c. 739; *Геров* V, c. 258.
[88] БТР; *Толстой*[2], c. 224.
[89] *Геров* II, c. 128.
[90] *Pleteršnik* I, S. 400; II, S. 54, 770, 773, 493.

дение', *свитка* 'искра' (~ **viti*)[91]; с.-хорв. *sûj*, *súja* 'борозда' (~ **sujǫ*, *sovati*)[92] и т. д.

На ю.-слав. территории, являющейся периферией по отношению к центру, отмечено немало семантических архаизмов: ср. **bergъ* 'холм', **bystrъ* 'жидкий', **dělati* 'резать по дереву', **xorna* 'пища' и т. д.[93] Вместе с тем ю.-слав. диалекты отражают и более продвинутое семантическое состояние слав. основ. Так, во всей ю.-слав. области основа **sъtek-* / **sъtok-* развивает значение 'сердитый, злой': болг. гевгел. *стêкай се* 'сердиться, бесноваться'[94], словен., хорв.-кайк. *stękel* 'бешеный, неистовый', словен. *natek* 'надоедливый человек', 'зло, вред', *stòk*, *stǫ́ka* 'бешенство (у собак)' (ср. чеш. *vzteklina* 'бешенство')[95]. В болгаро-македонской области новое семантическое наполнение получает гл. **klopiti* 'закрывать': ср. макед. *заклопéно време* 'облачное время', болг. *склопи се*, *приклàпа се* 3 л. 'темнеет, становится облачно', род. *клепàлно врêме* 'предсумрачное время'[96]. Вполне очевидна семантическая производность таких образований, как болг. *рои* мн. ч. 'взъерошенные волосы' (~ **rojiti*), *сток* 'копна, кладка снопов' (при общеслав. **sъtokъ* 'место соединения рек')[97], словен. *kvapa* 'грязь, нечистота' (при сев.-слав. **kvapiti* 'спешить')[98], *sûček* 'водоворот', гидр. *sukavec* (~ **sukati*)[99], *práha* 'вылет пчелы в брачную пору' (< **porxa*)[100] и т. п. К семантическим новообразованиям западной части ю.-слав. языков следует отнести с.-хорв. *смучке* 'лыжи', словен. *smûče* мн. ч. то же и *kosmûče* мн. ч. 'сани' (~ **smukati*)[101]. Трудно со всей определенностью сказать, в какое время сложились эти диалектизмы, довольно ясно реализующие семантические возможности исходных для них древних славянских основ. Не исключено, что истоки семантического обособления некоторых основ (ср. словен. *skopec*, *sûček*) восходят к поздней эпохе диалектного развития праславянского языка.

---

[91] *Младенов*, с. 613; *Гълъбов Л*. Указ. соч., с. 98, 104.
[92] RJA XVI, с. 918.
[93] *Мартынов В. В*. Семантические архаизмы на ю.-слав. языковой периферии. — В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977, с. 180—185.
[94] *Милетић Л*. Към особенностите на гевгелийския говор. — МПр VIII, 2, 1932, с. 69.
[95] *Skok* III, с. 450; *Pleteršnik* I, S. 673; II, S. 578; *Jarnik U*. Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich nach verläßlichen Quellen. Klagenfurt, 1832, S. 112; *Gavazzi M*. Zapadno-panonski slavenski pojas u davnini. — Etnografia Polska 1960, III, с. 159—170.
[96] *Брдарски Д*. Зборови от Светиниколско. — MJ IV, 1, 1953, с. 22; *Младенов М*. Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 166; *Божкова З*. Указ. соч., с. 263; *Стойчев Т*. Родопски речник. — БД II, с. 187.
[97] *Китипов П*. Указ. соч., с. 137; *Младенов М*. Из лексиката на Кюстендилско. — БД VI, с. 148.
[98] *Pleteršnik* I, S. 492; *Sławski* III, с. 458—460.
[99] *Pleteršnik* II, S. 598; *Bezlaj F*. Slovenska vodna imena, II. Ljubljana, 1961, с. 234.
[100] *Pleteršnik* II, S. 209.
[101] *Толстой*², с. 691; *Pleteršnik* II, S. 524; *Pintar L*. Op. cit., с. 266.

Приведенным материалом, естественно, не исчерпываются праславянские лексические диалектизмы ю.-слав. языков. Предлагаемые нами наблюдения носят скорее предварительный характер и призваны расширить и дополнить уже полученные результаты в этой области исследований (ср. работы И. Поповича, Ф. Безлая). Только широкое и всестороннее изучение славянской лексики может дать надежную основу для реконструкции лингвистической карты праславянского языка.

Ж. Ж. Варбот

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ
(**opoka; *nadovьsь* и **nadovьsьnь; *žęželʼь; *kobica, *zakobenь* и др.; **xorošьjь* и **xorxoriti sę*)

**opoka*

Праславянская лексема **opoka* (такая реконструкция бесспорна во всяком случае для позднепраславянского периода) имеет продолжения почти во всех славянских языках: ст.-слав. опока ʻскала, каменьʼ, словен. *opôka* ʻвид известнякаʼ, ст.-чеш. *opoka* ʻскала, каменьʼ, чеш., словац. *opuka* ʻвид известнякаʼ, польск. *opoka* ʻскала, каменьʼ, кашуб. *opoka* то же, а также ʻтолстая женщинаʼ, рус., укр. *опока* ʻвид известняка, мергельʼ, ʻрама для литейной формыʼ, блр. *апока* то же. Возможно, наличие значения ʻрама для литейной формыʼ явилось поводом для разработки этимологического толкования слова **opoka* как производного от **pekti*, т. е. **obpoka*, с первичным значением ʻкаменный очагʼ [1]. От этой этимологии и сейчас еще не отказались, хотя уже Преображенский выразил сомнение в ее семантической обоснованности [2]. Махек в развитии своей версии опирался на чешско-словацкую форму слова — *opuka* — как на древнейшую. Поскольку известняк легко выветривается, трескается, крошится, Махек связал *opuka* с **pukati* ʻтрескатьсяʼ, а форму с *o* (**opoka*) объяснил позднейшей ассимиляцией гласных [3]. Последняя по времени и, кажется, наиболее приемлемая из предложенных этимология принадлежит А. Е. Супруну. Принимая семантическую мотивировку названия известняка, предполагаемую Махеком, Супрун считает, однако, **opoka* древней формой, связанной по происхождению с **pok-* ʻтрескаться, раскалываться, расщеплятьсяʼ, являющимся

---

[1] *Miklosich*, S. 235; *Berneker* — IF B. 9, S. 364.

[2] *Преображенский* I, с. 653.

[3] *Machek*[2], с. 416.

изначальным вариантом *puk- того же значения [4]. Это толкование также означает реконструкцию раннепраславянского *obpoka.

Хотя последняя этимологическая версия для *opoka, как уже было отмечено выше, представляется достаточно вероятной, следует, кажется, учитывать еще одно возможное направление этимологической ориентации этого слова. Это направление определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, частота появления в рефлексах праслав. *opoka значения 'вид известняка' побуждает сопоставить эту лексему со славянским названием извести *apъno/-*varъno и отождествить их корни, членя *opoka как *op-ok-a. В *apъno/*varъno предполагается корень *ap-/*vap-, восходящий к индоевропейским названиям воды — *ăp- и *up-, так что в слав. *ap- признается отражение и.-е. *āp-, а в слав. *vap- — контаминация обоих рядов [5]. Сближая *opoka с *apъno, можно принять для *opoka в качестве источника и.-е. *ăp-. Таким образом, *opoka оказывается непосредственно родственным группе др.-инд. ăp- 'вода', хетт. ḫappa 'вода' и прус. ape 'ручей, речушка' [6].

Вторым лингвистическим аргументом (после сближения с *apъno/*varъno) в пользу выделения в *opoka корня *op- < и.-е. *ăp- 'вода' является специфическое значение opoka в кашубском языке: наряду со значением 'скала, камень', здесь фиксируется значение 'болото, торфяник, преимущественно у моря' [7]. Если учесть ст.-слав. вапа 'озеро, болото', с которым Брюкнер связывал польск. wapno 'известь' [8], то становится очевидной устойчивость, регулярность связи названий извести и болота (воды?) в славянской лексике. Брюкнер видел в связи ст.-слав. вапа 'озеро, болото' и польск. wapno 'известь' один из случаев обозначения болота по цвету (ср. др.-рус. вапьно 'известь', но вапь 'краска'). Однако такова ли диахроническая сущность этих отношений? Очевидно, следует обратиться к экстралингвистическому плану, что помогает обнаружить еще один, третий аргумент в пользу возведения слав. *opoka к гнезду и.-е. *ăp- 'вода'. Набор значений в известных продолжениях праслав. *opoka таков, что ничто не препятствует принятию в качестве древнейшего именно значения 'вид известняка' ('опока' в собственно геологическом значении): отсюда логичен переход к обозначению скалы, камня и т. д. Известняк же (как и мергель, и опока) является одной из осадочных горных пород, образование которых тесно связано с разрушением более ранних пород в результате деятель-

---

[4] См.: ЭСБМ I, с. 128—129. Там же прослеживается семантическое развитие *opoka: 'скала' > 'камень', > 'тяжелый камень' > 'тяжелый предмет' и далее 'лежебока' (ср. блр. апо́ка 'тяжелый предмет, напр. бревно', апо́чына 'полено, которое плохо колется', апока 'лежебока, лодырь', а также кашуб. opoka 'толстая женщина').

[5] ЭССЯ 1, с. 72.

[6] См. об этой группе: *Pokorny* I, S. 51; *Топоров*. Прус. яз. A—D, с. 97—98. В последней работе подчеркивается «отсутствие корня, соответствующего прусск. *ape* (как и вост. балт. *upe*) в слав.» (с. 97).

[7] *Lorentz*. Pomor. III, 1, S. 721 (*u̯opᵘóka*); *Sychta* III, c. 326.

[8] *Brückner*, c. 601.

ности ветра и воды. Поэтому осадочные породы обычно обнаруживаются на склонах возвышенностей, в долинах рек, в бассейнах морей и озер. Представляется достаточно вероятным, что в названии подобной породы был использован корень с первичным значением 'вода'. Тогда, следовательно, диахроническая связь значений 'болото' и 'известняк' в *opoka и *vapь(no) имеет направление, обратное предполагаемому Брюкнером, а именно: 'болото' (*'вода') → 'известняк', так что 'известняк' собственно этимологически *'(находящийся) у воды', '(связанный) с водой'.

Итак, в слав, *opoka можно видеть образование с корнем *op-* < и.-е. *ăp-*. Этот корень соединен с суф. *-oka*. Суф. *-oka* в славянской лексике редок: его предполагают лишь для *osoka* [9]. Но зато достаточно распространены образования с генетически тождественным суф. *-okъ*: ср. *ĕdokъ*, *vĕdokъ*, в том числе отыменные: **inokъ*, **blizokъ*, **berzokъ* и нек. др.[10] Впрочем, **blizokъ* имеет парное соответствие в *-ā*-основах — **blizoka* (др.-рус. *близока* 'свойственница') [11].

Менее вероятно участие в образовании слав. **opoka* суф. *-ok-*, генетически тождественного **oko* 'глаз' и образовавшего прилагательные типа **vys-okъ* со значением *'имеющий вид . . .'.

Предлагаемое этимологическое толкование слав. **opoka* означает признание данной реконструкции не только для поздне-, но также и для раннепраславянского периода.

Появление *u* во втором слоге чеш., словац. *opuka* является в таком случае следствием контаминации (или народной этимологии) с глаг. **pukati*.

О. Н. Трубачев обратил мое внимание на гидронимы *Апака*, *Апажа*, которые толкуются как заимствования из иран. **āpaka-* (от **āp-* 'вода') [12]. Эти гидронимы, восходящие к тому же индоевропейскому корню, который предполагается выше для слав. **opoka*, примечательны еще своим суффиксом, сходным с суффиксом славянского слова. Однако **opoka* отличается от гидронимов своим начальным (корневым) гласным. Поэтому нет оснований видеть в **opoka* такой же иранизм. Речь может идти, вероятно, об образовании слав. **opoka* в период тесных контактов праславянского и иранских языков, что отразилось в общности структур слав. **opoka* и иран. **āpaka-*.

*nadovьsь и *nadovьsьnь

В верхнелужицкой лексике есть интересное образование — *nadows*, род. ед. *-y* ж. р. 'деревенский луг, выпас', которое Пфуль охарактеризовал (очевидно, правильно) как производное от *wjes*

---

[9] Słownik prasłowiański I, с. 92.
[10] Там же.
[11] ЭССЯ 2, с. 120—121.
[12] *Топоров В. Н.*, *Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 222.

'деревня' [13]. Есть и прилагательное, производное от *nadows*, — *nadowsny* 'находящийся на деревенском лугу, на выпасе'. Структура имени *nadows* отличается скоплением приставок: *na-* + *do-*, что, впрочем, представлено в верхнелужицкой лексике и другими образованиями: ср. *nadobyć* 'приобретать, получать, прибывать', *nadobytk* 'прибыль, выгода', *nadostać* 'получать в большом количестве'.

Наличие чеш. *náves* 'деревенская площадь' позволяет, по мнению О. Н. Трубачева, видеть в *nado-* верхнелужицкой лексемы префикс *nadъ*, как развитие первичного *na-*. Однако в качестве префиксального развития *na-* выступает, как правило, *nade-*, а не *nado-* [14]. Затруднительно было бы объяснить вокализацию *nadъ* > *nado-* в верхнелужицком.

В.-луж. *nadows* с его достаточно прозрачной структурой и семантикой может быть ключом к этимологизации некоторых восточнославянских лексем. Прежде всего, это блр. *надо́вень* 'участок поля возле деревни' [15]. Значение, очевидно, очень близко к значению в.-луж. *nadows*. Частично совпадает и структура. Поэтому можно думать, что белорусская лексема родственна лужицкой, хотя и отличается, вероятно, последним компонентом основы: блр. *надовень* восходит к **na-do-vъsь-nь*, т. е. структурно максимально близко к в.-луж. *nadowsny*. Возможно даже, что **na-do-vъsь-nь* представляет собою субстантивацию прилагательного, к которому восходит в.-луж. *nadowsny*. Фонетические преобразования формы **nadovъsьnь*, приведшие к блр. *надовень*, заключались, очевидно, в явлениях падения редуцированных и изменении возникшего в результате этих явлений сочетания *sn* в заударном слоге в *n*. Правда, это изменение весьма необычно. Что касается скопления префиксов, предполагаемого в слове, то и для белорусского языка это допустимо: ср. *надо́зарку* 'вслед, следом' [16].

Другая восточнославянская лексема еще более близка к верхнелужицкой по структуре, но отлична по значению: это рус. брян. *надо́весь* 'недавно' (*Надовесь* ён свадьбу гуляў) [17], смол. *надовись* 'позавчера', 'третьего дня' [18]. Но так ли велико в действительности различие значений 'деревенский луг, выпас' (в.-луж. *nadows*) и 'недавно' (рус. *надовесь*, *надовись*)? Судя по семантике блр. *надовень* 'участок поля возле деревни' и по словообразовательной связи в.-луж. *nadows* с *wjes* 'деревня', в значении 'деревенский луг, выпас' стержневым, определяющим был момент пространственной близости к деревне. В значе-

---

[13] *Pfuhl*, S. 394.

[14] См.: Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule. Sest. F. Kopečný. Praha, 1973, с. 127.

[15] *Яшкін*, с. 119.

[16] *Шаталава Л. Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975, с. 109.

[17] *Расторгуев*, с. 165.

[18] Картотека СРНГ.

нии же 'недавно' очевидна определяющая роль близости темпоральной. Связь пространственных и темпоральных значений и нередко их совместимость в родственных лексемах может быть проиллюстрирована материалом различной диахронической глубины: ср. рус. *даве* 'недавно', словен. *dáve* то же, н.-луж. *daẃe* 'прежде, недавно, давно' и др.-инд. *dávīya-* (сравн. степ. от *dūra-* 'далекий, дальний'), хетт. *tuwa* 'вдали', *tuwaz(a)* 'издали'; рус. *близкий* 'недалекий в пространстве' и 'недалекий во времени'; *далекий край* и *далекое прошлое*; *около города* и *около семи часов*; *покамест*. Следовательно, для рус. *надовесь*, *надовись* можно предполагать развитие значения 'недавно' на базе первичного 'близко (от деревни)'.

Предложенная гипотеза относительно родства в.-луж. *nadows*, *nadowsny* с блр. *надовень* и рус. *надовесь* имеет своим логическим следствием признание праславянской древности образований **nadovьsь* и **nadovьsьnь*.

**žęžel'ь*

В этимологические статьи, посвященные праслав. **žьzlъ*, неоднократно вплетался семантически близкий материал, не совместимый, однако, с **žьzlъ* по вокализму. Это прежде всего с.-хорв. *žéželj* = *žēžēlj* 'палка, к которой пастухи привязывают своих собак', включенное Фасмером в статью *жезл*[19], и ст.-слав. ЖАЖЬЛЬ 'collare'. Уже Миклошич обособил, однако, эти лексемы от **žьzlъ*, поместив их в своем словаре под заглавным **žęžьlь*[20]. Брюкнер присоединил к ним польск. *zązel* 'сворка', истолковав его как результат преобразования (вследствие мазурения) формы **żążel*, Брюкнер реконструировал для всей группы исходный корень **geng-* и отождествил его с корнем лит. *žengiu* 'идти', нем. *Gang* и т. д.[21] Реконструкция корневого вокализма **ę* была принята Скоком, который счел это решающим свидетельством генетической обособленности рассматриваемой группы от праслав. **žьzlъ*, Но, признавая корень **geng-*, Скок усомнился в его тождественности корню группы лит. *žengti*, указав на их семантическое несоответствие. Отверг Скок и толкование Даничича (от **žęti*, **žьmǫ*)[22]. Фасмер, включив с.-хорв. *žeželj* в статью *жезл*, выделил в самостоятельную статью группу рус. смол. *жáжель* 'тяжелая обязанность, бремя, обуза', др.-рус. *жѧжель* 'цепь', ц.-слав. ЖАЖЬЛЬ 'collare' и охарактеризовал всю группу как этимологически темную[23].

Еще один спорный вопрос касается отношения к слав. **žьzlъ* и **žęžel'ь* болгарской лексемы *жегъл* 'поперечный прут в ярме'. Миклошич осторожно присоединил ее к группе **žęžьlь*. Брюкнер также ввел болгарское слово в группу родственных с польск.

---

[19] *Фасмер* II, с. 40.
[20] *Miklosich*, S. 409 (*ženžĭlĭ*).
[21] *Brückner*, с. 647.
[22] *Skok* III, с. 679.
[23] *Фасмер* II, с. 33.

zązel, его точку зрения принял и Скок. Другая этимология болг. *жегъл* разработана О. Н. Трубачевым. Рассматривая праслав. **žьzlъ*, Трубачев счел неправомерным возведение к этому гнезду также чешских *žehlo*, *žehle* 'шест в сетях' (такова была точка зрения Махека[24]) и, объединив чеш. *žehlo* с болг. *жегъл*, истолковал их как производные от **žegti* 'жечь' (поскольку болгарское слово иногда обозначает железный прут, используемый для прожигания отверстий в дереве)[25]. Идентичную этимологию болг. *жегъл* предлагает и болгарский этимологический словарь под ред. В. Георгиева[26]. Махек же во втором издании своего словаря связал болг. *жегъл* с чеш. *jehla* (праслав. **jьgъla*), констатировав неясность при таком толковании болг. *ж* (для чеш. *žehlo* автор предполагает родство с лит. *gẽgnė* 'стропило' и далее — с лит. *krãkė* 'палка' и чеш. *krokev* 'стропило')[27].

Вопрос о лексическом наполнении группы, соответствующей реконструкции **žężel'ь*, в значительной степени решается применением к каждой лексеме фонетического критерия. Очевидно, что он определяет генетическую несовместимость **žьzlъ* и **žężel'ь* и принадлежность к последнему не только ст.-слав. жѧжєль, др.-рус. *жажель*[28], рус диал. *жажель*, польск. *zązel*, но и с.-хорв. *žéželj* = *žẽžẽlj* (где *e*, как отмечает Скок, никак не может быть рефлексом *ь*, необходимого для **žьzlъ*[29]). К этим отражениям праслав. **žężel'ь* в славянских языках следует присоединить еще рус. диал. донск. *жажо́л* 'жердь, заменяющая цепь (или удлиняющая ее), на которую сажают сторожевых собак'[30]. По фонетическим же соображениям прежде всего сомнительна связь с этой группой болгарского *жегъл* и чеш. *žehlo*, так что наиболее реалистичной представляется в отношении этих слов точка зрения Трубачева.

Направление поисков генетического окружения праслав. **žężel'ь* должно определяться не только реконструированной формой корня (праслав. **žęž-* < и.-е. **g(h)eng(h)-*), но и семантикой группы лексем, на базе которых реконструируется праслав. **žężel'ь*. Нельзя не согласиться со Скоком, что по семантическим характеристикам сопоставление **žężel'ь* с лит. *žeñgti* малоубедительно. Значения всех потенциальных продолжений праслав. **žężel'ь* на редкость однородны: ср. ст.-слав. жѧжєль 'шейная цепь', др.-рус. *жажель* 'цепь, привязь для собак'[31], с.-хорв. *žeželj* 'палка, к ко-

---

[24] *Machek*[1], с. 594.

[25] *Трубачев О. Н.* Слав. *žьzlъ*. — В кн.: Езиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. С. Романски. София, 1960, с. 139—140.

[26] БЕР I, с. 530—531.

[27] *Machek*[2], с. 724.

[28] Собственно древнерусской может быть лишь форма *жажель* (например, в Великих Минеях-Четиях, XVI в., см. СлРЯ XI—XVII вв. 5, с. 79). Форма *жежель* (Русский Хронограф. 1512 г. — см. СлРЯ XI—XVII вв. 5, с. 79) отражает влияние ст.-слав. жѧжєль.

[29] *Skok* III, с. 679.

[30] *Филин* 9, с. 60; *Донск. словарь* I, с. 148.

[31] *Срезневский* I, стб. 840.

торой пастухи привязывают своих собак', польск. *zązel* 'сворка', рус. диал. донск. *жажбл* 'жердь, заменяющая цепь (или удлиняющая ее), на которую сажают сторожевых собак', смол. *жажель* 'тяжелая обязанность, бремя, обуза' (последнее значение явно вторичное, переносное). Итак, речь идет постоянно о цепи или жерди, используемой для привязи собак. Это дает основания предполагать генетическую связь данного образования с названием части упряжи, ремня, разного рода петель, связок, привязей, а именно — с праслав. **gǫžь*. Семантика последнего хорошо характеризуется значениями соответствующих лексем в русских говорах: *гуж* волог., псков., вят., новосиб. 'веревка', псков. 'веревка, обмотанная сетью, употребляемая при ловле мутником или ершовой мережкой', тамб., ворон., ряз., сарат., куйбыш., свердл., новосиб. 'ремень, соединяющий бьющую часть цепа (било) с рукоятью', донск. *гужвá* 'скрученный прут, используемый для связывания чего-либо', псков. *гужéль* 'опускаемая под лед веревка, к которой привязан крюк с живцом', псков. *гужú* 'перекрученные сети', терск. *гужóвка* 'супонь', смол. *гýжки* 'веревки, с помощью которых привязывается к хомуту плуг или борона' и т. д.[32]. С точки зрения структурной связи с **žęželʼь* примечательно приведенное выше *гужéль*.

Индоевропейским источником праслав. **gǫžь* (и, следовательно, **žęželʼь*) является и.-е. **gengh-* 'крутить, плести' (др.-исл. *kengr* 'крюк', ср.-в.-нем. *kanker* 'паук' и др. германские образования)[33]. В таком случае значение 'жердь, палка, используемая для привязи' (с.-хорв. *žeželj*, рус. *жажбл*) вторично по отношению к значению 'веревка'.

Относительно слав. **gǫžь* неоднократно высказывалось мнение о родстве с **ǫza*, причем *g* в **gǫžь* Якобсон объясняет как протетический звук[34]. Предложенная гипотеза о родстве **gǫžь* с **žęželʼь* исключает возможность такого родства с **ǫza*, так как появление *g* протетического в **žęželʼь* (перед *ę*!) маловероятно.

**kobica*, **zakobenь* и др.

Славянское этимологическое гнездо **(s)kob-* (< и.-е. *(s)ke(m)b-* 'сгибать, искривлять'[35]) с семантикой 'нечто согнутое, крюк, крюкообразное соединение'[36] еще не реконструировано во всей его полноте. Едва ли не единственным его надежным представителем во всех славянских языках считается *skoba*[37], хотя, с дру-

---

32 *Филин* 7, с. 203—205.
33 *Pokorny* I, S. 380.
34 См. литературу вопроса: *Фасмер* I, с. 471.
35 *Pokorny* I, S. 918.
36 Махек описывает значение слав. *skoba* как 'железо, загнутое с двух концов таким образом, что их можно вставить куда-либо и тем самым прочно соединить два предмета' — см. *Machek*[2], с. 546.
37 Ср.: *Miklosich*, S. 301 (*skoba*, без указания дальнейшего внутриславянского родства).

гой стороны, сюда предположительно относят целый ряд лексем, например: рус. диал. *кобёл* 'высохшая коряга', *кобень*, *кобéниться*, *кобéня* 'крюк', слав. **kobь* (рус. *кобь* 'гадание по птичьему полету, предсказание, колдовство, пророчество', болг. *кóба* 'дурное предчувствие' и т. д.)[38]. Остается спорной связь с этой группой слов южнославянского глагола: с.-хорв. *kobàcati* (*se*) 'перевертываться', словен. *kobacáti* 'ползать (на четвереньках)', *kobáciti*, *kobêcati* 'кувыркаться'. Бернекер предположил родство этого глагола с рус. *кобень*[39], но Скок отнес его к числу производных от *bacati*/*baciti* 'бросать, метать'[40].

Целью настоящей заметки является обоснование предположения о принадлежности к гнезду слав. *(*s*)*kob*- еще нескольких лексем различных славянских языков.

Начнем со словацкого диалектного прилагательного *kajbavei̯* 'кривой, неровный (например, о доске')[41]. Судя по записанным в том же районе *kajsavei̯* 'кривой, неровный, согнутый' (ср. *kosý*?) и *pokei̯zat'i* 'указать'[42], рассматриваемое *kajbavei̯* должно восходить к **kabavý*. Его семантическая связь с гнездом *(*s*)*kob*- 'сгибать, искривлять' вполне очевидна. Формально **kabavý* также может быть производным от этого корня, хотя требуют уточнения условия удлинения гласного в первом слоге (если *a* < **ō*). Судя по *kajsavei̯*, возможна ассимиляция по второму слогу. Не исключено и образование от глагола с корневым удлинением, типа итератива ***kabati*.

Кстати, в том же диалекте, что и *kajbavei̯*, зафиксирован глагол *okộbat'i sa*, *-ju sa* 'вертеться, увиваться; колебаться'[43]. Значения этого круга представляются выводимыми из 'кривляться', 'кривиться', так что этот глагол также принадлежит к гнезду слав. **(s)kob*-. Его древнейшим прототипом должно быть **kobati*. Поскольку известны пары глаголов на *-ati* с корневой краткостью и корневой долготой (ср. **sъpati* — *-*sypati*), соответствующей собственно итеративу, возможно предположение об образовании на базе **kobati* глагола **kabati*, послужившего производящей основой для *kajbavei̯*.

В чешской лексике реликтом гнезда **(s)kob*- представляется глагол *kobiti se*. Он зафиксирован в чешской грамматике 1571 г. Яна Благослава в следующем контексте: Kůň bujný divně *se kobí*, bočí, nohami mece[44]. Значение глагола *kobiti se* здесь близко к рус. *кобениться* 'упрямиться, ломаться, артачиться'.

---

[38] *Фасмер* II, с. 266, 267, 269—270; *Трубачев О. Н.* Следы язычества в славянской лексике. — Вопросы славянского языкознания, 1959, вып. 4, с. 138—139.

[39] *Berneker*, S. 532.

[40] *Skok* II, с. 117.

[41] *Matejčík*. Východonovohrad., с. 243; ср. также аналогичную запись из Лученца в Картотеке диалектного словаря словацкого языка (Институт языкознания им. Л. Штура, Братислава).

[42] *Matejčík*. Východonovohrad., с. 244, 390.

[43] *Matejčík*. Východonovohrad., с. 352.

[44] *Kott* I, с. 714.

С другой стороны, интересна последовательность глаголов в приведенном тексте: *se. . .kobí, boči*, nohami *mece*. Не раскрывают ли два последние глагола конкретное содержание, наполнение значения глагола *kobiti se*? Нельзя ли толковать, в таком случае, *kobiti se* как 'упрямиться, избочиваясь, брыкаясь и роя землю копытами'? Такое толкование объяснило бы семантику рус. астрах. *кобúцы* 'выбоины от лошадиных копыт' [45].

Впрочем, значение укр. *кóбиц'а* 'ножка лавки, углубление под шестком' [46], явно связанного с рус. *кобúцы*, свидетельствует о необязательности значения 'рыть землю' [47] для появления значения 'ямка, углубление'. Известно, что на базе семантики 'сгибать' в индоевропейских языках в различных этимологических гнездах развиваются соотносительные значения 'выпуклость, кочка, гора' и 'выемка, углубление': ср. семантику и.-е. **keu-*, к которому восходят слав. **kupъ*, **kupa* 'кочка, холм' и др.-инд. *kūpa* 'углубление', лат. *cūpa* 'бочка' [48]. Аналогичное развитие от значения 'сгибать' к 'выпуклость' и 'углубление' возможно и в гнезде слав. **(s)kob-*. Поэтому помимо рус. *кобица*, укр. *кобиц'а* сюда может быть отнесено рус. диал. *кóбло́*, обнаруживающее значения обоих планов: донск. 'пень', терск. 'ствол дерева', южн. (*коблы*) 'островки на озерах, образовавшиеся из наносной земли вокруг вывороченных с корнями ольховых деревьев' и урал. 'яма', 'небольшая ямка' (ср. также *кобловáтый* 'покрытый кочками (о местности)') [49]. Сюда же следует присоединить *кóблю́х* вост. 'кол, пень, надолба, коряга', яросл. 'высокая земляная возвышенность при основании ольховых и ивовых деревьев, в которых прячется корень дерева (в торфяных болотах)' и 'глубокая лужа, бочаг' [50] и укр. *кóбух* 'ямка, в которую сажают картошку' [51].

Наконец, в белорусской лексике есть ряд приставочных образований, которые должны быть отнесены к слав. **(s)kob-*. Это *закубáнь* 'небольшая затока на реке' [52], *закабóўка* 'изгиб реки, лука', *заканабоўка* то же, *закабалíна*, *забакóіна* 'затока на реке', *закабéнь* 'места, вымытые на лугу водой и мешающие косьбе' [53], *закабáj* 'углубление, щель', *закабájи* 'ухабы, рытвины, углубления' [54], *закабáек* 'узкий проход между двумя строениями наподобие пе-

---

[45] *Филин* 14, с. 15.

[46] *Шило Г. Ф.* Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, с. 246.

[47] Еще одним случаем развития значения 'рыть землю' в гнезде слав. *(s)kob-, возможно, является рус. диал. *кобéнить* 'обрабатывать землю' (см. *Иванова*. Подмоск., с. 203). Производящей основой могло быть *кобень* 'крюк, клюка' = *'соха'.

[48] *Pokorny* I, S. 588—592.

[49] *Филин* 14, с. 15.

[50] Там же, с. 16.

[51] *Москаленко А. А.* Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, с. 41.

[52] *Бялькевіч*, с. 201; *Яшкін*, с. 72.

[53] *Яшкін*, с. 71, 66.

[54] *Лексика Полесья*, с. 35.

мощеного коридора'[55] и (с переносным значением) *закабу́нка* 'закавыка, загадка'[56]. Формирование значений этой группы, при учете сказанного выше, не требует объяснения. Следует лишь отметить, что к числу индоевропейских производных гнезда **(s)ke(m)b-*, родственных слав. **(s)kob-*, относят др.-исл. *hōp* 'небольшой залив'[57], что семантически близко к приведенным белорусским лексемам со значениями 'изгиб реки, затока'.

Наряду с упомянутыми приставочными образованиями зафиксировано и бесприставочное блр. *каба́ня* 'яма с водой или без воды, на месте разрыва снаряда или добывания песка, глины'[58]. Его суффиксальное оформление, а также суффиксальная структура *закабе́нь*, *закуба́нь* представляются наиболее близкими к структуре исходной древней лексемы, которая может быть реконструирована как **(za)kobenь* (ср. и рус. *кобень*) или (что менее вероятно) **(za)kobanь*.

Решение вопроса о степени древности всех рассмотренных образований затруднительно вследствие их диалектной ограниченности. Более или менее надежна реконструкция праславянских источников для рус. *кобица* и укр. *кобиц'а* (**kobica*), рус. *кобень*, блр. *закабень* и т. д. (**(za)kobenь*) и чеш. *kobiti se* (**kobiti*, ср. с.-хорв. *ско̀бити* 'встретить').

**xorošьjь* и **xorxoriti sę*

Вост.-слав. *xorošьjь* (рус. *хоро́ший*, укр. *хоро́ший*, др.-рус. *хорошь*) остается этимологически трудным словом, несмотря на многочисленность предложенных толкований. Фасмер счел наиболее вероятным предположение Мейе об образовании этого слова от др.-рус. *хоробръ*[59], но ни в структуре, ни в семантике *xorošьjь* нет следов предполагаемой зависимости. Более интересной представляется последняя, кажется, по времени этимология, предложенная В. П. Гудковым. Автор предполагает родство *хороший* с *короста* при условии, что появление прилагательного было связано с видом древних украшений, в которых использовалась зернь: на базе значения 'бугорчатый' (='зернистый') в производном прилагательном развилось значение 'украшенный', откуда далее 'красивый' и 'хороший'[60]. И это толкование вызывает сомнения, поскольку зернь не называлась *короста*. Но именно в этой этимологии намечено наиболее перспективное направление поисков происхождения слова *xorošьjь*, так как здесь учтена специфика исходной семантики слова, а именно — обозначение обла-

---

[55] *Касьпяровiч*, с. 117.
[56] *Бялькевiч*, с. 201.
[57] *Pokorny* I, S. 918.
[58] *Яшкiн*, с. 83.
[59] *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 21; *Фасмер* IV, с. 267 (там же см. критику других толкований).
[60] *Гудков В. П.* Три русские этимологии (*майка, хороший, хмурый*). — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. V. М., 1966, с. 35—36.

дания по преимуществу внешними положительными качествами, красотой.

Приглядимся к значениям слова *хороший* в современном русском языке. В литературном языке оно характеризует предмет по признаку обладания самыми различными положительными качествами, но преимущественно внутренними: 'вполне удовлетворяющий по качеству, свойствам', 'опытный, искусный в своем деле', 'достойный (в моральном отношении)', 'заслуживающий одобрения, похвалы', 'доставляющий удовлетворение, радость', 'благородный, порядочный', 'достаточно большой, значительный, по величине', 'основанный на общих симпатиях, приязни, связанный дружбой' (при наличии оттенка иронии краткая форма *хорош* может значить 'очень сомнительных достоинств'), и лишь в краткой форме это прилагательное имеет значение 'красивый', например: Богат, *хорош* собою, Ленский везде был принят как жених (Пушкин) [61]. В просторечии и по диалектам значение 'красивый' возможно не только в краткой, но также и в полной форме прилагательного *хороший*. Ср. ряз.: На лицо красивая, *хорошая*. Какой сытый, мордастый был, *хороший*. А за *хорошего* выйдешь, нагóришься пуще [62]. Интересно, что производный от прилагательного глагол *хорошеть* оказывается семантически связанным именно со значением прилагательного 'красивый', поскольку глагол значит 'становиться красивее, интереснее, миловиднее'. А ведь в производных образованиях часто сохраняются связи с первичным значением производящего слова, так что значение 'красивый' прилагательного *хороший* может быть его древнейшим значением.

Последнее предположение подтверждается изучением фиксаций прилагательного *хорошии* в древнерусской письменности: ранее прочих, с XII в., засвидетельствовано значение 'красивый', ср.: покушати пера добро ль перо тверда ль рука добро ль ею писать *хороше* ль писмя (приписка XII в. в Уставе монастырском церковного служения XII в., л. 53) [63]. Ср. несколько позднéе значение 'прибранный, убранный': . . . видяще кѣлью его не *хорошю* ни пометену (Пандекти Никона Черногорца, по сп. XIV в., л. 22 г.) [64]. Наречие *хорошо*, производное от *хорошии*, также в древнейших фиксациях имеет значение 'красиво', ср. . . .сысподи помостъ подписанъ велми *хорошо* (Описание Флоренции, из Русского летописца XV в.) [65]. Значение 'красивый' у прилагательного *хорошии* прослеживается последовательно в XIV—XVII вв., о чем косвенно свидетельствует его сочетание с *красныи* 'красивый', ср.: фряжскои градъ *красенъ и хорошъ* добрѣ (Хожение инока Зосимы, XV в., список XVI в., Х. 10), А тотъ городъ тово

---

[61] Словарь современного русского литературного языка, т. 17. М.—Л., 1965, стб. 396—403.
[62] *Деулинский словарь*, с. 587.
[63] Картотека СДР.
[64] Там же.
[65] *Срезневский* III, стб. 1388.

краше и хорошіе, украшенъ всякими узорочьи и мудростими (Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай Сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году. — Изв. ОРЯС 1913, т. XVIII, кн. 4, с. 291) [66].

С другой стороны, следует обратить внимание на появление у глагола, производного от др.-рус. *хорошии*, значения 'величаться, заноситься'. Сам глагол не сохранился, но об этом свидетельствует отглагольное существительное в Пандектах Никона Черногорца *хорошание*: . . .да ни деръзновенья ни *хорошанья* бещиньна къ старьцемъ отъ тѣхъ быти. тихо же бесѣды быти (л. 16б.) [67]. Продолжением этого глагола является блр. *харашы̆цца* 'хвастать, чваниться'. В русских диалектах глагол *хорошиться* имеет значение 'украшаться, наряжаться', например:

Утушка полощется,
Девица *хорошится*,
Белится, румянится,
Бояре дивуются [68].

Таким образом, самым древним засвидетельствованным значением прилагательного *хорошии* было 'красивый', а производные от этого прилагательного глаголы обнаруживают значения 'становиться красивее' (*хорошеть*), 'прихорашиваться' (рус. диал. *хорошиться*) и 'хвастать, чваниться, вести себя заносчиво'. На основе значения 'красивый' у прилагательного *хорошии* позднее развивается семантика обладания различными положительными качествами, как внешними, так и внутренними.

Рассмотренные семантические характеристики вост.-слав. *xorošьjь* и его форма позволяют поставить вопрос о его родстве с рус. *хорохбриться*. В отношении формы их сближение оправдывается общностью потенциального корня *xor-*. Для сопоставления же в семантическом плане необходимо рассмотреть значения глагола *хорохориться* и соотносительных с ним имен. В литературном языке и в большинстве диалектов *хорохориться* значит 'держаться заносчиво, задаваться, храбриться'. Глаголу родственно диалектное *хорохбря* 'задорный, хвастунишка' [69]. Но в некоторых говорах наблюдаются интересные отличия от такого употребления этой группы слов. Глагол *хорохориться* может применительно к курице значить 'хохлиться, надуваться', соответственно волог. *хорхбра* — 'растрепанная курица' [70]; *хорохора*, *хорхора* широко употребляются по говорам для обозначения различного рода тряпья: ср. калуж. *хорохорки* 'тряпье', курск. *хорхбры* 'нечистые отрепья, висящие в поношенном платье' [71]. Наконец,

---

[66] Картотека ДРС.
[67] Картотека СДР.
[68] *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни, т. VII. Пб., 1902, с. 643.
[69] *Даль*² IV, с. 561.
[70] Там же.
[71] *Опыт*, с. 250, 280.

в белорусских могилевских говорах *хыряхо́ня* обозначает человека, который прихорашивается с целью обратить на себя внимание [72].

Учитывая это сочетание значений в группе *хорохориться*, *хорохора* и преобладающее направление изменения значений слов от более конкретного значения к более абстрактному, можно утверждать, что слово *хорохора* (*хорохоря*, *хорхора*) первоначально обозначало всякого рода торчащие перья, шерсть, тряпье, а соответствующий глагол *хорохориться* значил 'топорщиться, взъерошиваться, нахохливаться (о птицах и зверях)'. Дальнейшее развитие значений этих слов представляется связанным с наблюдениями за поведением животных. Известно, что у птиц и зверей топорщащиеся, взъерошенные перья или шерсть являются элементами агрессивного поведения или брачного соперничества, величания (причем у многих птиц к брачному периоду отрастает особенно длинное и пышное оперение). Поэтому представляется естественным развитие в глаголе *хорохориться* на базе значения 'топорщиться' семантики 'заноситься, храбриться'. Далее, первобытные народы в своем танцевальном искусстве подражают поведению птиц и зверей, а в боевых и праздничных нарядах широко используют перья, зубы, шерсть и шкуры животных. Соответственно объясняется развитие значения существительного *хорохора* от 'торчащие перья, шерсть' и 'птица (зверь) с торчащим, взъерошенным оперением (шерстью)' к 'заносчивый, задиристый, хвастливый человек' и 'человек, который прихорашивается'. Появление последнего значения, зафиксированного для блр. диал. *хыряхо́ня* (от **хорохора*), свидетельствует о реальности для имен этой группы значения 'красивый'.

Таким образом, оказывается, что лексика группы *хорохориться* и группы *хороший* близка не только формально, но и семантически: значение 'красивый', являющееся древнейшим засвидетельствованным для *хороший*, возможно и в группе *хорохориться*, а значение 'заноситься, чваниться', характерное для *хорохориться*, появляется в глаголах, производных от *хороший*. Эта близость форм и значений позволяет думать, что *хороший* и *хорохориться* действительно образованы от одного и того же корня *хор-*. В глаголе этот корень удвоен, а в *хороший* корень осложнен суффиксом *-ох-*. Исторической грамматике этот суффикс известен, правда, лишь как средство образования имен существительных (ср. **junoša*), но представляется возможным образование от существительного с таким суффиксом производного прилагательного с суф. *-jь*.

Глагол *хорохориться* и соответствующие имена *хорохора*, *хорхора* также не имеют надежной этимологии [73]. Установлено лишь, что эти образования могут быть праславянскими, так как

---

[72] *Бялькевіч*, с. 478.

[73] См. у Фасмера (IV, с. 267, 269—270) сомнения в предложенном Ильинским сближении с *шершавый*, *шорох*, а также весьма отдаленное сравнение с греч. *κάρχαρος* 'острый, зубчатый', др.-инд. *kháras* 'твердый, шершавый'.

близкая лексема обнаружена в сербохорватском языке — это диал. хорв. *na xoxōrö* 'приподнято, в сборку' [74]. Что же это за корень, каково его значение? Слова с семантикой 'торчащие отростки, тряпье, перья, шерсть', очевидно, можно связать с обозначениями кожи, шкуры. Тогда ближайшим родственным для *хорохора*, *хорохориться* (и *хороший*) оказывается рус. диал. (тамб., ряз., арханг.) *хора́вина*, которое обозначает сырую или высушенную снятую кожу или шкуру зверя и восходит к слав. гнезду **(s)kor-* < и.-е. **(s)ker-* 'резать, драть' [75], а несколько более отдаленными по фонетической форме родственными для рассматриваемой группы являются слав. **kora*, **skora*, **skorupa*, **korsta* и др. названия коры, шкуры, кожи и прочих шероховатых поверхностей, так что *хорохориться*, *хорохора*, *хороший* включаются в обширное этимологическое гнездо слав. **(s)kor-*. Появление начального *x* в **xorxoriti sę*, **xorxora* и **xorošьjь* объясняется известным явлением метатезы в группе и.-е. *sk* > *ks* с последующим изменением *ks* > слав. *x*. Редупликация того же корня и с тем же значением, что рус. *хорохора*, но неполная (как хорв. *na xoxōrö*) и с иной огласовкой — **e* — представлена в в.-луж. *šešer* 'пучок, клок (волос, шерсти)'.

Возвращаясь теперь к семантике *хороший* и опираясь на его потенциальное родство с *хорохориться*, *хорохора*, можно утверждать, что древнейшее засвидетельствованное для прилагательного значение 'красивый' не было его первоначальным значением: скорее таковым могло быть 'топорщащийся, взъерошенный', откуда далее развились значения 'украшенный' (→'красивый') и 'заносчивый' (последнее не зафиксировано в прилагательном, но его следы сохранились в производном глаголе — ср. блр. *харашы́цца*, см. выше).

Примечательно, далее, существование словообразовательного варианта прилагательного *хороший* — *хоровитый*, который может быть свидетельством специфической близости прилагательного к слову *хоравина*. Это позволяет сделать еще один шаг в сторону углубления семантической реконструкции: общая семантика гнезда слав. **(s)kor-* и значение слова *хоравина* 'снятая кожа или шкура зверя' являются основаниями для предположения, что значение 'топорщащийся, взъерошенный' развилось из 'имеющий мех или оперение'. Эта семантическая реконструкция при фиксации в памятниках XII в. уже стадии 'красивый' побуждает отнести образование прилагательного **xorošьjь* к праславянскому периоду и считать его праславянским диалектизмом.

Предполагаемые в предложенном этимологическом истолковании группы *хорохориться* — *хороший* изменения и связи значений находят частичное соответствие в семантических отношениях сла-

---

[74] *Толстой Н. И.* Из географии славянских слов. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. М., 1965, с. 141—142.

[75] Этимологию рус. *хора́вина* см.: *Горячева Т. В.* Заметки по этимологии русских народных метеорологических терминов. — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, с. 105.

вянского гнезда *čeperiti/*čepiriti, *čерьrъ/*čерърь: с глаголами словен. čepériti se 'топорщиться, нахохлиться', словац. čeperit' se 'топорщить перья', 'ерошиться', болг. диал. чепéрим се 'хорохориться, чваниться', польск. диал. czupirzyć się 'наряжаться странно, крикливо' родственны имена в.-луж. čapor 'хлам, старье', болг. чéпор 'сук', укр. чýпер 'хохол' и далее чеш. čupr 'х о р о ш е н ь к и й', рус. диал. *чепурнóй* 'щеголевато одетый', укр. *чепурнúй* 'аккуратный, чистый, опрятный, к р а с и в ы й', блр. *чепурны́й* 'чисто, чопорно одевающийся' [76].

Таким образом, в формировании и развитии значений *xorxoriti sę, *xorxora и *xorošьjь отразились наблюдения древних славян за поведением животных, представление о непосредственной связи между внешними украшениями, убранством и заносчивым поведением, а также развитие на основе понятия внешних достоинств, красоты понятия положительных качеств вообще, как внешних, так и внутренних.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. X*

(слав. *l'utъ)

Общеславянское и праславянское прилагательное *l'utъ не имеет надежной этимологии. Сближение с кимрским *llid* 'гнев, ярость', предложенное В. Стоксом [1] еще в конце прошлого века и обычно отражаемое во всех этимологических словарях (Бернекера, Преображенского, Фасмера и др.), в последнее время берется под сомнение многими исследователями. Уже Преображенский писал о *l'utъ: «Не совсем ясно» [2]. Славский также считает гипотезу Стокса ненадежной [3]. Покорный помещает славянское слово под индоевропейским корнем *lēut-: *lut- 'яростный, свирепый', который он реконструирует со знаком вопроса [4]. Однако в результате такой интерпретации *l'utъ остается фактически в изоляции, так как приведенное здесь в качестве единственного индоевропейского соответствия кимр. *llid* восстанавливается им

---

[76] ЭССЯ 4, с. 55—56, 59, 60.

* Статьи I—IX под этим же названием см.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1972. М., 1974; Этимология (1972—1978 гг.).

[1] *Stokes W.* Urkeltischer Sprachschatz, hgb. von A. Bezzenberger (=*Fick*[4] 2). Göttingen, 1894, S. 257.

[2] *Преображенский* I, с. 495.

[3] *Sławski* IV, c. 391—392.

[4] *Pokorny* I, S. 691.

также под вопросом (*luto?-). И, более того, сомневаясь в правильности данной трактовки, Покорный допускает возможность и другого толкования кимрской лексемы, рассматривая ее в составе и.-е. гнезда — *leto-, *lēti- 'пыл, ярость, гнев', в которое из славянских параллелей он включает укр. *літь* 'течка', *літити* 'оплодотворять' [5], но куда не может быть введено *l'utъ, в первую очередь, по формальным соображениям. Подробный критический обзор иных этимологических версий мы находим у Бернекера [6] и Фасмера [7], где указывается, что греч. λύσσα 'неистовство, бешенство', с которым Фик сравнивал *l'utъ, восходит к λυκι̯ᾱ от λύκος 'волк', что аркад. λευτόν 'дикий', объединявшееся Сольмсеном с *l'utъ, не существует, что лтш. ļaũns 'злой, дурной', которое сближалось Эндзелином с *l'utъ, должно отделяться от него ввиду различий в значении и интонации, что лит. lutis 'буря, непогода', liũtas 'лев', лтш. ļoti 'очень' не родственны славянским словам с корнем *l'ut-, как думали ранее, а заимствованы из восточнославянских языков (см. соответственно укр. *лють* 'сильный холод', рус. *лютый зверь* и *лютѣ*), что сопоставление *l'utъ с гот. liuþareis 'певец', liuþōn 'петь'; др.-англ. lēoþ, др.-исл. liōð, др.-в.-нем. liot 'песня, строфа' (Вуд; Уленбек) проблематично. Гипотеза Махека, согласно которой слав. *l'utъ якобы родственно немецкому wild 'дикий' [8], также представляется неприемлемой, прежде всего с формальной точки зрения. Скок, который тоже считает старое сопоставление с кимрским llid ненадежным, высказывает крайне интересную мысль о том, что современная семантика славянского *l'utъ могла сложиться на базе какого-то иного, конкретного, первичного значения [9]. Если поддержать Скока, то все ранее предлагавшиеся версии, в том числе и гипотеза Лер-Сплавинского о заимствовании славянского слова из кельтского [10], должны быть отклонены, так как они основывались на предположении об изначальности для *l'utъ абстрактного значения 'злой, свирепый, жестокий', широко представленного в славянских языках.

Поиски в направлении, указанном Скоком, кажутся нам перспективными и потому, что развитие абстрактной семантики на основе конкретного (предметного) значения — широко известный факт, и потому, что все попытки найти для *l'utъ надежные индоевропейские соответствия, исходя из первичности значения 'лютый, злой', оказываются безуспешными. Знаменательно, что в последнее время мнение Скока нашло поддержку у Е. Налепы, который предложил реконструировать для *l'utъ исходный признак 'крутой, отвесный', приведя в доказательство внешнюю се-

---

[5] Там же, с. 680.
[6] *Berneker*, S. 760.
[7] *Фасмер* II, с. 547.
[8] *Machek*², с. 337.
[9] *Skok* II, с. 340—341.
[10] *Lehr-Spławiński T.* Kilka uwag o stosunkach językowych celtijcko-prasłowiańskich. — RS 1956, 18, с. 6.

мантическую параллель рус. *крутой* (берег) ‘крутой, отвесный’ — чеш. *krutý* ‘суровый, жестокий, лютый’, польск. *okrutny* ‘жестокий, суровый’ [11]. Ограничиваясь лишь кратким замечанием относительно первоначальной семантики лексемы **l'utъ*, очевидно, вследствие того, что эта проблема не являлась непосредственным объектом исследования его статьи, которая, как явствует из ее заглавия, посвящена славянскому этнониму *ljutiči*, Налепа, к сожалению, не пишет, отмечаются ли у апеллативов с корнем **l'ut-* какие-то значения, свидетельствующие в пользу предлагаемой им реконструкции исходного признака ‘крутой, отвесный’, что явилось бы одним из наиболее убедительных аргументов в поддержку его гипотезы. Правда, Налепа приводит перечень многочисленных гидронимов (*Luzin*, *Lucin* — в юго-восточном Мекленбурге; *Luciąza*, *Lucień*, *Lucynia*, *Lutowskie*, *Lute*, *Lutynia* — в бассейне Вислы; *Luta*, *Lutynia*, *Lutyniec*, *Lucina*, *Luciny* — в бассейне Одера; *L'utina* — в Словакии; *Лютня*, *Лютица*, *Лютянка*, *Лютенка*, *Лютая*, *Лють* — на восточнославянской территории; *Ljuta*, *Ljutina* — в Югославии), считая, что они связаны с **l'ut-* ‘обрывистый’ [12] и получили свои наименования из-за крутизны берегов, однако, представляется, что в данном случае семантический признак, положенный в основу названия, можно реконструировать и по-другому. Поэтому в такой ситуации наибольших результатов нужно ожидать, по-видимому, от подробного семантического анализа континуант славянского **l'utъ*, который может содействовать выявлению значений, существенно отличающихся от общеизвестного ‘свирепый, злой, жестокий’, что послужило бы основанием для постулирования какого-то иного (‘крутой, отвесный’?) исходного признака конкретного характера. Причем следует учитывать, что периферийные, ареально ограниченные, значения нередко могут сохранять большую близость к первоначальному, чем основное, широко или почти повсеместно распространенное. Кроме того, так как Налепа не указывает, с каким индоевропейским гнездом предполагается соотносить слав. **l'utъ*, данная проблема также ждет своего решения.

Прежде всего проанализируем семантику исследуемого слова в славянских языках. Прилагательное **l'utъ* — праславянское образование, имеющее общеславянский характер [13]. Широко известно его значение ‘жестокий, лютый, злой’, наряду с которым отмечены и другие: ‘свирепый, хищный; дикий (о звере)’ (ст.-слав. с.-хорв., укр. и др.), ‘ядовитый (о змее)’ (с.-хорв.), ‘вспыльчивый, горячий, гневный, яростный; раздражительный’ (болг., словен. и др.), ‘неприветливый, холодный’ (болг. диал.), ‘сильный, резкий’ (чеш.), ‘внезапный’ (ст.-чеш.), ‘быстрый, резвый, проворный; смышленый; охочий’ (рус.), ‘горячий на дело, рьяный’ (ст.-слав.,

---

[11] *Nalepa Jerzy. Ljutiči* a nie *Łutiči* w Povesti vremennych let. — In: Opuscula slavica, 1. Lund, 1951, c. 55—69.

[12] Там же.

[13] *Фасмер I*, с. 547; *Berneker* I, S. 759.

рус.), 'трудный, тяжелый, сильный, мучительный (о беде, боли и др.)' (ст.-слав., рус., макед., с.-хорв. и др.) [14]. В конечном счете все перечисленные значения абстрактного характера сводимы к трем основным: 'злой, жестокий; гневливый, раздражительный' — 'быстрый (→ рьяный; смышленый)' — 'сильный, большой, в высшей степени (о морозе, боли и т. п.)'. Аналогичную семантику демонстрирует и наречие **l'uto*: 'зло, жестоко' — 'быстро' [15] — 'много, сильно (прилежно)' [16]. Отметим для себя, что два последних значения регулярно развиваются на базе 'драть, бить, резать' [17]: ср. 'бить' →'бойкий', 'резать' →'резвый', 'драть' → →'удирать', а также рус. тамб. *ре́зко* 'весьма, очень, много' [18], камч., костр. *шибко* 'очень' [19].

На наш взгляд, заслуживают особого внимания те значения прилагательного **l'utъ*, которые относятся к сфере «острых» вкусовых ощущений. Они наиболее распространены в южнославянских языках, где зафиксированы 'едкий, острый, горький, жгучий, крепкий (о перце, уксусе, табаке, водке и др.)' (с.-хорв., болг., макед., словен.), 'кислый (о молоке, сливах)' (диал. с.-хорв. и болг.)[20], хотя известны и в украинском (гуцульском) *лютий* 'крепкий (о табаке)'[21], см. еще примеры, почерпнутые нами из Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв.: *...люта* вина и силна *лютѣи* ѥсть ѡцетъ; ... с уксусом *лютым* смешавъ...; И вземъ снѣдъ, бѣаше *люто* и горко вел'ми, боле пелѣна... Дело в том, что, как было отмечено в одной нашей статье, лексемы данного семантического плана, нередко обозначающие целую гамму «острых» вкусовых ощущений (кислый, терпкий, горький, острый в различных сочетаниях), часто восходят к 'бить, резать, колоть...' через промежуточное звено 'острый, резкий' или 'жесткий, твердый, давящий': см., в частности, с.-хорв. *ре̏зак*, *ре̏скӣ* 'острый, едкий, кислый', укр.-блр. (полесск.) *рызᶜкыј* 'резкий, острый, жесткий, колючий' и 'кислый' — слав. **rězъkъ*, далее к **rězati*; др.-рус. ц.-слав. *бридъкыи* 'терпкий, острый, кислый, горький' — слав. **bridъkъ*, далее к **briti* и др. [22] В нашем случае

---

[14] *Срезневский* II, стб. 96—97; *Востоков* I, с. 207; RJA VI, с. 323—330; *Гринченко* II, с. 390; *БТР*[3], с. 431; *Сакъов Д. Н.* Принос към речника на Кукушкия говор. — БД III, с. 329; *Pleteršnik* I, с. 526; *Gebauer* II, с. 293; *Kott* I, с. 934; *Machek*[2], с. 337; *Даль*[3] II, стб. 739; *Подвысоцкий*, с. 108; *Конески* I, с. 391—392.

[15] Сл. Сред. Урала II, с. 109.

[16] *Подвысоцкий*, с. 108.

[17] См. специально о развитии значения 'быстро двигаться' на основе 'чесать, драть': *Меркулова В. А.* Народные названия болезней. II (На материале русского языка). — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 166, 205.

[18] Опыт, с. 195.

[19] Там же, с. 265.

[20] RJA I, с. 323—330; *Бернштейн*, с. 175; *Чукалов*[3], с. 413; *Стойчев Тодор.* Родопски речник. — БД II, с. 201; *Бояджиев Тодор.* Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — БД VI, с. 54; И-С, с. 246; *Конески* I, с. 391; *Pleteršnik* I, с. 526.

[21] *Гринченко* II, с. 390.

[22] *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VII. — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 45—46.

показательны определения «вкусового» значения прилагательного *љŷт*, а также его синонимы, дающиеся в сербохорватских словарях: *ljût* 'acerbus, herb' (напр., уксус, водка, плод шиповника, хрен), ср. *oštar* 'što u ustima kao g r i z e, peče', противоп. *mȅk* U ž e s t i o se ocat, t. j. postao *ljut*, *žestok*[23]; *ļût* (о еде и питье) 'žestok, jak koji kao da b o d e i pali po jeziku i po ustima'[24]. Как видим, в качестве синонимов к *љŷт* (о еде и пище) здесь приводятся прилагательные *ȍштар* и *жȅсток*. Причем с.-хорв. *ȍштар* (слав. **ostrъ*), семантически близкое к *љŷт* в отношении вкусовых обозначений — 'острый, крепкий (о вине и др.)', демонстрирует также значения 'твердый, грубый', 'шероховатый' и — что особенно для нас существенно — 'лютый, жестокий, суровый, строгий, неприязненный', 'неприятный', 'быстрый, стремительный, порывистый'[25] (см. еще *удстрити* 'разозлиться, рассердиться'[26]), совпадающие с абстрактными значениями, характерными для **l'utъ*. Более того, многочисленные индоевропейские параллели к славянскому **ostrъ* тоже обнаруживают аналогичную семантику: алб. *áthëtë* 'терпкий, кислый', лат. *ācer* 'острый, тугой', 'острый, резкий, едкий, пряный', 'энергичный, решительный', 'строгий, жестокий', 'злой, сердитый', 'сильный, мучительный, суровый', 'угрюмый', ср. еще *ăceo*, *-ēre* 'быть кислым (о вине)', франц. *aigre* 'кислый, терпкий, острый', 'раздражительный', 'ломкий, не ковкий (о металле)', *aigri* 'прокисший' и 'озлобленный' — далее к индоевропейскому **ak̂-*, **ok̂-* 'острый; камень'[27]. Что касается другого синонима — *жȅсток*, то, помимо 'крепкий, острый (о вине, уксусе)', он демонстрирует и другие близкие к **l'utъ* значения (абстрактного характера) — 'резкий, сильный', 'горячий, пылкий, вспыльчивый'; см. еще *ужȅстити се* 'стать острее, крепче (напр., об уксусе)' и 'ожесточиться, обозлиться'[28], ср. родственные, рус. *жесткий* 'твердый' и *жесто́кий* 'суровый, немилосердный', диал. 'твердый', 'сильный, быстрый', 'сердитый, горячий' и др.[29], далее возможно родство с ср.-в.-нем. *kes* 'твердая, гладкая почва, глетчер', др.-ирл. *gall* 'камень'[30]. Любопытно, что примеры семантического сосуществования 'острый, терпкий' и 'жестокий' отмечаются и в других и.-е. языках: лтш. *sīvs* 'острый, терпкий, жгучий, горький' и 'ожесточенный', нем. *herb* 'терпкий' и 'жестокий, суровый, строгий', франц. *rude* 'терпкий' и 'суровый; строгий'. Итак, отметим, что в случае с семантически близкими к *љŷт* словами *ȍштар* и *жȅсток* значения 'жестокий, злой' и 'едкий, терпкий, горький, кислый, крепкий (о вкусовых ощущениях)' развиваются на базе 'острый' или 'твердый' и далее восходят к 'острый; камень, скала'.

---

[23] *Iveković — Broz* I, с. 648.
[24] RJA VI, с. 323.
[25] RJA IX, с. 325—329.
[26] *Толстой*[1], с. 1005.
[27] *Pokorny* I, S. 18—22; *Dauzat*, p. 10, 19—20; *Фасмер* III, с. 167.
[28] *Толстой*[1], с. 176, 981.
[29] *Филин* 9, с. 146.
[30] *Фасмер* II, с. 50, 51.

Однако наибольший интерес для выяснения этимологии славянского **l'utъ* представляет, очевидно, серия его континуант, имеющих значения конкретного (предметного) характера, которые могут лежать в основе более поздних абстрактных, рассмотренных выше. Это прежде всего отмечаемые в южнославянских языках: 'твердый', 'твердый, но легко ломающийся, хрупкий (о камне, железе)' ('што се не да савиjати, веħ се приjе прекрши') (с.-хорв. *љŷт*)[31], 'хрупкий (о металле)' (болг. *лют*)[32], 'твердый, но ломкий (о камне, проволоке)' (макед. *лут*)[33]. Следует подчеркнуть, что в плане семантической типологии и перспектив этимологического решения для **l'utъ* особенно показательно наличие аналогичного значения 'ломкий, не ковкий (о металле)' у франц. прилаг. *aigre*, которое входит в состав индоевропейского гнезда **ak̂-/*ok̂-* 'острый; камень', куда, как указывалось выше, относятся и примеры, означающие «острые» вкусовые ощущения, а также семантически идентичные многим абстрактным значениям славянского **l'utъ* — 'строгий, жестокий', 'злой, сердитый' и др. Нужно также подчеркнуть, что признак 'ломкий, хрупкий' регулярно развивается на основе 'бить, резать, ломать. . .', т. е. собственно 'тем или иным способом разрушать, отделять': ср. рус. *ломать* → *ломкий*, болг. *чупя* 'ломать, бить' → *чуплив* 'ломкий', нем. *brechen* 'ломать, рвать' → *brüchig* 'ломкий, хрупкий', лат. *trūdō, -ere* 'толкать, теснить', алб. *treth* 'обрезать' родственны латышскому *traûds* 'хрупкий'[34]. Близким к 'твердый, но хрупкий' является значение 'шероховатость, кривизна', с которым фиксируется производное от *лютъ* церковнославянское *лютыни* = *лютына*[35] (если только его нельзя понять как переносное 'трудность, невзгода'). Причем и данное значение ('шероховатый, неровный'), часто сосуществуя с 'ломкий', базируется на 'ломать, разбивать' или 'скала': см. лат. *frăgōsus* 'ломкий, изломанный, разбитый' и 'шероховатый' — к *frango, -ere* 'ломать, разбивать, раздроблять'; ср. еще *skraudùs* 'неровный, шероховатый' и 'ломкий', которое связывают с с.-хорв. *hrîd* 'скала'[36]. Думается, что значение 'твердый (но хрупкий)', отмечаемое у ряда континуант славянского **l'utъ*, чрезвычайно важно для определения этимологической природы исследуемой лексемы[37]. Показательно, что примеры семантической связи 'жестокий, суровый, лютый' с 'твердый' чрезвычайно многочисленны, см. у Срезневского *крѣпыи* 'твердый' и 'жестокий'[38], а также чеш. *tvrdý* 'твердый (камень и др.)' и 'жестокий, суровый', *tuhý*

---

[31] RJA VI, с. 328, 329; *Iveković — Broz* I, с. 648; *Skok* II, с. 340.
[32] *Бернштейн*, с. 175.
[33] *Конески* I, с. 391.
[34] *Фасмер* IV, с. 108.
[35] *Срезневский* II, стб. 97.
[36] *Schütz*, S. 91.
[37] Что касается с.-хорв. (зап.) *љŷт* 'скала', то рассмотрение его в составе гнезда **l'ut-* едва ли целесообразно, так как оно, по существующему мнению (*Skok* II, с. 341, 308; RJA VI, с. 330—331), может быть связано с *лûт* то же, которое предположительно из греч. λίθος 'камень'.
[38] *Срезневский* I, стб. 1354.

'твердый, жесткий, тугой' и 'жестокий, ожесточенный, лютый', нем. *hart* 'твердый, крепкий, жесткий' и 'суровый, жестокий', греч. σκληρός 'твердый, жесткий, тугой' и 'жестокий, злобный'.

Итак, в составе славянского гнезда с корнем **l'ut-* представлены самые разнообразные значения: 'жестокий, лютый', 'быстрый, сильный', 'острый, горький, кислый; крепкий', 'хрупкий', 'твердый' ('шероховатый'?) и др. Как мы отмечали выше, подобные семантические комплексы, демонстрируемые, в частности, лексемами **ostrъ* и **žestъkъ* (**žestokъ*) развиваются в ряде случаев на основе исходного значения 'камень, скала'. Кроме того, аналогичная семантика часто формируется на базе глаголов, обозначающих разрушительные действия: так к слав. **der-/*dьr-* (и.-е. **der-/*dr-*) 'драть' в конечном итоге восходят чеш. *dravý* 'хищный', диал. 'злой', словац. *dravý* 'хищный', 'проворный', словин. *dravı̈* 'быстрый', рус. диал. *дра́вый* 'дырявый' (из **dьravъjь*); ст.-чеш. *drstný* 'неровный, шершавый, шероховатый', слвц. *drsný* 'шероховатый', 'грубый', 'сильный', 'суровый' (из **dьrstьnъjь*)[39]; индоевропейское гнездо **(s)ker-* 'резать' включает в себя, наряду с другими, образования с расширителем *-bh-*, среди которых нем. *scharf* 'острый (о лезвии)', 'едкий (об уксусе)', 'сильный', 'строгий', лтш. *skar̃bs* 'острый', 'задорный', 'строгий, суровый', *škerbs* 'терпкий', лит. *skir̃bti* 'делать кислым'[40].

Подытоживая все вышеизложенное, очевидно, есть основания предполагать, что прилаг. **l'utъ* может быть соотнесено с каким-то индоевропейским корнем в значении 'разрушать, разбивать, разделять' или 'камень, скала'. Причем, учитывая регулярно наблюдающуюся производность 'сечь, колоть, рвать. . .' → 'скала'[41], допустимо говорить о едином гнезде 'разрушать; скала, камень': слав. **skala* (рус. *скала*, укр. *скала* 'камень' и др.) родственно лит. *skeliù*, *skélti* 'раскалывать', *skìlti*, *skįlú* 'трескаться', греч. σκάλλω 'копаю, рублю', др.-исл. *skilja* 'разделять', хетт. *iškallā(i)-* 'ломать, разрушать', далее к индоевропейскому **(s)kel-* 'колоть'[42]; лат. *saxum* 'скала, глыба, камень' родственно *secāre* 'срезать, распиливать, стричь, раскалывать, обрубать, рассекать, разделять', ср. сюда же слав. **sěkti* '(рас-)сечь' — затем к индоевропейскому **sek-* 'рассекать, отрезать, отделять'[43]; лат. *rūpēs* 'скала, утес' родственно *rumpō*, *-ere* 'ломать' — к индоевропейскому **reu-*, **reu̯ə-:*rŭ-* 'разрывать, раздирать'[44]. Искомым индоевропейским гнездом, куда следует включать слав. **l'utъ*, на наш взгляд, является **leu-*, **leu̯ə-*, **lēu-:*ləu-(:*lŭ-)* 'отрезать, отделять', с которым

---

[39] ЭССЯ 5, с. 219; 226.

[40] ЭССЯ 8, s. v. *xorbrъ(jь).

[41] В последнее время о связи значений 'скала, камень', 'грубый, неровный', 'острый', трактуемых как производные от 'разрушать', подробно писала *Л. Г. Невская* (Балтийская терминология возвышенного рельефа в сопоставлении со славянской. — ZfSl, 1974, XIX, 2, с. 158—174.

[42] *Фасмер* III, с. 630.

[43] *Ernout — Meillet* II, p. 1053—1054; 1072—1073; *Pokorny* I, S. 895—896.

[44] *Pokorny* I, S. 868—871.

Покорный закономерно объединяет *lēu- 'камень'[45]. Из других славянских лексем он приводит здесь рус. *лава*, *луста* и далее рус. *луб*, ц.-слав. *лъбъ*, серб. *лу̀бина*, слав. *lupiti*, рус. *лупить*, *лупа*, ц.-слав. *лупеж*. Что касается формальной стороны, то *l'utъ*, очевидно, продолжает индоевропейский корень *leu-*, являясь по происхождению старым причастным образованием. Если же попытаться выявить семантический признак, с которым надо непосредственно связывать значение 'лютый, злой, жестокий', то, принимая во внимание наличие у некоторых континуант славянского *l'utъ* значения 'твердый', таковым вероятнее всего следует считать именно его. Показательно, что антонимическое прилагательное *мягкий* 'нетвердый, нежесткий', означает в русском и 'нестроптивый, кроткий', ср. еще семантику с.-хорв. *мёк* 'мягкий', 'некрепкий (о вине, уксусе, табаке и т. п.)', *бити мека срца* 'иметь доброе сердце' [46]. Для реконструкции же в качестве исходного признака 'крутой, обрывистый', как то делал Налепа, в данном случае, по-видимому, нет веских оснований, хотя существование самой модели сомнений не вызывает (см., например, макед. *врл* 'крутой, отвесный' и 'лютый, недобрый' [47], а также любопытные антонимичные примеры рус. перм. *полбгой* 'тихий, спокойный, незлобивый' и 'медлительный, нерасторопный' [48], нем. *sanft* 'пологий', 'кроткий', 'мягкий, нежный', лат. *lēnis* 'отлогий', 'кроткий; мягкий, спокойный', 'медлительный, неторопливый', ср. сходное полесск. *плоский* 'слабо спряденный, мягкий', *плоско* 'слабо' [49]). Как видно из приведенных здесь и ранее примеров, значения 'крутой', 'твердый' и 'острый' обычно сосуществуют не только с 'злой, жестокий', но и 'быстрый; сильный', а, 'пологий', 'мягкий' и 'тупой' — не только с 'кроткий, незлобивый', но и с 'медлительный' (см. еще интересное семантически рус. подмоск. *тупой* 'не бойкий', торговля *тупая* [50], а также рус. яросл. *мягкий* 'ленивый, нерасторопный' [51]). Это естественно, потому что, как уже отмечалось выше, на семантической основе 'резать, сечь, драть, отделять' регулярно развиваются не только значения 'острый', 'твердый', 'крутой, обрывистый', но и '(быстро двигаться) быстрый; сильный', которое также может служить производящим для 'лютый, жестокий'. См. любопытные в данном отношении русские диалектные примеры: *суровбй* 'живой, бойкий (ребенок)', 'резвый, склонный к шалости', *суровиться* 'шалить, резвиться' [52], *су́ров*, *суровбй* 'проворный, прилежный', *сурову́ха*, *на сурову́ху* 'второпях, наскоро' [53]. Следует еще подчеркнуть, что

---

[45] Там же, с. 681—682; 683.
[46] *Толстой*[3], с. 254.
[47] И-С, с. 65.
[48] Соликам. словарь, с. 476.
[49] Лексика Полесья, с. 247.
[50] *Иванова*. Подмоск., с. 585.
[51] *Волоцкий*, с. 49.
[52] *Цомакион*, ч. II, вып. I, с. 72, 158, 14.
[53] *Герасимов*, с. 80, 81.

в целом ряде случаев затруднительно определить, на каком из признаков 'крутой, отвесный', 'твердый' или 'быстрый; сильный', непосредственно базируется значение 'лютый, жестокий'. Это замечание относится и к лексеме **krǫtъ*, приведенной, в частности, Налепой: чеш. *krutý* 'суровый, жестокий, лютый', польск. *okrutny* 'жестокий' могут быть соотнесены с любым из признаков, которые демонстрируют континуанты славянского **krǫtъ*, в частности, в русском, где *крутой* значит 'обрывистый, отвесный', 'твердый, густой (о вареном яйце, каше)', 'быстрый, проворный, расторопный', см. также *круто* 'скоро' и 'сильно' [54]. Необходимо отметить, что о возможной связи славянского **l'utъ* (и.-е. **leu-t-*) со значением 'быстрое резкое движение' писал в свое время Ф. Вуд [55]. Причем, наряду с многочисленными и разнохарактерными индоевропейскими примерами, сравнивавшимися им с **l'utъ* и отвергнутыми впоследствии этимологами, были и такие, сопоставление с которыми представляется нам закономерным: др.-инд. *lunāti* '(от)резает', греч. λύω 'отвязывать; отделять', др.-исл. *lȳja* 'бить, ударять' и др. Однако согласно современной традиции эти лексемы связывают с **leu-* 'отрезать, отделять' [56], а Вуд, объединяя их с большим числом примеров, которые теперь обычно относят к различным индоевропейским корням, возводил к чрезмерно расширенному, аморфному гнезду **eleu̯o-*, **lĕu̯o-* 'прыгать, вперед, падать в сторону, тащить прочь, оставлять, покидать; рвать, дергать, резать, ломать, бить' [57]. Думается, что даже в том случае, если в качестве исходного признака для **l'utъ* 'жестокий, злой' предполагать значение 'быстрый', данное слово целесообразно рассматривать в составе гнезда **leu-* 'отделять, отрезать', тем более, что здесь представлены лексемы со значением движения: тох. A *law-*, B *lyu-* 'отсылать, выгонять' [58].

Итак, в соответствии с приведенными выше соображениями, по-видимому можно предполагать, что слав. **l'utъ* 'жестокий, злой' через промежуточное семантическое звено 'твердый' (или 'быстрый') связано с индоевропейским гнездом **leu-* 'отрезать, отделять', будучи по своей природе старым причастием.

---

[54] *Даль*² II, с. 203; *Волоцкий*, с. 43; *Цомакион*, ч. II, вып. I, с. 158; Словарь Оби. Дополнение, ч. I, с. 224.
[55] *Wood F.* Some derived bases. — AJPh 1902, XXIII, 2, p. 199—200.
[56] *Pokorny* I, S. 681—682.
[57] *Wood F.* Op. cit.
[58] *Pokorny* I, S. 682.

Т. А. Иванова

СЛАВ. *АБРѢДЬ*

(К вопросу о значении и этимологии)

Там, в садах, еще растет деревцо небд, приносящее акриды. . .

И. Бунин. Страна содомская

Лексема *абрѣдь* и ее словообразовательные варианты *абрѣдье* (*ѩбрѣдие*), *обрѣда* известны нам в ветхо- и новозаветных текстах, где они переводят греч. ἀκρίς, мн. ἀκρίδες.

Достаточно часто употребляемое в разных книгах Ветхого завета греч. ἀκρίς в качестве прямого заимствования известно, однако, преимущественно в древнейших славянских переводах евангелия в тех его местах, где речь идет о пище Иоанна Крестителя.

Так, в евангелии от Мат. III.4 в Ассеманиевом кодексе читается: ѣдь же его бѣ акриди и медъ дивии (в Остромировом ев. — акридъ). В корреспондирующем чтении евангелия от Мрк. I.6 та же лексема употребляется не только в Ассеманиевом и Остромировом кодексах, но и в Мариинском, Зографском и Боянском палимпсесте. Кроме того, употребление грецизма известно и в ветхозаветных текстах. Так, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского приведена без указания на список следующая цитата из кн. Левит. XI.22, где говорится о пище, разрешаемой евреям по закону: да ясте от сих. . . *акриду* и подобные еи [1]. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» слово *акрида* иллюстрируется еще цитатой из кн. Премудрости Соломона по Острожской библии 1581 г.: их же бо *акриды* и мышица побиша кусаниемъ [2]. Как видно из приведенных примеров, значение этого слова в ветхозаветных текстах не вызывает сомнения: оно называет определенное насекомое — саранчу.

В связи с этим уже в древнейших славянских памятниках греч. ἀκρίς, мн. ἀκρίδες переводится слав. прѫгъ (*проугъ*), мн. прѫзи (*проузи*). Так, в Саввиной книге в соответствующих чтениях Мат. III.4 и Мрк. I.6 читается: ѣдь же его бѣ прѫзи и медъ дивии (то же в Дечанском, Никольском, Реймсском (кир.), Юрьевском 1119 г. и Четвероевангелии 1144 г.).

Точно так же переведено это слово в трех псалмах Синайской псалтыри (пс. 77.46, 104.34, 108.23) и в других древнейших ее списках. Обычно это слово и в иных ветхозаветных и новозаветных текстах [3].

Но в некоторых старославянских памятниках русского извода греч. ἀκρίς переводится лексемой *абрѣдь* или ее словообразова-

---

[1] *Срезневский* I, стб. 12—13.
[2] СлРЯ XI—XVII вв. 1, с. 26.
[3] Slovník jaz. stsl. 32, с. 506.

тельными вариантами. Так, в Мстиславовом кодексе 1117 г. в евангелии от Мат. III.4 читается: ꙗдь же его бѣаше *ꙗбрѣдие*; в евангелии по сп. XII—XIV вв.: ꙗдь же его бѣ *абрѣдь*; в акад. евангелии XIV в.: ꙗдь же его бѣаше *абрѣдье*. То же слово читается в Стихире XII в. в тексте, представляющем евангельскую реминисценцию: бѣгаꙗ въ поустыни въдворꙗаше сѧ. медъ дивии и *абрѣдъми* питаꙗсѧ[4]. Кроме того, варианты лексемы *абрѣдь* употребляются в одном из псалмов (108.23) псалтыри в ряде ее списков, а также в Геннадиевской библии 1499 г., в кн. Екклесиаста XII.5.

Сообщая евангельские примеры употребления лексемы *абрѣдь*, И. И. Срезневский высказал сомнение в том, что это слово значило то же самое, что греч. ἀκρίς. Не очень надежные сопоставления с литовским и греческим языком позволили ему высказать предположение, что это слово называло какое-то растение. В связи с этим Срезневский писал: «Можно думать, что ἀκρίς было переведено словом *абрѣдь* вследствие мнения, принятого многими толкователями евангелия, что Иоанн Предтеча питался не насекомыми, а растениями»[5].

Действительно, указанное мнение некоторых раннехристианских экзегетов получило в патристике достаточно широкое распространение[6] и нашло прямое и недвусмысленное отражение в письменных памятниках разных славянских народов. Так, например, в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в тех местах, где речь идет о Иоанне Крестителе, о его пище сказано следующее: кормя ся тростным корением и щепками древяными (кн. II, гл. VII); и на потребу ему быша древяные щеполъки (кн. II, гл. IX)[7]. Хотя ясно, что речь идет о растительной пище, само это выражение объясняется исследователями по-разному. Так, издатель и исследователь славянского Флавия, Н. А. Мещерский, возражая известному французскому медиевисту П. Паскалю, переводчику славянской «Истории» Флавия на французский язык, понимавшему это выражение буквально, в соответствии с современным русским *щепка*, писал следующее: «По-видимому, слово «щепъка» могло обозначать молодой древесный побег (ср. украинское «прищепити» — привить молодое дерево, «прищепа» — прививаемая ветка). Древнерусский Хронограф 1512 г., приведя указанное место «Истории», прибавляет глоссу: «сирѣчь вершие дубное». Последнее соответствует греческому ἀκρόδρυα (верхние побеги дубов)»[8]. Точку зрения Н. А. Мещерского разделял А. Вайан[9]. Заметим, что она подтверждается данными двух словарей XVII в., изданных В. В. Нимчуком.

[4] *Срезневский* I, стб. 3—4; III, стб. 1633.
[5] *Срезневский* I, стб. 3—4.
[6] *Lampe H. W.* A patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961, p. 65.
[7] *Мещерский Н. А.* «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 250, 258.
[8] Там же, с. 420.
[9] *Vaillant A.* Un mot imaginaire: vieux-russe vermije «sauterelles, vers». — RÉS, 1969, v. 48, p. 72.

Так, в словено-латинском лексиконе Е. Славинецкого и А. Корецкого слово *щепъ* переводится лат. *planta*, а последнему в латинском словаре Е. Славинецкого соответствует слав. *лѣтора(с)л(ъ)*, что, как известно, имело значение 'побег, отросток, ветвь' [10]. Следует еще добавить, что греч. ἀκρόδρυον в Хронике Георгия Амартола переводится словосочетанием *лѣторасль млада* [11]. Однако точку зрения Н. А. Мещерского не принял И. С. Дуйчев. Ссылаясь на исследование бельгийского византиниста А. Грегуара, он считал, что под *щепъками древяными* следует понимать плоды деревьев с твердой оболочкой (орехи, желуди и т. п.) [12]. Любопытно, что в Лексиконе латинском Е. Славинецкого *acrodrya* переводится как *овощїе в ско(р)лупа(х)* [13].

Как бы там ни было, ясно, что, по славянскому переводу «Истории» Флавия, Иоанн Предтеча питался растительной пищей.

О том, что пищей Иоанна Крестителя, по средневековым воззрениям, признавалось на ἀκρίς, а ἀκρόδρυον, в славянском переводе *вершие дубное*, как это сказано в глоссе Хронографа 1512 г., имеются и другие свидетельства. Так, Григорий Цамблак в Слове на рождество Иоанна Крестителя, отвечая на вопрос: Кая бо пища Иоанова?, утверждал: *Вершие дубное* и мед дивии [14]. О том же самом он писал и в Похвале Еф. Тырновскому, сравнивая его с Иоанном Крестителем: *връшиемъ дубнымъ* въспитавъши [15].

Мнение о том, что Иоанн Предтеча питался *вершиемъ дубьнымъ*, получило отражение в Азбуковниках [16]. При этом замечательно, что не только слово *акриды* поясняется как *вершие дубное*, но и *мелагаръ (милагаръ)*, т. е. μέλι ἄγριον — *медъ дивии*, толкуется также: *мелагаръ пруѕгъ.* что пр(д)тча ѣлъ. еже и *вершие дуба* наричетъ ся. ГПБ Соб. Тол. Q. XVI.9, л. РПД; Q. XVI.12, л. ОВ [17].

---

[10] *Славинецький Е.* Лексикон латинський. *Славинецький Е.* та *Корецький-Сатановський А.* Лексикон словено-латинський. Київ, 1973, с. 318, 538.

[11] *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, III. Л., 1930, с. 10.

[12] *Дуйчев И. С.* Одно неясное место в древнерусском переводе Иосифа Флавия. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. XVI. Л., 1960, с. 418—419.

[13] *Славинецький Е.* Указ. соч., с. 311.

[14] Такое чтение содержится в следующих списках Слова: ГБЛ Никифор. № 31, л. 167 об.; Муз. № 9091, л. 45в: ГПБ Погод. 948, л. 180 об.; Погод. 1131, л. 167 об.; Соф. 1322, л. 180; Тол. Q. 1.222, л. 195; БАН (Ленинград) 33.1.10, л. 365; 33.7.9, л. РЛЗ об.; 33.7.10, л. СНИ об. В «Материалах» Срезневского (I, стб. 245) со ссылкой на публикацию Макария о Г. Цамблаке в «Известиях АН по отделению русского языка и словесности», т. VI (СПб., 1858, с. 124) приводится чтение *вермие дубное*, в которое, безусловно, вкралась опечатка. О том, что *вермие* является «мнимым» и «выдуманным» древнерусским словом, писали: *Mátl A.* Das angebliche altrussische *vermije.* — Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university, 1964, XIII, řada jazykovědná (A), č. 12, c. 37—41; *Vaillant.* Op. cit., p. 72.

[15] *Дуйчев И.* Едно неясно място от цамблаковата възхвала за Евтимий. — БЕ 1954, год. IV, кн. 2, с. 171—172.

[16] *Ковтун Л. С.* Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977, с. 96.

[17] Ср.: *Сахаров И.* Сказания русского народа, т. II, кн. 5. СПб., 1849, с. 170.

Точно так же современник Г. Цамблака Ян Гус считал, что Иоанн Креститель питался растениями. Комментируя евангелие от Мат. III.4 в старочешском Литомержицком кодексе, где сказано, что пищей Предтечи были плоды, называемые *locusta*, и заметив, что толкователи евангелия понимают это слово по-разному: одни считают его насекомым (kobylka), другие — растением (kořenie neb zelina), он присоединился к последней точке зрения. Ссылаясь на кн. Левит XI.22, Гус утверждал при этом, что бог з а п р е т и л евреям употреблять в пищу саранчу: zapověděl jest bóh jiesti kobylky [18]. Интересно, что и в Острожской библіи соответствующий текст тоже содержит запрещение: и сіѧ да не ѧсте ѿ сихъ оусеница и еже подобно есть еи. сверчекъ и еже подобно к немꙋ и прꙋги иже подобно к ни(м).

Любопытнейший материал о пище Иоанна Крестителя, как она представлялась славянским богословам, содержится в рукописи конца XVII — нач. XVIII вв., опубликованной И. Франко. Ее автор — один из церковных деятелей юго-западной Руси, Ст. Теслевцев, — в Слове на рождество богородицы сообщает о том, что при рождении богородицы засохшая яблоня зацвела и уродила три яблока, одно из которых Мария подарила Елизавете, матери Предтечи. Последняя, спасаясь с младенцем Иоанном от преследовавших ее воинов Ирода, укрылась в горе, где и оставила то яблоко, из которого выросли две ветки (двѣ галузѣ): И там една галуза выросла и зродила плод бар'зо предивный: бѣлые брун'ки ꙗк свѣтъ, на подобен'ство горохового стрꙋча, а солодок ꙗк цꙋкер албо мовѧчи сахар, и барзо сытно, и то сѧ называет ꙗзыком тꙋрецким акрыды, а по грецкій бронъцы, а по словенскій прꙋжіе, а по рꙋскій брон'ки, а по ꙋгор'скій берекинѣ. и тое то бж҃іи(м) промыслом оуроженые. А з дрꙋгой галꙋзки ишол медъ... и то сѧ называетъ ме(д) дивый, тот ест дикій, самородный и див'ныи, бг҃ом оурожен'ный, але не ѿ пчел, ꙗк иные разꙋмѣют быти мед диких пчел. И зновꙋ теж бж҃іимъ промыслом оу дрꙋгом оуглѣ тоеи печары истекла из каменѧ вода солодка бар'зо. И в' тоіі печары жылъ ст҃ый Іѡанъ Предтеча ·Л҃· лѣтъ. и тоты берекинѣ ѣдав', и тот медъ Бг҃омъ оурожонный оужывал, и тꙋю водꙋ пивалъ [19].

Обусловленные экстралингвистическими причинами колебания в определении значения грецизма *акриды* нашли отражение в русской лексикографической практике конца XVI — XVII вв [20]. В соответствии с этим и современные лексикографы вынуждены давать два значения у слова *акрида*: 1) саранча и 2) молодой побег растения [21].

---

[18] *Gebauer* II, с. 72.
[19] *Франко І*. Апокріфи і легенди з українських рукописів, т. II. Львів, 1899, с. 69—70.
[20] *Ковтун Л. С.* Указ. соч., с. 96—99.
[21] СлРЯ XI—XVII вв. 1, с. 26.

Более того, споры о пище Иоанна Предтечи, возникшие в среде христианских богословов, как это ни удивительно, породили в действительности растение, которое собственными глазами видели в Палестине паломники. Так, в 1723 г. предпринял путешествие по святым местам Востока выходец из киевских купцов Василий Григорович-Барский. Описывая свои странствия, он утверждал, что «древа, именуемые акриды (еже есть рожки турецкие) при пещере растут, от его же вершия ядяше святии Предтеча» [22].

Точно так же Порфирий Успенский в дневнике от 25 января 1844 г. писал: В первый раз в жизни видел ростки растения акриды, коими питался Иоанн Предтеча. Одна арабка продавала его на вифлеемском рынке для салата. Я сохранил для памяти одну веточку [23].

Итак, что же в самом деле значило слав. *абрѣдь*? Было ли оно синонимом слова пржгъ (насекомое) или называло растение (молодые побеги его или плоды), т. е. являлось синонимом лексем *щепки древяные*, *вершие дубное*, *белые бруньки*, *рожки турецкие* и т. п?.

Чтобы получить ответы на поставленные вопросы, следует проанализировать иные контексты, в которых известно употребление лексемы *абрѣдь* или ее вариантов, а также данные славянских языков (известны ли в них однокоренные с *абрѣдь* слова и в каких значениях они употребляются?).

I. Как выше было указано, употребление вариантов лексемы *абрѣдь*, кроме евангелия, известно в двух ветхозаветных книгах, в Псалтыри (пс. 108.23) и в кн. Екклесиаста (гл. XII.5). В отличие от евангелия ветхозаветные тексты в смысловом отношении не вполне ясны, что вызывало весьма показательные лексические замены, позволяющие до некоторой степени определить значение лексемы *абрѣдь*.

1) В древнейших списках псалтыри (Синайской, Погодинской, Болонской) и в большинстве других 23-й стих 108 псалма читается так: ꙗко сѣнь егда оуклонитъ сѧ. отъꙗсъ сѧ. и сътрѧсъ сѧ ꙗко пржзи [24]. Однако в ряде списков так называемой русской редакции только в этом стихе *пржзи*, как это отметил В. Погорелов, заменяются лексемой *абрѣдиѥ* [25], сохраняясь в тех псалмах,

---

[22] Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 г. по 1747 г., ч. 1. СПб., 1885, с. 381. О том, что плоды рожкового дерева (ceratonia silliqua), стручки, или «рожки турецкие», по средневековым воззрениям, могли служить пищей Предтечи, говорят данные и Лексикона латинского Е. Славинецкого, где слово *ceratonia* переводится как *роже(ц)*, *хлѣб стого Іоана*. — *Славинецький Е.* Указ. соч., с. 118. Заметим, что слово *рожьць* известно в евангелии от Лук. XV.16 (притча о блудном сыне), где оно переводит греч. κεράτιον. Любопытно, что у Л. Садник и Р. Айцетмюллера оно толкуется как Schote des Johanisbrotbaumes, см.: *Sadnik — Aitzetmuller.* Handwörterbuch, S. 116.

[23] *Успенский П.* Книга жития моего. Дневники и автобиографические записки, I. СПб., 1894, с. 432.

[24] В Синайской псалтыри вместо пржзи стоит προςι.

[25] *Погорелов В.* О редакциях славянского перевода псалтыри. — В кн.: Библиотека Московской синодальной типографии. Вып. 3. Псалтырп. М., 1901, с. XXXII.

где речь действительно идет о насекомых (пс. 77.46, 104.34). Кроме того, исследователь обратил внимание на «очень любопытный случай» — замену в одной из псалтырей той же «русской» редакции (Тип. № 46) лексемы *абрѣдиѥ* словосочетанием *прѹтьнии коньци*[26]. Эта замена, несомненно, была синонимична выражениям *щепъки древяные* и *вершие доубьное*, а также проясняла текст стиха: ‛сотрясался, как концы ветвей’.

2) Стих 5-й XII главы кн. Екклесиаста в Геннадиевской библии 1499 г. повторяется дважды, в основном тексте и во вставке. И в том и в другом случае в этом стихе употребляются варианты лексемы *абрѣдь*[27], при этом они попадают в окружение ботанической лексики: И процвете(т) кляпы(ш) и ѡтлъстѣетъ *обрѣда* (во вставке: оутыеть *абрѣдиѥ*) и раздрѹшитъ сѧ капара. На полях при *обрѣда* стоит *прѹгъ*. Точно так же определяется это слово в Азбуковнике из собрания Ф. А. Толстого ГПБ Q. XVI.9, л. СЕІ. Однако само слово *прѹгъ* толкуется здесь же как растение: *обрѣда прѹгъ* еже есть овощь дивии, на полях при этом указан литературный источник: еклисїастъ ·ВІ·. Любопытно и показательно то, что в старобелорусском списке библии вместо *обрѣда* (*ѩбрѣдиѥ*) находится слово *верхъ* в значении, близком к *вершию дубьному*: оутолстеетъ *верхъ*. и отделится капарра[28]. Заметим еще, что глаголы *оутыти* и *отлъстѣти* переводят греч. παχύνεσθαι, у которого, кроме прямого значения ‛разжиреть, сделаться тучным, толстым’, было и переносное — ‛огрубеть, стать грубым’. Сказанное позволяет предположить, что славянские переводчики 5-й стих XII главы кн. Екклесиаста, возможно, понимали так: ‛отцветет миндаль, огрубеют побеги растений и рассыплется каперс’. Таким образом, данные, извлекаемые из памятников письменности, позволяют согласиться с предположением Срезневского, что лексема *абрѣдь* и ее варианты называли растение (побеги или плоды его).

II. С этим вполне согласуются данные славянских языков, которые широко представлены в «Этимологическом словаре славянских языков» под ред. О. Н. Трубачева. Здесь, как кажется, совершенно закономерно объединяются слова с основой **brěd-* и слова с основой **bręd-*, представляющей назализованный вариант к форме **brěd-*. «Эта семья слов, — пишет О. Н. Трубачев, — обнаруживает черты общности в семантике, морфологии и словообразовании, охватывающие все названные варианты. Со стороны семантики значения слов с основой **brěd-/*bręd-* объединяются вокруг след. главных: ‛побег’, ‛цвет растения’, ‛плод’»[29].

С точки зрения О. Н. Трубачева, слов с этими основами «не знают собственно ю.-слав. языки и в с е в о с т. - с л а в. языки,

---

[26] Там же.

[27] *Горский А. В.*, *Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, І. М., 1855, с. 67—68.

[28] *Булыка А. М.* Батанічная лексіка грэка-лацінскага паходжання ў старабеларускай мове. — Беларуская лінгвістыка, 1976, вып. 9, с. 29.

[29] ЭССЯ 1, с. 49.

так как рус.-цслав. *абрѣдь*, *ѥабрѣдиѥ* лишено народной вост.-слав. основы, встречается только в евангелических текстах и является там, судя по всему, лексическим чехоморавизмом или паннонизмом» [30].

Соглашаясь с О. Н. Трубачевым в том, что лексема *абрѣдь* и ее варианты в наших памятниках, вероятно, действительно не восточнославянского происхождения, не могу разделить его точки зрения, что восточно-славянские языки не знают однокоренных слов. Еще А. И. Соболевский сближал цслав. *абрѣдь* с русским диалектным *бредина* 'ива' [31]. Кажется, что и семантически, и словообразовательно северно- и западнорусские диалектные слова *бред (бряд)*, *бредь (брядь)*, *бредье* [32] близки к праслав. **brěd-*/**bręd-*, и у нас нет достаточных оснований, чтобы не объединять их с последними.

III. В заключение необходимо сделать еще одно дополнение. Как соотносятся слова с основой **brěd-*/**bręd-* с энтомологической лексикой? Засвидетельствованы ли слова с основой **brěd-*/**bręd-*, называющие насекомых? Оказывается, что таких слов нет. И. А. Дзендзелевский в статье, посвященной энтомологической лексике, привел около 15 корней, от которых в славянских языках образуются названия кузнечика; среди них слов от основы **brěd-*/**bręd-* не отмечено [33]. Представляется, что и это может служить еще одним доказательством того, что лексема *абрѣдь* и ее варианты не имели первоначального значения 'насекомое', а называли растение (его побеги или плоды).

Следовательно, все те этимологии слова *абрѣдь*, авторы которых исходят из значения 'саранча', следует признать недостоверными [34]. В свете изложенного наиболее убедительной представляется та этимология слов с основой **brěd-*/**bręd-*, по которой они в первую очередь оказываются в родстве с лит. *bręsti*, *bréndau* 'набухать, набирать силу, созревать', *brandà* 'зрелость, спелость', лтш. *briêst* 'зреть, спеть', *bruôds* 'почка' [35]. Собственно в этом случае я вполне разделяю точку зрения О. Н. Трубачева [36]. Вместе с тем не могу не признать совершенно искусственным его объяснение лексемы *абрѣдь*, поскольку и он исходит из значения 'саранча', которое считает реальным и объясняет тем, что «рога, наросты на голове, resp. усики насекомого, обозначаются как 'побеги', 'то, что выросло'» [37].

---

30 Там же, с. 51.

31 *Соболевский А. И.* Этимологические заметки. — Slavia, 1927, roč. V, seš 3, с. 440—441.

32 *Филин* 3, с. 169—170, 172, 227.

33 *Дзендзелівський Й. О.* Із спостережень над слов'янською народною ентомологічною лексикою. Назви коника в говорах слов'янських мов. — Berieche der Slavistik. Wien, 1975, S. 69—80.

34 *Vasmer M.* Baltisch-slavische Wortgleichungen. 1. r.-kslav. *abrědъ* «Heuschrecke». — В кн.: Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957, с. 351—352; *Фасмер* IV, с. 540; *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 117—119.

35 *Berneker*, S. 84—85; *Brückner*, с. 43—44; *Bezlaj* I, с. 1.

36 ЭССЯ 1, с. 49.

37 Там же.

Вполне вероятно, что такое значение у лексемы *абрѣдь* и ее вариантов в силу экстралингвистических причин могло развиться и быть реальным, но, безусловно, оно не являлось исходным, праславянским.

М. Ф. Мурьянов

СЕМАНТИКА Ц.-СЛАВ. ХЛѦБЬ

В этюде о церковнославянизме хлѧбь О. Н. Трубачев сопоставил факты употребления этого слова в широком хронологическом диапазоне, от Синайской Псалтыри XI в., книги Бытия по списку XIV в. и до «Географии генеральной» Петровской эпохи, реконструировал его первоначальное значение '(водяной) затвор, запираемый спуск' и объяснил этимологически как родственное литовскому *sklem̃bti* 'соскользнуть в сторону', *sklę̃sti* 'задвигать (засов), запирать (дверь)' и т. д.[1].

Исследование О. Н. Трубачева соответствует строгим условиям решения задач такого рода и поэтому убедительно, тему можно считать исчерпанной. Что в будущем любые находки текстов не поколеблют его основных положений, доказуемо уже сейчас, простым сопоставлением канонического текста Пс 41,8 бездна бездну призываетъ во гласѣ хлябій твоихъ с этим же местом в Чудовской Псалтыри XI в.: бездьна бездьнѫ призываѥть. въ гласъ затворъ твоихъ[2].

Есть единственное принципиальное возражение, но адресовать его нужно не О. Н Трубачеву, а, видимо, Кириллу и Мефодию — если верно предположение П. Шафарика, что *хлѧбь* является паннонизмом[3]. Славянские переводчики неправильно поняли слово Септуагинты καταρράκτης. Не справились с грецизмом *cataracta* и Ноткер Губатый (ум. в 1022 г.), передавший его в первой немецкой Псалтыри через *uuâzerdîez* 'водяной шум'[4], и англосаксонский глоссатор латинской Псалтыри, написавший возле *cataractes* поясняющее *wuaeterthrouch* 'водяной ящик, vas collectorium aquarum', и Псевдо-Руфин, назвавший в комментарии к Пс 41,8 эту непонятную реалию акведуком[5]. Возвращаясь к Чудовской Псалтыри, обратим внимание на выраженную в ней самой неудовлетворенность своим собственным текстом Пс 41,8, толкова-

---

[1] *Трубачев О. Н.* Славянские и балтийские этимологии. — Этимология 1975. М., 1977, с. 4—10.

[2] *Погорелов В.* Чудовская Псалтырь XI в., отрывок Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. СПб., 1910, с. 20.

[3] *Шафарик П. И.* О происхождении и родине глаголитизма. М., 1861, с. 40.

[4] Notkers des Deutschen Werke. 3. Bd., 1. Teil. Hg. von E. H. Sehrt. Halle, 1952, S. 257.

[5] Thesaurus linguae latinae, v. 3. Leipzig, 1912, col. 595—596.

ние которого сформулировано так: таснѣіє сумъмахъ съказалъ ѥсть. бездьна безднѫ сърѣтааше. отъ шоума капл'ь твоихъ[6]. Симмах принадлежал к числу тех, кого качество текста Септуагинты не устраивало, в конце II в. н. э. он заново перевел Ветхий завет с иврита на греческий язык, этот труд высоко ценился творцом латинской Вульгаты Иеронимом: «Симмах не имеет обыкновения ревностно цепляться за слова, а следует их смыслу; Symmachus non solet verborum κακοζηλίαν, sed intelligentiae ordinem sequi»[7]. Ориген включил Симмахов перевод в качестве четвертой колонки в свою Гекзаплу, этот свод версий Ветхого завета почти полностью погиб, но Пс 41,8 принадлежит к уцелевшему, что дает возможность увидеть цитату Чудовской Псалтыри в подлиннике: ἄβυσσος ἀβύσσῳ ἀπήντα ἀπὸ ἤχου τῶν κρουνῶν σου[8], т. е. 'шума стремнин твоих', что в славянском переводе мастерски подменено синекдохой — брызгами стремнин, pars pro toto.

Слово *хлабь* и соответственно καταρράκτης встречается в Библии еще в четырех местах: Быт 7,11; 8,2; 4Цар 7,2; Мал 3,10. Самый выразительный случай — Быт 7,11, где описывается, как при всемирном потопе хлаби небесныꙗ ѡтверзошаса. У Акилы и Симмаха здесь вместо οἱ καταρράκται стоит αἱ θυρίδες 'окна'[9]. Добавим, что в древнееврейском оригинале Быт 7, 11 написано *'ărubbā*, мн. ч. *'ărubbōt* 'дыра, отверстие, шлюз'[10], а это значит, что *хлабь* в ее открытом О. Н. Трубачевым значении соответствует первоисточнику вполне. Но в Пс 41,8 этого соответствия не было, поскольку в иврите здесь стоит совсем другое слово — *sinnōr* 'водопад'[11], Септуагинта не исказила смысл первоисточника, так как καταρράκτης имеет два значения — 'водопад' (первичное) и 'техническое устройство, водосброс' (вторичное)[12]. Доказывать неправильность славянского перевода нужно, разумеется, не только словарями, истина в последней инстанции находится в широком контексте самого стиха Пс 41,8, в его поэтике[13].

Здесь речь идет о безднах, а этим сразу задан космический масштаб целого[14], даже если эти бездны — не физическое про-

---

[6] *Погорелов В.* Указ. соч., с. 20.

[7] *Pauly-Wissowa-Kroll-Mittelhaus.* Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. 2. Reihe, 7. Halbbd. Stuttgart, 1931, S. 1141.

[8] *Field F.* Origenis Hexaplorum quae supersunt, t. 2. Oxford, 1875, p. 156.

[9] *Михайлов А. В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. 1. Варшава, 1912, с. 249.

[10] *Edel R.-F.* Hebräisch-Deutsche Präparation zu Genesis 1—25. Marburg, 1959, S. 22.

[11] *Edel R.-F.* Hebräisch-Deutsche Präparation zu den Psalmen. Marburg, 1966, S. 61.

[12] Chantraine IV, 1, p. 967.

[13] Ср.: *Alonso-Schökel L.*, *Kessler M.*, *Ridderbos N.* The poetic structure of Ps 42—43. — Journal for the Study of the Old Testament (Sheffield), 1976, v. 1, p. 4—21; *Alonso-Schökel L.* Psalm 42—43. — Там же, v. 3 (1977), p. 61—65 (Пс 41 имеет в Масоре № 42).

[14] *Thordarson Th.* The mythic dimension. Hermeneutical remarks on the language of the Psalter. — Vetus Testamentum, v. 24. Leiden, 1974, p. 212—220.

странство, а только сравнение для передачи страданий мятущейся души одного человека, микрокосма. Мироздание дано не столько визуально, сколько слуховыми образами, голосами бездн, что очень характерно для библейского мышления, как нетрудно убедиться при внимательном прочтении ветхозаветных текстов, описывающих экстаз пророческих состояний. Индоевропейская фольклорная традиция тоже знает множество мудрецов слепых, но они никогда не бывали глухими. На славянской почве отмечено, что в заповеднике древностей — у карпатских верховинцев вплоть до XVII в. игрою на лире обыкновенно сопровождали свое пение слепцы, в числе которых было немало преднамеренно себя ослеплявших [15]. В поэтике Пс 41,8 голосовой инструмент бездн — это не примитивное устройство для запирания воды в ирригационных каналах и, впрочем, даже там не издающее никаких звуков, а природный водопад, наподобие описанного гекзаметрами Э. Мерике:

Halte dein Herz, o Wanderer, fest in gewaltigen Händen!
Mir entstürzte vor Lust zitternd das meinige fast.
Rastlos donnernde Massen auf donnernde Massen geworfen,
Ohr und Auge, wohin retten sie sich im Tumult? [16]

Неудачно выбранное переводчиком Пс 41,8 слово *хлѧбь*, находясь в течение столетий в повседневном обиходе каждого грамотного человека (по церковному уставу Псалтырь в течение суточного круга прочитывается целиком, знание ее наизусть не было редкостью), что дало колоссальный статистический перевес над редкими случаями его употребления в прямом значении, поплатилось за ошибку своей первоначальной семантикой, художественная интуиция носителей языка осуществила преобразование, результат которого зафиксирован Словарем Даля (IV, 554): *хлябь* — ‘простор, пустота, глубь, глубина; пропасть, бездна, с понятием о подвижности жидкой среды, в коей она заключена’.

А. С. Львов

ИЗ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

17. Ц.-слав. *нѣкъчина*

Данное слово стало известным благодаря А. В. Горскому и К. И. Невоструеву, которые обнаружили его в рукописи сп. XIV в. Иоанна Лествичника, где греч. ἐξουθενεῖν оказалось переведенным

---

[15] Угро-русские народные песни. СПб., 1885, с. 17.

[16] *Nieschmidt H.-W.* Stürzende Wasser. Zum Motiv des Wasserfalls in Gedichten Stolbergs, Goethes und Mörikes. — Journal of the Australasian Universities Language and Literature Association (Christchurch), 1972, v. 38.

некъчины творити 'ни во что не ставить', 'уничижать'[1]. В Беседах Иоанна Златоуста к Антиохийцам в рукописи сп. XV в. в переводе греч. οὐδένες εἶναι δοκοῦντες те же исследователи обнаружили: *никчины сꙋща мнимѣ* 'никчемным полагают (считают)'[2]. Наконец, в предисловии рукописи сп. 1445 г., по содержанию тождественной Изборнику 1073 г., читаем: (цѣсарь Симеонъ) въжел(авъ) ѿбавїтї (съ)кровеныꙗ разоумы... кнїгъ прѣмодраго васильа... повелѣ м'нѣ *нѣк'чинѣ* вѣдїю премѣнѫ сътворїти рѣчи инако набдѧще тожьство разоумъ его... (рукопись хранится в ГПБ под шифром «Кир. Бел. 5/1062», л. 6 об.)[3].

Прежде всего об исходной форме слова. Первичным должно быть начертание *нѣкъчина*, что подтверждается написаниями *нѣк'чинѣ* и *никчины*, так как *и* в первом слоге может быть на месте *ѣ* или же представляет чередование *ѣ/и* < **oi/ei*. Поэтому написание *е* в первом примере (*некъчины*) является или передачей *ѣ* русским писцом, или же ошибочным написанием. Во втором слоге должна быть буква *ъ*, что видно из написания *-къ-* в первом примере и *-к'ч-* — во втором. Значение *нѣк'чинѣ* (*вѣдїю*) ясно, это 'недостаточно, неопределенно (знающему)' (*вѣдїю* от *вѣдѣти* < **uoid-* 'знать'). Автору указанного предисловия Симеон поручил составить Изборник; *вѣдь* 'знание'. Ср. ѡ глѫбина богатьства и прѣмѫдрости и *вѣди* (Супр. 301, 6—7) — καὶ σοφίας καὶ γνώσεως. От *вѣдь* — *вѣдии* по типу: *сѫдии*, *вѣтии*, *балии* и т. п.

В Изборнике 1073 г. слово *нѣкъчина* отсутствует, вместо него на соответствующем месте читается: *нюмудроу вѣдиѭ*[4]. Вероятно, что *нюмудроу* (*вѣдиѭ*) употреблено взамен *нѣк'чинѣ* (*вѣдїю*). Подтверждается это мнение тем, что *мѫдръ* с производными: *мѫдрити*, *-сѧ*, *мѫдровати*, *мѫдрость*, *мѫдрьство* и т. д. — широко употребительное слово в памятниках ст.-слав. и ц.-слав. письменности. Кроме того, *мѫдръ* < **mondh* — общеславянское слово и.-е. происхождения, и это общеизвестное слово едва ли кто-либо из писцов отважился бы заменить другим. Кроме всего прочего,

---

[1] *Горский А. В.*, *Невоструев К. И.* Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. II, ч. 2. М., 1859, с. 199.

[2] Там же, с. 116.

[3] С указанной рукописью, обнаружив ее в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря, бегло познакомился проф. С. П. Шевырев и ее предисловие опубликовал не совсем точно в кн.: *Шевырев С.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь... в 1847 г., ч. 2. М., 1850, с. 31. Точно сверив с рукописью, это же предисловие опубликовал в 1885 г. Л. Мазинг (*Masing L.* Studien zur Kenntniss des Izbornik Svjatoslava vom Jahre 1073 nebst Bemerkungen zu den jungeren Handschriften. — AfslPh 1885, VIII, S. 374 e. a.). Фотокопия упомянутого предисловия опубликована в работе: *Куев К.* Симеоновият сборник и неговите потомци. — Годишник на Софийския университет. Факультет по славянски филологии, 1974, т. LXVII, 2, с. 41.

Заметим, что первые два примера включены в словари со ссылкой на Описание рукописей Синодальной библиотеки, см.: *Miklosich* LP, S. 429 и 451; *Срезневский* II, стб. 393 и 452. Пример же из предисловия рукописи 1445 г. в словари пока не включен.

[4] Фотоснимок см.: *Куев К.* Указ. соч., с. 42, а также: *Обнорский С. П.*, *Бархударов С. Г.* Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. Л., 1938, с. 21 (изд. 2. М., 1952, с. 26).

между *немудроу вѣдиѫ* и *нѣк'чинѣ вѣдїю* имеется разница в значении. Первое можно понять как 'знаток немудрый', а второе — как 'недостаточно подготовленный знаток'. Таким образом, вне сомнения то, что в предисловии говорится о малоподготовленном знатоке, а не о знатоке немудром.

Говоря иначе, замена *нѣкъчина* на *немудръ* внесла в текст неточность. Отметим еще следующее: в предисловии сп. 1445 г. читается: пролївае͠т акы *стредь* сладъкоу изъ оусть свои͠х предъ болѧры. . . В Изборнике 1073 г.: Проливаѥть акꙑ *сътъ* сладъкъ из оустъ своихъ прѣдъ болѧрꙑ. . . Вполне понятен образ: пролївае͠т акы *стредь* сладъкоу, поскольку имеется в виду 'жидкий мед', а как можно проливать соты — непонятно. Слово *стрьдь* в значении 'жидкий мед', 'мед', известно южно- и западнославянским языкам [5], но его наличие в восточнославянских языках не подтверждается фактами. Ср., например, у Козмы Пресвитера против богомилов: чаша *стрьди* налꙗна. . . [6].

Следовательно, в Изборнике 1073 г. произведены замены отдельных слов оригинала.

Однако вернемся к слову *нѣкъчина*. Известны попытки его этимологизации. Первая принадлежит Р. Нахтигалу, который признал, что «образовано это (слово. — *А. Л.*) из *не*, *къ* и *чьто* с суф. *-ина*» [7]. Автор не пояснил, какой частью речи считает он *-къ-*. Если это местоимение, то не показано, каким образом к нему присоединяется мягкий вариант того же местоимения — *чь*. Если же *къ* предлог, то также неясно, каким образом к нему присоединяется местоимение *чь(то)* в им.-вин. п., а не в дат. п., как это должно быть. Почему тут необходима частица *не-*, вносящая прямое, категорическое отрицание в семантику слова, а не частица *нѣ-*, вносящая неопределенность в семантику местоимения, к которому присоединяется.

Словом, можно констатировать, что Р. Нахтигал недостаточно обосновал предлагаемую им этимологию *нѣкъчина*.

А. Вайан, анализируя данное предисловие, по содержанию являющееся Похвалой царю Симеону, констатировал, что это текст «с редким словом *нѣкъчина*, которое сообразуется с *ни къ чемоу быти* (Мф V, 13), в Изборнике (1073 г. — *А. Л.*) оно заменено на *немоудръıи*» [8].

Здесь возникают те же вопросы, что и по поводу этимологии Нахтигала. Вайан, как видно, *къ* признает предлогом, но не объясняет, почему он присоединяется к местоимению *чь* в им.-вин. п.?

---

[5] *Miklosich*, S. 327; *Machek* [2], с. 581 и сл.; *Brückner*, с. 518; *Фасмер* III, с. 772, в др.-рус. это слово фиксируется только в памятниках ц.-слав. письменности.

[6] *Vaillant A.* Textes vieux-slaves. I. Textes et glossaire. Paris, 1968, p. 121; *Давидов А.* Речник-индекс на презвитер Козма. София, 1976, с. 283.

[7] *Nahtigal R.* Rekonstrukcija treh starocerkvenoslovanskih izvirnih pesnitev. — Akademia znanosti in umetnosti v Liubliani. Filozofsko-filološko-historični razred. Razprave, 1942, I, c. 131.

[8] *Vaillant A.* Textes vieux-slaves. II. Traductions et Notes. Paris, 1968, p. 66.

Думаем, что в рассматриваемом слове основой является *нѣкъ-*, широко употребительное в значении 'неопределенный, неясный'. Присоединением же к этой основе или местоимения, или суффикса, или частицы оформляется слово в конкретном его значении. В подтверждение сказанного приведем несколько примеров: прикоснѫ сѧ мьнѣ *нѣкъто* (Л VIII, 46 Мар, Ас) — ἥψατό μού τις 'кто-то' — неопределенное лицо). Это значение получается присоединением к *нѣкъ-* указательного местоимения *то*: пркъ *нѣкъı* отъ древныхъ въскресе (Л IX, 8 Мар, Зогр) — προφήτης τις 'пророк какой-то' или 'кто-то из пророков'. Здесь к *нѣкъ-* присоединено указ.-личное местоимение *-јъ*; близъ *нѣк'де* въ бани грѣѥмъ (Супр 92, 16—17) — ἀπό τινος 'где-то', 'в неопределенном для автора месте'. Тут, как видно, к *нѣкъ-* присоединена *-де*, обозначающая место, ср.: *вьсьде*, *овъде*, *сьде*, *онъде* и т. п.; и въспомѧнѫвъ бывъшеѥ ѥмоу видѣниѥ *нѣкъгда*... (Супр 283, 7—8) — ποτέ 'когда-то'. Присоединившаяся к *нѣкъ-* частица *-гда* придает основе значение времени: вьзрѣвь сѣмо онамо видѣ мѣсто *нѣкако* (Супр 193, 11—12) — τὸν τόπον ἐκαῖνον 'место какое-то (неизвестное для смотрящего)'; видѣ... съсѫдъ *нѣкакъ* (Деян X, 11 Слепч) — σκεός τι 'вещь какую-то': приведе сѧ самъ ꙗко *нѣкака* чиста самоизвольна жрътва (Супр 273, 1—2) — τι 'явился самъ как нѣкая... жертва'.

В последних трех примерах к основе *нѣка-* присоединяется то же местоимение *къ*, *ка*, *ко*. *Нѣкъчина* относится к этой же группе, где к основе *нѣкъ-* присоединено местоимение *-к(ъ)*. Это удвоение (редупликация) *нѣкък-* могло произойти непроизвольно в целях избежания зияния или же такое удвоение *къ* + *къ*, характерное для южнославянских языков [9], существовало в языке так же, как и *нѣ-ка-къ*. Наличие же *ч* вместо *к* закономерно перед *и* (первая палатализация).

Суф. *-ина* придает основе *нѣкък-* значение состояния, но с оттенком сингулятива. По способу образования *нѣкъчина* относится к таким, как *истина*, *тишина*, *тъщина*, *оуньшина*, *чистина* и т. д. Все они образованы от основ прилагательных, интересующее же нас существительное образовано от основы местоимения, по семантике близкого к прилагательному. Собственно это как будто единственный случай присоединения суф. *-ина* к основе местоимения. Так, в обратном словаре к Материалам Срезневского зафиксировано больше 350 имен с суф. *-ина*, среди которых всего 2 от основы *нѣкък-*: *некъчина*, *никчина* [10].

Таким образом, рассматриваемое слово обладает рядом характерных особенностей: оно редко встречается, основа включает редуплицированное относительное местоимение *-кък-*, указывающее на происхождение его на южнославянской почве; суф. *-ина*

---

[9] *Miklosich*, S. 153; *Berneker* I, S. 658; БЕР IX—X, с. 111 и сл.; *Skok* II, с. 7.
[10] Index a tergo do Słownika staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968, с. 27—30.

присоединился к местоименной основе. По всей вероятности *нѣкъчина* было узким диалектизмом. По этой причине в Изборнике 1073 г. его заменили малоадекватным по семантике словом *немоудръ*.

18. К этимологии тюрк. **qumlaγ* и слав. *chъmelь*

Не позднее начала текущего столетия в науке утвердилось мнение, что общеславянское слово *chъmelь* заимствовано из тюркских языков, конкретно — из булгарского, потомком которого является чувашский язык[11]. В последнем существует слово *хăмла* [*chъmlá*][12]; венг. *komló*, ст.-венг. *qumlou* (XI в.) признается заимствованным из др.-чуваш. **qumlaγ* ʻхмельʼ[13]. Отметим, что *qumlaq* как название вьющегося растения зафиксировано в известном словаре тюркских наречий М. Кашгарского (XI в.)[14].

По мнению М. Рясянена, корнем, или непроизводной основой, интересующего нас слова является *ҡит* ʻволнаʼ, которое в чувашском звучит как *chum*, *chom*. Отсюда-де *ҡит-la-ҡ* ʻрастение, подобное плющу, из области Кыпчак (Qyfčaq), из которого готовят напиток на меду; растение это приносят (берут с собой. — *А. Л.*) на корабль (как талисман. — *А. Л.*), когда море начинает бушевать и кораблю угрожает опасность, он может затонутьʼ. Далее автор приводит из словаря М. Т. Хаутсма (*M. Th. Houtsma.* Ein türkischarabisches Glossar. Leiden, 1894) *qomlaq* ʻсильно пенящийся напиток, приготовленный из горячего меда, смешанного с травами (хмелем (?) — *А. Л.*), подобными стеблям камышаʼ[15].

Вызывает сомнение предложенное М. Рясяненом членение слова *ҡит-la-ҡ* или *ҡот-la-γ*, так как с помощью аффикса *-la* в тюркских языках оформляется либо прилагательное, либо глагол[16]. Если *ҡumla* прилагательное, то оно может означать ʻволнистыйʼ, ср. чуваш. *хумлă* ʻволнистыйʼ: *хомлă юр* ʻволнистый снегʼ[17]. Существительное же с тем же аффиксом *-ҡ* должно значить ʻволнистостьʼ. Если же *ҡumla* — глагол в значении ʻволнуетʼ или ʻволнуетсяʼ, то существительное, образованное присоединением аффикса *-g* к этому глаголу, должно означать ʻволнениеʼ. Учитывая эти обстоятельства, трудно понять, как могло появиться название растения *ҡumlaҡ* ʻхмельʼ.

Итак, предложенное М. Рясяненом объяснение процесса образования слова *ҡumlaҡ* в значении ʻхмельʼ от *ҡит* ʻволнаʼ на

---

[11] *Berneker* I, S. 411; *Sławski* I, c. 71; *Machek* V. Česká a slovenská jmena rostlin. Praha, 1954, c. 93; *Machek*², c. 171; *Филин Ф. П.* Образование языка восточных славян. М.—Л., 1968, с. 171; *Skok* I, c. 674; *Bezlaj* I, c. 198 и др.

[12] *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка, вып. XVI. Чебоксары, 1941, с. 329 и сл.; *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, с. 292.

[13] *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, S. 97 e. a.

[14] Древнетюркский словарь, с. 466.

[15] Räsänen, S. 299.

[16] Древнетюркский словарь, с. 656.

[17] *Ашмарин Н. И.* Указ. соч., с. 156.

тюркской почве, на наш взгляд, несостоятельно. Вероятнее всего *кит-lак*, обозначающее 'какое-то вьющееся растение', по-видимому, в том числе и 'хмель', не является собственно тюркским, а представляет собой заимствование из иранских языков, ср. осет. *хитællæg* < **chumlag* // *k'umæl* 'хмель' и 'хмельной напиток'[18]; др.-иран. *haōma*, родственное далее др.-инд. *sōma* 'растение' и 'опьяняющий напиток, при приготовлении которого используется сок этого растения'[19]. Морд. *komula*, фин. *humala* 'хмель' также совпадают с осетинскими вариантами. Что касается чуваш. *хăмла*, *хомла*, то оно может быть как из ср.-иран. **haumallāg*, так и **каитlāg*, потому что в чувашском древнетюркский *к* в начале слов перешел в *ch*, а конечный *g*, *γ* отпал, о чем свидетельствует и венг. *komló*, ст.-венг. *qumlou* (XI в.) — из др.-чуваш., или булг. **кumlaγ* 'хмель'. Однако татар. *коlтак*, *комlак* должно быть из чуваш. **chъmla*, поскольку в татарском чувашский звук *х* адаптируется как *к*, ср. чуваш. *хăмăл* 'стерня, пожня', татар. *камыл*, чуваш. *хĕрен*, татар. *кӧрэн* 'хрен'; чуваш. *хурлăхан*, татар. *карлыган* 'смородина' и т. п.[20] Иначе говоря, в XIII—XIV вв. в отдельных диалектах булгарского языка конечный *g*, *γ*, видимо, еще произносился.

Чуваши, как истые пивовары, конечно, с давних пор знали и употребляли хмель, о чем, как отмечено, бесспорно свидетельствует наличие в венгерском *qumlou* уже в XI в. Показательно, что чуваши приглашение и отправление в гости связывают со словом *сăра* 'пиво', ср. *сăра ĕçме кайрĕç* 'отправились в гости', буквально: 'пить пиво ушли'; *сăра ĕçме чĕнчĕç* 'пригласили в гости', буквально: 'пиво пить пригласили'; *ял сăри* 'название обряда в честь нового урожая', буквально: 'пиво деревни (села)'; *хĕрсем çырлара, епир сăрара* 'девушки по ягоды, а мы в пир', буквально: 'а мы в пиво' и т. п.

Поскольку чуваш. *сăра* объясняется как иранское или древнеиндийское заимствование[21], то нет ничего удивительного в том, что и слово **кumlaγ* или **chumlaγ* в чувашском из того же источника.

Тем не менее отсутствуют какие-либо основания для выведения слав. *chъmelь* из булг.-тюрк., или др.-чуваш. **chumlaγ* или **кumlaγ*, несмотря на наличие у них общей части *chъm-* < **chum-*[22], так как вторая часть рассматриваемого булгарского, или древне-

---

[18] *Абаев* I, с. 649.

[19] *Bartholomae*, S. 173; *Фасмер* IV, с. 249.

[20] *Львов А. С.* О Н. И. Ашмарине и некоторых проблемах генетической связи болгар и чувашей. — В кн.: Н. И. Ашмарин — основоположник чувашского языкознания. Чебоксары, 1971, с. 213.

[21] *Егоров В. Г.* Указ. соч., с. 183.

[22] В памятниках славянской письменности слово *хмель* зафиксировано поздно, только с XII—XIII вв., поэтому оно встречается только в приведенном написании без ъ между *х* и *м*, однако о наличии в указанном положении ъ свидетельствует ср.-греч. *χούμελη*, *χουμέλη*, ср. лат. *humulus*, англосакс. *hymele*, др.-сев. *humeli*, которые признаются заимствованными из славянских языков.

чувашского, слова *-laγ*, *-la* при заимствовании не могла дать в славянском *-elь* или *-ělь* (вместо ожидаемого *-lagъ* или *-la*). Это очевидно и не требует каких-либо специальных обоснований. На это обратил внимание еще М. Фасмер, указав со ссылкой на З. Гомбоца, что «при таком объяснении (т. е. слав. *chъmelь* из булг. **chumlaγ*. — *А. Л.*) возникают трудности фонетического характера, так как славянская форма не соответствует тюрк. форме»[23].

Часть *-elь* или *-ělь* в слав. *chъmelь*, по всем данным, является своим собственным суффиксом так же, как и в словах *ščavelь*, ср. укр. *щава*, словен. *ščav*, *ščava* 'щавель'[24]; *kysělь* от *kysěti*, *kysnǫti*; *košelь* от *košь* 'корзина, короб'; *čъmelь* 'шмель' от звукоподражательного *čьm-* < **kьm-* и т. п. Суф. *-elь*, *-ělь* общеславянский; в образовании существительных от основ существительных он имеет соответствия и в прибалтийских языках: древнепрусском, литовском и латышском[25].

Что такое начальное *chъm-* в славянском слове *chъmelь*? Думаем, что оно то же самое, что и иран. *haoma*, *hauma*, *hūm* в том же значении, что и др.-инд. *sōma*[26]. Об этом же растении речь идет, по-видимому, и в сообщении Гезихия о том, что скифы готовили напиток из медовой воды и определенных овощей (трав) (IV в. н. э.)[27]. Иначе говоря, слав. *chъm-* является адаптацией иранского *hauma* > **chuma* > **chъm-elь*. Надо полагать, этим объясняется то, что в анлауте славянского слова находится *ch-*.

Как известно, хмель с древнейших времен употребляется славянами для приготовления спиртного напитка, называемого *пиво*. Слово *пиво* было обычным у славян уже начиная с середины IX в., когда переводились с греческого языка на славянский церковные книги, ср.: Плъть бо моѣ істинъное естъ брашьно і кръвь моѣ істинъно естъ *пиво* (И VI, 55 Зогр, Мар), последним словом переведено греч. ποσίς 'питье, напиток'; блгви пищѫ нашѫ і *пиво* (Син. тр. л. 16б, 20), . . . τὴν βρῶσιν ἡμῶν καὶ τὴν ποσίν. Общеславянское распространение значения 'спиртной напиток' может свидетельствовать в пользу его праславянского происхождения, хотя, конечно, следует учесть, что *пиво*, как культурное слово в значении 'спиртной напиток', могло получить общеславянское распространение и позже. Наличие таких оборотов речи и слов, как *во хмелю*, *хмельной напиток*, *хмельное*, *захмелеть*, *похмелье* и т. п., показывает, что при приготовлении древнего пива, как спиртного напитка, обязательно употреблялся хмель.

Следовало бы ожидать наличие в славянских языках бессуффиксального иранского рефлекса *hauma* > **chuma*, если он заимствован славянами из какого-то иранского наречия. По мнению

---

[23] *Фасмер* IV, с. 250.
[24] *Даль*[4] IV, с. 149 и сл.; *Гринченко* IV, с. 521; *Фасмер* IV, с. 495.
[25] *Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I. Göttingen, 1906, S. 438; Słownik prasłowiański I, c. 108 e. a.
[26] *Bartholomae*, S. 173 e. a.
[27] *Schrader*. Reall.[2] I, S. 508; *Moszyński K*. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957, c. 223.

К. Мошинского, основа слова *hauma* сохранилась в словах с корнем *chum-* со значением 'мять, тискать', как, например, рус. *хумячить* 'тискать, мять', чеш. *chumlati* 'мять' [28] и т. д. Однако это предположение Мошинского проблематично и требует специальной проверки.

Что касается присоединения славянского суффикса к основам заимствованных слов, то в этом нет ничего удивительного, так как оно естественно, если слово заимствовано изустно, ср. для примера: *бояринъ* < *боѣр* + *инъ*; *боярскъ* < *боѣр* + *ьскъ* от тюрк. *bajar* 'богатый' [29]; *лошадь* < *лош-адь*; *лошак* < *лош-акъ*; *лошага* < *лош-ага*, *лоша* от тюрк. *lašá* [30]; *коумирь*, *-ръ*; *коумирьскъ*, *коумирьница* от иран. *gœmeri* через тюркско-булгарское посредство [31] и т. д.

В славянских языках общеизвестен переход и.-е. дифтонгов *au*, *ou* > *u* перед согласным и в конце слова [32], поэтому иранское слово *hauma* на славянской почве могло звучать только как *chuma*. При образовании же от последнего вторичного существительного присоединением суф. *-elь* корневой гласный из-за передвижения ударения подвергся редукции, т. е. **chum-elь* > *chъmélь* так же, как *боудити* — *бъдѣти*, *зовѫ* — *зъвати*, *ходити* — *шьдъ*, *шьлъ* и т. п.[33]. Является вероятным, что заимствованное иран. *chuma* < *hauma* после образования сущ. *chъmelь* присоединением суф. *-elь* к его основе, как лишний дублет, вышло из употребления. Такова же судьба, например, у славян тюрк. *bajar*, переставшего существовать в самостоятельном употреблении и бытующего теперь только как основа слов *боꙗринъ*, *боꙗрьць*, *боꙗрьство*, *боꙗрьскъ* и т. д.

Словом, едва ли подлежит сомнению, что слав. *chъmelь* образовалось на славянской же почве из изустно заимствованного иран. *chuma* < *hauma*. Как было указано выше, тюрк. **chumlaɣ* или *kumlag* также является заимствованием иран. **haumläg* или **gaumläg*. Этим объясняется общность *chъm-* в тюрк. *chъmla* < **chumlaɣ* и в слав. *chъm-elь*. Но этот факт, как отмечалось выше, никак не может явиться основанием для того, чтобы считать славянское слово *chъmelь* заимствованным из тюркских наречий.

---

[28] *Moszyński*. Op. cit., c. 220.

[29] *Львов А. С.* Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 214 и сл.

[30] *Одинцов Г. Ф.* Еще раз к этимологии слова *лошадь*. — Этимология. 1972. М., 1974, с. 114—128; *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 145 и сл.

[31] *Львов А. С.* К этимологии ст.-слав. коумиръ, -ръ εἴδωλον. — Этимология. 1965. М., 1967, с. 189—193.

[32] *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 47 и сл.; *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 194 и сл.

[33] *Кузнецов П. С.* Чередования в общеславянском «языке-основе». — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. I. М., 1954, с. 46.

М. Д. Рачева*

К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ РАННИХ ТЮРКИЗМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(I. Рус. блр. *коврúга* 'круглый хлеб; каравай', болг. *коврѝг* 'бублик', болг. *кофрѣг* то же, болг. *коврѣх* 'раст. Scabiosa L.,' II. Болг. *кѝлбаш* 'вид старинного женского головного убора или часть этого убора')

Этимологическая проблематика ранних тюркизмов в славянских языках является актуальной, но чрезвычайно трудной областью исследования из-за двойственной зависимости конкретных исследований от специальных разделов славистики и тюркологии, различающихся по традициям и по уровню разработки. Эта усложненная зависимость создает на теперешнем этапе специфическую неравномерность в темпе и различия в уровне конкретных исследований, грозит большими трудностями и опасностями в случае слишком преждевременных попыток обобщения. Первостепенной задачей представляются пока не только новые этимологические идентификации ранних тюркизмов в славянских языках, но и ревизия утвердившихся уже этимологических толкований — в целом или в определенном аспекте: звуковом, словообразовательном, семантическом, лингвогеографическом или культурноисторическом. Подобные частные результаты все-таки непосредственно отражаются в специальных областях как ранней истории славянских языков, так и ранней истории тюркских языков.

I

Тюркская этимология русского и белорусского слова *коврúга* 'круглый хлеб; каравай', засвидетельствованного уже в XI в., начинается верным по существу сопоставлением Миклошича с османотурецким словом *gevrek* 'хрупкий; бублик' [1], после которого последовал чрезвычайно спорный опыт толкования Мелиоранского на основании сближения с османотур. *kivrik* 'витой, закрученный'[2]. Это толкование повторил без пересмотра Младенов в связи с болг. *коврѝг* [3]. Сопоставление Миклошича было отвергнуто без аргументации Бернекером [4] и не принято Фасмером вместе с упомянутым выше опытом толкования Мелиоранского

---

[1] *Miklosich*, S. 136.

[2] *Мелиоранский П.* Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского периода. — Изв. ОРЯС, 1905, 10, кн. 4, с. 121.

[3] *Младенов*, с. 244.

[4] *Berneker*, S. 593.

и некоторыми другими, действительно фантастическими предположениями [5].

Ревизия точки зрения Фасмера в специальном исследовании Львова [6] способствовала не только отстранению одного фиктивного значения 'вид печенья или пирога'='Art Kuchen' (по Бернекеру) для русского *коврйга*, но и установлению древнего, исконного значения заимствования — 'сухая лепешка'. Основанием для этого послужили синонимические или параллельные употребления вместо слова *коврига* в разных списках одних и тех же памятников древнерусского языка:. . . соухыи посмагы, . . . мало просфуръ, а также русские диалектные значения этого слова: 'лепешка' и особенно 'черствый хлеб', 'скупой человек'.

Выявление древнего значения рус. *коврйга* 'сухая лепешка', отличного от современного значения 'круглый хлеб и т. д.' — существенный результат изысканий Львова, являющийся предпосылкой дальнейшего этимологического исследования. Но мнение Львова о решающей роли понятия 'жарить' в семантике слова представляется неубедительным. Это понимание побудило автора сопоставить в дальнейшем слово *коврйга* с тюркскими формами, восходящими к общетюрк. *kaɣur-* 'жарить; жечь'; при этом они смешиваются с такими формами, как (здесь непоследовательная транскрипция по автору) османотур. *ɣävräk* 'сухой, хрупкий; сухарь; бублик', ст.-узб. *kevrek* 'хрупкий, сухой' и под., которые относятся в действительности к другой глагольной основе — *käwrä-*, *küwrä-*, 'становиться хрупким, сухим, черствым'.

Семантическое соответствие и формальная соотносимость поддерживают сопоставление рус. *коврйга* < **ковриг* (ср. болг. *коврѝг*, др.-рус. *коврижекъ*, *коврижецъ*) с тюркским отглагольным образованием, близким типу общетюркского отглагольного прилагательного **käwräk* 'хрупкий, сухой, черствый', производного от **käwrä-* 'становиться хрупким, сухим, черствым'. Львов реконструировал на основе смешанного из двух основ материала исходную тюркскую форму **kəvrəɣ* > слав. **къвригъ* > **ковригъ* с закономерным для восточнославянских языков переходом *ъ* > *о* [7]. Но эта реконструкция, игнорирующая (может быть, из-за неустановленной диалектной локализации в словаре Герова) объяснение болгарского слова *коврѝг* 'бублик' [8], не выдерживает закономерного сопоставления и с одной неисследованной до сих пор за-

---

[5] *Фасмер* II, с. 272.

[6] *Львов А. С.* Из лексикологических наблюдений. 4. Об этимологии слова *ковригъ*, *-га*. — В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, с. 153—158.

[7] *Львов А. С.* Указ. соч., с. 157; ср.: *Он же.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 161, 162.

[8] *Коврѝг* м. мн. ч. *-ци* 'небольшие бублики, которые готовят к дню Малой Коляды и раздают их *ковриженцам*-колядчикам'; *ковриженец* 'колядчик;' *коврижàлка* 'палка, которую носят ковриженцы-колядчики и на которую нанизывают бублики *коврици* (*Геров* II, 380); *коврижé* ср. умал. 'бублик' (д. Антимово, Силистренская область, Диалектный архив Института болгарского языка БАН, София).

западноболгарской диалектной модификацией того же заимствования — *кофрѣг* 'бублик' (и его производными)[9].

В Северозападной Болгарии, где локализовано заимствование *кофрѣг* 'бублик', предполагаемое Львовым *ъ* в первом слоге реконструкции **къвригъ* дало бы только *ъ*, но не *о*. Очевидно поэтому, что болг. *кофрѣг* свидетельствует не о предполагаемом Львовым переходе *ü* > *ə* > *ъ* в первом слоге раннего тюркского заимствования, а о переходе *ä* > *а* > *о*: *käw-* > *ков-*. Гласные же *и* или *ъ* под ударением во втором (последнем) слоге рус. *коврúга*, болг. *коврѝг* и *кофрѣг*, которые остаются неясными при сопоставлении с гласным *а* в обычной форме тюркского отглагольного прилагательного **käwräk* 'хрупкий, сухой, черствый' (которому соответствует османотур. *gevrek* 'хрупкий, сухой; бублик'), хорошо объясняются как отражения какого-то узкого гласного во втором слоге тюркского прототипа заимствования. Соответствующая форма *käwrük*=араб. *al baqsimāṭ* 'сухарь' действительно засвидетельствована, хотя и сравнительно поздно, в арабско-кыпчакском словаре Абу-Хайяна XIV в.[10]

Своеобразную форму *käwrük* в сравнении с общетюркским **käwräk* Клоусон[11] пометил скептическим вопросительным знаком: эта форма без сомнения должна вызывать специальный интерес в звуковом и в словообразовательном плане. Но сомневаться в ее реальности, в конечном счете, нельзя, тем более, что она является в конкретном случае предпосылкой понимания заимствованных вариантов *коврúг(а)* и *кофрѣг*.

Отражение тюркского *ü* из предполагаемой исходной формы типа кыпчакского *käwrük* 'сухарь' как *i* под ударением в заимствовании *коврúг(а)* имеет свои параллели, например, в др.-болг. слове *тикъръ* 'зеркало', сопоставляемым с древним венгерским тюркизмом *tükör*[12] ∽ чуваш. *тĕкĕр* то же[13]. Отражение же *ü* как *ъ* в *кофрѣг* представлено, например, в заимствованном этнониме *türk* > **tъrkъ* (др.-рус. *търкы* мн. ч.) > рус. *торк* (*тóрки* — название тюркского племени).

Следует своевременно отметить отражение звонкого проходного тюркского *w* как глухого взрывного *ф* в болг. *кофрѣг*: на бол-

---

[9] *Кофрѣг* м. мн. ч. *кофрѣгй* 'небольшой калач, который дарят детям, когда они посещают дом'. Форма соответствует форме калача, но концы складывают крестом'; *кофрѣжèнци* м. мн. ч. 'дети, которые посещают дома к Рождеству и собирают кофрѣги-калачи'; *кофрѣжáлка* ж. 'палка колядчика': каждый кофрѣженец-колядчик несет палку, на которую надевают *кофрѣги*= калачи (*Маринов Д.* Думи и фрази из Западна България. — СбНУ X. София, 1894, с. 223).

[10] *Caferoğlu A.* Abû-Hayyân, Kitâb-al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931, с. 47, 86.

[11] *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirtheenth-Century Turkish. Oxford, 1972, p. 690.

[12] См.: *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, S. 134.

[13] *Львов А. С.* Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы). — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 213.

гарской диалектной почве *ф* может быть скорее всего из *x*, отражающего тюрк. *w*, так как переход сочетания *wr* в *фр* через *вр* кажется необычным для болгарского языка.

Некоторое время тому назад Дуриданов [14] очень удачно определил тюркское происхождение редкого болгарского диалектного названия растения Scabiosa L., короставник — *коврѣх* (согласно источнику, без ударения), сопоставляя его с тюркскими названиями растений, при помощи которых Гомбоц [15] проэтимологизировал ранний венгерский тюркизм *kóró* 'стебель, сухой стебель; сухое растение' (в транскрипции источника), кыпч. *kovra* 'кустарник, заросли терновника', кирг. *kurai* 'раст. Heracleum sibiricum', башк. *kuraj* 'тростник, камыш; дудка, флейта', куманд. *kobrax* 'дудка из стебля; растение, из которого она делается', *apšak kobrak* 'раст. Angelika silvestris', *su kobrak* 'какое-то болотное растение', телеут. *kōrok* то же, кирг. *kura* 'тростник, камыш', казан. татар. *kura* 'сухие стебли; бурьян; малина', чуваш. *kurə̂k* 'трава'.

Автор отметил трудности этимологизации этого изолированного (в единичной фиксации!) слова вследствие отсутствия данных о локализации и месте ударения; поэтому предполагаемая им булгарская исходная форма, реконструированная как **kowraγ*, имеет, без сомнения, несколько предварительный характер.

Существенным для настоящего этапа исследования кажется то, что болг. *кофрѣг* 'бублик' и болг. *коврѣх* 'раст. Scabiosa L.' обнаруживают замечательную формальную соотносимость, а в семантике обоих названий можно надежно выявить, как основное и исходное, значение 'хрупкий, сухой, черствый'. Согласно специальному описанию в ботанической литературе [16], раст. Scabiosa L. характеризуется чешуйчатыми околоцветниками. Это обстоятельство хорошо оправдывает указанное выше исходное значение. Что касается исходного значения болг. *кофрѣг* 'бублик', здесь остается в силе установленное уже для рус. *коври́га* (resp. болг. *коври̂г*) древнее и исходное значение 'сухая лепешка', точнее 'сухарь' (ср. кыпч. *käwrük* 'сухарь'). Как известно, значение 'хрупкий, сухой, черствый' является основным значением засвидетельствованных в разных тюркских языках отглагольных прилагательных от *käwrä-* 'становиться хрупким, сухим, черствым' [17], которые после субстантивации образовали названия ряда растений с характерным признаком хрупкости, сухости и т. д. или изделий из теста с подобной характеристикой.

Следует отметить, что в болг. *коврѣх* 'раст. Scabiosa' помимо предполагаемого перехода *ä* > *a* > *o* и отражения *ü* исходной

---

[14] *Дуриданов И.* Стари тюркски заемки в български език. — В кн.: Изследвания в чест на Марин Дринов. София, 1960, с. 434—435.

[15] *Gombocz Z.* Op. cit., S. 99—100.

[16] См.: *Стоянов Н., Стефанов Б.* Флора на Болгария. София, 1948, с. 1098 и сл.

[17] Конкретный материал см.: *Räsänen*, S. 245a, *Clauson G.* Op. cit., p. 690.

формы типа кыпч. *käwrük* как *ъ*, присутствует конечный проходной глухой согласный *x*, в отличие от взрывных *k* в *käwrük* или *г* в *коври́га*, *коврѝг*, *кофръг*.

II

Болгарское диалектное слово *кдлбаш* 'женская шапочка, украшенная вокруг цветной тесьмой' (д. Бобошево, Станкедимитровская область [18]), 'женский головной платок, обвязанный вокруг головы особым образом в виде шапки' (г. Самоков) [19] не имеет этимологии. Иллюзорная возможность идентифицировать часть этого слова с османотур. *baş* 'голова' в качестве составной формы некоего предполагаемого заимствования из османотурецкого языка оставляет без объяснения первую часть *кол-*. Подобные попытки частичного толкования, при наличии непреодолимых семантических и словообразовательных трудностей целостного объяснения слова, являются верной приметой ошибочного применения методов этимологического анализа.

В д. Бобошево Станкедимитровской области слово *кдлбаш* засвидетельствовано в одном описании народных головных уборов. Слово называет часть женского головного убора: красную феску, украшенную вокруг цветной тесьмой, поверх которой кладется гравированная металлическая пластинка *тепелик*, закрепляемая бантом у подбородка. Автор описания Кепов специально отмечает архаичность этого элемента народного женского костюма в д. Бобошево: «. . .Все это давно исчезло и голову начали обвязывать *шамией*».

Отправной точкой предлагаемого ниже этимологического толкования слова *кдлбаш* является функция этой своеобразной шапочки как подкладки для декоративной металлической пластинки тепелик. Подобную функцию шапочки — подкладки, так называемого болгарского *подкàпника (подкàпник* 'маленькая шапочка под большой мужской меховой шапкой', ср. *кàпа* 'шапка'), выполняет в некоторых других частях западноболгарской языковой области (Штипская, Видинская, Кулская, Белоградчикская, Ломская, Оряховская область) шапочка под названием *келепдш*, определяемая традиционно как опосредствованное через турецкий язык заимствование персидского *källepūš* 'головной убор' (буквально 'то, что покрывает голову').

Сопоставление редкого и загадочного болгарского диалектного слова *кдлбаш* 'вид старинного женского головного убора или часть этого убора' с перс. *källepūš* 'головной убор' через предосманское тюркское посредничество представляется чрезвычайно привлекательным.

Обращает на себя внимание тот же самый, что и в словах *коври́га*, *коврѝг*, *кофръг*, *коврѣх*, переход *ä* > *a* > *o* в подударном первом слоге: *кдлбаш* > *källepūš*.

---

[18] *Кепов И.* Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево, Дупнишко. — СбНУ, 1936, 42. София, с. 40.

[19] Диалектный архив Института болгарского языка БАН. София.

Элизия гласного *е* второго слога исходной персидской формы в послеударном положении на определенном этапе тюркского посредничества или же при заимствовании слова в болгарском языке кажется легко объяснимой.

Второй компонент сложного персидского слова *källe-pūš*, отраженный в заимствовании как *-баш*, чрезвычайно интересен не только озвончением согласного *р* в середине слова (в соседстве с сонорным после элизии гласного *е*?), но и переходом персидского долгого гласного *ū* исходной формы в *а*.

Этот переход можно, кажется, объяснить только через промежуточную ступень гласного, имеющего звуковое качество болгарского *ъ* и дальнейшее развитие так называемого вторичного ера в истории болгарского языка, так как слово *кдлбаш* засвидетельствовано лишь в двух юго-западных говорах болгарского языка: Самоковском и Станкедимитровском, где гласный *а* является единственным (в первом говоре) или одним из возможных (во втором говоре) континуантов древneболг. *ъ* < раннепраслав. *й* [20].

Но предполагаемый переход долгого гласного *ū* в *ъ* (> *а*) должен свидетельствовать против глубокой древности заимствования: ведь в очень раннюю эпоху дало бы закономерное *ы* > *и* в болгарском языке, а не *ъ* > *а*.

Можно предполагать предварительную утрату долготы на посреднической почве в связи с перемещением ударения на первый слог заимствования. Можно вспомнить также, что ударение на первом слоге, как в *кдлбаш*, отмечается у некоторых из тюркских заимствований в болгарском языке, которые традиционно считаются очень древними, например болг. *бъбрек* 'почка', *бѐлег* 'знак; примета; шрам', но окончательная хронологизация указанных заимствований — дело будущего.

Существует побочное обстоятельство, требующее своевременного комментария: употребление шапочки *кдлбаш* в совместной функции с декоративной пластинкой *тепелик* в женском головном уборе в д. Бобошево. Последнее название является, вероятно, поздним заимствованием из османотурецкого языка (тур. *tepelik* 'украшение на верхней части головного убора'). Можно считать, что не существует серьезных аргументов против допущения гетерогенности заимствованных названий составных частей определенного головного убора, как и костюма вообще, тем более, что предполагаемое предосманское заимствование в юго-западных болгарских говорах засвидетельствовано и как название головного убора с самостоятельной функцией: платок, обвязанный особым способом вокруг головы в форме шапки (Самоков).

* * *

Анализ рус. и блр. *коври́га* 'круглый хлеб; каравай' и болг. *коврѝг* 'бублик', *кофрѐг* то же, *коврѐх* 'раст. Scabiosa L.', *кдлбаш* 'вид старинного головного убора или часть этого убора', связан-

[20] *Стойков С.* Болгарская диалектология. София, 1968, с. 108.

ных в данном исследовании предполагаемым общим переходом исходного тюркского (или персидского через тюркское посредничество) гласного *ä* в *о* в современной форме заимствования, — пример специфической усложненности этимологической проблематики ранних тюркских заимствований в славянских языках, области, в которой результаты все еще имеют предварительный характер.

В настоящий момент очевидно то, что рус., блр. *коврига* 'круглый хлеб; каравай', болг. *коврйг* 'бублик', с одной стороны, и болг. *кофрър* 'бублик', *коврър* 'раст. Scabiosa L.' — с другой, имеют неодинаковую историю заимствования, хотя их связь с одним и тем же тюркским словообразовательным типом — субстантивированной формой отглагольного прилагательного, производного от тюркского глагола с основой **käb-* > **käw-* — 'слабеть, становиться хрупким, сухим, черствым, старым', представляется уже надежно обоснованной в ходе предложенного анализа.

Очевидно также, что в этом случае нельзя предполагать заимствования на праславянском уровне и что тюрк. *ü* > слав. *i*, тюрк. *ü* > слав. *ъ* представляют не звуковые переходы, а разные субституции несвойственного славянским языкам гласного. Можно в какой-то степени допустить, что болг. *ковриг*, локализованное, насколько пока известно, только в самой северо-восточной части Болгарии, является восточнославянским (русским молоканским?) словом; возможно, и рум. *covrig* 'бублик', вопреки традиционному толкованию [21], является не болгарским, а восточно-славянским заимствованием.

Разное отражение тюркского *w* исходной формы: как взрывного звонкого *в* в рус. *коврига*, болг. *коврйг*, болг. *коврър*, как взрывного глухого *ф* в болг. *кофрър*; разное отражение девербативного именного форманта *-γ/g* или *-q/k* [22]: как взрывного звонкого согласного *г* в рус. *коврига*, болг. *ковриг*, *кофрър* и как проходного глухого согласного *х* в *коврър*, тоже указывают на неодинаковость истории заимствования.

Переход *ä* > *a* > *o*, объединяющий все рассмотренные выше заимствования, можно определить пока самым общим образом как отражение веляризации начального *к*, вместе с переходом *ū* из *-pūš* (*källepūš*) в *ъ* > *a* (*кòлбаш*), он представляет определенный интерес не только для реконструкции исходных тюркских форм заимствования, но и для ранней истории вокализма болгарского и русского языков.

Следует специально указать на консерватизм семантики анализированных здесь заимствований, которая, помимо незначительных изменений, оказалась идентичной семантике исходных форм и тем самым стала предпосылкой надежности словообразовательных и звуковых сопоставлений.

---

[21] См. например: *Tiktin H.* Rumänischdeutsches Wörterbuch, I. Bukarest, 1903, S. 428 и сл.

[22] Об их смешении уже в древнейшей истории тюркских языков см.: *Севортян Э.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, с. 213 и сл.

И. Г. Добродомов

ЭТИМОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
(к изучению булгарских заимствований в славянских языках)

Как этимология, так и историческая лексикология имеют своим предметом историю слова — его возникновение, а также хронологическую эволюцию. В связи с этим некоторые исследователи принципиально не проводят разграничения понятий *историческая лексикология и этимология* путем безоговорочной инкорпорации последней в состав широко понимаемой первой [1]. Подобное недифференцированное рассмотрение имеет оправдание в конкретных трудах по истории лексики, где обязательно учитывается и сравнительно-исторический материал этимологических разысканий, и в особенности филологический материал из памятников письменности, который составляет главный предмет анализа в собственно исторической лексикологии. Ведь этимология и историческая лексикология преследуют решение одной задачи — установление истории слова, включая его генезис, что и требует их объединения, но характер материала, привлекаемого для этой задачи в исторической лексикологии и в этимологии, а также методы интерпретации этого материала различны. Историческая лексикология в узком смысле слова ограничивается материалом одного языка на протяжении его письменной истории и, являясь дисциплиной по преимуществу филологической, имеет сравнительно ограниченные хронологические возможности: ее выводы обусловлены исключительно лишь хронологической глубиной письменной традиции. Историческая лексикология в таком узком понимании дает весьма надежный и четко датируемый материал: ее факты и наблюдения отражают реальные и наглядные факты эволюции слова.

Только лишь одни этимологические методы анализа лексического материала применимы к бесписьменным языкам и к дописьменной истории письменных языков, отличаясь глубокими хронологическими возможностями, но вся эта хронологическая глубина реконструкции целиком основана на более или менее гипотетических построениях и поэтому зачастую чревата опасностью ложных выводов. Последние должны проверяться какими-то реально засвидетельствованными вехами в истории слова, которыми занимается историческая лексикология.

---

[1] *Ларин Б. А.* Историческая лексикология (Вводные лекции к спецсеминару). — В кн.: *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977, с. 11—23. Здесь продолжаются традиции книги: *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, где собственно историческая лексикология и этимология теоретически противопоставлены, но такое противопоставление фактически снимается при анализе конкретного материала.

Представляется целесообразным все же в теоретическом плане противопоставлять историческую лексикологию и этимологию как две различные совокупности научных приемов изучения истории слова в рамках лингвистической дисциплины «история слова» или «история словарного состава». Как историческая лексикология, так и этимология обладают своими особыми исследовательскими методами и приемами анализа слова. Образно говоря, историческая лексикология имеет дело с реальными словами в реальных речевых произведениях — текстах. Обобщение различных речевых контекстов позволяет делать вывод о слове как языковой единице. В этимологических же построениях о слове как языковой единице исследователь вынужден судить по тени этого слова или делать заключение экстраполяционного характера на основе свойств рефлексов (т. е. опять же отражений-отображений) этого слова в родственных языках, а в случае его заимствования и в неродственных языках, причем этимология не чуждается использовать материалы исторической лексикологии разных языков. Следовательно, историческая лексикология делает свои выводы относительно развития слова в языке на основании материала речи, а этимолог постоянно имеет дело с фактами языка, уже получившими какое-то обобщение, хотя в некоторых случаях противопоставление фактов речи фактам языка оказывается несколько затрудненным.

Сочетание дополняющих друг друга филологических по своей природе методов исторической лексикологии в узком смысле этого термина с основанными на сравнительно-исторической лингвистике методами этимологии в правильном их согласовании дает верный ключ к истории слова. При этом, конечно, история слова должна подкрепляться материалами истории народа в соответствии со старым верным тезисом о связи истории слова с историей народа, а также о связи истории слова с историей обозначаемой им вещи (понятия).

Строящиеся на филологически подобранных материалах из письменных памятников и сравнительном материале родственных (а в случае заимствования — и неродственных) языков историко-этимологические построения опираются на системность анализа всех сторон истории слова — фонетической, морфологической, семантической, а иногда и синтаксической. Эта системность историко-этимологического построения обладает эвристической способностью и может быть использована для уточнения отдельных неясных мест в памятниках письменности. Можно привести несколько примеров, когда этимологический анализ дает средство к толкованию отдельных мест текста, непонятных не только самих по себе, но даже и в случаях привлечения исходного материала в виде оригинала переводного памятника.

Древний текст представляет большое количество трудностей для истолкования, поскольку в подобных текстах зачастую старое сосуществует с новым в тесном взаимном переплетении. В особенно затруднительном положении находится исторический лекси-

кограф, который в поисках наиболее показательных и четких контекстов вынужден опираться на большое по возможности количество разнородных (жанрово и хронологически) текстов. Множество текстов с неясной хронологией только усложняет поиски решения.

Историческая лексикография также по необходимости оказывается в значительной степени связанной словарной традицией, ошибки которой обычно преодолеваются с чрезвычайно большим трудом, особенно если они восходят к известным авторитетам и прочно входят в словари. Заметить такие ошибки оказывается особенно трудно, когда они отражают не столько языковое значение, сколько побочное контекстное речевое значение, которое обнаруживается для лексикографа более ярко, чем фактическое языковое значение слова, обобщаемое лишь при заведомом отказе от опоры на яркие контекстные употребления.

А. Х. Востоков включил в свой «Словарь церковнославянского языка» (т. I, СПб., 1858, с. 61) следующую словарную статью: «**ВЪЛОГОМЬ** в виде нар[ечия] бегóм, в догонку. Ефр. Сир. XIV в. постиже ꙗ вългомь приставникъ иосифовъ κατέλαβεν αὐτούς δρόμῳ ὁ ἐπίτροπος illos cursu insequutus dispensator». При этом иллюстративная славянская цитата из Поучения Ефрема Сирина по рукописи XIV в. имп. Публичной библиотеки (ныне им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) была снабжена многозначными греческой и латинской параллелями; с опорой на греч. δρόμῳ и лат. *cursu* А. Х. Востоков приписал предполагаемому наречию значение ʻбегом, в догонку', ограничившись лишь ближайшим значением греческого и латинского слов, которые фактически имеют гораздо больше значений.

Ему предшествовало слово: «**ВЪЛОГЪ** с. м. жареное мясо? Ев. Толк. XVI в. и вълогы къ тѣмь коуроптины и тетеревины. καὶ ὄψον πρὸς τούτους et adhaec assas carnes.

Осторожный вопросительный знак при этом слове в дальнейшем, к сожалению, исчез, а подозрительное толкование перестало подвергаться сомнению. Не учтена здесь также возможность иной исходной формы с учетом архаичности написания (*вологa*), что, как будет показано дальше, представляется единственно правильным.

Составитель другого крупного словаря древнеславянского книжного языка Lexicon palaeoslovenico — graeco — latinum (Vindobonae, 1862—1865, p. 96). Фр. Миклошич, механически суммируя в одной статье все данные А. Х. Востокова, привлек для соответствующей словарной статьи гораздо более обширный, в том числе и южнославянский материал, не давая, впрочем, столь категоричного определения значения и ограничиваясь приведением греческих и латинских параллелей: «**ВЪЛОГЪ** m. ὄψον carnes assae, rectius quod una cum pane comedimus cod. saec. XVI. — vost. **ВЪЛОГОМЬ** δρόμῳ cursu ephr. — vost. **НА ВЛОЗѢ ТОЧАЩЕ** ἱππηλατοῦντες equitantes op. 2.2.151 σύνθημα pactum **ВЪЛОГОМЬ ПОСЛАШЕ (СЕ)** δημοσίοις συνθήμασιν ἀπεστάλησαν men. mih. : nota

НА ВЬЛОГЬ ВЬСѢСТИ ib. cf. ВЪЛОЖИШТЄ» и далее «ВЪЛОЖИШТЄ n. στάδιον stadium ioann 11, 18. Cod. saec. XIII — vost. cf. ВЪЛОГЪ».

Конечно, греческие и латинские параллели демонстрируют лишь своеобразие употребления слова в разных речевых контекстах, но они все-таки не дают возможности вскрыть главное значение слова в древнем языке и соответственно с этим исходным значением расположить вторичные значения и оттенки употребления в разных контекстах.

В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского (т. I, СПб., 1893, стб. 275, 381) сохраняется общий материал А. Х. Востокова (со ссылкой на него буквой *В* в скобках) и Ф. Миклошича, поданный в трех словарных статьях, без толкования по-русски, но лишь только с сохранением греческих и латинских параллелей:

«ВЛОГЪ: на влозѣ: — Црьскыми повелѣнїи на влозѣ точаще (ἱππηλατοῦντες — ездя на конях). *Сильв. и Ант. вопрс.* — см. ВЪЛОГЪ»

«ВЪЛОГЪ: вълогомь (*В.*) — δρόμῳ, cursu. Постиже ѥ вълогомь приставникъ Иосифовъ. *Ефр. Сир. XIV в.*» Отсылка к статье *влогъ* дана лишь в «Дополнениях» к словарю (СПб., 1912, стб. 52').

«ВЪЛОГЪ (*В.*) — ὄψον: — И вълогы къ тѣмь коуроптины и тетеревины (ὄψον πρὸς τούτους, et adhaec assas carnes). *Ев. толк.* XVI *в.*»

Исключение старосербского материала из Минеи Михановича, имеющегося в «Лексиконе» Ф. Миклошича и естественно лишнего в древнерусском словаре, несколько сузило возможности для определения семантики этого довольно сложного слова.

Выходящий сейчас капитальный «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (вып. 2. М., 1975, с. 227), привлекая новый фактический материал из письменных памятников, подал два омонима *влогъ* и прилагательное *вложный* (с. 229):

«ВЛОГЪ[1], м. Мясо, мясная пища, И вълогы къ тѣмъ куроптины и тетеревины (ὄψον). Ев. толк., XVI в.* Преплувше же [Зинон] в Халкидонѣ, створивше пут<ь> без влога женущих ради, и гонзъше, доидоша на страны Исаварьски. ВМЧ, Дек. 6—17, 842. XVI в.»

«ВЛОГЪ[2], м. **Влогомь**, в знач. нареч. *Бегом, вдогонку*; *быстро, поспешно*. И посла вълогомъ, написав епистолию, имущу образъ съй. ВМЧ, Окт. 4—18, 846. XVI в. На влозѣ — *быстро*. Царьскыми повелѣнии на влозѣ точаще. (Сильв. и Ант. Вопр.) Оп. II (2), 150. 1512 г.»

«ВЛОЖНЫИ, *прил. Быстрый*, *скорый*. Воины своими въсхыщь мя и на вложьное мя клюся въсадивъ. Усп. сб., 293. XII—XIII вв. Молился ему [царю] вдати ему книги проводныя къ палестиньскымъ княземъ и вложныя коня, да тамо вшедъ влогомъ ко святому, возложениемъ руку его здравъ будетъ. ВМЧ, Окт. 19—31, 1721, XVI в. — Ср. влогъ[2]». В последней цитате опущена наличная в издании (в подстрочном примечании) латинская параллель к со-

четанию *вложныя коня* — (cum) comitatu 'с сопровождением; эскортом, свитой; обозом, транспортом и т. п.' [2]

Во всех этих построениях необходимо исправить одну застарелую ошибку: слова *въłогъ*, *влогъ* в значении греч. ὄψον 'мясная пища' совсем не существует, поскольку оно есть результат неправильного восприятия типично восточнославянского слова *вологa* 'приправа к пище; жидкая пища' в условно архаизованной орфографии (замена *о* на *ъ*) «Толкового евангелия» XVI века Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Неправильно прочитанная и восстановленная А. Х. Востоковым форма *въłогъ* = ὄψον должна теперь быть вычеркнута из повторяющих его выводы лексикографических пособий, а полногласное слово *вологa* из церковнославянского памятника не должно смущать исследователя.

Что касается остальных случаев действительного употребления существительного *въłогъ*, *влогъ* (вместе с прилагательным *въложьныи*), то их определение как своеобразных наречных выражений со значением 'быстро' и т. п. наталкивается на ряд трудностей в восстановлении семантики исходной формы — именительного падежа *въłогъ*. Трудности в значительной степени отпадут, если в церковнославянском слове *въłогъ* видеть древнее булгарское заимствование, в точности соответствующее почти общетюркскому по распространению производному от глагола *ула-* 'соединять' существительному *улағ* (*ulaγ*), выступающему уже в памятниках древнетюркской письменности и в современных тюркских языках как существительное со значением 'вьючное верховое животное, почтовая лошадь, перекладной конь, подвода, транспорт; курьер; связь; заплата' и т. п. Это тюркское слово получило широкое распространение во многих языках Европы и Азии, употребляясь в них с весьма обширным кругом значений [3].

И в русских и в сербских церковнославянских текстах, цитаты из которых попали в рассматриваемые словари, слово *въłогъ*, вероятно, имело значение 'почтовая лошадь (подвода), почта, транспорт' и могло метонимически переходить на ряд смежных явлений, связанных с (почтовым) транспортом.

Не вызывает сомнений особо отмеченное Ф. Миклошичем сочетание **НА ВЬЛОГЬ ВЬСѢСТИ** из Минеи Михановича и оставленное им без греческого или латинского соответствия. Конечно, здесь *въłогъ* имеет значение 'конь, подвода'. Греческое соответствие ἱππηλατοῦντες, а также лат. equitantes) 'ездя на лошади' тоже заставляют видеть это значение в цитате из «Вопросов и ответов св. Сильвестра и преп. Антония» по списку 1512 г. бывшей Московской синодальной библиотеки № 129: **НА ВЛОЗѢ ТО-**

---

[2] Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь. Дни 19—31. СПб., 1880, стб. 1721.

[3] Подробно см.: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с. 588—590; *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden, 1965, S. 102—107 (N 521); Bd. IV, 1975, S. 414; *Räsänen*, S. 512.

ЧАНЕ[4]. Привлеченные для «Словаря русского языка XI—XVII вв.» примеры из «Великих Миней-Четиих, собранных всероссийским митрополитом Макарием»: **ПОСЛА ВЪЛОГОМЪ**[5] и **СТВОРИВШЕ ПУТ<Ь> БЕЗ ВЛОГА**[6] можно истолковать также на основании греческой параллели, приведенной у Ф. Миклошича к цитате **ВЪЛОГОМЬ ПОСЛАШЕ (СЕ)** из Минеи Михановича — σύνθημα (лат. *pactum*), которое согласно Ш. Дюканжу значило 'evectio', т. е. 'подорожная'[7]. Ср. в «Латино-славянском лексиконе» Епифания Славинецкого: *evectio* — извезенїе, *synthema* — знаменіе вое(н)ное, грамота црская[8]. Передвижение *на вълоге* без подорожной, билета было невозможно, почему слово *вълогъ* употреблялось и в значении 'подорожная'. В цитате **ПОСТИЖЕ И ВЪЛОГОМЬ ПРИСТАВНИКЪ ИОСИФОВЪ** из «Поучения Ефрема Сирина» по рукописи XIV в. Публичной библиотеки им М. Е. Салтыкова-Щедрина греческое соответствие δρόμῳ (лат. *cursu*) следует переводить не 'бегом', а 'по пути, по тракту (где ездят на влогах'). Во всяком случае, все контексты с упоминанием слова *вълогъ* требуют к себе дополнительного внимания для выяснения всех деталей и оттенков значения этого загадочного термина.

Непосредственное обращение к текстам, где употребляется термин *вълогъ*, много дает для уточнения значений. Например, в «Мучении святую мученику Сергия и Вакха», откуда для «Словаря русского языка XI—XVII вв.» взята цитата И посла вълогомъ, написав епистолию, слово *вълогъ* встречается еще в следующих контекстах: Поим'ше же я [мучеников Сергия и Вакха], *влогомъ* ведоша в той день вдале 12 поприщу от града. Вечеру же бывшю, пролежаша в етерѣ гостинници, — и далее: Яко же по велѣнію цареву влогомъ со многымъ храненіемъ ведяху я из' града въ град', на предлежащий путь мучения, дон'деже ведена быста въ Ефратійскую епархію, в Милиты, сущая близъ срачиньска языка, идѣже Антиохъ дуксъ живяще[9]. Здесь, вероятно, *вълогъ* значит 'почтовая дорога, движение по почтовой дороге с конвоем, расстояние между почтовыми станциями'.

Весьма характерно употребление сочетания *вложныи конь* в «Житии Иоанна Златоустого»: Къмисъ же. . . помоли Іоанна да изыдеть с нимь изъ града вонъ къ вратамъ ѩже ся зовуть Романасіа и всадивыи (т. е. *всадивъ* и. — *И. Д.*) на *вложныи конь*

---

[4] *Горский А. В.*, *Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2. М., 1859, с. 150—151. Отмеченное в этом памятнике ударение *на влозѣ́* также говорит в пользу тюркского происхождения слова.

[5] Великие Минеи-Четии. . . Октябрь. Дни 4—18. СПб., 1874, стб. 846.

[6] Там же. Декабрь. Дни 6—17. М., 1904, стб. 852.

[7] *Du Cange Carolus du Fresne.* Glossarium ad Scriptores mediae et infimae Graecitatis, t. II. Bratislaviae, 1891, col. 1485.

[8] Лексикон латинський Е. Славинецького. Лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ, 1973, с. 184, 392; Значение 'подорожная' отмечается у греч. σύνθημα и лат. *evectio* даже популярным «Латинско-русским» словарем» И. Х. Дворецкого (М., 1976, с. 382, 993).

[9] Великие Минеи-Четии. . ., Октябрь. Дни 4—18, стб. 846, 847.

вдасть и посланному Емноху, — имеющего греческую параллель δημοσίῳ βερέδῳ, т. е. 'на общественного коня' [10].

Прилагательное *въложьный* в составе сочетаний *вложный конь*, *въложьное клюся* (вин. ед.), *вложныя коня* (вин. мн.), безусловно, должно быть истолковано как 'почтовый, транспортный', причем характерно отождествление использования *вложных коней* и движение *влогом* в Великих Минеях-Четиих : Молися ему [царю] вдати ему книгы проводныя къ палестиньскымъ княземъ и *вложныя коня*, да тамо вшедъ *влогомъ* ко святому, возложениемъ руку его здравъ будетъ [11].

В заключение анализа словарного материала следует добавить, что принятое в словарях указание на быстроту, скорость в толкованиях слов *вълогъ*, *въложьный* содержат в себе рациональное зерно: движение на лошадях и по хорошей дороге отличается большей скоростью по сравнению с пешим передвижением, но это толкование скорее относится к общему контексту, чем непосредственно к толкуемому слову.

Хотя этимологические соображения при выяснении значения слов *вълогъ*, *въложьныи* опирались здесь у нас на семантику тюркского *улаҕ* и его семантику в заимствовавших его языках, что и дало возможность внести коррективы в лексикографическую практику, однако есть также возможность на основании выражений и слов современного русского языка *заложить* (*закладывать*) *лошадь* (*коня* и т. п.), *переложить* (*перекладывать*), *перекладные* (*лошади*) высказать предположение о связи названия *вълогъ* с глаголом (*въ*)*ложити*. Категорически высказаться в пользу такого предположения мешает лишь отсутствие у глагола *въложити* следов значения 'впрячь', причем обращает на себя внимание своеобразие управления: *впрячь* (*запрячь*) *коня в телегу*, но *заложить коня в телегу* наряду с *заложить телегу*. В таком случае связь названия почтовой лошади *вълогъ* с глаголом (*въ*)*ложити* придется рассматривать как вторичную в связи с преобразованием булгарского соответствия **ӳлӑҕ* (с краткими гласными) общетюркскому *улаҕ*, где краткость гласных устанавливается туркменским материалом: *ула-* 'соединять, присоединять', *улаҕ* 'верховое или вьючное животное; разговор. транспорт'.

В пользу предполагаемой связи рассмотренного названия почтовой лошади *вълогъ* с глаголом *въложити* говорит привлеченное Ф. Миклошичем церковнославянское наименование меры длины *въложище*, которое входит в синонимический ряд с одинаково оформленными *станище* и *попьрище* [12]. Представленные в русской письменности и диалектах наименования разного рода расстояний типа *упряжка* 'расстояние, которое проезжают лошади без распрягания', *выпряжай* 'расстояние между местом отправления в путь и местом остановки', *пряжка*, *прежка*, *пряга* и т. п. [13], воз-

---

[10] Там же. Ноябрь 13—15. СПб., 1899, стб. 951.
[11] Там же. Октябрь. Дни 19—31. стб. 1721.
[12] *Романова Г. Я.* Наименование мер длины в русском языке. М., 1975, с. 21.
[13] *Романова Г. Я.* Указ. соч., с. 126.

можно, построены по той же семантико-деривационной модели, что и церковнославянское *въложище*.

Вопрос о хронологии проникновения булгаризма *вълогъ* (из булг. **вӳлӑғ*) на основании отражения кратких гласных *у*, *а* как соответственно *ъ* и *о* осложняется контаминационными связями с глаголом *въложити*. Во всяком случае можно смело предполагать достаточно глубокую древность заимствования на основании фиксации прилагательного *въложьныи* в Успенском сборнике XII—XIII вв. Важно также учесть, что булгаризм проник в церковнославянскую письменность. Очевидно, что заимствование проникло в славянскую речь еще до принятия славянами христианства, а в момент вхождения в церковнославянские тексты термин *вълогъ* уже утратил характер «поганского» слова, что позволило ему войти в благочестивые тексты житийного характера. В связи с этим роль глагола *въложити* в фонетической трансформации булгарского **вӳлӑг* в славянский почтово-коневодческий термин *вълогъ* оказывается минимальной и не решающей. Для уточнения хронологии слова *вълогъ* у славян чрезвычайно важным представляется исследование истории славянских текстов Великих Миней Четьих, собранных в XVI в. митрополитом Макарием. В описанных А. В. Горским и К. И. Невоструевым «Вопросах и ответах Сильвестра и Антония» отмечаются «ясные следы болгарского происхождения, и притом довольно в древнее время», причем здесь фигурируют явные тюркизмы с булгарскими чертами: *тволага* 'телка', *с(ы)н(о)ве* 'башни', *бѣлѣг* 'знак', *кѵрилъ* 'форма', *тевӳгъ* 'ремень, стягивающий упряжь', *ꙗко ѿ сасыгы* 'из печи, откуда льется расплавленный металл'. Частично эти слова уже привлекали к себе внимание этимологов [14].

Что касается места проникновения слова *вълогъ* в славянскую речь, то решить этот вопрос можно будет лишь на основе истории текстов, где это слово употребляется, поскольку в современных славянских языках и диалектах следов этого слова, кажется, не обнаруживается. Однако можно предполагать его южнославянский (болгарский) характер.

Весьма созвучные и также связанные с коневодством с.-хорв. обл. *лӧгōв* 'пристяжная лошадь' и болг. устар. *логдӣ* с тем же основным значением к этому отношения не имеют, поскольку представляют собой венгерские заимствования, восходящие к венгерскому причастию на *-ó* от глагола *lóg-* 'висеть; болтаться; бездельничать', как и рум. *logău*, *lugău*, *lăgău* [15].

Созвучное офенское название лошади *ловáк*, *лавáк*, также *ловачёнок* 'жеребенок', *ловачи́ха* 'кобыла' М. Р. Фасмер когда-то

---

[14] *Горский А. В.*, *Невоструев К. И.* Указ. соч., с. 147—148. Этимологии некоторых из приведенных отсюда в «Материалах» И. И. Срезневского слов см.: *Pritsak O.* Bolgarische Etymologien. — Ural-Altaische Jahrbücher, 1957, Bd. XXIX.

[15] *Décsy Gy.* Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache. Wiesbaden, 1959, S. 45 (N 29). Сюда также следует добавить польск. устар. *łogosz*, словац. диал. *logoš* — см.: *Sławski*, t. V, zesz. 2 (22), c. 145—146.

выводил с долей неуверенности из греческого источника [16]. «Может быть из более древнего * *лоакъ* < (ἀ)λογάκι; ἄλογον „equus“.., также как название рыбы: ἀλογάκι „hippocampus L.“». Но это гипотетическое сопоставление с сугубо книжным греческим ἄλογος 'бессловесный' впоследствии было заменено в пользу выведения офенского слова из венгерского *lovak* 'лошади' (мн. число от *ló* 'лошадь') [17].

Звуковую и семантическую близость к слову *вълогъ* обнаруживают два гапакса, отмеченные еще А. Х. Востоковым и перешедшие далее в словари Фр. Миклошича, а также И. И. Срезневского (привожу по последнему, — т. II, СПб., 1895, стб. 5—6):

«ЛАКИНИꙖ (*В.*) — кобылица (?): — И бѣше оу Соломона м҃ тысящь лакиніи конь воиничьскы (τέσσαρες χιλιάδες θήλειαι ἵπποι εἰς ἅρματα; четыредесять тысящ кобылиц в колесницы). *Цар. 3. X. 25 по сп. 1538 г. (В.)*»

«ЛАКИꙖ (*В.*) — блудница (?): — Съ блудницею не творити любы, съ женою же не лиха чьсо соглати, съ дѣтищемъ не оумножи словесъ, с лакиею не имѣи любве. *Ефр. Сир.* XV в. (Последних слов в подлиннике нет; вероятно, это приписано было на полях против слов «съ блудницею не творити любы», и, может быть, *лакиꙗ* значило собственно то же, что *лакиниꙗ*, кобылица, а в переносном смысле принималось за блудницу. (*В.*)»

Такое сопоставление (*вълогъ* и *лакиния*, *лакия*) не следует исключать, поскольку тюркское *улағ*, *улақ*, пройдя через новогреческое посредство (οὐλάκης, ὀλάκης), стало источником европейских слов типа франц. *laquais*, нем. *Lakai*, польск. *lokaj*, рус. *лакей* и т. п.[18] Начальный гласный в этом слове исчез на греческой почве в результате взаимодействия с артиклем. Ср. н.-греч. τζάκι, (ὀ)ντσάκι 'очаг, дымоход' из тюрк. *оджак*, *очаг*. Однако суффиксация образований *лакиния*, *лакия* остается неясной. Относительно семантики последнего: ср. у М. Р. Фасмера осторожное сопоставление архангельского *ёнда* 'распутная женщина' с тюркским *йонт*, *йонд* 'лошадь' (точнее *йунт*, *йунд*) [19].

Любопытно также отметить, что в золотоордынский период тюркское название транспортно-почтовой повинности *улағ* (монг. *улаға*), *улағ илмек* переводилось на русский язык словом *подвода*[20], что до некоторой степени может говорить против восточнославянского характера слова *вълогъ*, которое, впрочем, к тому

---

[16] *Фасмер М. Р.* Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909 (=Сборник по Отделению русского языка и словесности имп. Академии наук, т. LXXXVI, № 1), с. 116.
[17] *Horbatsch O.* Lexikale und Wortbildungselemente des ukrainischen Argots. — Sonderdruck aus Slawistische Studien zum V Internationalen Slawistenkongreß in Sofia 1963. Göttingen, 1963, S. 8.
[18] *Lokotsch*, S. 166; *Machek*², с. 338.
[19] *Sinor D.* Notes on the Equine Terminology of the Altaic Peoples. — Central Asiatic Journal, 1965, v. X, N 3—4, p. 309—312. Ср. *Фасмер* II, с. 19.
[20] *Vásáry I. Susun* and *süsün* in Middle Turkic Texts. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, t. XXX, fasc. 1. Budapest, 1977, p. 57; cf. *Smith Jr., J.M.* Mongol and Nomadic Taxation. — Harvard Journal of Asiatic Studies, 1970, v. 30, p. 46—85.

времени просто могло выйти из употребления, сохранившись лишь в церковнославянском употреблении.

Развитие значения от 'лошадь' до 'почта' отмечается, например, у латинского *verēdus* 'рысистая почтовая (или охотничья) лошадь', которое, попав в арабский язык и получив облик *барӣд* (мн. число *буруд*), стало употребляться в современном арабском языке в значениях 'гонец, посыльный', но чаще просто 'почта', хотя оно также было известно и в значениях 'быстроходный (курьерский) мул или конь' [21]. В персидском языке сейчас этот устаревший арабизм *бӓрид* имеет значение 'вестник; курьер, вестовой', сохраняя лишь часть значений арабского оригинала. История семантики термина *вълогъ* на славянской почве была, по-видимому, еще более сложной.

Во всяком случае, значения славянского существительного *вълогъ* 'почтовая лошадь; подорожная; почтовая дорога, расстояние между станциями; конвой, свита, почта' удалось объединить только на основе этимологических связей с развившим аналогичную многозначность тюркским словом *улаӻ*, а также по аналогии с семантической историей латинского *verēdus* на почве арабского языка. Привлечение дополнительного материала из славянских памятников поможет в дальнейшем установить детали семантического развития слова и уточнить первоначальный ареал его бытования, что окажется возможным только после выяснения истории памятников письменности, в которых это слово употребляется.

---

[21] *Белкин В. М.* Арабская лексикология. М., 1975, с. 102; Arabische Chrestomatie aus Prosaschriftsteller, von Brünow/Fischer. Leipzig, 1960, S. 13. В арабском языке *барӣд* также имело значение 'расстояние между двумя почтовыми станциями в 2 (в Персии) или в 4 (в Западных странах) фарсаха (по 3 мили каждый фарсах)'. См. Enzyklopaedie des Islams, Bd. I. Leiden — Leipzig, 1913, S. 685. Допустимо, что этимологически неясное латинское название лошака (жеребец + ослица) *burdo* или *burdus* представляет собой обратное заимствование ломаного множественного числа от *барӣд* с семантическим сдвигом, причем форма *burdo* скорее всего отражает сирийско-арамейскую форму status emphaticus. Между прочим, латинизм *бурдъ* употребляется один раз в русском памятнике XVI в. «Назиратель» (М., 1973, с. 250): коли конь смѣшается со ослицею тогды опять от него инои род происходитъ как то суть мулове и *бурдове* малую розность от конеи имеющие. Он не зафиксирован до сих пор в русской исторической лексикографии, как и византинизированная «римская речь» *Вурдунарь* 'м'ска́мъ блюсти́тєл(ь)' наших азбуковников: см. *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, с. 274.

В. И. Дегтярев

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА *ЛЮД*

В этимологическом словаре М. Фасмера есть положение о том, что в русском мн. ч. *люди* образовано от ед. ч. *люд* [1]. В истории чешского языка Ян Гебауэр аналогичным образом представлял связь между старочешским мн. ч. *l'udie* > *l'udé* (совр. *lidé*) и ед. ч. *l'ud* (совр. *lid*) [2]. Это, однако, не подтверждается историческими фактами славянских языков и заслуживает к себе критического отношения. Мн. ч. *люди* в русском языке является исторически исконной формой вин. п., вытеснившей в ранний письменный период развития общенародного древнерусского языка праславянскую форму имен. п. *людие* (**ljudьje*) склонения с основой на *-ĭ-*. Подобные явления в развитии именных парадигм хорошо известны. Праславянский им. мн. ч. женск. р. склонения на *-ā-* типа *жены*, *страны* является в действительности исторической формой вин. п., а исконный им., реконструируемый для праиндоевропейского языкового состояния в виде *-*es* и отраженный в древнеиндийском окончании мн. ч. *-āḥ*, например, др.-инд. мн. ч. *açvāḥ* 'лошади', лит. *-os*, например, лит. мн. ч. *rañkos* 'руки', в праславянском языке для основ на *-ā-* не реконструируется. Хотя в других типах склонения он может быть восстановлен, ср. им. мн. ч. склонения *i*-основы **ghŏstei̯-es* > **gŏstĭjes* > **gostьje* [ст.-слав. гостиѥ). В значительно более позднее время — в период формирования грамматических норм национального русского языка — у имен мужского рода с основами, обнажившими твердый согласный после падения редуцированных, окончание вин. п. *-ы* типа *столы*, *сыны* вытеснило исконные окончания *-и* (например др.-рус. *столи*) и *-ове* (др.-рус. *сынове*, *волове* и под.). С другой стороны, ед. ч. *люд* является собирательным именем, не образующим в русском языке множественного числа[3]. Но главное то, что в древнерусском языке форма мн. ч. *люди*, распространившаяся на месте первоначальной, унаследованной из праязыка формы *l'udĭje* > *людье*, хронологически предшествовала появлению собирательного *люд*.

Мн. ч. *людие* в том или ином фонетическом виде фиксируется в письменных памятниках всех древних славянских языков и является праславянским по своему происхождению; ст.-слав. людиѥ, др.-рус. *людие*, *людье*, ст.-серб. *людие* > *људе* (вин. п. *људи*), ст.-чеш. *l'udié*, ст.-польск. *ludzie* и другие восходят к праязыковой форме* *lēudhei̯es*. Это слово имеет прямые и наиболее близкие соответствия в балтийских и германских языках, ср. лит. ед. ч.

---

[1] *Фасмер* II, с. 545.
[2] *Gebauer* II, S. 286.
[3] В польском языке от ед. ч. *lud* образуется мн. *ludy*, род. п. *ludów* (см. *Linde* II, S. 672), но в ином типе значения — 'народы', 'нации', ср. ст.-чеш. мн. ч. *l'udové*, род. п. *l'udóv*, дат. п. *l'udóm* 'народы'.

liáudis 'народ', 'люди'; лтш. мн. ч. *ļàudis*, др.-в.-нем. *liuti* 'народ', ср.-в.-нем. *liute*, совр. нем. *die Leute* 'люди', и таким образом является общей славяно-балто-германской изоглоссой. Вместе с тем дальнейшая связь с греческим, латинским и древнеиндийским указывает на индоевропейский характер основы. Об этимологическом значении ее в праславянском языке можно судить по данным готского языка: гот. *liudan* 'расти' показывает, что славяно-балто-германская основа **lēud-* первоначально значила 'народившиеся, растущие'.

Рефлексы этой формы есть во всех современных слявянских языках. Они составляют супплетивные единства с формами единственного числа в значении единичности от другой основы: рус. *человек — люди*, с.-хорв. *чо̀век — љу̏ди*, словен. *člóvek — ljudjê*, макед. *човек — луѓе*, диал. мн. ч. *човеци*, польск. *człowiek — ludzie*, чеш. *člověk — lidé*, слвц. *človek — l'udia*, в.-луж. *čłowjek — ludźo*, н.-луж. *cłowjek — luźe* и т. д. В болгарском языке ед. ч. *човек* образует мн. ч. *човеци*, как и в древних славянских языках, ср. др.-рус. и ст.-слав. *чловѣкъ — чловѣци* и под. Мн. ч. *човеци* выражает простое множество единичных лиц. В значении собирательного множества применяются формы мн. ч. *люде* и *хора*. Мн. ч. *хора* по происхождению является собирательным именем единственного числа, заимствованным из греческого языка: греч. χώρα 'страна', 'земля', 'область'. В таком исходном значении и в грамматических формах единственного и множественного числа это слово функционирует еще в грамотах болгарских царей XII—XIII вв. Однако в период формирования национальных норм болгарского языка форма ед. ч. *хора*, получившая в речи собирательное значение 'народ', 'люди', была переосмыслена в форму мн. ч. подобно тому, как формами мн. ч. исторически стали древние славянские имена собирательные ед. ч. *братия* (или *братрия*), напр., рус. мн. ч. *братья*, польск. мн. ч. *bracia*, чеш. мн. ч. *bratří*, а также *господа*, болг. *деца* (из уменьшительной формы дѣтьца), др.-рус. *князья*, *шурья*, *зятья* и подобные, функционировавшие первоначально как формы множественного числа. Мыслительно-логическую основу этой трансформации в истории славянских языков составляет процесс обобщения и абстрагирования количественных понятий в мышлении и формализации — оформления парадигм грамматической категории числа в языке. В сущности это процесс преобразования лексических абстракций в грамматические, характеризующий развитие флективного строя.

Корреляция с ед. ч. *человек* повлияла на семантику мн. ч. *люди*, поскольку эти два имени сблизились как грамматические формы. В сербском языке мн. ч. *људи* по смыслу соответствует немецким мн. ч. *die Menschen* и *die Leute*, лат. мн. ч. *homines*. Особенность состоит в том, что серб. мн. ч. *људи* наряду с обобщающим значением 'люди' выражает также значение 'мужчины', в котором оно антонимично множественному *жене*. Сочетание *жене* и *људи* в сербохорватском значит 'женщины и мужчины'. Это связано с тем, что слово *човек*, соотносительное с мн. ч. *људи* как грам-

матическая форма ед. ч., имеет значение 'мужчина' наряду с значением 'человек', как, например, и украинское *чоловік* 'мужчина', 'муж (супруг)'. Этот факт имеет значение для понимания той роли, какую играют в развитии семантики системно-парадигматические отношения и связи языковых единиц, и свидетельствует о системно-структурной обусловленности языковых значений.

Славянское мн. ч. *людие* образовано от ед. ч. **l'udь* (основа на *-ĭ-*), 'человек' в качестве грамматической формы мн. ч. По-видимому, к моменту появления славянской письменности слово **l'udь* полностью вышло из употребления. В древнейших письменных памятниках славянских языков — старославянских, древнерусских, среднеболгарских, древнесербских и других оно уже не фиксируется.

Значение мн. ч., выражаемое праславянской формой **ljudьje*, имело собирательный характер. Об этом объективно свидетельствуют типичные для собирательных форм парадигматические и синтагматические признаки, в частности, сочетаемость с собирательными числительными, например, ст.-слав. дъвои людиѥ, др.-рус. *девятеро людеи* и под. В древних славянских языках имена собирательные ед. ч. также сочетались с собирательными формами числительных в счетно-количественных значениях; например: ст.-слав. десѧторо братиꙗ, седмеро братиꙗ, троѥ братиꙗ и под., др.-рус. *осьмеро челяди*, *дъвое скота*, с.-хорв. *петоро дјеце*, *четверо паунчади*, *двоје сирочади*, *двоје латинчади* (примеры из народных песен, собранных В. Караджичем), ст.-польск. *dwoje skota* (в познаньских судебных ротах XIV в.) и т. п. Показательно, что и имена pluralia tantum, обозначающие конкретные предметы, которые можно сосчитать, также сочетаются с собирательными числительными в счетных значениях (рус. *двое суток*, *четверо саней*, *двое вил* и под.), потому что по происхождению они обозначают множества, составляющие в совокупности и определенной системе одно целое, осмысленное как новый предмет. Так, мн. ч. *кола* 'повозка' этимологически значит 'колеса'. Совокупность колес, соединенных в определенной системе, была осмыслена как самостоятельный единый предмет, качественно отличающийся уже от простого множества колес. Равным образом мн. ч. *уста* образовано от ед. ч. *усто* (форма ед. ч. *оусто* встретилась нам в древнесербском Вукановом евангелии, л. 158а, 15—18, чеш. *ústo* отмечает Й. Юнгманн [4]), мн. ч. *дрова* — от ед. ч. *дръво* 'полено, дерево', ср. с.-хорв. ед. ч. *др̏во*, болг. XVII в. *едно дрьво*, совр. *дърво*; ст.-польск. мн. ч. *drwa owoczna* 'плодовые деревья'; рус. мн. ч. *хоромы* (старорусское — в значении 'комплекс двора, усадьба') — от ед. ч. *хором*, ср. др.-рус. ед. ч. *хоромъ* 'любая жилая или хозяйственная постройка во дворе', ст.-серб. *храм* в Законе Винодольском (рукопись XV в.) употреблено в значении 'лавка', 'погреб', ср. словен. *hram* 'дом, помещение, кладовая, погреб', ст.-слав. храмъ и т. п.

---

[4] *Jungmann* I, S. 46.

Логико-семантическую основу этих лексикализованных форм мн. ч., ставших именами pluralia tantum, составляет собирательная множественность.

На собирательное значение мн. ч. *людие* в древних славянских языках указывает также соотношение с единичным *людинъ*, образованным в качестве сингулятива после утраты славянскими языками ед. ч. *людь*. В противопоставлении сингулятивным формам находит свое выражение значение собирательности, ср. др.-рус. *господа—господинъ*, *роусь—роусинъ*, *литъва—литъвинъ*, *оугра—оугринъ* и т. п. В таком же соотношении функционируют и формы мн. ч.: *словѣне—словѣнинъ*, *българе—българинъ*, *оугре—оугринъ* и под. Они также имеют собирательные значения.

В старший праславянский период слово **l'udь* совмещало, как можно полагать, два значения: собирательное 'люди' и единичное 'человек', различавшиеся в речевой ситуации, т. е. имело значение, которое можно определить как общее число. Значение общего числа генетически предшествовало в языках разных типов противопоставлению ед. и мн. ч., выражаемого самостоятельными, флективно различающимися формами. На единичное значение слова *людь* ясно указывает соответствие в прусском языке *ludis* 'человек' (в GrG: Mensch Ludis [5]), на собирательное — соответствие в современном литовском *liáudis* 'народ'. В славянском языке тематический детерминант *-ĭ-* действительно использовался для выражения собирательных значений, например, *чадь*, *дѣть* (сохранившееся в старосербских грамотах) и особенно в этнонимах: др.-рус. *роусь*, *сьрбь*, *корсь*, *проусь*, *чудь* и многих других.

Развитие грамматической категории числа и образование корреляций форм ед. и мн. ч. изменило первоначальный, древнейший способ представления количественных отношений и их выражение в языке. Категория числа получила формально-грамматический характер универсальной морфологической категории. В связи с этим форма *людь*, совмещавшая значения собирательной множественности и единичности, как неоднозначная, была вытеснена образованной от нее формой мн. ч. *людие*, а в значении единичности была образована сингулятивная форма *людинъ*. Ср. аналогично образованное мн. ч. *дѣти* вместо ед. ч. *дѣть*, вышедшего из употребления в современных славянских языках, но широко распространенного в старосербской письменности. Дальнейшая формализация грамматической категории числа вместе с абстрагированием количественных представлений привела к ослаблению собирательного оттенка множественности у формы мн. ч. *люди*. Утрачен сингулятив *людин*, поскольку отношение единичность—множественность, в котором единичность противостояла собирательности, сменилось более обобщенным и абстрактным отношением единственное—множественное число. В этом отношении собственно единичность, как неактуальная, не подчеркивается,

---

[5] *Mažiulis V*. Prūsų kalbos paminklai, Vilnius, 1966, с. 249 (словарик Грунау).

а форма единственного числа имеет скорее номинативное назначение как именующая предмет. Этому отношению в большей мере стала соответствовать новая корреляция формы мн. ч. *люди* с формой ед. ч. *человек*, образовавших в разных славянских языках супплетивные пары. В свою очередь ед. ч. *человек*, вступившее в новое грамматическое противопоставление, утратило связь с первоначальной формой мн. ч. *человѣци*, которая почти полностью утратилась. В русском языке исключение составили формы косвенных падежей в количественно-именных сочетаниях типа *пять человек* и т. п., которые имеют значения простого, раздельного, количественно определенного множества лиц.

Что же касается слова *люд*, то оно в отличие от мн. ч. *люди* является довольно поздним образованием и в современных славянских языках стоит особняком от него. Прежде всего следует подчеркнуть, что оно не имеет общеславянского характера, в частности, не известно современным (как и древним) южнославянским языкам, исключая только словенский, и не отмечено в старославянской письменности. Невозможно говорить о праславянском происхождении этой формы. Раньше всего собирательное *люд* отмечается в западнославянских, прежде древнечешских, а затем и старопольских переводах христианских богослужебных книг — псалтыри, Ветхого Завета и евангелия, в частности в переводах первых двух книг Моисея Genesis и Exodus, а также в древних молитвах и песнях, духовных стихах. Ед. ч. *l'ud* содержится в отрывке древнечешского перевода евангелия от Иоанна: *umrieti pro lud* (XVIII, 14), лат. *populo*. Пергаментная рукопись содержит латинский текст с надстрочным переводом на чешский язык. По мнению П. Шафарика, подтвержденному позднее Я. Гебауэром [6], этот перевод относится к X в. Ед. ч. *lud* отмечено в одном из ранних памятников польского языка — Свентокжижских проповедях (XIV в.): tysøcy *luda* poganskego (karta a), ctuoraki(m) *lude(m)* (karta b); здесь же мн. ч. род. п.: *ludy* g(re)snih.

Как показывает лингвистическое изучение западнославянских переводов с латинского, в старочешской и старопольской письменности древнейшей поры мн. ч. *l'udie* и ед. ч. *l'ud* выступают рядом, как равноценные — без каких-либо различий в значении, соответствуя формам ед. или мн. ч. латинского *populus* — мн. ч. *populi*; единственным *l'ud* переводятся также существительные *gens* и *plebs*, множественным — мн. ч. *homines*, *gentes*, *populi*. Выбор формы ед. или мн. ч. последовательно определяется формами ед. или мн. ч. латинского первоисточника. Обе формы выражали собирательное понятие 'народ', 'люди'. Древнее чеш. и польск. собир. *l'ud* образовано как грамматическая (словообразовательная) калька с латинского ед. ч. *populus* в соответствии с латинским соотношением ед. ч. *populus* — мн. ч. *populi*. Ср. лат. et super *populum* tuum benedictio tua (Vulgata, ps. 3) и ст.-польск. nad *ludem* twogim

---

[6] *Gebauer J.* Staročeský zlomek Evangelia svato-Janského a filologická svědectví o jeho původu. V Praze, 1881, S. 136.

poszegnanie twoie (Флорианская псалтырь), nad *ludem* twim (молитвы Вацлава, 119). Равным образом в старочешских переводах псалтыри ед. ч. *l'ud* соответствует лат. ед. ч. *populus*, тогда как мн. ч. *l'udíe* — лат. мн. ч. *populi*. Примеры (из Музейной псалтыри около 1300 г.): *Wzeſli ludíe* (133 b. 14) — *populi*; *lud twoy* (134 a. 16) — *populus tuus*; *lud* (137a. 21) — *populus*.
Подобным же образом в древних славянских переводах греческих богослужебных книг (старославянской письменности) в формах ед. и мн. ч. — параллельных, не соотносительных друг с другом — употребляется слово *народъ* (мн. ч. *народи*) в соответствии с греч. ὄχλος 'множество, масса, толпа', не различаясь в значениях: По немь идѫ народи мнози (Мф. VIII. 33 Саввина книга); Видѣвъше же народи дивиша са (Мф. IX. 37 там же); Мнози же народи постьлаша ризы своѩ по пѫти (Io. XI. 84 там же); народи же ходащеи прѣдъ нимь (Io. XI. 84 там же) и др. Здесь же в том же значении — формы ед. ч.: Милъ ми естъ народъ. ако третиі дьнь присѣдать ма (Мф. XV. 40 там же); Разоумь же народъ многъ (Io. XII. 85) и многие подобные. Слово *людие* здесь имеет только форму мн. ч.: много людиі (Лк. VI. 132).

Широкое первоначальное значение слова *народъ* 'происхождение, нарождение, порода' и 'народившиеся, потомство, род' (ср. ст.-слав. народъ людии, народъ оученикъ, в польском языке XVI в.: z *narodu* krolow Polskich, в старочешском и старопольском языках *narod* также и по отношению к животным, например, чеш. všeliký *národ* rybí) исторически сузилось до значения, синонимичного множественному *люди*. Поэтому слово *народ* действительно могло явиться морфологическим образцом или моделью для образования собирательного *люд* в том же значении, как это предполагал В. Махек [7]. Однако калькирование возможно было и без такого влияния.

Хотя слово *люд* образовано явно искусственно, оно органично усвоено западнославянскими языками и встречается уже в древнейших оригинальных письменных памятниках, в частности в польских судебных ротах XIV в., отражающих характерные особенности народной речи. Уже в старший письменный период происходит размежевание значений ед. ч. *l'ud* и мн. ч. *l'udie*. Они четко осознаются как самостоятельные слова с собственными морфологическими признаками и лексическими значениями. В старочешской и старопольской письменности мн. ч. *l'udie* выражает общее, нейтральное значение множественности, включая и разделительное, а собирательная форма *l'ud* обозначает 'народ', 'население, народные массы' и употребляется в противопоставлении массы, народа как целого (племени, войска, подданных, верующих) правителю — князю, вождю, богу. Тем самым подчеркивалась противоположность личности и народных масс. Этому в наибольшей мере соответствует его собирательное значение.

[7] *Machek*[1], S. 268.

У восточных славян слово *люд* впервые фиксируется в переводной славяно-русской книжности на рубеже XIV—XV вв. И. И. Срезневский отмечает его в книге Иисуса Навина: Оукрѣпися весь *людъ* гнати в слѣдъ ихъ (Иис. Нав. VIII. 16) [8]. В общенародные системы староукраинского и старобелорусского языков собир. *люд*, заимствованное из польского, входит наиболее активно со второй половины XVв. через посредство западнорусского книжного языка в переводах с польского, хотя отдельные факты употребления его относятся уже к концу XIV в. Это слово отмечается, например, в западнорусском переводе Жития св. Алексея и Повести о трех королях-волхвах (к. XV в.). Западнорусский перевод Жития св. Алексея сделан с западнославянского (польского или чешского) варианта, восходящего к латинскому источнику Legenda aurea. Но особенно широко ед. ч. *люд* распространено в старобелорусских переводах Александрии (списки XVII в). Основу старобелорусских текстов Александрии составляет польский перевод латинской «Historia Alexandri Magni regis Macedoniae de proeliis». В полном Ленинградском списке конца XVII в. ед. ч. *люд* отмечено 111 раз, а мн. ч. *люди* — только 48. Но это характерно именно для тех вариантов Александрии, которые связаны с польским источником. Напротив, в русском варианте сербской Александрии по списку ГПБ собрания Кирилло-Белозерского монастыря [9] и в белорусском Курницком списке XVI—XVII вв. [10], также не связанном с польской редакцией, собир. *люд* вообще отсутствует.

Показательно также, что в староукраинских грамотах XIV—XV вв., наиболее близких к нормам народной речи, слово *люд* почти не употребляется. Единственное исключение из обследованных источников составляет присяга молдавского воеводы Романа на верность польскому королю Владиславу (Сучава, 1393 г.), в которой содержится выражение *про далекость нашего люда* [11], явно заимствованное из польского с обычным для него значением, противопоставляющим личность правителя массе подданных. В староукраинских грамотах XIV в. нормой является мн. ч.: им. п. *люде*, род. п. *людиї*, дат. п. *людемъ*, вин. п. *люди*, твор. п. *людьми*. Употребление мн. ч. отличается регулярностью и высокой частотностью. В письменности XVIв. это слово встречается еще редко. Так, в русском переводе латинского сельскохозяйственного трактата Петра Кресценция «Назиратель» (непосредственный источник перевода — польский текст середины XVI в., перевод отражает некоторые черты живой староукраинской речи XVI в.) собир. *люд* отмечено только 1 раз, а мн. ч. *люди* — 66 раз. Более широкое

---

[8] *Срезневский* II, стб. 95.

[9] См.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.—Л., 1965.

[10] См.: Александрыя. Рэд. В. І. Баркоўскі. Складальнік У. В. Анічэнка. Мінск, 1962, с. 152—258.

[11] Пам'ятки української мови. Грамоти XIV ст. Відповідальний ред. В. М. Русанівський. Київ, 1974, с. 120.

распространение в русском языке ед. ч. *люд* получает в XVII в., очевидно, под влиянием украинского языка. Оно отмечено в Донских делах и в повести об Азовском осадном сидении, язык и стиль которых отличают некоторые южнорусские черты. В то же время оно отмечается и в московской письменности.

В современном русском языке слово *люд* относится к пассивному запасу лексики. В Словаре русского языка, составленном С. И. Ожеговым, указано на устаревший характер данного слова. Скорее, думается, следовало бы сказать об ограниченном применении его как в письменной, так и в устной речи, что определяется значением, которое выразительно проявляют сочетания со словом *люд* таких определений, как *трудовой*, *трудящийся*, *рабочий*, *простой*, *бедный* и под.

Таким образом, в восточнославянских языках — русском, украинском и белорусском слово *люд* является книжным заимствованием из польского языка.

Источники

J. Врана. Вуканово еванђеле. Београд, 1967.

Закон Винодольский. Труд В. В. Ягича. СПб., 1880.

Саввина книга. Труд В. Щепкина. СПб., 1903.

Modlitwy Wacława. Zabytek języka polskiego z XV w., ed L. Malinowski. W Krakowie, 1875.

Kazania t. zw. Świętokrzyskie. Wydali i opracowali Jan Łoś i Wł. Semkowicz. Kraków, 1934.

Psalterii Florianensis partem Polonicam ad fidem codicis recensuit etc. Wl. Nehring. Posnaniae, 1883.

Nejstarší památky jazyka i písemnictví českého. Vydal V. Flajšhans. Díl I Prolegomen a texty. V Praze, 1903.

Т. В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. ДИАЛ. *МОТРОШИТЬ*

Глагол *мотрошить* представлен в словаре В. И. Даля с пометой сиб. в значении '(о снеге) перепадать', арханг. 'худо торговать, переторговывать', яросл.-пошехон. (с вопросом к слову) 'нашептывать, ворожить и колдовать' [1]; Куликовский приводит олон. *мотрошить* в значении 'перебиваться', 'заниматься чем-либо ради добывания средств к жизни' [2]; в новосибирских говорах *мотрошить* значит 'моросить'[3], в смоленских говорах *заматрашить* — 'начать крапать (о дожде)', 'затерять' [4], в об-

---

[1] *Даль*[3] II, стб. 919.
[2] *Куликовский*, с. 56.
[3] Новосиб. словарь, с. 293.
[4] *Добровольский*, с. 243.

ских говорах *мотрошиться* представлено в значении экспр. 'двигаться, суетиться': «Он стары, да *мотрошится* помаленьку»[5]. Кроме русских говоров рассматриваемый глагол встречается в белорусском и украинском языках: блр. диал. *матрашыць* 'моросить, сеять как через сито (про дождь)'[6], *мытрашыць* 'моросить'[7], укр. *мотрошити* 'порошить' «Проти Варвари почало *мотрошити* сніжком»[8].

Глагол *мотрошить*, кажется, еще не рассматривался в этимологической литературе, его, вероятно, можно проэтимологизировать как сложение экспрессивного префикса *мо-*[9] и глагола *трошить*.

Экспрессивный префикс **mo-* выделяли, в частности, О. Н. Трубачев в рус. *му́скарадный* 'противный'[10], В. А. Меркулова — в укр. *смотолока* 'сопли'. Вот что она писала о префиксе **mo-*: «Этот префикс не слишком часто, но встречается в славянских языках наряду с экспрессивным префиксом **ba-*, **bo-*, **bu-*)». Далее, она выделяет префикс **mo-* в таких словах, как блр. *матылик* 'затылок' (при *затылок*, *потылица*); блр. *мо́ташна* 'дурно, тошно, тоскливо', рус. *мо́тошно* 'неловко, неудобно, беспокойно' (новг.) при *тошно*; рус. диал. *моты́рнуть моты́ркнуть* 'ударить, толкнуть' (урал.) (< **mo-tъrknǫti*); *матужный* 'сильный, тяжеловесный' (смол.), возможно, < **mo-tǫžьnъjь*; *мого́риться* 'выпрашивать, докучать просьбами' (яросл.), вероятно, < **mo-goriti sę*; *мету́зить*, *муту́зить* 'бить' при *тузить*[11]. Далее, вероятно, можно выделить этот префикс в арханг. *муску́лы* 'скулы'[12], соликам. *заму́торить* 'прочно соединить одно с другим с помощью чего-либо; скрепить (о бревнах в плоту')[13] (< **za-mo-toriti*); петрозав. олон. *замотро́щить* 'заштопать что-либо'[14], при *строща́ть* 'сращивать, ссучивать, соединять'[15].

Обратимся теперь к семантике праслав. **trošiti*: цслав. трошити представлено в значениях: 'расходовать, тратить, издерживать', 'рассеивать, растрачивать', 'рассыпать, разрушать'[16]; др.-рус. *трошити* — 'тратить': Иже бо правьдьнѣ имоуть, акы отъ Ба приимъше, то на Бжиꙗ заповеди е *трошать*; а иже, е обрѣтажште, согрѣшаѫть к Боу, и *трошаште* ѥ, тожде творѧть, съ

---

[5] Словарь Оби (Дополнения, ч. 1), с. 243.
[6] *Бялькевіч*, с. 261.
[7] Там же, с. 269.
[8] *Гринченко* II, с. 449.
[9] См. о генезисе этого префикса (< и.-е. *me 'не') *Musić A*. Prilog negaciji u grčkom i u latinskom jeziku. — Rad, 1931, T. 242; *Idem*. Komparacija i negacija. — Rad, т. 222; *Oštir K*. Japodi. — Etnolog, 1929, т. III, с. 102.
[10] *Фасмер* III, с. 16 (Доп. О. Н. Трубачева).
[11] *Меркулова В. А*. Украинские этимологии. II (*мерщій*, *регнути*, *прятати*, *смотолока*, *гобоўдица*). — В кн.: Этимология. 1974. М., 1976, с. 73—74.
[12] Картотека СТЭ. Выписки Меркуловой В. А.
[13] Соликам. словарь, с. 182.
[14] *Филин* 10, с. 258.
[15] Опыт, с. 218.
[16] *Miklosich* LP, c. 1004.

блоудьникы и объстьникы *трошаште* или погрѣбаюште (Изб. 1073 г., л. 79) (дериваты: *трошьныи* 'мелкий, дробный'; *по трошьнѹ* 'подробно' [17], *трошениѥ* 'обирание': Зижденіи, тако же глю, црькве в Пилоусии, хътростьми оубо свѣтьлоу, зълыми же н'равы, и неправьдами, и оукоры, и оубогыхъ насильѥмь, и нищихъ *трошениѥмь* (Изб. 1073 г., № 88)[18], 'трата; употребление': Имѣниѥ събрати на своѥ *трошениѥ* (Никон. Панд. сл. 35) [19]. Рус. диал. *трошить*? дается Далем с вопросом, в значениях: 'трогать' (костр.) и 'тратить (крошить?)' (калуж.) [20]; болг. *трошѫ* имеет значения 'крошить', 'дробить, ломать, разбивать, крушить', 'щелкать', 'изгибать, извивать, изминать, разминать', 'тратить, издерживать'; в обороте: *не троши мя* — а) 'не мучай меня'; б) 'не торгуйся', 'не удерживай (при выплате мне денег)', 'не принуждай меня, чтобы я дал тебе нечто по дешевке' [21], болг. диал. родоп. *трòшêм* 'разламываю на кусочки, дроблю', перен. 'очень устаю', гюмюрдж. 'разламываю на кусочки', 'преследую кого-нибудь с боем', 'трачу, растрачиваю нечто собранное' [22], софийск. *утрòшвам* се 'устаю, изнемогаю' [23] (дериваты: *трòшен* 'измученный, уставший от работы', *трошлив* 'ломкий, хрупкий; сыпучий' [24]); сербохорв. *трòшити* представлено в значениях: 'расходовать, тратить', 'крошить', 'ломать', *трошити се* 'вводить себя в расход, выплачивать', 'распадаться, разрушаться' [25] (дериваты: *трȍшан* 'ветхий, обветшалый', 'слабый, хилый', 'непрочный, недолговечный; бренный'; *трȍшак* 'расход, затрата, издержки'; *трòшач* 'потребитель', 'расточитель, мот') [26]; *трòшарити* 'жить, перебиваться на скромные заработки' [27]; словен. *tróšiti* — 'расходовать, тратить, расточать, проматывать' [28]; в.-луж. *tróšić* имеет значения 'рассыпать, рассеивать'; 'разрыхлять', 'моросить' [29]; н.-луж. *trošyś* — 'сыпать, рассыпать, разбрасывать'; *roztrošyć* 'рассы́пать, разбросить, расщепать, раздробить' [30]; чеш. диал. *trošit' se* 'ломаться (о хлебе)' [31].

Развитие значений праслав. *trošiti* было, вероятно, следующим:

---

[17] *Срезневский* III, стб. 1004.
[18] Там же.
[19] *Срезневский* III, стб. 1003—1004.
[20] *Даль*[2] IV, с. 435; Опыт, с. 232.
[21] *Стойчев Тодор*. Родопски речник. — БД II, с. 282.
[22] *Бояджиев Т*. Речник на говора на с. Съчанли Гюмюрджинско. — БД VI, с. 93.
[23] *Гълъбов Л*. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, с. 110.
[24] *Бернштейн*[2], с. 665.
[25] *Iveković — Broz* II, с. 595.
[26] *Толстой*[3], с. 597.
[27] Там же.
[28] *Pleteršnik* II, S. 697.
[29] *Pfuhl*, S. 753.
[30] *Muka* II, c. 775.
[31] *Vydra B*. Popis a rozbor podřečí hornoblanického. Praha, 1923 (=Facultas philosophica Universitatis Carolinae pragensis. Prace z věd. ústavů, III), c. 121.

'моросить'
↖
'бить, ломать на кусочки, крошки' → 'рассыпать, сыпать'
↓ ↓
'мучиться, уставать' 'тратить'
'расточать'

Как будто бы особняком стоит здесь значение 'трогать'. Оно объяснимо, если воспринимать прикосновение как действие, приносящее какой-либо ущерб, ср. *касаться* и *чесать* (в первоначальном значении 'драть').

Далее нам необходимо объяснить развитие значений восточнославянского *мотрошить*.

Значение 'моросить', '(о снеге) перепадать' легко выводимы из значения '*сыпать', не засвидетельствованного у глагола *мотрошить* в восточнославянских языках; ср. *трусить* 'рыхло насыпать, медленно сыпать'[32], 'моросить'[33]; блр. *церушыць* 'сыпать, трусить', '(о дожде) моросить, крапать, накрапывать', '(о снеге) порошить'[34] (к **terti*); ср. также *сыпать* 'идти (о дожде, снеге)'.

Значение обск. *мотрошиться* 'двигаться, суетиться' может восходить как к значению 'сыпать' (ср. просторечное *сыпать* 'бежать', так и к значению 'дробить, разбивать на мелкие кусочки', ср., например словац. *drmoliti* 'раздавливать, дробить', 'семенить'[35].

Развитие засвидетельствованных в ярославско-пошехонских говорах значений глагола *мотрошить* 'нашептывать, ворожить и колдовать' может быть двояким: из значения '*сыпать*' и значения 'дробить, разбивать на куски'.

Можно предположить, что значениям 'ворожить' и 'колдовать' предшествовали такие близкие друг другу значения, как 'говорить, наговаривать', 'нашептывать'.

Так, рус. *колдовать*, *колдун* трактуются как родственные лит. *kalbà* 'язык', лтш. *kalada* 'шум, ссора', лат. *calō*, *-are* 'вызывать, сзывать' и т. д. Первичные значения *колдовать* и *колдун* предположительно определяются как 'заговаривать'; 'заклинатель'[36].

Возможен семантический переход 'сыпать' → 'говорить, наговаривать'. Ср. псков., твер. осташ. *сыпать* 'наговаривать'[37].

Остается, впрочем, вероятность развития значений 'говорить, наговаривать, нашептывать' непосредственно из значения 'дробить': ср. словац. *drmoliti* 'бормотать, болтать', 'дробить'[38]; ср. также *молоть* 'болтать, пустословить'[39].

---

32 *Мельниченко*, с. 202.
33 Говоры Прибалтики, с. 327.
34 Беларуска-рускі слоўнік. Пад. рэд. К. К. Крапивы. М., 1962, с. 1001.
35 *Kálal M.* Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1924, с. 115.
36 *Фасмер* II, с. 287.
37 Дополнение к Опыту, с. 262.
38 *Kálal M.* Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1924, с. 115.
39 *Куликовский*, с. 56.

В связи с этим интересно иркут. *петрóшить* 'говорить, сообщать, рассказывать'[40], колым. *петрошить* 'сплетничать, перемывать чужие кости'[41], где, вероятно, можно выделить экспрессивный префикс *пе-* (вариант *по-*, как *ме-* вариант экспрессивного префикса *мо-*?)[42]. Следует объяснить также сохранившееся в олонецких говорах значение глагола *мотрошить* 'перебиваться, заниматься чем-либо ради добывания средств к жизни' — т. е. 'обладать незначительными средствами'. В качестве сравнения можно привести словац. *troškárit'* экспр. разг. 'жить, работать в очень скромных размерах, бедствовать, прозябать', 'быть экономным', восходящее, к словац. *troškar* 'кто имеет нечто малое, например, имущество, землю, деньги'[43]; *trocharit'* разг. экспр. то же, что *troškárit'*[44], сербохорв. *трдшарити* 'жить, перебиваться на скромные заработки'[45].

Интересно также значение глагола *мотрошить*, развившееся в архангельских говорах — 'худо торговать, переторговывать'. Пример, сопутствующий слову: «Ездят тойватовато, купят скота, будто и торгуют, а сами только *мотрошат*». Даль объясняет слово *переторговывать* как 'торговать что-либо сызнова, снова, сторговав раз, стать торговаться, перебивать покупку или цену, покупать с наддачей сторгованное другими', 'перекупать и перепродавать, переколáчивать, кулачить, барышничать' // *Переторг* и *переторжка* 'перекупка и перепродажа из барыша; перехват базарных товаров и припасов, или кулачество, маклачество'; *переторговщик*, *переторговка* 'перебойщик, торговка и вообще торгующий на рынке старьем; перекупщик, кулак, маклак'[46].

При этом уместно вспомнить уже приведенный выше оборот болг. *не троши мя*: а) 'не мучай меня' б) 'не торгуйся', 'не удерживай (при выплате мне денег)' 'не принуждай меня, чтобы я дал тебе нечто по дешевке'.

Возможно, что *мотрошить* 'худо торгóвать, переторговывать' — 'торговать по мéлочам' (синонимом к *переторговывать* Даль дает *барышничать*. Но *барышник* прежде всего 'мелочной торгаш', а затем уже 'скупщик, перекупщик, переторговщик, кулак, маклак, маяк, прасол, прах и т. д.'[47]).

При этом интересно ст.-чеш. *trochár*, демин. *troškár* 'тот, кто покупает по мелочи', 'продавец, мелочной торговец'[48].

---

[40] Иркут. словарь II, с. 130.
[41] *Богораз*, с. 106.
[42] Ср. перм. *пенекаться* 'не соглашаться на просьбу, некаться' (*Даль*[3] III, стб. 69) при *некать* 'повторительно говорить нет; отказывать, отрекаться, запираться; отговариваться или не соглашаться'; *некаться* то же, *некать*; 'перекоряться, обоюдно отказываться' (*Даль*[3] II, с. 562).
[43] SSJ IV, с. 594.
[44] Там же, с. 586.
[45] *Толстой*[3], с. 597.
[46] *Даль*[3] III, стб. 229.
[47] *Даль*[3] I, стб. 129.
[48] *Jungmann* IV, с. 650.

Есть еще одна возможность объяснения значения *мотрошить* ʻхудо торговать, переторговывать' как ʻплутовать в торговле, маклачить', ʻторговать с обманом'. Даль объясняет слово *переторговщик* и при помощи синонима *маклак*[49]. *Маклачить* — ʻмаклерить, махлачить, в самом низшем значении, сводить продавца с покупателем за могарычи и плутовать при сем на все лады'[50].

К *мотрошить*, рассмотренному выше, можно, как нам кажется, отнести глагол *мотросить*, широко распространенный в русских говорах: *мотросить* симб. тульск. (*матросить* курск.) в значениях ʻморосить, бусить, идти мелкому дождю', курск. *матросить* ʻбежать самыми скорыми шагами'[51]; донск. *мотросить* ʻкропить; относится к дождю'[52]; ʻидти (о дожде)', ср.-урал. *матросить* (сов. *заматросить*), *матросить* (сов. *заматросить*) *матрусить*, *матрусить*, *мотросить* ʻморосить'[53], кузбас. *мартусить* ʻпорошить' «Снег *мартусит*»[54], новосиб. *матросить* ʻморосить (о дожде)'; то же, что *матрусить*[55], соликам. *матрусить* то же, что *бусить*[56]. В этимологической литературе нам известны три версии относительно происхождения глагола *мотросить* ʻморосить'. Фасмер считает, что *мотросить* — контаминация *метать*, *мотать* и *роса*[57], Р. Якобсон признает *мотросить* диалектным вариантом к *моросить* («результат его смешения с *мотать*»)[58]. Унбегаун пишет о том, что это случайная деформация *моросить*, отклоняя мнение Фасмера как маловероятное[59].

Нам кажется, что форма *мотрошить* ʻморосить, перепадать (о снеге)' первична по отношению к *мотросить* ʻморосить'. Мена *ш/с* в глагольных основах, вероятно, позднее, довольно распространенное явление. Ср. ворон., павлодар., влад. *поросить* ʻо снеге: падать мелкими снежинками', псков. твер. осташ. ʻоб осеннем мелком дожде: идти тихо'[60], при *порошить* то же, ср.-уральск. *метлесить* то же, что *мельтешиться* ʻказаться'[61], блр. *запарусіць* ʻзаморосить'[62] при *запарушыць* то же и т. д.

Итак, приведенный материал показывает, что восточнославянское *мотрошить* образовано с помощью экспрессивного префикса **mo-* от общеслав. глагола **trošiti*.

---

49 *Даль*³ III, стб. 229.

50 *Даль*³ II, стб. 756. При этом следует, возможно, указать также на влад. *напатрошить* ʻнапрокудить, но говор. о человеке, не о животном; набедить, напроказить, надурить' (*Даль*³ II, стб. 1166).

51 *Даль*³ II, стб. 919.

52 *Миртов*, стб. 188.

53 Донск. словарь II, с. 143.

54 Кузбас. словарь, с. 116.

55 Новосиб. словарь, с. 293.

56 Соликам. словарь, с. 300.

57 *Фасмер* II, с. 664.

58 *Jakobson R.* While Reading Vasmer's Dictionary. — Word, 1955, 11, N 4, (=Slavic Word, N 4), p. 614.

59 *Unbegaun B. O.* Рец. на: *M. Vasmer.* Russisches etymologisches Wörterbuch. — BSL, 1957, t. 52, f. 2, p. 171.

60 Доп. к Опыту, с. 201.

61 Сл. Сред. Урала II, с. 129.

62 *Сцяшковіч*, с. 178.

А. Ф. Журавлев

ЭТИМОЛОГИЯ РУС. ДИАЛ. *ШНЯ*

В этимологическом словаре М. Фасмера об этом слове сказано следующее: «*шня* 'подруга, товарка', симб., пенз. (Даль). Возм., преобразовано из **сеня*, уменьш. от *сестрá*. Ср. образование *дóня* от *дочь*. . .» [1].

Значение этого, видимо, довольно редкого диалектного слова Фасмером искажено. Соответствующая статья в словаре В. И. Даля читается иначе: «*Шня* ж. смб. пен. ровня, дружка, противень, товарищ, верста» [2]. Можно предположить, что искажение значения произошло потому, что М. Фасмер излишне доверился грамматической помете «ж.» у Даля, указывающей, надо полагать, не столько на грамматический род толкуемого имени, сколько на тип морфологической парадигмы, по которой оно склоняется. В результате слово о б щ е г о рода со значением 'ровня, ровесник/-ница, сверстник-/ница' превратилось под пером М. Фасмера в существительное ж е н с к о г о рода 'подруга, товарка' ('Gefährtin, Kameradin' [3]) (этому могло способствовать и беглое, неподконтрольное восприятие слова «дружка» в толковании как «подружка»). В том, что здесь именно общий род, а не женский, не оставляют никакого сомнения далевские иллюстрации к вокабуле: «Он тебе не *шня*. И не нам *шня*, да почесываются», т. е. *шня* по значению и употреблению очень близко слову *ровня*. Неточная трактовка семантики слова *шня* направила поиски его происхождения в неверное, на наш взгляд, русло, заставив М. Фасмера прибегнуть к малоправдоподобному промежуточному деривационному звену «под звездочкой».

Гораздо естественнее, как нам кажется, заподозрить в рассматриваемом диалектном слове локальное заимствование. Непосредственный источник рус. диал. *шня* 'ровня, сверстник, приятель' — тюркский или, скорее, иранский: ср. тур. *aşna* 'знакомый, приятель, друг', перс. *ашэнá*, *ашнá* 'знакомый'. На русской почве в этом заимствованном слове произошла элизия начального *а*-, связанная, может быть, со смутно осознаваемой носителями диалекта «факультативностью» *а-/о-* перед группой согласных в структурах типа *авсегда*, *авсенощная*, *авчера*, *оржаной*, *омшаник* (ср. *мшаник*), *оспожинки* (ср. *спожинки*) и т. п.

К этому же источнику восходит, с сохранением, однако, инициального гласного, фамилия *Ашни́н*: «. . .по мнению лингвиста-тюрколога Ф. Д. Ашнина, его ф[амилия] — из иран. *ашнэ* 'друг, товарищ', возможное место возникновения ф[амилии] — Нижняя

---

[1] *Фасмер* IV, с. 463.
[2] *Даль*[2] IV, с. 661.
[3] *Vasmer* III, S. 418.

Волга, где работали многочисленные грузчики персы»[4]. Предполагаемому месту возникновения фамилии *Ашни́н* не противоречит региональная принадлежность слова *шня* («симб., пенз.»).

Межъязыковые миграции имен со значением 'приятель, товарищ, знакомец', которые могут одновременно служить обращениями к знакомым и незнакомым лицам, осуществляются достаточно свободно и представляют явление вообще нередкое. Многие такие слова в русском языке и его говорах являются восточными, преимущественно тюркскими, по происхождению: как заимствование из тюркских языков объясняется само слово *това́рищ*, «ср. тур., чагат. *tavar* 'имущество, скот, товар'. . . + *eš*, *iš* 'товарищ'» или «от чуваш. *tavra* 'по кругу' + *iš* 'спутник'»[5]; *куна́к*, *кона́к* 'друг', 'приятель, знакомый' — «из тур., кыпч., чагат., казах. *konak* 'гость', татар. *kunak*»[6]; диал. (казан). *досы́мушка* 'друг, дружок, приятель, товарищ', 'брат'[7] — из чуваш. *досым* 'приятель'; ю.-рус. («новорос.») *кода́ш* 'товарищ'[8] — из тюркских языков, по Фасмеру, ср. уйгур. *kadaš* 'товарищ, друг'[9] и др.

[4] *Никонов В. А.* Опыт словаря русских фамилий. IV. — В кн.: Этимология. 1974. М., 1976, с. 155—156.
[5] *Фасмер* IV, с. 68.
[6] *Фасмер* II, с. 417, 307.
[7] *Филин* 8, с. 152.
[8] *Филин* 14, с. 44. Составителями словаря приводится также укр. диал. *кода́ш* 'возница на свадьбе', в котором обнаруживается полная семантическая аналогия русскому *дружка* 'приятель' → 'распорядитель в свадебном поезде' и т. п. (см.: *Филин* 8, с. 215—217; *Гура А. В.* Терминология северно-русского свадебного обряда (на общеславянском фоне). АКД. М., 1978, с. 10—11).
[9] *Фасмер* II, с. 275.

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ СТАРОРУССКИХ НАЗВАНИЙ МЕЧЕЙ

В настоящей статье описаны термины, засвидетельствованные впервые в русских памятниках письменности XV—XVII вв., — как употребляемые до настоящего времени, так и исчезнувшие из языка.

Едва ли не наиболее старым из них является сущ. *кордъ*, толкуемое обычно как 'короткий меч, кинжал; род меча, кортик; род короткой шпаги'[1]. Славянские формы этого термина: ц.-слав. кордь, зап.-рус. (ст.-блр.) *кордъ*[2], укр. *корд* (у Фасмера II, с. 324;

[1] *Срезневский* I, стб. 1285; СлРЯ XI—XVII в. 7, с. 307; Словарь в кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954, с. 444 и т. д.
[2] *Булыка А. М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972, с. 171.

у Гринченко нет), польск. *kord* 'меч, палаш', ст.-польск. *kord* 'короткий меч, заостренный с одной стороны; также вообще меч и — что весьма вероятно — большой нож' [3], н.-луж. *korda* (Махек), чеш., ст.-чеш. и словац. *kord* 'шпага' [4], серб. *корда* (*kôrda*) 'меч' (Miklosich LP, S. 304; Berneker, S. 569), с.-хорв. *ћорда* устар.'турецкая сабля' [5], словен. *kordec* 'небольшой меч, стилет' — настолько близки между собой, что «должны быть признаны относительно поздними» [6]; термин известен в русской письменности с 1519 г., в польской — уже нередко в XV в.[7] и однажды в XIII в., в чешской — с 1403 г.[8] и возводится к средне- и новоперсидскому названию ножа *kārd* (ср. также осет. *kard* 'нож', 'сабля', '(в эпосе) меч', курд. *kērd* и т. д.), с и.-е. глагольной основой *$k_o$ert- 'резать' [9]. К южным и восточным славянам, как считают, термин проник через тюрк. *Kard*, а к западным славянам — через венг. *kard* 'меч', которое, по Э. Бернекеру, заимствовано, «вероятно, из аланского» [10]. Бросается в глаза искусственность разделения в этом пункте западных и восточных славян: слишком значительны были контакты (языковые и военные) между поляками и русскими в XV—XVII вв. Не случайно И. Г. Добродомов пишет о распространении слова *кордъ* из восточнославянского в другие языки [11], что не исключено. Впрочем, скорее всего, судя по приводимым ниже фактам, русские заимствовали термин от поляков (те — от чехов, чехи от венгров). Чеш. и польск. *kord* отмечено в значительно более древних памятниках, чем рус. *кордъ* [12].

---

[3] Sł. stpol. III, с. 345; Sł. Polszcz. XVI w., X, с. 629.
[4] *Gebauer* II, с. 103.
[5] *Толстой*[3], с. 603.
[6] *Добродомов И. Г.* Проблемы изучения булгарских лексических элементов в славянских языках. Дис. на соискание учен. степ. доктора филолог. наук. М., 1975, с. 281.
[7] Sł. stpol. III, с. 345—346.
[8] *Gebauer* II, с. 103.
[9] *Абаев* I, с. 571.
[10] *Miklosich* TEl II, S. 4; *Miklosich*, S. 132; *Machek*[2], с. 277; *Berneker*, S. 569; *Фасмер* II, с. 324. Термин заимствован и другими народами: лит. *kárdas* (из польск.), ср.-в.-нем. *korde*, *kurde*, *karde* (из чеш.), рум. *coardă*, алб. *kordë* (из юж.-слав.), ханты (остяц.) *karta*, манси (вогул.) *kort*, коми *kört* 'железо', марийск. *kerdo* 'сабля', груз. *dukardi* 'ножницы для стрижки овец' (по В. И. Абаеву, из перс. *dō-kārd*).
[11] *Добродомов И. Г.* Указ. соч., с. 282.
[12] Ц.-слав. корда ж. р. 'меч' (Miklosich LP, S. 304) дела не меняет: оно обнаружено лишь в списке 1401 г. Книги философской Иоанна Дамаскина (в извлечениях, представленных А. Горским и К. Невоструевым в их «Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки», ч. II, отд. 2. М., 1859, с. 317: 155. ꙗко҃ж мечь (мечниць) брьдѣнь сабля кор҆да нόжь (φασγάνον, ἄορ, σπάθη, μάχαιρα, ξίγος), где кор҆да — сербизм, как это показали А. Горский и К. Невоструев в указ. соч., с. 317. Подчеркнем, что корда ж. р. отсутствует у Срезневского (при наличии сущ. *кордъ* м. р.) и в Картотеке ДРС; составители Словаря русского языка XI—XVII вв. (вып. 7, с. 307) с полным основанием толкуют лишь сущ. м. р. *кордъ*, надежно представленное в старорусских текстах. Что же касается сербохорватского термина, то он во всех своих вариантах женского рода — *kôrda* и «молодые отдельные образования» *ćôrda*, *đôrda* 'меч, сабля', восходящие к тур. *Kard* 'нож, кинжал' (Berneker, S. 569)

Далее. В польских документах XVI в. *kord* встречается 137 раз[13], в русских же — 9 раз, причем даже при сплошной выборке число употреблений ст.-рус. (XVI в.) *кордъ* вряд ли возросло бы до 30. В связи с этим примечательны ст.-польск. образования XVI в. ум. *kordek* и *kordzik* при отсутствии производных от ст.-рус. *кордъ* в XVI в. Польск. *kord* сохранилось до нашего времени[14], тогда как русское слово *корд* отсутствует уже в Словаре Акад. Росс. 1789—94 гг. (где дано лишь серб. ц.-слав. корда), а также в двухтомном Военном словаре М. С. Тучкова (М., 1818), поскольку такого термина в русском военном деле тогда уже не знали Наконец, важно, что слово *кордъ* встречается лишь в памятниках западной ориентации: Рим. имп. д. I, 425. — Самъ (посол. — *Г. О.*) Гришу подьячего билъ по уху, а дѣтина его у подключникова дѣтины кордомъ у руки перстъ отсѣкъ (1519 г. — первое употребление); Ревел. а. I.69, 1535—1540 гг.; Шведск. д., 1561 г.[15]; Польск. д., III, 565, 1568 г.; Шведск. д. 168, 1569 г.; Англ. д. II, 39, 1582 г.; Англ. д. II, 103, 1583 г. — Картотека ДРС; Англ. д., 1585 г.[16]; Pskov, 1607, л. 56[17]; Вести-Куранты, I (М., 1972), с. 34, 1620 г., с. 165, 1633 г.; Козм. 388, 1670 г.

Исключение, и то по существу лишь кажущееся, — московская Опись оружия 1614 г. (Чт. ОИДР; 1882 г., кн. I (М., 1882), разд. II, стб. 30), — относящаяся ко времени особенно тесных русско-польских языковых контактов в области военной.

и к *кўрдä* 'длинный загнутый кинжал', представленному у В. В. Радлова (Радлов II, стб. 1462). Попав в перевод сочинений Иоанна Дамаскина, чужеродное для русских читателей корда нуждалось в толковании, находимом, например, в азбуковниках XVII в., где оно поясняется старорусским *кортъ* м. р.: кѹрдѹ́нъ ѻрѹжа ко́рда се̑ имена̀ ѻрѹжїицѹ иже бываетъ при бедрѣ̑, ꙗкоже се кѹдїи, торчь, кортъ (Алфавит. XVII в. — Рукоп. ОР ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, шифр Q.XVI.4, л. 47 об.; аналогично: Словарь иностранных слов. К. XVII в. — Рукоп. ОР ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, шифр Q.XVI.6, л. 11), причем сама толкуемая часть цитаты напоминает приведенное выше извлечение из сербского источника (кркдѹнь сабла кор'да). Возможно, теми же соображениями, что и авторы азбуковников XVII в., руководствовались составители Словаря Академии Российской, толкующие, впрочем, *корда* как архаизм и без иллюстраций (Сл. Ак. Рос., ч. III, стб. 814). Ф. Рейф некритически перенес эту глоссу в свой словарь с толкованием: sort d'ancien glaive. Любопытна нехарактерность сущ. ж. р. *korda* для польского (например, оно дано в Sł. Polszcz. XVI w., X, 630 лишь с отсылочной справкой: «Cn (Кнапский. — *Г. О*), Linde XVII w.», — т. е. оно отсутствует в польск. памятниках XVI в.). Странным образом в «Указателе слов» издания «Вести-Куранты, 1600—1639 гг.» (М., 1972, с. 261) отмечаются формы как муж., так и женск. рода, хотя в текстах, на которые сделаны ссылки в указателе, формы ж. р. нет (с. 34 и 165).

[13] Sł. Polszcz. XVI w., X, с. 630.

[14] Варшавский словарь II, с. 473—474.

[15] Сб. РИО, т. 129. СПб., 1910, с. 85. В настоящем перечне источников мы довольствовались их условно-сокращенными обозначениями, принятыми в Словаре русского языка XI—XVII вв. (См. «Указатель источников» к этому словарю, изданный в 1974 г.).

[16] Сб. РИО, т. 38. СПб., 1883, с. 158—159.

[17] Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Ed. by L. L. Hammerich etc. Copenhagen, 1961, 1970, v. I, p. 56; v. II, p. 39.

Все эти данные подтверждаются собственно историческими сведениями у Костомарова, воспроизводимыми в Словаре русского языка, изданном II Отделением Академии наук (s. v. *корд*: т. IV, вып. 7, СПб., 1913): короткие шпаги, называемые «кордами», «получались в XIV в. в Россию из Польши».

Обращаясь к семантике термина, приведем две записи, расширяющие давно сложившиеся представления о лексическом значении ст.-рус. слова *кордъ*: 1) кор^д //kord weher, корд cutlass (Pskov 1607) [18], где псковск. *корд* — 'абордажная сабля'; 2) в одном случае *корд=мечь*, ср.: а) А другое онъ (англ. посол Еремей Боус. — *Г. О.*) свое бесчестье сказываетъ, какъ де было ему быть передъ нынешнимъ гдремъ, и съ него де сняли кордъ. . .//а. . . обычаи держит и ведетца на Руси, что никоторому послу вооруженну или в кордахъ не быти перед гдремъ. . . Списокъ толмача Р. Бекмана [19]; 1585 г.; б) а что писала къ намъ въ своей грамоте о Еремѣе Боусе, что ему бесчестье учинили, что у него мечь отняли. . . и. . . которые къ намъ. . . послы и посланники ни приходятъ. . . а при нихъ мечи и сабли не бываютъ. Грамота, 1587 г.[20] Значение *кордъ* 'меч как таковой' точно соответствует одному из лексических значений ст.-польск. *kord* 'w ogóle miecz' (XVI в.).

Одно из последних употреблений слова относится к 1670 г.: ко всякому оружiю имѣютъ охоту, отъ 12ть лѣтъ за оружiе прiимаются, припоясываютъ корды и сабли, и всякое оружiе. Козм., 388. — Картотека ДРС. В обширной Полибинской Переписной книге Моск. Оруж. Палаты (1687 г.) (рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. № 936) термин *кордъ* не представлен, как и во всех позднейших описях Московской Оружейной Палаты, тогда как в московской описи оружия 1614 г. он упоминается: портозанъ навоженъ золотомъ, у него кисть шолкъ червчат. . . — латы и шапочка съ наручи. . . — кордъ стальной, ножны обиты бархатомъ чернымъ, привяска и поясъ шиты канителью (И. Забелин. Дополнения к Дворцовым Разрядам) [21].

Слово *кордъ*, выйдя в условиях ослабления польского влияния на русский язык в последней трети XVII в. из употребления, стало в новое время историзмом, используемым в художественной литературе, например у А. К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», д. V, палата во дворце).

Фонетический вариант термина *кордъ* — *хортъ* — отмечен уже у Р. Джемса: chort/spaga/palash/sablach — swoards (мечи) [22]. Б. А. Ларин справедливо отождествляет *хорт* с *корд* терминологически, однако напрасно отказывается видеть в записи *chort* непосредственное отражение реальной фонетической формы, ре-

---

[18] Там же.
[19] Сб. РИО, т. 38, СПб., 1883, с. 158—159.
[20] Там же, с. 180.
[21] Чт. ОИДР, 1882, кн. I. М., 1882, разд. II, стб. 30.
[22] Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, с. 65.

конструируя запись *chort* как *кортъ* (с. 65): графический вариант *хортъ* есть в другом старинном севернорусском памятнике — Переписных книгах Соловецкого монастыря, составленных подполковником И. Кокошкиным: два палаша о^{д}норучны простыя хортъ ста^{л}но^{і} в но^{ж}ня^{х} оклее^{н} кожею... посох в не^{м} ки^{н}жалъ ста^{л}но^{і}, л. 191 об. 1711 г.[23] Ср. запись, сделанную почти одновременно с записью Р. Джемса: Поясъ нѣмецкой... Три аршины тафты... на перевязь, на чемъ хортъ носити... (Римск. имп. д. II, 1380. 1621 г. — Картотека ДРС).

Еще один вариант термина *кордъ*: А доспѣхи вельми тверды, злаченныя колонтари, и булатные банданы, и кончаны Фряжскія, и *курды* Ляцкія, и сулицы нѣмецкія. Мам. поб. (Кар. ИГР V, пр. 428)[24].

Заслуживает внимания отмеченное у Рич. Джемса сущ. *порт*: porte a kinde of sharpe shavinge knife of which somme are verie longe — с фонетической реконструкцией Б. А. Ларина: *порт* (? *корт*, *кортик*), с. 196. Отождествление *порт* с *корт*, *корд*, *кортик*, однако, оспаривается из-за коми-зырянского и удмурт. *пурт* 'нож'[25].

Из ст.-рус. *кортъ* (<*кордъ*), которое, как выше показано, засвидетельствовано в письменности, образовалось уменьш. *кортик* 'коротенькая шпага у моряков', 'кинжал, длинный нож (охотничий)', ср. ст.-польск. уменьшительное от *kord kordzik* 'небольшой корд' (1471 г.). Установлена первая фиксация слова *кортик(ъ)* в письменности — 1706 г.[26] Не исключено, впрочем, более раннее его употребление, судя по наличию уменьш.-уничижит. *кортишко* еще в 1608 г.: Служилая люцкая рухлядь. // . . . полашь Литовской, да кортишко, да 13 сабель всѣ плохіи без наводу. (Оп. им. Тат.)[27]. С XVIII в. *кортик* надежно вошло в лексическую систему русского языка.

С ослаблением активности слова *кордъ* в XVII в. и исчезновением его из языка во второй половине XVII в. в определенной мере связана активизация исконного *тесакъ* 'пехотное холодное оружие с укороченным широким обоюдоострым клинком'; ср. ст.-польск. *tasak*, *tesak* 'короткий и широкий меч'[28]; соврем. *tesak*, устар. *tesaczek* 'короткий обоюдоострый меч, кинжал'; 'род короткого, тяжелого секача с ручкой'; 'разбойник'; *аптек.* 'широкий нож'[29]; в.-луж. *tesak*, м. 'сабля; шпага'[30]; чеш. *tesák* 'плотничий

---

[23] Архив ЛОИИ. Коллекция № 2. Актовые книги, № 154.
[24] *Срезневский* I, стб. 1377.
[25] *Добродомов И. Г.* Указ. соч., с. 281.
[26] *Эфендиева А. Дж.* Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI—XVII вв.). Дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1974, с. 213.
[27] Временник ОИДР, кн. 8. М., 1850, смесь, с. 15.
[28] *Reczek. Sł.*, с. 503.
[29] Варшавский словарь VII, с. 30.
[30] *Трофимович*, с. 325.

топор'; 'длинный широкий нож'; 'клык' [31]; словац. *tesák* 'длинный нож' [32]; 'тесак'; 'клык' [33]; болг. диал. *теса́к* 'тесак, плотничий топор' [34]; с.-хорв. *тѐса̄к*, м. 'большой широкий нож'; *воен.* 'тесак' [35].

Военный термин рус. *тесак*, польск. *tasak*, *tesak* зафиксирован впервые лишь в документах позднего средневековья [36]. Из приведенных соответствий видна семантическая близость терминов *кордъ* и *тесакъ*. Ср. ст.-польск. запись: mÿecz a thesak tho iest kord [37], а также чешскую фразу: T.[esak]=dlouhý široký nůž, jehož místo kordu užívati lze [38]. И если в польском языке военн. термин *tesak* устарел, а *kord* сохранился, то в русском картина противоположная. Такая взаимосвязь знаменательна.

Обратимся к древнейшим фиксациям термина *тесакъ* в русских текстах. На клинке тесака, некогда сделанного в Москве и сохранявшегося в Оружейной Палате еще в 1860 г.[39], был вписан в 1617 г. латиницей текст, содержащий термин *тесакъ*: Sy tesak sdeelal poweleniem gossudara tzaira i welikobo (так! — *Г. О.*) knesa Michaila Feodorowitsha vsea Rrusyi v paetoe leeto gossudarstwa iebo maesetza. Po prikazu kraitschebo y oruschnitschebo Michaila Michailowitscha Saltikowa, delal master Nial Proswit [40]. В издании 1860 г. Описи Моск. Оруж. Палаты (с. 139) сделано к этой надписи примечание: «Мастер Просвит, вероятно, был богемец, а потому и подпись богемского начертания».

Другой контекст того же времени: «217. . . .у стѣны устроити стоячихъ столбѣхъ гвозди, на чемъ класти сабли, палаши. . . мечи, тѣсаки, торчи, рогатины. . .» 1607—1621 гг.[41]

В «Росписи оружейной казне царя Алексея Михайловича» (1647 г.) упоминается *тесак кизылбашскои*, т. е. 'персидский': полосы сабєлныє . . . //тєсаки / г̄.г. тєсака оди^{н} бȣлатно^{и} кизы^{л}ба^{ш}ско^{и} а два ста^{л}ные моско^{в}ско дѣло. . . [42] Слово *тесакъ* встречается в отличие от сущ. *кордъ* и в более поздних росписях оружия: а) в̄ сабли / просты^{х} полского дѣла / . . . тесакъ ис простыхъ но^{ж}ны покрыты че^{р}/ною^{ж} кожею (Роспись оружия для Троицкого похода. 1685 г.) [43]; б) шє^{з}дєсѧтъ три тесака покрыты чер/ною кожею. . . тѣ теса/ки о^{б}ѧвили^{с} в Орȣжє^{и}но^{и} ка^{з}нѣ . . . ȣ̂ иноѕємца

---

[31] *Kott* IV, с. 67.
[32] SSJ IV, с. 518.
[33] Slovensko-ruský prekladový slovník, d. II. Bratislava, 1958, с. 469.
[34] *Бернштейн* (1975), с. 656.
[35] *Толстой*^{3}, 587.
[36] Обращает на себя внимание отсутствие слова *тесакъ* у Срезневского.
[37] Sł. Polszcz. XVI w., X, с. 630.
[38] *Kott* IV, с. 67.
[39] Московская Оружейная Палата. Изд. 2. М., 1860, с. 139.
[40] *Снегирев И.* Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М., 1842—1845, с. 281.
[41] *Радишевский О. М.* (*Онисим Михайлов*). Устав ратных, пушечных и других дел. . . выбран из иностранных военных книг. . . Издан под смотрением [В. Г.] Рубана. ч. 1—2. СПб., 1777—1781, с. 6.
[42] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 3—4.
[43] Там же, ч. 32, № 52127, л. 28.

у̂ Андрѣѧ / Артемьева (Переписн. кн. Моск. Оруж. Пал. 1687 г.[44] В этой древнейшей из дошедших до нас полных описей Московской Оружейной Палаты встречается также прилаг. *тесаковыи*, свидетельствующее о словообразовательной активности рассматриваемого термина в то время: два тесака. . . Да пят полос тесаковыхъ цена по пяти алтынъ. — Там же).

Термин активен и в XVIII в.: Въ Берлинѣ. . . всѣ (гренадеры. — *Г. О.*) имѣютъ тесаки, а не шпаги. 1706 г.[45]; двѣ сабли да тесакъ (Докл. в Сенате VI, 1, 1716 г., № 327, 278. — Картотека Словаря XVIII в.).

В Лексиконе треязычном Ф. Поликарпова (СПб., 1704) встречается вариант термина — *теслáкъ*: «Теслáкъ, или тесáкъ ἡμεσπιθίον, femispatha». Ср. др.-рус. *тесла* 'особый вид топора' [46], болг. *тесла* и т. д.

Термин проник в фольклор: *тесяк* — 'тесак, короткая сабля'. Д. К. Зеленин. Сказки Пермской губ., 335, 507. — Картотека БАС. Еще: Рыбников. Песни II, 198: *тесак*. — Там же. Военный термин *тесак* активен в XIX в.: Тесак — холодное оружие, составлявшее у нас довольно долго вооружение нижних чинов. . . В. . . 1848 г. введены 2 образца тесака: . . . с прямым и коротким обоюдоострым клинком. . . и. . . с правым клинком [47]. У А. Степанова в романе «Порт-Артур» (кн. II, ч. III. М., 1950, гл. I, с. 26) находим термин *штык-тесак*. Лишь в XX в. сущ. *тесак* 'короткий меч' с исчезновением данного вида оружия становится историзмом. Свидетельством былой активности у славян этого слова является факт его заимствования в немецком: *Dusak*, *Disak*, *Dusek*, *Duseke*, *Dussäk*, *Thiesak*, м. и ж. р. 'короткий широкий меч' [48].

В памятниках 1619—1662 гг. встречается слово *картеляш*(ъ) (и *картеляжъ*, *кортеляшъ*), семантически близкое к *тесакъ* и *кордъ*, хотя и не тождественное им, и потеснившее вместе с сущ. *тесакъ* слово *кордъ*. Правда, одновременно с упрочением и утверждением термина *тесакъ* слово *картеляшъ* (с его вариантами) выходит из употребления. Его соответствия: польск. *kordelas* 'охотничий нож', 'охотничий меч', 'шпага', имеющее в связи с такой семантикой народноэтимологическое сближение со словосочетанием *kord do lasa*, но в действительности не связанное по происхождению со словом *kord* [49], диал. *kordylac* то же; чеш. стар. *kordulář*, *kortulář* 'широкий клинок', 'длинный и широкий меч', также *kartelast* 'вид шпаги',

---

44 Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 936, л. 74. Тесаки в этой рукописи описаны после сабель и сабельных полос перед палашами.

45 Архив князя Б. А. Куракина, кн. III. СПб., 1892, с. 170.

46 *Срезневский* III, стб. 952. В значении 'топор' термин *тесакъ* в статье не рассматривается.

47 Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. Г. А. Леера, т. VII. СПб., 1895, с. 471.

48 *Linde* V, с. 620; *Grimm* II, стб. 1189, 1756.

49 *Karłowicz J.* Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. Kraków, 1891—1905, с. 299—300.

словен. *kortelāč* 'изогнутый рубящий нож', далее нем. устар. *Kartilatz*, *Kordelasche* 'вид оружия', *Kortelatsch* 'небольшой кинжал', ст.-швед. *kurtelas*, англ. *curtlasse*, *cutlass* 'абордажная сабля', голланд. *kortelas*, фр. *coutelas* 'короткая и широкая шпага, набедренный большой поваренный или охотничий нож', ит. *coltellaccio* 'армейский нож'. Термин восходит к лат. *coltellus* 'ножик' (<*culter* 'нож') и заимствован из ит. диал. *cortelas* через немецкое посредничество [50]. Ст.-рус. термин фонетически ближе всего к нем. *Kortelatsch*, *Kordelasche*, откуда, по-видимому, и пришло заимствование. Менее вероятно польское посредничество. Все памятники, в которых обнаружено рус. *картеляшъ*, исключительно московские (см. ниже). А в Москве в XVII в. было немало немцев — мастеров-оружейников, которые могли дать начало русскому термину.

До сих пор остававшееся неизвестным в исторической лексикологии, лексикографии и этимологии, ст.-рус. *картеляшъ* (с вариантами) встретилось нам в следующих контекстах: 1) Солоница серебрена четыроугольна. . . подъ солонкою на стоянцѣ промежъ столбиковъ стулъ; на стулѣ человѣкъ на конѣ золоченъ, въ латахъ, въ шишакѣ, въ правой рукѣ картеляшъ, сидитъ, замахнясь; подъ конемъ змѣя о четырехъ ногахъ (Моск. 1619 г.)[51]. — Контекст дает представление о величине «картеляша»: чтобы всаднику убить под лошадью змею, необходимо, чтобы «картеляш» был, по крайней мере, длиннее обычного кинжала; это наблюдение косвенно подтверждается тем, что во всех остальных контекстах термин *картеляшъ* (и *картеляжъ*) употреблен рядом со словами *палашъ* и *тесакъ*, но не со словом *кинжалъ*, хорошо известным в XVII в.: 2) тєсаки. . . /палаши. . . / картєлѧши / .в҃. картєлѧша нємєцкиє о (. . . ?) ѹ обѣихъ сталныє ѻправы на ножна^х^. . . / шпаги. (Росп. оруж. казне царя Алексея Михайловича, 1647 г.)[52]; 3) Тесакъ. . . цена 20 рублевъ. Картеляжъ[53] нѣметцкаго дѣла, черенъ, крыжъ желѣзной позолоченъ. (Росп. им. Н. Ром., 48, 1659 г.); 4) .є҃. сабє^л^. . . /Полашъ/ / .в҃. ка^р^тєлєша. (Опись Моск. Оруж. Пал., 1662 г.[54] — Написание є в предпоследнем слоге, по-видимому, обусловлено редукцией гласного ввиду перемещения ударения на окончание слова; в черновике того же источника читаем: полашъ / .в҃. ка^р^тєляша, л. 23.

Слово дало производное образование *картеляжныи*: .в҃. кар-

---

[50] *Grimm* V, стб. 1807, 244; *Matzenauer A.* Cizí slova ve slovanských řečech. V Brně, 1870, с. 214; *Karłowicz.* Op. cit., с. 299—300; Варшавский словарь II, с. 474; *Berneker*, s. v. *kordelas*.

[51] *Успенский А.* Столбцы бывшего Архива Оружейной Палаты, вып. I. М., 1912, с. 123. Другой, менее выразительный, контекст см. там же, с. 118 (1619 г.): *кортеляшъ*.

[52] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 4.

[53] В печатном тексте этой «Росписи всяким вещам. . ., что осталось по смерти боярина Н. И. Романова» (Чт. ОИДР, 1887, кн. 3, отд. 1, с. 48) слово неправомерно разделено: «картеля-жъ», что говорит о полном забвении его на Руси.

[54] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, № 8, 156, л. 9.

тєлпаша. . . // .в. полосы ка^ртєлпа^жныѣ (Росп. оруж. казне царя Алексея Михайловича, 1647 г.) [55].

Со ст.-рус. *кордъ*, особенно в тех случаях, когда оно выступало в значении 'меч', связан по употреблению и термин *палашъ* [56] 'прямая и широкая сабля, обоюдоострая к концу лезвия' («прибочное оружие, употреблявшееся кирасирами и драгунами, состоявшее из длинной полосы, с обеих сторон и с конца острой, утвержденной в эфесе, имеющем решетку для закрытия руки») [57]; укр. и ст.-укр. (РИБ-8. СПб., 1890, стб. 1136) *палаш(ъ)*, блр. *пала́ш*, польск. *pałasz*, в.-луж. *palaš*, чеш. *palaš*, словац. *paloš* 'палаш', болг. *па́лешь* 'палаш' (Геров), с.-хорв. *па̂лош*, *па̀лош*, м. р. 'палаш', словен. *palaš* то же; нем. *Pallasch*, итал. *palascio*, *paloscio*, ср.-франц. *palache*, англ. *palache*, рум. *paloş*, венг. *pallos* 'палаш', марийск. *пула́ч* разг. 'сабля', тур. *palyoş* 'штык-тесак', курд. *paloš*. В основе этих слов видят тур. *pala* 'род сабли с коротким широким клинком, палаш', восходящее к персидскому источнику [58]. Вост.-слав. *палаш* возводят непосредственно к венг. *pallos* [59], реже — к польск. *palasz* [60], которое — из венгерского [61]. Восточнослав. *пала́ш* отличается от венг. *pallos* огласовкой второго слога и характером ударения (лишь у Даля, т. III, с. 7, имеем ударение *па́лаш*, против которого возражает А. Г. Преображенский). Это «дает основание видеть самостоятельные заимствования, но их источник и хронология требуют дальнейших разысканий. Ср. сартов. *palä* 'сабля' (Радлов IV, 1166), тур. *палалык* 'острая сторона доски или бревна' (IV, 1164)» [62]. М. Фасмер (III, 191) обращает внимание на возможность генетической связи рус. *палаш* и *палач* (стар. *полач*). Отметим в связи с этим любопытную семантическую параллель польск., ст.-польск. *multan* 'молдаванин (=палач)' > ст.-польск. *multan*, ст.-рус. *мултан(ъ)* 'меч с широким клинком' [63].

---

[55] Там же, оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 4—5.

[56] Ср.: «Другие виды мечей. . . восточных форм, среди которых особенно интересен ровный однолезвийный меч, палаш, или kord, редко встречаются в славянских землях того времени. (Более всего они встречаются в Венгрии. . .)» (*Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956, с. 374).

[57] *Тучков М. С.* Военный словарь, ч. 2. М., 1818, с. 25.

[58] *Kluge — Götze*, S. 544; *Kniezsa I.* A magyar nyelv szlav jövevenyszavai I. Kötet 2. Resz. Budapest, 1955, c. 703—705.

[59] *Фасмер* III, с. 191; *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. 3. М., 1958, с. 42.

[60] *Преображенский* II, с. 7.

[61] *Brückner*, с. 392.

[62] *Добродомов И. Г.* Указ. соч., с. 286—287.

[63] Ст.-рус. *мултанъ* известно лишь в одном контексте: 217. . . . у стѣны устроити стоячихъ столбѣхъ гвозди, на чемъ класти сабли, палаши, мултаны, кондеры, мечи, тѣсаки. . . 1607—1621 гг. (*Радишевский О. М.* Указ. соч., ч. II, с. 6). Оно восходит к польск. *multan* (также *multanin*) 1) 'молдаванин', 2) 'разновидность сабли' (*Linde* III, 162; Варшавский словарь II, с. 1067: от польск. названия молдавского края — *Multany*; А. Брюкнер поясняет: «Молдаванин нанимался палачом, поэтому *multan* в 16 и 17 в. [обозначало также] и меч палача». — *Brückner*, с. 348; ср. ст.-укр. *моунтѣнъ* (из молд. *мунтен* 'житель Мунтении') 'горянин' (от молд. *мунте* 'гора'). —

Что касается хронологии появления соответствующих названий в русских памятниках письменности, то следует отметить, что слово *палаш* засвидетельствовано лишь начиная с XVII в. (см. ниже), т. е. в более поздних памятниках, чем *палач* (*полач*), которое приводится уже в Парижском словаре московитов 1586 г.: *pollachy* le bourreau ('палач') [64], где диграф *ch* скорее всего передает весьма приблизительно не свойственный французскому языку русский звук *ч* (*č*) (отражение в этой записи якобы первоначального произношения русскими данного термина *палач* как *полаш* значительно менее вероятно, судя по еще более древним, относящимся к концу XV —началу XVI в. и найденным К. Р. Галиуллиным ономастическим данным с интересующим нас этимологическим корнем — только в виде *полач* (*палач*), т. е. всегда с написанием *ч*, а не *ш*, например: Полач, крестьянин, 1501 г.) [65].

Тот факт, что сущ. *палач* (*полач*) известно только в русском языке, тогда как более пóзднее по времени заимствование *палаш* (*полаш*) имеет соответствия в ряде языков, заставляет считать, как, кстати, может быть, и отсутствие фонетического тождества между русскими *палаш* и *палач*, что семантический сдвиг 'палач' > >'палаш' (или наоборот: 'палаш' >'палач'?) произошел, скорее всего, в языке-источнике (что может облегчить поиск этого источника в дальнейшем), а не на восточнославянской почве.

В плане выявления этимологического родства между рус. *палаш* и *палач* любопытно отметить фонетическую близость к рус. *полач* приведенного выше марийского разг. *пулач* 'сабля'.

Ударение в ст.-рус. *палашъ* приходилось, по-видимому, на последний слог, судя по многочисленным написаниям *полашъ*

Сл. ст.-укр. I, с. 620. Ст.-польск. *multan* 'короткий прямой, вероятно, обоюдоострый меч' засвидетельствовано с 1500 г. (Sł. stpol. IV, с. 363). Толкование ст.-рус. *мултан* 'короткий прямой меч' подтверждается цитированным выше контекстом: «мултаны» упоминаются после палашей и перед мечами. В русских народных говорах это сущ. *мултан* не обнаружено. Слово приводится с толкованием 'род воинского орудия, подобного палашу или мечу' в первых двух русских академических словарях (САР[1] IV, 1793, стб. 327, и Слов. Акад. 1847 г.) с пометой *стар.* (*ин.*) и со ссылкой на Устав ратных дел О. М. Радишевского.

[64] *Ларин Б. А.* Парижский словарь Московитов 1586 г. Рига, 1948, с. 159. А. Дж. Эфендиева в своей кандидатской диссертации «Восточные заимствования в русском языке позднего средневековья (XVI—XVII вв.)» (Л., 1975, с. 217) напрасно относит древнейшее употребление слова *палашъ* 'палаш' к 1586 г. (со ссылкой на 72 с. Парижского словаря Московитов в издании Б. А. Ларина; в действительности в этом словаре приводится лишь слово *палач* в цитированной нами записи *pollachy le bourreau*, и притом на с. 159).

[65] *Галиуллин К. Р.* Ономастика и хронологическая характеристика тюркизмов апеллятивной лексики русского языка. — Сб. аспирантских работ Казанского ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина. Гуманитарные науки. Языкознание. Литературоведение. Казань, 1976, с. 89. Разыскания К. Р. Галиуллина делают устаревшими сведения о том, что сущ. *палач* (стар. *полач*) «в памятниках встречается с XVII в.» (так в кн.: *Шанский Н. М.*, *Иванов В. В.*, *Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. М., 1975, с. 323; см. также: *Фасмер* III, с. 191; *Добродомов И. Г.* Указ. соч., с. 287).

наряду с *палашъ*, а также по любопытной однократной описке *плашъ* в памятнике, где на протяжении 16 листов (л. 74—90) при перечне палашей имеем стабильное написание *полашъ*: Полашъ полоса сто҆на. . . // а҄ по нпешне҆ переписи рче҆ го҆ с пре҆-ни҆ / перепасными кнгами то҆ плашъ сшо҆ся / цена тому полашꙋ сто сорокъ семь / рꙋблевъ (Переписн. кн. Моск. Ор. Пал. 1687 г.[66]). Ср. у Ф. Поликарпова в «Лексиконе треязычном» (СПб., 1704, s. v.) *пала́шъ*.

Древнейшая датировка ст.-рус. *палашъ* (в написании *полашь*) — 1608 г.: Служилая люцкая рухлядь. // Полашь Литовской, да кортишко, да 13 сабель (Оп. им. Тат.) [67].

Дальнейшие употребления — в Уставе ратных дел О. М. Радишевского (ч. 2, с. 6), у Рич. Джемса (р. 5, с. 65), в Вестях-Курантах 1642—1644 гг. (М., 1976), с. 218: с хороши/ми саблями и с полашами (*о* написано по *а*), 1643 г. и т. д. Написание словоформы *полоша* (Док. Моск. театр. 1675. Чт. ОИДР 1914, 2, с. 53: «2 полоша») свидетельствует об ударном окончании.

Составные термины: *полашъ лито҆ско҆* (Роспись оружий и знамен. . . 1664 г.[68]; Оп. им. Тат., 15); *палаш немецкой* (1687 г.) [69], *турской* ('турецкий'), (СГГД IV, 149 [2]. — Картотека ДРС), *стал(ь)нои* (1687 г. Переписн. кн. Моск. Ор. Пал.) [70], *бꙋлатнои* (там же, л. 78 об.), *двоерезнои* (возможно, 'с обоюдоострым на всем протяжении клинком, в отличие от большинства палашей'.— Книги переписные подполковника И. Кокошкина Соловецкого м-ря. 1711 г.) [71], *одноручный* (҆ва пистолѣта два палаша о҆норучны простыя. — Там же), *деревянный* (вмѣсто сабель деревянные палаши носятъ. — Козм. 1670 г., 446. — Картотека ДРС), *драгунский*, *рейтарский* (Птр I (указ.) т. IV, 44).

Заслуживают внимания производные *полашный* 'относящийся к палашу' (Полосы палаш'ные. . .// кры҆ полаш'но҆. Переп. кн. Моск. Ор. Пал. 1687 г., л. 89—90) и *палашник*(ъ) 'вооруженный палашом' (1647 г. Учение и хитрость ратн. строения пех. люд. 130 [2]; еще: АМГ II, 320).

У Л. Майкова *палашъ* фигурирует в пословице: Хотя и нагишомъ, да съ палашомъ (Сб. посл. Л. Майк.; к. XVII—XVIII в., 112).

Дальнейшая история слова *палаш* не отмечена какими-либо существенными изменениями: оно активно употребляется в XVIII—XIX вв. и только в наши дни претерпевает процесс архаизации.

В вост.-слав. варианте термина *поласъ* конечное *с* могло быть вызвано регрессивной ассимиляцией по месту образования в пре-

---

[66] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 936, л. 76б—77.
[67] Временник ОИДР, кн. 8, 1850, смесь, с. 14—15.
[68] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, № 8901, л. 8.
[69] Армяно-русские отношения в XVII веке. Сборник документов. Ереван, 1953, с. 196.
[70] Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 936, л. 82.
[71] Архив ЛОИИ, колл. 2. Актовые книги, № 154, л. 191 об.

делах одного составного термина *палаш(ъ) зубчатыи*: 2 сабли. . . Поласъ зубчатой, ножни хозу черного, оправа желѣзная (Оп. им. гетм. Самойловича. 1690 г. По языку это памятник с чертами как русскими, так и украинскими)[72].

Система описанных здесь названий разновидностей меча характеризуется наличием большего, чем в новое время, количества терминов, что объясняется актуальностью самих реалий, несмотря на быстрое развитие в XVI—XVII вв. огнестрельного оружия. Лишь два из рассмотренных названий сохранялись в активном употреблении вплоть до XX в. (*тесак*), его первых десятилетий (*палаш*).

[72] РИБ VIII. СПб., 1884, стб. 1077.

С. Каралюнас

ЛИТ. *PÓLYMAS* 'БОЛОТИСТОЕ МЕСТО'

Лит. *pólymas* 'низкое, влажное, болотистое место', 'болотистый кустарник', 'большая площадь леса, поля', по-видимому, относится к типу производных, образованных от имен прилагательных, ср.: *báltymas* 'белок', *júodymas* 'чернота, черное место', *sūrymas* 'рассол': *báltas* 'белый', *júodas* 'черный', *sūrùs* 'соленый' [1].

Обнаружить исходное слово для лит. *pólymas* позволяет существование этимологического соответствия в латышском языке. Речь идет о лтш. *pàlums* (*pālums*) 'полоса, чем-нибудь выделяющаяся из среды', 'пустое место (где не растут хлеба и трава)', 'бледный блеск на небе', соотносящемся с лтш. *pāls* (*pàls*) 'бледный'. Колебание между *-um(a)s* [2] и *-ymas* наблюдается даже в одном и том же языке (ср., например, лит. *šãkymas* 'развилина, разветвление': *šãkumas* то же).

Этимологическая связь названий цветов и низких болотистых или чем-нибудь выделяющихся из среды мест в семасиологическом отношении представляется возможным, ср. лит. *balas*, ж. р. *bala* 'белый, -ая': лит. *balà* 'болото', лтш. *bala* 'глинистый без деревьев овраг', 'топкое место', 'болото'; лит. *pìlkas* 'серый': лит. *pélkė*, лтш. *pelce*, др.-прус. *pelky* 'болото'; лит. *báltas*, лтш. *balts* 'белый': ст.-слав. блато, алб. *baltë* 'тина', 'болото', 'глина', 'земля'; рус. *белый*, польск. *biały* и др.: рус. *биль* 'болото, на котором растет один мох', польск. *biel* 'низкий, заболоченный лес'; лит. *pálvas* 'палевый', рус. *половый*, *половой*, польск. *płowy* 'желтоватый' и др.: др.-прус. *palwe* 'пустыня, покрытая мхом',

[1] *Skardžius P.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, с. 211.
[2] О такой модели словообразования см.: *Endzelīns J.* Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, с. 333.

'площадь без деревьев'; лит. *bãlnas* 'с белой спиной (о скоте)': блр. *болóна* 'открытое пространство перед деревней', болг. *блана* 'ровное место', 'лужайка', 'глыба', чеш. *blana* 'луг', 'общинный выгон', рус. *болонь, болóнье* 'поемный луг, низина' и др.[3]

С лит. *pól-*, лтш. *pāls* представляется возможным далее сопоставить др.-прус. *poalis* 'голубь' (семасиологически ср. лит. *bal-añdis*, лтш. *bal-uōdis* 'голубь': лит. *bãlas* 'белый'; осет. *æxsinæg* 'дикий голубь': *æxsin* 'темно-серый'; перс. *kabūtar* 'голубь': *kabūd* 'голубой'[4]). Особый интерес при этом представляют лат. *palumbēs* 'дикий голубь' и греч. πέλεια то же, наряду с лат. *pallidus* 'бледный' и греч. πελιός 'голубой'[5], которые не только повторяют те же самые семантические отношения, но и являются, по-видимому, однокоренными с рассматриваемыми балтийскими словами, имеющими, таким образом, продленную ступень корневого вокализма.

---

[3] Следовательно, сопоставление лит. *pálšas* 'светло-серый', лтш. *pāls* 'бледный' с рус. *полоса* и др. в семасиологическом отношении является вполне закономерным (вопреки М. Фасмеру, см. *Фасмер* III, с. 315).

[4] *Трубачев О. Н.* — В кн.: Фасмер I, с. 433.

[5] *Walde — Hofmann* II, с. 239; *Frisk* II, с. 496—8; *Pokorny* I, S. 804.

О. Н. Трубачев

INDOARICA В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Предлагаемая статья является десятой статьей серии «Indoarica в Северном Причерноморье» и называется так же, как могла бы называться вся серия, а в будущем, по-видимому, и книга, в которой автор надеется объединить свои исследования на эту тему[1]. В исследуемом вопросе самое трудное, труднодоступное и вместе с тем принципиально важное — это конкретный языковой материал, поэтому главная задача статьи — обратить внимание читателя на ряд реликтовых слов-названий, неудовлетворительно проэтимологизированных, а то и вовсе оставленных без внимания предшествующими исследованиями.

---

[1] До сих пор опубликованы следующие работы: *Трубачев О. Н.* Temarundam matrem maris. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. — В кн.: Античная балканистика. 2. Предварительные материалы. М., 1975; Он же. О синдах и их языке. — ВЯ 1976, № 4; Он же. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. — ВЯ 1977, № 6; Он же. Nichtskythisches im Skythien Herodots. — IF 1977, Bd. 82; Он же. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. — ВДИ 1978, № 4; Он же. Серебро. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978; Он же. Rasparaganus rex Roxolanorum. — В кн.: Античная балканистика. 3. Предварительные материалы. М., 1978; Он же. «Старая Скифия» (Ἀρχαίη Σκυθίη) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект. — ВЯ 1979, № 4; Он же. Таврские и синдомеотские этимологии. — В кн.: Этимология, 1977. М., 1979.

1. *artaka- 'медведь, медвежий'

Основанием для этой реконструкции послужило широкоизвестное название *Артек*, обозначающее местность у юго-западного склона горы Аюдаг. Местность, поселок (в прошлом — имение) Артек лежит «на ручейке того же имени»[2]. Топографический, а с ним вместе и топонимический ландшафт определяет, разумеется, Аюдаг, что было замечено элементарно грамотными краеведами этих курортных мест. Последние, зная значение тюркского названия *Аюдаг* — 'Медведь-гора', видимо, задумывались над созвучьем соседнего названия *Артек* и греческого названия медведя — ἄρκτος (эту версию приходилось слышать как устную от местных экскурсоводов; ее литературный первоисточник мне, к сожалению, неизвестен, но она, как увидим ниже, все же относительно ближе к истине, чем то, что удалось прочесть об Артеке в топонимической, лингвистической литературе[3], и по одному этому заслуживает упоминания и нашей признательности, поскольку сослужила нам службу наводящего ориентира). Однако объяснять *Артек* прямо из этого греческого слова было бы большой натяжкой. Народная форма, которая существовала в местных греческих говорах Крыма, судя по наличию ее в переселенческих мариупольских греческих говорах, — *argđija* 'медведь'[4] еще дальше отстоит от интересующего нас названия *Артек*. Следовательно, скорее всего, греческое происхождение в данном случае отпадает, как и тюркское (можно лишь говорить, самое большее, о вторичной тюркской фонетической обработке с элементами вокальной гармонии переднего ряда — **ärtek*? Эта особенность при реконструкции древней формы снимается).

Как уже говорилось, наиболее авторитетным и очевидным представляется указание, которое нам дает семантика тюрк. *Аюдаг* — 'гора Медведь'. Это более позднее название явилось переводом более древнего, как нередко случается при смене этноса. Аюдаг, гору и мыс, действительно, похожий на медведя, отождествляют, правда, еще с мысом Κριοῦ μέτωπον 'бараний лоб', у Страбона, но это последнее метафорическое обозначение, несмотря на древность

---

[2] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. Семенова-Тян-Шанского В. П. и под общим руководством Семенова-Тян-Шанского П. П. и акад. Ламанского В. И. Т. XIV. Новороссия и Крым. СПб., 1910, с. 768.

[3] См.: *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 33: «Из древнегреч. *Кардиатрикон*». — Но это греч. название тамошнего имения («Сердцеврачевательное»), конечно, имеет позднее происхождение, не старше графа Олизара, которому принадлежало имение. Ручеек, называвшийся по всей видимости и раньше *Артек*, знаменует бóльшую древность, как увидим ниже. Не имеет перспектив и тюрк. этимология имени *Артек*, ср. якут. *ārtyk* 'теснина, горный проход' (*Kiss L.* Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1978, с. 63). Неудивительно отнесение названия *Артек* к неясным, см.: *Суперанская А. В.* Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа. — В кн.: Ономастика. М., 1969, с. 197.

[4] *Сергиевский М. В.* Мариупольские греческие говоры. — Изв. АН СССР. Отделение общественных наук, 1934, № 7, с. 545.

свидетельства, не было, по-видимому, местным, сохранившись лишь в литературе, как и некоторые еще более мимолетные записи. Местным и автохтонным было только название *Артек*. Его негреческий и нетюркский характер делается весьма вероятным после сказанного выше. Местность и ручей Артек, образуя некое целое с выразительной фигурой Медведь-горы — Аюдага, побуждают нас высказать гипотезу о существовании здесь в древности туземной формы **artaka-* 'медведь', а также, возможно, производного — **artak̯ia-* 'медвежий'. Не эта ли Артакия чудом сохранилась у Гомера? Ср. Od. X, 105—108:

> κούρῃ δὲ ξύμβληντο πρὸ ἄστεος ὑδρευούσῃ,
> θυγατέρ' ἰφθίμῃ Λαιστρυγόνος 'Αντιφάταο.
> ἡ μὲν ἄρ' ἐς κρήνην κατεβήσετο καλλιρέεθρον
> 'Αρτακίην. ἔνθεν γὰρ ὕδωρ προτὶ ἄστυ φέρεσκον.
> Шедшая по воду дева пред городом им повстречалась —
> Дева могучая, дочь Антифата, царя лэстригонов.
> Шла она вниз к прекрасным струям А р т а к и и.
> Этот источник снабжал ключевою водою весь город [5].

Здесь уместно напомнить, что, как убедительно доказано главным образом натуралистами и путешественниками уже более ста лет назад, приключения Одиссея, описанные в X, XI и XII песнях поэмы, развертывались не в Западном Средиземноморье, а на берегах Крыма и Таманского полуострова, поскольку здесь именно локализуются киммерийцы, вход в ад реальнее всего представить себе в районе таманских грязевых вулканов (ср. там до недавних пор название *Пекло* в устах местных русских и украинцев) [6]. Как бы то ни было, после ужасного урона, понесенного у лестригонов, бросавших на корабли Одиссея и его спутников «с кручи утесов» тяжелые камни, они «прибыли вскоре на остров Ээю». Поскольку, как нам кажется, гомеровская Αἰαίη 'Ээя' наиболее правдоподобно идентифицируется с названием Синдского острова — *Eon* (Плиний), *Oium* (Иордан), прибыть туда «вскоре» можно откуда-то неподалеку, обобщенно говоря, из района Южного берега Крыма. Правда, древним был известен еще один источник с названием 'Αρτακίη — в западной Малой Азии, близ Кизика, где название *Artaki* дожило до нового времени [7]. На эту «достопримечательность греческой географии» обратил внимание Буди-

---

5 *Гомер.* Одиссея. Перев. Вересаева В. под ред. акад. Толстого И. И. М., 1953, с. 114.

6 Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, t. V. Paris, 1843, p. 40, 41, 304—305; *Бэр К.* Знакомство Гомера с северным берегом Черного моря. — Зап. имп. Одесского общества истории и древностей, 1877, т. X, с. 522 и сл. — Разбойники-лестригоны при этом обычно помещались в стратегической Балаклавской бухте, что получило затем преломленное отражение и в русской художественной литературе, ср. «Листригоны» А. И. Куприна.

7 *Pape W., Benseler G.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. I. Graz, 1959, S. 146.

мир, который ставит это схождение рядом с повторением Борисфена как другого имени для Геллеспонта (Гесихий) [8]. Малоазиатские созвучия гомеровского Ἀρτακίη (у лестригонов) и крымского названия *Артек* — это особая тема. Дело в том, что современная индоевропеистика, успешно преодолев теорию бругмановских спирантов и бенвенистовских аффрикат, пришла, наконец, к индоевропейской реконструкции названия медведя **r̥tko-* или **artko-* [9] (а не **r̥kþo-* или **r̥kʷo-*), откуда производятся греч., ἄρκτος, др.-инд. *ṛ́kṣa-*, авест. *arša-*, арм. *arǰ*, лат. *ursus*, ирл. *art*, а также хетт. *ḫartagga-*, обозначавшее хищного зверя, по-видимому, медведя. Любопытно, что во всех континуантах группа согласных *tk* праформы **r̥tko-* преобразована путем метатезы, упрощения, диссимиляций, только хеттское слово наиболее близко к индоевропейской реконструкции и только одно оно обнаруживает гласный между корнем и вероятным суффиксом *-ko-* [10]. Свидетельство хеттского слова ослабляется недостаточной достоверностью его значения, выводимого из контекста. В такой ситуации реконструкция **artaka-* в Тавриде не может не представить интереса: оно не менее архаично формально, чем хетт. *ḫartagga-*, и у него с большой долей вероятия также устанавливается значение 'медведь'. Нельзя не признать, что это укрепляет надежность интерпретации хеттского слова, а также независимо подтверждает откорректированную индоевропейскую реконструкцию. Конечно, вид у таврического **artaka-* достаточно оригинальный, чтобы отождествить его без колебаний с др.-инд. *ṛkṣa-*, как, впрочем, и с ир. (авест.) *arša-*. Это не мешает признанию между ними диахронического тождества, с отведением форме **artaka-* статуса периферийного реликта почти праязыковой древности, что не делает эту форму менее интересной. Ее территориальное нахождение в зоне таврских языковых остатков также следует учесть. Большая близость крымского **artaka-* и хетт. *ḫartagga-* есть, видимо, параллельное сохранение общего архаизма. Правда, в литературе обращалось внимание и на специальные хеттско-северопонтийские изоглоссные связи в корнеслове и словообразовании имен [11].

---

[8] *Budimir M.* Die Kerberier in der Odyssee und im attischen Drama. — Živa antika X, 1—2. Skoplje, 1960, c. 18.

[9] *Szemerényi O.* Principles of etymological research in the Indo-European languages. — In: II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1961. — Цит. по: Etymologie. Herausgegeben von R. Schmitt. Darmstadt, 1977, S. 295; *Иванов Вяч. Вс.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 31 и сл.

[10] *Иванов Вяч. Вс.* Указ. соч., с. 33.

[11] *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке. — ВЯ 1976, № 4, с. 56 (сходная функция *-sar-* в синдомеотских и хеттских личных собственных именах), 62 (Ὀπισσᾶς — хетт. *appezzii̯a-*, *Antissa* — хетт. *ḫantezzii̯a-*); *Надель Б.* Черноморско-хеттские ономатологические связи (к постановке вопроса). — RO 1962, t. XXVI, zesz. 1, c. 126 (Αρμαδης — хетт. *arma-* 'луна', Αραουη[γ]ος — хетт. *arau̯a-* 'свободный').

2. *bahvarǰamin- 'большой город-двойник'

Нижеследующий этюд представляет собой развернутое изложение позиции № 23 словаря остатков языка северопонтийских индоарийцев [12]. Заглавная реконструкция основывается на названии города *Бахбарземин*: «Остатки от бывшего в 6 верстах от Темрюка города «Берземена» или «Бахбарземина. . .» [13]. Ср. еще *Барбарцемин* [14], *Берберземин* в «Трактате о торговле на Черном море» Пейсонеля 1787 г. [15] и *Бермезань*, иначе — Темрюцкий отселок, Темрюцкие хутора, Старый Темрюк, Островитянские хутора, где отмечаются следы «древнего значительного поселения с портом (и молом) на Азовском море» [16]. Неясно, относится ли сюда Balzimachi, название азовского порта, упомянутое итальянским купцом Пеголотти в первой половине XIV в. [17]

Название этого странного, полумифического города чем-то напоминает *Зурбаган* — выдуманный город у Александра Грина (последняя форма, впрочем, не обязательно целиком плод писательского вымысла, возможно, она навеяна чтением Константина Багрянородного, который упоминает среди островов у берегов Зихии (Черкесии) удивительно похожий Τζαρβαγάνιν καὶ ἕτερον νησίν 'Царбаганин и другой остров' [18]). О гриновском Зурбагане принято говорить как о несуществующем городе, несколько труднее утверждать это о Τζαρβαγάνιν у Багрянородного (особенно если обратим внимание на контекст «и другой остров» в свете сообщаемого ниже), Бахбарземин определенно существовал. Кажется, никто еще не занимался этимологией его названия, хотя оно столь информативно и оригинально, что давно заслуживает внимания лингвистов и историков.

Мы не видим иной возможности объяснения названия *Бахбарземин*, кроме реконструкции индоарийского **bah-var-ǰamin-* 'большой город-двойник', ср. др.-инд. *bahú* 'многочисленный', а также (*Атхарваведа*) 'большой' [19], *vára* 'ограда, ограждение', *vāra* 'огражденное место' [20], *yamin* 'производящий близне-

---

[12] См. *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия. . ., с. 19.

[13] Разные замечания, касательные до острова Тамана (Извлечено из бумаг походной канцелярии кн. Потемкина. . . Представлены 24 авг. 1785 г. Автор — акад. П. С. Паллас. Прим. ред.). — Записки имп. Одесского общества истории и древностей, 1877, т. X, с. 234.

[14] *Тунманн.* Крымское ханство. Пер. с нем. изд. 1784 г. Симферополь, 1936, с. 71.

[15] Цит. по: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Сост. Гарданов В. К. Нальчик, 1974, с. 190.

[16] *Гёрц К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, с. 117.

[17] *Pegolotti Francesco Balducci.* La pratica della mercatura. Ed. by Evans A. Cambridge, Massachusetts, 1936, p. 55.

[18] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. by Moravcsik Gy. Budapest, 1949, p. 186 и сл. (42, 122[v]).

[19] *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New ed. Oxford, 1964, p. 724.

[20] Там же, с. 921, 943.

цов' [21]. Реальность существования в местной субстратной топонимии по крайней мере элемента *$bah(u)$ 'большой' подтверждается сравнением с территориально близким *Bagtari* на картах 1408 и 1436 гг. [22], по-видимому, частично переведенным на итальянский как *tar magno* 'Б о л ь ш о й Тар' на портолане Бенинказы 1474 г. [23]; сюда же, далее *Batiario* в генуэзских документах Кафы и, наконец, близкий к нашему времени *Ахтар*, *Актар*, *Ахтари*, *Ахтары*, *Ахтарский*, включая современное *Приморско-Ахтарск*, город на Азовском море. Ср. позицию № 22 словаря индоарийских реликтов [24]: **bah-tar(ī)* 'большой берег', 'большебережный?' — др.-инд. *bahú*, *tar-*.

Судя по отождествлению Бахбарземина со Старым Темрюком, парная ситуация 'город + отселок, пристань' тянется здесь с далекой древности. Темрюкское поселение античной эпохи, относимое еще к VI в. до н. э., привлекает внимание археологов, но, кажется, еще в недостаточной степени [25]. Остаточное наличие двух Темрюков наблюдали и путешественники конца XVIII—начала XIX в., хотя их объяснения временем турецко-казацких отношений едва ли полностью верны [26]. Вообще возникновение и существование двойных городов (конкретно: город и крепость, город и порт) — феномен, известный для разных стран, ср. например упоминание историком древней двойной крепости Тавриз [27]. Нас, естественно, больше интересуют случаи с более близких территорий. И такие примеры, действительно, есть, причем исключительно яркие и не во всех своих отношениях раскрытые. Сюда относится греч. Διοσκουριάς, Диоскуриада, древнее название Сухуми, производное от имени Διόσκουροι, диоскуры, сыновья Зевса, близнецы. Считается, что та же семантика представлена в названии *Сухум(и)*, первоначально *Цхум*, ср. груз., мингр., чан. *tkubi*, *tkupi* 'близнецы', 'двойни', 'двойной орешек, плод' [28], сюда же *Лечхум*, название одной из областей Имеретии [29]. «Таким образом, интересующие нас слова *ṫqum*, *ṭ̇qum* означают б л и з н е ц ы, д в о й н и. Следовательно, слово *Сухум*, точнее *Цхум* почти вполне соответствует по смыслу греческому названию Диоскуриады и значит Б л и з-

[21] Там же, с. 847.
[22] *Брун Ф.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России, ч. 1. Одесса, 1879, с. 92.
[23] См. приложение к кн.: *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. Изд. 2, Киев, 1914.
[24] *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия. . ., с. 19.
[25] *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., 1959, с. 88.
[26] *Pallas P. S.* Voyages entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'empire de Russie pendant les années 1793 et 1794. T. IV. Paris, 1811, p. 24—25; *Сумароков П.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду, ч. 2. СПб., 1805, с. 158.
[27] *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 280 и сл.
[28] *Орбели И. А.* Город близнецов Διοσκουριάς и племя возниц 'Ηνίοχοι. — ЖМНП 1911, май, с. 207.
[29] Там же, с. 203.

нецы. Слово *Лечхум* означает страну близнецов, или область, где находится Чхум, Близнецы»[30]. Думается, однако, что было бы неправильно сводить все к кальке с греческого названия в данном случае; скорее всего, греческий подключился к уже существовавшей здесь до него модели называния, манифестировавшейся на разных языках региона, ср. выше картвельские данные, убедительно продемонстрированные Орбели. Ср. сюда же название горы *Близница*, или *Близницы*, на Таманском полуострове. Все это говорит о местном осмыслении парности (поселений, гор и т. д.) в данном регионе как отношений близнецов, а это, в свою очередь, позволяет нам поставить вопрос о происхождении названия *Бахбарземин*, **bah-var-ǰamin-* от уже упомянутого *yamin*, далее — др.-инд. *yamá-* 'близнец', сюда же — имя бога *Yamá-* (при ир., авест. *Yima-*)[31]. Точнее говоря, наша реконструкция **bah-var-ǰamin-* отражает как бы народное, раннепракритское *ǰamin* с аффрикатой, аналогично отношению *Yamúnā*[32] в Ригведе — соврем. хинди *Jamnā*, название реки, образующей вместе с Гангом знаменитый Доаб, Двуречье.

Индоар. **-var-ǰamin* и картв. *ʘ̣qum*, *ʘ̣qum* образуют, таким образом, изосему 'город-двойник', первую отмеченную изоглоссу, охватывающую индоарийский субстрат Северного Причерноморья и картвельские языки (и те, и другие по крайней мере частично).

3. **čili-* 'орел'

Предлагаемая реконструкция индоарийской северопонтийской лексемы для орла опирается на небольшой материал с тем, однако, преимуществом, что известный нам факт точно локализован и, к тому же, снабжен глоссой. П. О. Бурачков в своей содержательной работе 1875 г. сообщает[33]: «. . .Между Тендрою и устьями Днепра находится еще четыре острова, из них наибольший есть о. Долгий. . ., а потом Орлов или Чиле» (автор ссылается при этом на военно-топографическую карту в Атласе карт при Гидрографии Тетбу де Мариньи). У нас нет твердой гарантии древности названия острова Чиле, хотя нет и указаний о позднем его происхождении. В этой ситуации стоит обратить внимание на соседство с островом (косой) Тендра, название которого имеет вероятную индоарийскую этимологию — из **dand-āria-* 'камышовые арии'[34]. В целом эта береговая линия с островами входит в геро-

---

[30] Там же, с. 208.

[31] Ср. подробно о самом феномене и терминологии: *Иванов Вяч. Вс.* Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках. — В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972, с. 193 и сл.

[32] *Mayrhofer* III, S. 9: Yamúnā. — Автор, по нашему мнению, без достаточных оснований признает название реки не имеющим этимологии. Конечно, Ямуна-Джамна — это близнец, двойник (Ганга).

[33] *Бурачков П. О.* О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. — Записки Одесского общества истории и древностей, 1875, т. IX, с. 43.

[34] *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке, с. 62—63.

дотовскую «Старую Скифию», на первоначально индоарийском характере ономастики и этноса которой мы имели случай настаивать в одной из предыдущих работ, относя сюда же и Синдскую Скифию Плиния. Поэтому контекст «Орлов или Чиле» позволяет нам привлечь для сравнения др.-инд. *cilli-* 'порода хищных птиц', оставляемое Майрхофером без объяснения [35]. Вполне возможно, однако, звукоподражательное происхождение этого древнеиндийского слова, нередкое среди названий хищных птиц (по клекоту, пронзительному писку). Это несколько снижает вес идентификации первого дошедшего до нас названия птицы у северопонтийских индоарийцев. Впрочем, ниже разбирается ряд косвенных свидетельств о других индоарийских названиях птиц, хотя главный сюжет нижеследующей заметки — другой.

4. Название храма у тавров

Собственно говоря, нет никаких данных за то, что у тавров были храмы в полном смысле слова. Скорее, они еще не знали храмового строительства, и в этом выражался архаизм их культурной стадии, как вообще у индоарийцев до прихода в Индию и у древних иранцев [36]. Насколько известно, Геродот в рассказе о таврах не употребляет слова νηός 'храм-здание', которое он, например, употребляет, хоть и в отрицательном контексте, говоря о персах и скифах (Herod. I, 131; IV, 59). Повествуя об обычаях и религии тавров, отец истории пользуется несколько двусмысленным словом ἱρόν 'храм, святилище, место жертвоприношений', которое лучше, однако, переводить как 'святилище'. Геродот рассказывает о принесении таврами в жертву богине Деве людей, потерпевших кораблекрушение, тела которых сбрасывают с утеса (ἐπὶ γὰρ κρημνοῦ ἵδρυται τὸ ἱρόν 'потому что святилище устраивается на утесе'. Herod. IV, 103). Несмотря на двусмысленность также этого контекста (глагол ἱδρύω означал 'сооружать, строить, особенно храмы'), едва ли можно предполагать у тавров существование настоящего храма Девы. Его археологических остатков не нашли и вряд ли когда-либо их найдут. По всей вероятности, это было ритуально удобное, священное место для жертвоприношений. Такие священные места с особенным, выдающимся расположением на местности, разумеется, были, и следы их остались, но не в ископаемых реликтах материальной культуры (ввиду минимума инвентаря и сооружений), а в языке. Возможно, имелось и главное святилище такого рода. Есть основания полагать, что оно находилось на горе Кошка под Симеизом, где известен «один из крупнейших в Крыму некрополей, насчитывающий более 70 «каменных ящиков», в которых тавры (во II—I тысячелетиях до н. э. и в первых веках н. э.) хоронили умерших» [37]. На горе Кошка

---

[35] *Mayrhofer* I, S. 390.
[36] Ср.: *Бонгард-Левин Г. М.* К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (Индоарии и местные субстраты). — ВДИ 1979, № 3, с. 11.
[37] Крым. Путеводитель. Симферополь, 1972, с. 102.

существовало также укрепленное поселение — стена второй половины I тысячелетия до н. э. и каменные жилые дома VII—VI вв. до н. э. [38], т. е. времени, почти совпадающего с эпохой Геродота.

Обратимся к ономастике. Название горы *Кошка* хорошо объясняется из тюрк. *kuš* 'птица', (вост.-тюрк., карачайск.) 'охотничий орел', 'орел' и *kaja* 'скала' [39]. Кошка образует с Симеизом такой сплоченный топографический ансамбль, что можно предположить его отражение в связи самих названий *Кошка — Симеиз*. Мы не располагаем данными по истории названия *Симеиз*, но, учитывая местонахождение в коренной Таврике, а также показания ландшафта (выше), реконструируем его как индоарийское (таврское) **śīma-iǰ-* 'соколиный жертвенник, святилище', ср. др.-инд. *śyená-* 'хищная птица, орел, сокол, коршун' (при авест. *saēna-* 'большая хищная птица'), особенно др.-инд. *śyāmá-* 'черный, темный', *śyāmā-*, название птицы [40], *ijyā́* 'жертва' (в иранском представлена огласовка авест. *yazaⁱtē* 'почитать'). Субстратное **śīma-iǰ-* было калькировано тюркским *kuš kaja*, причем тюрки (хазарского времени или позже?) восприняли туземное индоарийское **iǰ-* 'жертвенник, святилище' по преимущественному его месту — как 'скала'. Объяснение формы *Симеиз* из греческого [41] представляется нам не более как народной этимологией и наталкивается на серьезные фоно-морфологические препятствия: созвучное греч. σημεῖον 'знак, знамя, граница', будучи именем среднего рода, могло дать плюраль только на *-a*, в том числе и в новогреческих диалектах, а не на *-e̯is*, каковая флексия производна только от основ женского рода на *-a*. А. А. Белецкий допускает поэтому здесь плюраль на *-e̯is* от σημαία ж. р. (считается графическим вариантом от σημεία) 'знамя' [42] но это последнее само — вторичная форма женского рода из первоначального множественного числа на *-a*, что сообщает реконструкции *Симеиз* < н.-греч. **sime̯is* мн. ч. 'знаки, знамена' нарочитую сложность. Фонетически остается без объяснения при этом звонкость согласного в исходе *-из*, а главное — сам исход этот последовательно фигурирует также в ряде других, очевидно, старых крымских названий, не идентифицируемых средствами греческого, что делает участие в них позднего новогреческого диалектного форманта множественного числа *-e̯is* (притом только от *-a-* основ ж. р.!) сомнительным. Сюда же относится местное название деревни и мыса *Кикенеиз*, *Кекенеиз* (в общем с XIV в.), стар. *Киркинеис*, которое мы предположительно реконструируем как индоарийское **kr̥kana-iǰ-* 'пету-

---

[38] *Шульц П. Н.* Таврское укрепление на горе Кошка в Крыму. — Краткие сообщения Института археологии АН УССР, 1957, вып. 7, с. 63.

[39] Ср.: Крым. Путеводитель, с. 116: «. . .Кошка. . . — это — искаженное *Куш-Кая*, что в переводе означает 'соколиная скала'». — Ассимиляцию тюркских местных названий с исходом *-kaja* в форме русских/украинских на *-ка* исследовал специально Е. С. Отин.

[40] Ср. о них: *Mayrhofer* III, S. 383, 385.

[41] Ср. в последнее время: *Белецкий А. А.* Греческие элементы в географических названиях Крыма. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 206.

[42] Там же.

шиный жертвенник', ср. др.-инд. *kṛkaṇa-* 'Art Rebhuhn'; иначе А. А. Белецкий — к греч. καρκίνος, κερκίνος 'рак, краб' [43] (но как понять тогда плюраль *-eis*?). Местное название *Кореиз* (вар. *Куреиз*, *Хуреиз*, *Хураис*, *Кураис*) едва ли может быть вместе с А. А. Белецким объяснено из н.-греч. диал. *χωρεις 'заселенное место', 'селище' [44]. Точнее сказать, что оно не поддается объяснению [45], во всяком случае средствами греческого языка. Весьма примечательно вероятное отнесение сюда же формы τὸ τῆς Κυρίζου μετόχιον, названия монастыря в Крымской Хазарии, упоминаемого в патриарших грамотах конца XIV в.[46] Удостоверенная этим ранним свидетельством звонкость согласного -ζ- (-з-), а также явная принадлежность его к основе, а не к флексии (Κυρίζ-ου) заставляет искать объяснения в ином направлении — может быть, из индо-арийск. **kur(a)-ij-* 'вороний (?) жертвенник', ср. др.-инд. *kúrara-* 'морской орел'. Местное название *Олеиз*, по А. А. Белецкому [47], происходит из **Элеис* от румейск. (т. е. крымскогреч. *элеис* мн. ч. 'маслины'. Местность, как говорят, действительно изобиловала маслинами, но такое фонетическое изменение начала слова трудно объяснимо в этой среде. Поэтому мы предположили и здесь чисто гипотетическое, но хорошо укладывающееся в ряд названий «птичьих» святилищ на *-ij-* индоарийское **ula-ij-* 'совиный жертвенник', ср. др.-инд. *úlūka-* 'сова'. Местное название *Лемнеиз*, *Лименеиз*, в свете сказанного выше, могло бы быть вторичным преобразованием по греческой народной этимологии ('озерное место' [48]), а не изначально греческим производным.

С точки зрения лингвистической географии, несколько местных названий с исходом *-из* размещены на небольшом отрезке Южного берега Крыма, примерно от горы Кошка до Гаспры, т. е. в самом сердце древней Таврики. Несоразмеримость этого самобытного ареала и ареала греческого языка и населения в Крыму также говорит против объяснения от греческого народного плюрального форманта *-eis*. Весьма вероятный архаический характер этих крымских топонимов и возможное культовое их происхождение (ср. особенно *Симеиз*) позволяет увидеть в них образования типа др.-инд. *ṛtv-ij-* 'nach Vorschrift regelmäßig opfernd'.

Таким образом, на вопрос, как называлось у тавров святилище, мы могли бы указать форму **ij-* индоарийского происхождения. Можно ожидать, что найдутся дальнейшие подтверждения

---

[43] Там же, с. 207.
[44] Там же.
[45] *Маркевич А. И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II. Симферополь, 1928, с. 24.
[46] *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского. — ЖМНП, 1878, январь, ч. CXCV, с. 151; *Бертье-Делагард А. Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. — Записки имп. Одесского общества истории и древностей, 1915, т. XXXII, с. 240—241.
[47] *Белецкий А. А.* Указ. соч., с. 206—207.
[48] Там же.

древнего существования этой важной лексемы. Так, еще Б. Мункачи обратил внимание на близость начального компонента венгерских слов *egy-ház* (фонетически — *ed'hāz*) 'храм, церковь', а также *ünnep* (стар. *id-neр*, *üd-nep*) 'праздник' с др.-инд. *īḍ-* 'почитание', *īḍ-* 'молить, почитать' (вариант привлекавшегося выше др.-инд. *ij-* в *ijyā*). Отвергать это сближение на том основании, что «в венгерском языке нет заимствований из санскрита» [49], сейчас вряд ли было бы убедительно. Достаточно вспомнить документальную встречу святого Константина (Кирилла) и венгров, которые «нападоша на нь. . ., ѩко и влъческы воюще, хотѧще и оубити» (Жит. Конст. VIII). Дело было в Тавриде, по-видимому, не так далеко от поселений древних туземцев, ср. далее упоминание о миссионерском визите Константина к фульскому племени, где был им срублен языческий дуб «именемъ Алеѯандръ» (Жит. Конст. XII). Уже здесь прощупываются возможные индоарийские реликты, кстати, культового характера. Это происходило в IX в., т. е. ненамного позже деятельности одного местного князя с определенно индоарийским именем *Бравлин* < **pravlīna-*, которым мы занимались в одном из предыдущих томов «Этимологии». Пути древних венгров и индоарийских тавров могли перекреститься. Возможно, из этого источника венгры заимствовали свое *-id-* 'святилище, священный', что косвенно подтверждало бы наши предположения.

5. *managotra- 'вместилище Манаса, род Манаса'

Эта праформа реконструируется на базе названия реки *Манаготра*, которое и сейчас поражает мало-мальски внимательного наблюдателя своим реликтовым, т. е. негреческим и нетатарским видом. Так называется в Юго-Западном Крыму речка, которая, сливаясь с Биюк-Узенбашем, образует самую полноводную реку Крыма — Бельбек [50]. Это места крымской Готии и страны Дори, прямых преемников древних тавров. Не видя возможностей иного объяснения и даже полагая, что все иные объяснения будут более произвольными, мы толкуем гидроним *Манаготра* в связи с др.-инд. *mánas* 'дух, разум, душа' (здесь допустимо предполагать персонифицированное Mánas, божество) и *gotrá-* ср. р. 'коровник, хлев', 'семейное укрытие, семья, род, родство' [51], короче говоря, восстанавливаем сложение **mana-gotra-*. Соответствия этим лексическим основам есть и в иранском, ср. авест.

---

[49] *Szemerényi O.* «Südwestiranische» Lehnwörter im Ungarischen und Türkischen. — Études finno-ougriennes, 1976, XIII, S. 241. — Гипотеза автора о соответствующем среднеиранском **yad-* как источнике этого венгерского корня кажется излишней, поскольку тогда ожидалось бы венг. **jadház*, **jadnap*, а условия гармонии гласных не требовали здесь перестройки вокализма, а наоборот, сохраняли бы его.

[50] Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 6, вып. 4. Крым. Л., 1975, с. 6; *Речмедин И. О.* Солнечный Крым. Физико-географический очерк. Киев, 1976, с. 93; Словник гідронімів України. Київ, 1979, с. 351.

[51] *Monier-Williams M.* Op. cit., p. 364, 783; *Mayrhofer* I, S. 346; II, S. 573.

manah- 'смысл, дух, мысль, стремление', др.-перс. *manah-* 'сила духа, воля', ср.-перс. *gōhr* 'знатный род' < ир. **gauθra-*, производное с суф. *-tra* от *gau-* 'крупный рогатый скот, корова', как и др.-инд. **gotrá-* [52], однако ареал говорит в нашем случае скорее за местное таврское (индоарийское) происхождение, ср. с тем же формантом старый крымский топоним *Чигенитра* [53]. Что касается значений 'род, семья, вместилище для людей' и 'коровник, хлев', то в их родстве и в производности первого от второго нет причин сомневаться, зная примеры происхождения социальной и социально-религиозной терминологии от пастушеской [54].

6. **mukh-sari-?* 'мыс'

В «Географии» Птолемея между устьями реки Борисфена и устьем реки Каркинита (последняя плохо идентифицирована до сих пор) перечисляются:

... ὁ ἰσθμὸς τοῦ 'Αχιλλέως δρόμου
τὸ δυτικὸν ἄκρον τοῦ 'Αχιλλέως δρόμου,
ὁ καλεῖται
'Ιερὸν ἄκρον
τὸ ἀνατολικὸν, ὅ καλεῖται
Μυσαρὶς ἄκρα
Κεφαλόνησος
Καλὸς Λιμήν
Ταμυράκη

... Перешеек Ахиллесова бега
западный мыс Ахиллесова бега,
который называется
Священный мыс,
Восточный мыс, называющийся
Мисарис,
Остров Головы,
Прекрасная Гавань,
Тамирака [55].

В этом перечне, который мы привели столь полно, поскольку еще придется обращаться к нему, выделим здесь название мыса, восточной оконечности Ахиллесова бега (ныне острова Тендра) —

---

[52] Объяснение *-tra-* в др.-инд. *gotra-* от *trā-* 'охранять' (*Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Bd. II, 2 von A. Debrunner. Göttingen, 1954, S. 79) менее вероятно.

[53] *Трубачев О. Н.* «Старая Скифия». . ., с. 44.

[54] *Bader F.* De «protéger» à «razzier» au néolithique indo-européen: phraséologie, étymologie, civilisation. — BSL, 1978, t. LXXIII, p. 116: хетт. *wešiyawaš pedan* означает 'пастбище' и 'округ, подвластный вождю'; p. 205—206: указывает, что в обществе индоевропейцев-скотоводов в термин **peku* включались также люди.

[55] Ptol. Geogr., III, V, 2. См.: *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890, с. 229. — В перевод нами внесены изменения, касающиеся имен.

Μυσαρίς. Эта форма, видимо, отражает туземное *Musari-; указываемое по соседству (у Птолемея их координаты почти совпадают) греч. Κεφαλό-νησος, буквально 'Голова-остров', как бы подсказывает нам поиски истоков названия *Musari- в др.-инд. múkham 'рот, лицо' [56] и sari- 'водопад' [57], что все вместе обозначало бы опоясанный бурунами мыс. Конечно, праформа *mukh-sari-(?) подается нами сознательно гипотетически как условная конструкция, которую трудно проверить. Но вероятность употребления туземного апеллатива в функции имени собственного в греческой традиции значительна, значения 'рот', 'нос', 'лицо' элементарно пригодны для обозначения мыса (аналогии излишни), а греч. Κεφαλό-νησος, обычно наносимое издателями на картах где-то рядом, есть, вполне возможно, не самостоятельный топоним, а всего лишь калька, греческий семантический эквивалент туземного Μυσαρίς. Туземный и, видимо, индоарийский характер названия Μυσαρίς кажется допустимым еще из сличения с топонимическими фактами побережья Западной Индии, где уже не раз нам приходилось обнаруживать весьма любопытные соответствия реликтовой ономастике Северного Причерноморья. Их список можно продолжить, указав в данном случае на *Muziris* (Μούζιρις, Ptol.), название крупного древнего порта Западной Индии, на побережье Λιμυρική (к которому мы также еще вернемся ниже). Все существующие идентификации названия *Muziris*, отражающие в основном привязку к тамильской ономастике, — с *Mangarut* (Козьма Индикоплов 345a), т. е. *Mangalore* [58], или Muyirikkodu, *Muyirikoṭṭa* на Малабарском берегу [59] — не являются окончательным решением. Индоарийцы, рано осваивавшие западное побережье Индостана с севера на юг, явились здесь пришлым населением, но они несли с собой сюда издалека и унаследованную ономастику, которая иногда приспосабливалась к местным созвучьям. Может быть, один из таких случаев представляет собой и Музирис на побережье Лимирике у античных авторов. Птолемеевское Μυσαρίς с северных берегов Понта может отражать народную пракритскую трактовку — упрощение группы согласных (см. выше); соответствие в Западной Индии *Muziris* имеет свои отличия, которые трудно объяснить. Но обратить внимание на их сходство показалось полезным.

7. **raman-* 'покой, стоянка, привал'

Гора Роман-Кош, не такая знаменитая, как Чатыр-даг, но самая высокая вершина Крымских гор, имеет название-двучлен, вторая часть которого — тюркская по происхождению: *koš*

---

[56] См. об этом слове: *Mayrhofer* II, S. 648.

[57] Только в словарях, ср. о нем далее *Mayrhofer* III, S. 471.

[58] *Lassen Chr.* Indische Altertumskunde. Bd. I. Geographie, Ethnographie und älteste Geschichte. 2. Aufl. Leipzig — London, MDCCCLXVII, S. 188; *Kiepert H.* Lehrbuch der alten Geographie. Berlin, 1878, S. 40.

[59] *Dey N. L.* The geographical dictionary of Ancient and Mediaeval India. New Delhi, 1971, p. 131.

'стоянка, лагерь'. Первая часть названия *Роман-Кош* не может быть исконным тюркским словом ввиду начального *r*-; в «Этимологическом словаре тюркских языков» М. Рясянена раздел слов, начинающихся на *r*-, занимает всего две с половиной страницы, причем это практически сплошь заимствования из арабского и персидского. Такой исключительный критерий уже априори подсказывает вывод об иноязычной принадлежности компонента *Роман*-(*Кош*). Но какой именно? Ответ на вопрос, как нам кажется, моделирует второй компонент — *Кош*, позволяя предположить между обеими частями отношение семантической общности и калькирования с какого-то другого языка на тюркский. Так создается почва для наблюдения, что первая часть названия *Роман-Кош* представляет собой реликтовое **raman*- 'стоянка, привал'. Близкие имена есть в иранских языках: авест. *rāman*- 'покой, мир', древнеперсидское имя собственное *Ariyāramna*- выступает также в качестве названия горы — **Ariyă-rămana*- 'арийский покой' по данным эламских табличек из Персеполя [60]. Но известные нам иранские факты обозначают состояние д у ш е в н о г о п о к о я, что нельзя безоговорочно отождествлять со значением 'стоянка, привал'. Эта специфическая семантика в н е ш н е г о п о к о я, вскрываемая нами и для реликта **raman*- в *Роман-Кош*, присуща индоарийскому, ср. др.-инд. *rámate* 'успокаивать, оставлять в покое, о с т а н а в л и в а т ь с я, д е л а т ь о с т а н о в к у, п р и в а л, о с т а в а т ь с я, п р е б ы в а т ь', 'развлекаться' [61].

8. **saviā* 'благая, добрая'

Милетская колония в устье Гипаниса (Южного Буга) Ὀλβία (ионич. Ὀλβίη), что значит по-гречески 'счастливая', была не единственным городом с таким названием в греческом мире. Однако среди многочисленных греческих колоний Северного Причерноморья так называлась одна она. Мотивация такого называния в общем, казалось бы, понятна: поселенцы вкладывали в него свои помыслы о процветании и благополучии. Но позволительно думать, что подобная ситуация «пустого места» имелась не всегда. Больше того, греческие колонии как правило преемственно возникали и развивались в местах, уже до них облюбованных туземным населением. Естественно и даже необходимо предположить, что эта преемственность часто затрагивала так или иначе и сами названия. Наиболее ранний источник — анонимный перипл Понта Евксинского — говорит об Ольвии: . . . Πόλις, πρότερον μὲν Ὀλβία Σαυΐα καλουμένη, μετὰ δὲ ταῦτα ὑφ' Ἑλλήνων πάλιν Βορυσθένης κληθεῖσα'. . . город, прежде называвшийся Ольвия Савия, а потом снова названный у эллинов Борисфеном' [62]. Дополнитель-

---

[60] *Koch H.* Die religiösen Verhältnisse der Dareioszeit. Untersuchungen an Hand der elamischen Persepolistäfelchen. Göttinger Orientforschungen. III. Reihe: Iranica, Bd. 4. Wiesbaden, 1977.

[61] Ригведа, см.: *Mayrhofer* III, S. 43.

[62] Corpus inscriptionum graecarum, ed. A. Boeckh, V. 1—2. Berlin, 1828, p. 86.

ное название упомянуто только раз и притом в древнейшем тексте — означенном перипле, относимом к V в. н. э. И там оно тоже характеризуется как первоначальное (πρότερον) и исчезающее, что все вместе кажется очень натуральным и располагающим к доверию. Однако у прежних исследователей эта уникальность, наоборот, вызывала скепсис; так, Латышев, вслед за Мюллером, исключает слово Σαυΐα из текста [63]. Думаем, однако, что это не конец спора. Если сохранить в тексте «все как есть» и посмотреть на форму Σαυΐα как на догреческий реликт, то можно прочесть ее без натяжки как *_saviā_, прилагательное женского рода 'хорошая, добрая', полностью совпадающее с др.-инд. _savyá-_ 'левый' [64]. Значение последнего, видимо, явилось табуистическим обозначением левой стороны как 'хорошей'. Если верно сказанное выше, то в реликтовом обозначении Ольвии индоарийского типа (по-ирански было бы *_havya-_!) сохранилось и древнейшее значение данного прилагательного. Почему же все-таки 'благая' и 'добрая'? Б. Фармаковский, исследователь Ольвии, свидетельствует: «В прибрежной части Ольвии есть родники, дающие в изобилии прекрасную питьевую воду; вода из этих источников — лучшая, какая теперь имеется во всей окрестности. И эта обеспеченность хорошею водою была одним из необходимых условий для существования города; в нагорной части Ольвии воды нет совершенно, и туда надо было доставлять воду издалека» [65]. Добавим, что извечный недостаток в хорошей воде — это вообще особенность Северного Причерноморья, в частности геродотовской «Старой Скифии», где он влиял и на топонимию страны, о чем говорят и исследованный нами Ἐξαμπαῖος < индо-арийск. *_a-kšatapaia_ 'непригодная вода' и современный _Мертвовод_.

9. *_tanumurakā_ 'пиратская'

В основе реконструируемого нами названия лежит форма Ταμυράκη греческих текстов. Точное расположение места остается спорным. Птолемей упоминает город Ταμυράκη, помещая его между Прекрасной гаванью (Καλὸς Λιμήν) и устьем реки Каркинит (Ptol. Geogr. III, V, 2; VIII, X, 3). Ср. Стефан Византийский: Ταμυράκη, πόλις Σαρματίας τῆς ἐν Εὐρώπῃ (Steph. Byz. Ethnic.). Страбон называет Тамиракским залив (ὁ Ταμυράκης κόλπος [66]), обычно называемый с древности до наших дней Каркинитским. Анонимный перипл (включающий перипл Арриана), описывая черноморское побережье с востока на запад, сообщает, что Каркинитский залив

---

[63] _Латышев В. В._ Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — ЖМНП, 1887, январь, ч. CCXLIX, с. 35 (там же прочие этимологические сближения этой формы, правильно отвергаемые автором). См. так же, с купюрой Σαυΐα: _Латышев В. В._ Известия древних писателей. . . Т. I. Греческие писатели, с. 285: Anon. Periplus P. Eux. 86 (60).
[64] См. о нем: _Mayrhofer_ III, S. 449.
[65] _Фармаковский Б._ Ольвия. М., 1915, с. 21.
[66] _Pape W., Benseler G._ Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. II. Graz, 1959, S. 1483.

простирается от Прекрасной гавани до Тамираки, которая является мысом, соседствующим с востока с Бегом Ахиллеса (Anon. Periplus P. Eux. 83, 84). Этого последнего мнения, видимо, придерживаются картографы нового времени [67]. Следует, однако, отдать предпочтение более ранним авторам — Страбону (I в. н. э.) и Птолемею (II в. н. э.). У первого из них Ταμυράκη понимается как название всего залива между Северо-Западным Крымом и материком: что касается Птолемея, то он точно указывает место Тамираки между Прекрасной гаванью и рекой Каркинит, а современные исследователи локализуют оба эти объекта в Крыму [68]. Таким образом, Тамирака оказывается в какой-то части Тарханкутского полуострова. Эти противоречия и достопримечательные блуждания топонима Ταμυράκη, возможно, говорят о том, что он относился не столько к конкретному пункту, сколько к побережью в целом.

В поисках объяснения этого загадочного до сих пор для нашей науки названия мы обратили внимание на Λιμυρική, название южной части побережья Западной Индии (Anon. Periplus m. Erythr.[69]). Едва ли форма *Dimirice*[70] более авторитетна или, тем более, связана с этнонимом *Tamil*[71]. Античным путешественникам было известно, что Λιμυρική непосредственно граничила с Берегом пиратов (ἀνδρῶν πειρατῶν)[72]. Греческая запись Λιμυρική в Индии может отражать древнеиндийскую форму прилагательного с суф. *-ika-*, а северопонтийское Ταμυράκη, видимо, содержит суф. *-aka-*. Идя далее от форманта к корню, мы наблюдаем в обоих названиях явно повторяющееся *-mur-*, которое можно попытаться на этом основании, во-первых, выделить как самостоятельный лексический корень, а во-вторых, отождествить его с корнем др.-инд. *ā-múr-* 'похищающий', *abhi-pra-múr-* (Ригведа) 'хватающий', производные от глагола *mṛṇāti* 'похищать, грабить, хватать'[73]. Конечно, при этом нужно решить вопрос о начале слова Λιμυρική (или его первом компоненте). Ответ следует искать в известных данных о словопроизводном гнезде упомянутого глагола *mṛṇāti*, от которого существует видоизмененное производное *malímlúḥ* 'разбойник, вор'[74]. Кажется возможным предположить происхождение Λιμυρική < **mali-mur-ika-* 'разбойничий'; начало слова затем подверглось изменению, но, может быть, след его сохранился в более позднем названии этого побережья — *Malabar?* Это послед-

---

[67] *Spruner K. — Menke Th.* Atlas antiquus. Gothae, MDCCCLXV, [карта] XXIV; *Кулаковский* Ю. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899.

[68] *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 4—5 (Калос Лимен — в Ак-Мечетской, ныне Черноморской бухте); так называемую реку Каркинит автор видит в длинном озере Донузлав (с. 22).

[69] *Pape-Benseler.* Op. cit., Bd. II, S. 806.

[70] Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica, ed. M. Pinder et G. Parthey. Berolini, 1860, S. 14.

[71] *Kiepert H.* Lehrbuch der alten Geographie. Berlin, 1878, S. 41.

[72] *Lassen Chr.* Indische Altertumskunde, Bd. I, S. 185, 188.

[73] *Mayrhofer* II, S. 673.

[74] Там же, с. 599.

нее обычно связывают с тамильск. *malai* 'гора', но более древней представляется здесь традиция названия 'Пиратский берег'. На этом мы можем возвратиться к 'Пиратскому берегу' в более близких к нам местах — в Северо-Западный Крым. Одновременно открывается возможность поэтапного словообразовательного анализа нашего названия Ταμυράκη, тем более, что существующие немногие попытки чисто корневой этимологизации не удовлетворяют [75]. Ταμυράκη, очевидно, произведено с суф. прилагательного *-aka-* от уже упомянутого **mur-* 'похищающий'; начальный слог Τα- является остатком первого компонента-дополнения ('что похищающий'?), ср. др.-инд. *tanū́-* 'тело, личность, человек'. Следовательно, в основе Ταμυράκη лежит потенциально индоар. **tanŭ-mur-* 'похититель людей' (сложение типа др.-инд. *tanū-pā-* 'защищающий людей'), т. е. 'пират-работорговец', а все название Ταμυράκη реконструируется как **tanŭ-mur-aka-* 'пиратский', с вероятной синкопой среднего слога. Существование на Черном море в античную эпоху пиратства и работорговли известно. Морским разбоем активно промышляли и тавры [76] и, видимо, родственные им сатархи [77]. Нас в данном случае интересуют именно эти последние, поскольку они занимали прибрежную зону на Севере Крыма, в том числе, вероятно, и Ταμυράκη, и, кроме того, об их пиратстве, по-видимому, в этим местах, свидетельствуют эпиграфический документ: 'Αχιλλεῖ νήσου [μεδέοντι] Ποσίδεος Ποσι[δέου τοὺς] Σαταρχαίους [νικήσας] πειρατεύσαντ[ας ἀνέθηκεν?] 'Ахиллу, владыке острова (Левке), Посидей, сын Посидея, победивший пиратствовавших сатархеев, воздвиг' [78]. Кроме этой посвятительной надписи, найденной в Неаполе Скифском (окраина нынешнего Симферополя), столице позднескифского царства, Посидею Посидееву принадлежит еще одна надпись — в Ольвии: ['Αφρο]δίτηι Εὐπλοίαι [Ποσ]ίδεος Ποσιδείου Χαριστήριον 'Афродите, покровительнице мореплавателей, Посидей, сын Посидея, благодарение' [79]. Посидей — грек, командовавший, видимо, военно-морскими силами Скифии (ср. особо усердное почитание им морских божеств). Это было время (II в. до н. э.), когда Ольвия подпала под власть крымской Скифии. Нормальной коммерции Ольвии и общению с Неаполем Скифским докучали «пиратствовавшие сатархеи», наносившие удары из опас-

---

[75] *Marquart J.* — Keleti Szemle XI. Budapest, 1910, S. 5: сближает *Temarunda* и Ταμυρ-άκη с др.-инд. *tắmas-* 'мрак', авест. *təmah-*, 'др.-инд. *tamis-ra-* 'темнота', ир. **tamah-ra-*; ср. по этому поводу: *Vasmer M.* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland. — In: *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Bd. I. Berlin — Wiesbaden, 1971, S. 163. См. еще: *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 161.

[76] *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: тавры. — ВДИ 1949, № 4, с. 80.

[77] *Ростовцев М. И.* — Записки имп. Одесского общества истории и древностей, 1915, т. XXXII, с. 60, сн. 3; *Он же.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 47.

[78] *Latyschev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, V. I. Изд. 2. Petropoli, MCMXVI, p. 507 (N 672).

[79] Там же, с. 182 (№ 168).

ного мелководного Каркинитского, или Тамиракского залива. Судя по перфектной форме причастия πειρατεύσαντας 'пиратствовавших (сатархеев)', Посидей основательно разделался с ними.

10. **tvak-* '(кожаный) щит'

Неподалеку от Судака находятся приморские селения Ускут и Туак, после войны решительно переименованные соответственно — в Приветное и Рыбачье, хотя ни одно, ни другое название не имеет тюркской этимологии. Их относительная близость на местности отражает связь их происхождения. Средствами разных языков оба названия передают одну и ту же семантику. Начнем с менее древнего из них. *Ускут* (или *Ускют*) есть тюркизированная форма итал. *Scuto*, ср. casale de lo Scuto, Scutti в средневековых итальянских документах, а также на картах [80]. Ит. *scuto* значит 'щит'. Это же значение мы предполагаем у другого названия — *Туак*, первоначально **Твак*, в основе которого, по-видимому, лежало субстратное индоарийское слово **tvak-* '(кожаный) щит', ср. др.-инд. *tvák-* 'кожа, шкура', сближаемое с греч. σάκος 'щит' (**tvakos*) [81]. Старые записи путешественника помогут нам понять природу такого наименования: «В 50 минутах от Кучук-Юзеня находится немалая деревня Тувак, на долине окруженной садами и орошаемой быстрым ручьем. . . Чрез 2 часа и 25 минут мы увидели с высоты, в глубоком долу, рассеянной Юшкют, обширнейший из всех приморских селений, в котором щитают до 70 дворов. Две окружающие его высокие горы представляют на высотах стоячие, свислые и безобразные каменья, . . . а Юшкют, заключаясь между ими как в ящике, кажет на низу в противоположность дикости веселые предметы» [82].

11. Кто такие были Τυκανδειται?

Одна пантикапейская надгробная надпись I в. н. э., найденная в Керчи, гласит: Δαμᾶς Γαΐου στρατηγὸς Τυκανδειτῶν, χαῖρε 'Дама, сын Гая, стратег тикандитов, прощай' [83]. По свидетельству издателей «Корпуса боспорских надписей», «название это не встречается ни в других боспорских надписях, ни в литературных источниках. Кто были эти тикандиты, остается неясным» [84]. Оче-

---

[80] *Braun F.* Die letzten Schicksale der Krimgoten. St. Pb., 1890, S. 25; Извлечение из сочинения В. Гейда «История торговли Востока в средние века». Перевод Л. П. Колли. — Изв. Таврической ученой архивной комиссии № 52. Симферополь, 1915, с. 129, сноска 3.

[81] *Mayrhofer* I, S. 537.

[82] *Сумароков П.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду, ч. 2. СПб., 1805, с. 214.

[83] *Latyschev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, V. IV. Petropoli, MDCCCCI, p. 174; Корпус боспорских надписей. Отв. ред. Струве В. В. М.—Л., 1965, с. 254 (№ 382).

[84] Корпус боспорских надписей, с. 254 (№ 382).

видно, впрочем, что Τυκανδειται (засвидетельствован только gen. pl. Τυκανδειτῶν) — это греческий этникон регулярного вида (с суф. -ειτης, мн. -ειται), что естественно для официального Боспора и его эпиграфики. Можно в связи с этим утверждать, что этникон, т. е. название жителей по месту, произведен от некоего топонима, возможно, названия селения или города *Τυκανδα; в словаре Стефана Византийского мы найдем достаточно примеров таких этниконов от местных названий: Κοροκονδαμίτης, Ταναίτης и т. д. Но ни там и нигде больше мы не встречаем топонима *Τυκανδα. Его негреческий вид бросается в глаза. Вряд ли воинский контингент тикандитов, которым командовал покойный боспорский стратег, был откуда-то издалека. На Боспоре широко прибегали к услугам наемников и главным источником этих ресурсов был азиатский Боспор, меотское Приазовье. Обратившись поэтому к синдомеотской части Боспорского царства и опираясь на некоторый опыт своих предыдущих поисков, мы проверяем одновременно данные из древней Северо-Западной Индии и действительно находим там нечто заслуживающее внимания: Ohind, стар. Utakhanda или Ut-khand, с греческой калькой времен походов Александра Македонского в Индию — Ekbolima, лат. Ecbolima (Curtii Vit. Alex. VIII. 12). Авторитет в древней географии Индии Каннингем пишет: «Следует, однако, помнить, что Embolima [Arr. Anab. IV, 28. — *О. Т.*] или Ekbolima — это всего-навсего чисто греческое название, передающее положение места при впадении реки Кабул в Инд, где оно и помещено Птолемеем. В этом случае вероятность тождества Ohind особенно сильна»[85]. Генерал Каннингем не был лингвистом, но его идентификация верна. Греч. ἐκ-βολιμα — производное от глагола ἐκβάλλω в значении 'пускать ростки', т. е. значило 'отросток' и было использовано для буквальной передачи-перевода др.-инд. *ut-kāṇḍa*, *ud-kāṇḍa* с тем же значением, префиксального сложения *kā́ṇḍa* 'стебель, ствол'[86] (вариант с придыхательным вторичен здесь и в топонимии и в лексике[87]). Короче говоря, мы склоняемся к мысли, что в боспорском *Τυκανδα отражено местное индоарийское, синдомеотское **Utkanda* (затруднительность группы *tk* для греков привела к метатезе в греческой передаче), которое значило, в полном соответствии с функцией выделительной приставки *ud-* ('вы-, из-'), — 'отросток, ответвление'.

Возникает естественный вопрос, где следует локализовать древний топоним *Τυκανδα/**Utkanda*? Думаем, что единственным местом для этого может считаться нынешний город Славянск-на-Кубани, называвшийся прежде Копыль, расположенный при ответвлении реки Протоки от Кубани. Историческое название *Копыль* отражено главным образом в средневековых итальян-

---

[85] *Cunningham A.* The ancient geography of India, New enlarged edition. Varanasi, 1975, p. 48.
[86] *Monier-Williams*, p. 269.
[87] Ср. *Mayrhofer* I, S. 197.

ских документах в форме *copa*, *locopa*, *Copario* [88]. Необходимо уточнить, что итальянские формы — это всего лишь приблизительные записи древней русской формы *Копыль*, которая имеет надежную базу в русских диалектах (*копы́л*, *копы́ло́*, *копыло́к*, *копы́ль*, *копы́лье*, основное значение — 'стояк разного назначения'), бесспорно праславянское происхождение (**kop-ylъ/ь*: **kopati*) и соответствия в других славянских языках и диалектах, которые, собственно, и помогают установить первоначальное значение слова: 'боковой отросток' (ср. болг. диал. *ко́пиле* 'побочный початок кукурузы', *ко́пило* 'отросток кукурузы, который вырывается'). Данное уточнение весьма существенно, так как оно постулирует древность русской формы *Копыль* 'ветка, отросток (здесь — об ответвлении реки)', а также, что особенно интересно, семантическое тождество др.-рус. **Копыль* и индоар. (синдомеот.) **Utkanda*, а в плане историческом — преемственную встречу обоих этносов в этом районе.

[88] *Брун Ф. К.* О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки. — Труды I археологического съезда в Москве. 1869, II. М., 1871, с. 385.

Вяч. Вс. Иванов

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ 15а, 18а, 19а, 20—24

15а. Еще к этимологии хетт. *arma-* 'луна' и *irman-* 'болезнь'.

Предположенное в одной из предшествующих публикаций настоящей серии (в заметке 15) сопоставление хетт. *arma-* 'луна, месяц' с др.-исл. *ár-tali* 'месяц'='считающий годы' может быть истолковано либо (что предлагалось автором ранее) как генетическое (в этом случае, однако, известные трудности вызывает долгота гласного в других индоевропейских языках [1]), либо как чисто типологическое, дополнительно подчеркивающее роль измерения

[1] На это обстоятельство, как и на возможность сближения хетт. *arma-* с русск. *ярмо* (ср. ниже), мое внимание при обсуждении предшествующего сообщения обратил О. Н. Трубачев, которому приношу благодарность. Относительно предыстории индоевропейской группы слов, к которой возводится др.-исл. *ár* 'год', ср.: *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (*l—ǯ*). Указатели. М., 1976, с. 83—85; *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 181—184, 215. Формы типа авест. *ayar* (при *yār*), как и брет. *iar*, могли бы указывать на позднейшую факультативность долготы, что облегчило бы сравнение с анатолийской формой, в которой нет следов ларингального перед *-r* (для предположения ступени растяжения в других диалектах нет оснований).

для названия месяца, очевидную и в производных от *meH- в других диалектах. В свете этого типологического сближения представляется возможным предположить этимологическое отождествление хетт. *arma-* 'месяц' прежде всего с тох. В *yärm* 'мера', др.-исл. *rīm* 'счет', др.-ирл. *rīm* 'число', а также др.-греч. ἁρμός 'связь' (при ἀριθμός 'число, счет')[2] гом. ἁρμόζω 'прилаживать, пригонять (перекладины одну к другой), сколотить', ст.-слав. ıарьмъ, рус. *ярмо*, лат. *arma* 'оружие, снаряжение, защита, опора'. В таком случае высказанная еще Гетце гипотеза о суффиксальном характере *-ma-*[3] в хетт. *arma-* окажется доказанной.

Однако остается выяснить возможность связи этого анатолийского названия 'луны, месяца' с обозначением 'болезни': хетт. *irman*, др.-хетт. *erman*, *irmala(nt)-* 'больной', которое представляется родственным названию беды, несчастья — в др.-герм. **armaz* 'бедный, несчастный, нецелый, нездоровый' (антоним др.-герм. **haila-* >др.-исл. *heill* 'здоровый, целый'), относящемся к людям (как и хеттские слова со сходным значением), др.-инд. *armaka-* 'развалины' (Ригведа, I, 133, 3), относящемся к поселению [4]. Промежуточным семантическим звеном между хетт. *arma-* 'месяц' и *irmala-* 'больной' можно было бы считать архаическое производное от первого существительного с суф. *-aḫḫ- armaḫḫ-* 'заболеть' (в древних текстах спряжение на *-ḫi* в отличие от более поздних глаголов на *-aḫḫ-*, изменяющихся по типу на *-mi* [5]). В более общем плане обозначение 'меры, связи, лада, гармонии' (отсюда 'счета' и 'измерителя' >'месяца') **(a)rma-* можно было бы сопоставить с названием 'разлада', 'беды, неудачи' по типологическим закономерностям мифопоэтической дуалистической мысли, для которой характерно и связывание 'луны' с отрицательным рядом символов [6], и раздвоение антонимических смыслов. В таком случае, если речь идет о первоначально связанных анто-

---

[2] О других сближениях и семантике (в частности юридической) ср.: *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* О языке древнего славянского права (К анализу нескольких ключевых терминов). — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 232.

[3] *Tischler J.* Hethitisches etymologisches Glossar, Lief 1. Innsbruck, 1977, S. 62—63 (однако этимология корня у Гетце неверна).

[4] *Beck H.*, *Strunk K.* Germ. **armaz* und Vedisch *arma-*. — In: Festschrift für H. Eggers zum 65. Geburtstag, herausgegeben von H. Backes (Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur, Bd. 94, Sonderheft). Tübingen, 1972, S. 40.

[5] Ср.: *Иванов В. В.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 117; *Bader F.* La structure thématique aux présents hittites. — Revue hittite et asianique, 1975, t. XXXIII, p. 5—29; *Rosenkranz B.* Hethitisch *armaḫḫu-*. — Revue hittite et asianique, 1957, t. XV, f. 61, p. 105—106. След спряжения на *-ḫi* остается чаще всего в 3 л. ед. ч.: *Georgiev V. I.* Morphologische Untersuchungen II. Die Entstehung der ältesten indoeuropäischen Verbalsuffixe. — БЕз XXII, 2. София, 1979, с. 19.

[6] О представлениях, связанных с *arma-* в анатолийской мифологии, ср.: *Laroche E.* Divinités lunaires d'Anatolie. — Revue de l'histoire des religions, 1955, v. 148, № 1, p. 1—24; *Kümmel H. M.* Ersatzrituale für den hethitischen König (Studien zu den Boğazköy Texten. H. 3). Wiesbaden, 1967.

нимах (а не омонимах), хетт. *-ir-*, *-er-* скорее свидетельствовало бы о наличии первоначальной ступени редукции в ряде других форм корня. В пользу неслучайности связи двух омонимов-антонимов могло бы говорить их диалектное распределение в индоевропейском.

18а. Хетт. *galgal-turi*: др.-инд. *gargara-*.
19а. Хетт. *šauitra* 'рог': др.-инд. *sūtra-kaiṇa*

В предшествующей публикации из этой серии (в заметке 18) архаическое название музыкального инструмента (цимбал) хетт. *galgal-turi* рассматривалось только в связи с о.-слав. *gol-gol-iti*. Однако, поскольку для о.-слав. *golgolъ* точное соответствие обнаруживается и в др.-инд. *gargara* 'определенный музыкальный инструмент' [7], оказывается возможным и прямое сопоставление хетт. *galgal-turi* и др.-инд. *gargara*. Древнее значение этого последнего отражено в сочетании ava svarāti *gargara* (Ригведа, VIII, 58, 9) 'звучит музыкальный инструмент под названием гаргара' [8], напоминающем хеттские ритуальные формулы, в которых упоминается *galgalturi*. Несмотря на явно звукоподражательный характер этого слова, совпадение хеттского, древнеиндийского и общеславянского делает достоверной реконструкцию общеиндоевропейского «идеофона» с интенсивной редупликацией.

Представляется существенным то, что *galgalturi* не является единственным хеттским обозначением музыкального инструмента индоевропейского происхождения. К этой лексической группе принадлежит и рассматривавшееся в предшествующей публикации из данной серии (в заметке 19) хетт. *šauitra-* 'рог — музыкальный инструмент', где выделяется тот же суффикс **-tr(o)-* [9], что и в др.-инд. *sūtra-kaiṇa* 'вид барабана'.

20. Месопотам. арийск. *aika-uartanna* как архаизм индоевропейской древности

Месопотамское арийское *aika-uartanna* встречается в двух местах трактата по коневодству, написанного по-хеттски с хурритскими и арийскими специальными терминами, в одинаковых кон-

---

[7] ЭССЯ 6, с. 205 (там же предшествующая литература и те слова славянских языков, где может быть отражено близкое значение 'звучания').

[8] Ср. к интерпретации *Böhtlingk O.*, *Roth R.* Sanskrit-Wörterbuch, T. 2, Bogen 11—20; St.-Pb., 1856, S. 696; т. 7, St.-Pb., 1875, S. 1440. Значение 'струнный инструмент', 'арфа', принимавшееся Грассманом (*Grassmann H.* Wörterbuch zum Ṛg-Veda. Leipzig, 1873, S. 387) не кажется оправданным по контексту.

[9] *Oettinger N.* Šauitra- 'Horn', eine hethitische **-tro*-Bildung. — In: Hethitisch und Indogermanisch (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 25). Innsbruck, 1979, S. 197—203 (с определением суффикса как тематического в отличие от предшествующего сообщения автора, где предполагалась форма **-tr̥*). Сопоставление с др.-инд. *sūtra-* 'шнур, связь' и образованными от него названиями инструментов предполагало бы отделение этого слова от группы хетт. *išḫiia-* 'связывать', др.-инд. *syati*; к *-i-* в хетт. *šaui-tra-* при долготе *ū* в др.-инд. *sūtra-* ср. многочисленные хеттские глаголы с *-i-* при ларингальном в других формах.

текстах: nam-ma-aš 20 IKU^{HI.A} *a-i-ka-u̯a-ar-ta-an-na* pár-ḫa-i 'потом их (коней) он заставляет бежать галопом 20 'полей' одного «поворота» — «круга»' (II, 1, 17 и 22; во втором случае слова *aika u̯artanna* написаны раздельно, что показывает осознание их писцом как раздельных частей сложного целого). Вторая половина сложного слова *-u̯artanna* в том же трактате переведена хетт. *u̯aḫ-nuu̯ar* 'поворот' (от *u̯aḫnu-*, каузатив от *u̯eḫ-* 'поворачивать'). Все сложное слово в целом можно отождествить по форме с др.-инд. вед. *eka-vŕ̥t-* 'единственный' (в «Атхарваведе») и с исходной формой производного с суф. *-ta*: ассам. *eṭa-* < **eka-vr̥t-ta-*[10]. Аналогичным образом построенное др.-инд. *tri-vŕ̥t-* 'трижды повернутый', 'катящийся на трех колесах' (в «Ригведе»), формально отождествляемое (как отметил в свое время Вюст) с месопотам. арийск. *terau̯artanna-* 'три «поворота» — «круга»', находит точно такое же соответствие в форме с суф. *-ta*: др.-инд. *tri-várt-ta-*. Сопоставление с прус. *aina-wārst* 'один раз'[11] позволяет реконструировать для диалектной индоевропейской общности, включавшей во всяком случае балтийский и индо-иранский, словосложение типа *{*oi-* + суф. числительного (*-no-* в балтийском, *-ko-* в индо-арийском и месопотамском арийском, *-u̯o* в иранском)} + {*u̯e/ort-* + суф. имени (*-Ø-* или *-to-* в индо-арийском и балтийском, *-no-* в месопотамском арийском)}. Особый интерес представляет вторая основа в сложении. Для древнеиндийского коневодческое значение этого термина в сочетании с числительными установлено в самое последнее время благодаря изучению позднейших санскритских трактатов по коневодству, где упоминаются десять *āvarta* 'завитков гривы лошади'[12]. Кажется вероятным, что этот древнеиндийский

---

[10] *Ivanov V. V.* Aryen du Mitanni *aika(-)wartanna* et védique *eka-vŕ̥t*. — In: Mélanges linguistiques offerts à E. Benveniste (Collection linguistique publiée par la Société de linguistique de Paris, LXX). Paris, 1975 (там же дальнейшие индо-иранские параллели).

[11] Ср.: *Дыбо В. А.* Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. 1. Именная акцентуация. — В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974. Представляется, что баритонеза (если она не автоматически связана со словосложением) в подобных древнеиндийских производных на *-to-* (как и в некоторых других типа *sī́ta-* 'борозда', *ákta-* 'умащенный') может быть архаизмом, отражающим акцентные противопоставления в общеиндоевропейских глагольных парадигмах.

[12] *O. Flaherty A.* Contributions to an equine lexicology with special reference to frogs. — JAOS, 1978, v. 98, № 4, p. 476. Приведенная в этой статье новая сводка детальных санскритских наименований частей тела коня имеет большое значение для доказательства, во-первых, индоевропейского значения некоторых слов (ср. др.-инд. *manyā* 'край уха лошади', др.-в.-нем. *mana* 'грива', лат. *monīle* 'ожерелье, конская грива' при первом значении в ст.-слав. монисто, месопотам. арийск. *mani-nni* 'ожерелье', известном в хурритизированной форме с артиклем *-ni* из хеттских текстов, ср.: *Mayrhofer M.* Ein neuer Beleg zu der indogermanischen Sippe für «Halsschmuck». — In: Antiquitates Indogermanicae. Innsbruck, 1974, S. 289—291; *Košak S.* The inventory of Maninni. — Linguistica, 1978, v. XVIII, p. 107), во-вторых, для обнаружения целого ряда специальных сходств арийской и балто-славянской коневодческой терминологии (в дополнение к давно уже установленным в индоевропейской лингвистической географии типам

коневодческий термин отражает специализацию (по отношению к подготовке коня к праздничным скачкам, когда ему особым образом расчесывали гриву) того общеарийского термина, который в иранском отражен в осет. *æwwærdyn* 'тренировать, готовить лошадь к скачкам'[13] и в собственном имени: **Vart(a)-aspa* (др.-иран. *Ú-MAR-TA-AS-PA* в поздневавилонском тексте PBS 2/1, 70 Lo E, Ниппур, 421—420 гг. до н. э.[14]), буквально 'поворачивающий или тренирующий коня'.

В свете этих бесспорных иранских параллелей особый интерес представляет то, что именно в древнеиранской традиции находится точный аналог другому месопотамскому арийскому сложению с числительным (обозначающим нечетное число), такому же, что и *aikau̯artanna*, *terau̯artanna*: месопотам. арийск. *na(u̯a)-u̯artanna* 'девять «поворотов» — «кругов»'. При описании в «Авесте» (Yašt 5,50) состязания на колесницах, запряженных конями, царя Хаосраваха и Нереманаха описывается, как первый проскакал по дороге, состоящей из *nava.fravwrsam* '*rzuram* 'девяти кругов леса'. Сопоставив это место с описанием скифского Ахиллесова ристалища (δρόμος), «покрытого густым лесом разной породы деревьев», у Геродота (IV, 76), Р. Хаушильд пришел к выводу, что в «Авесте» речь идет о длинной беговой дорожке в «девять кругов», обсаженных палисадом[15]. Не подлежит сомнению, что авест. *nava. fravwrsam* ('*rzuram*) с точностью до префикса (*fra-* < **pro*) совпадает с месопотам. арийск. *na*(*u̯a*)-*u̯art-*. В таком случае в авестийском тексте можно видеть ключ к тому, что означали архаические арийские сочетания числительных с производными от основы **u̯ert-*: речь шла о счете определенных интервалов между столбами «палисада», которыми была обсажена беговая дорожка на ристалище.

———

названий некоторых конских мастей, см.: *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 247), ср. др.-инд. *grīvā* 'грива на шее коня', русск. *грива* и т. п. (слово и ранее отмечалось как арийско-балто-славянская изоглосса, но без указания на связь с коневодством, см.: Там же, а также с 255); др.-инд. *muṣkau* 'testicles' (о коне, буквально 'две мыши'), ср. семантически преобразованное отражение того же исконно коневодческого сочетания в русском фразеологическом единстве *мышиный жеребчик* (подробному рассмотрению этого и некоторых других сопоставлений славянской и арийской коневодческой терминологии автор посвящает отдельную работу).

13 *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь, под ред. и с доп. А. А. Фреймана, т. 1. Л., 1927, с. 233; *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1. М.—Л., 1958, с. 216; *Bailey H. W.* A problem of the Indo-Iranian vocabulary. — RO, 1957, t. XXI, p. 64.

14 *Zadok R.* Iranian names in Late Babylonian documents. — Indo-Iranian Journal, 1975, v. XVII, № 3/4, p. 247) (другие индо-иранские соответствия в этой статье не приведены).

15 *Hauschild R.* Die Tirade von Wagenwettfahrt des Königs Haosravah und des Junker Neremanah (Yašt 5, 50). — In: Mitteilungen des Instituts für Orientsforschung, VII, H. 1. Berlin, 1959, S. 43. К символике числа '9' в этом и других сходных текстах ср.: *Довгяло Г. И.* Становление идеологии раннеклассового общества (на материале хеттских клинописных текстов). Минск, 1980.

Поэтому особый интерес представляет давно уже предложенное отождествление прус. *-wārst* в *ainawārst* (восходящем к тому же индоевропейскому прототипу, что и месопотам. арийск. *aika-uartanna* и формально соответствующем др.-инд. *vārt-ta-*) с лит. *var̃stas* 'расстояние, пропахиваемое за один раз', оск.-умбр. *vorsus* 'мера пашни, оборот', лат. *versus*[16] (к семантике ср. параллель в рус. диал. *гон* 'расстояние, которое пахарь проходит, не поворачивая плуга', с.-хорв. *гȍн* 'расстояние, пробегаемое лошадью за один раз', ср. рус. *гнать* лошадей). К этой группе слов (первоначально обозначавшей скорее всего пахоту на быках с позднейшим переносом на коней) принадлежит и др.-рус. *вьрста*, *връста*, *верста* 'ряд, мера длины или пространства'[17] (оба значения отражены и в ст.-серб. *вр̑ста* 'ряд, мера'). Представляется, что в значении древнерусского (и позднейшего русского) слова соединялось значение расстояния, пробегаемого лошадью, и верстового столба («палисада» вдоль дороги, как в авестийском), которым это расстояние отмерялось. Одна из любопытных особенностей древнерусского измерения длины, хорошо всем известная и по русской литературе XIX в., описывающей столбовые версты вдоль дороги, по которой едут колесные повозки, запряженные конями, тем самым может быть возведена ко времени, предшествующему праславянскому. Свободное сочетание типа «7 верстъ» (Псковская первая летопись, 6749 г., ср. «в верстах семи мѣрных», Петр I, 1695 г.) по происхождению близко к основанному на подобном сочетании сложном слове: месопотам. арийск. *šatta-uartanna* 'семь «поворотов» или «кругов»' — «(про)гонов», если воспользоваться в расширительном смысле диалектной терминологией, приводящейся выше.

21. Еще о хетт. *ḫardu-*, лув. *ḫartu-* 'потомок': ст.-слав. родъ

Существенное открытие О. Н. Трубачева, указавшего более 20 лет назад на соответствие хетт. *ḫardu-* и ст.-слав. родъ[18], к сожалению, до сих пор не получило известности в хеттологии, где слово числится среди не имеющих этимологии[19]. Между тем семантические исследования анатолийских слов этой группы позволяют с уверенностью утверждать, что эта этимология (фонетически безупречная) теперь является несомненной. Для иероглифического лувийского выявлено достоверное чтение *hartu-* (*há* +

---

[16] *Топоров*. Прус. яз. A—D, с. 60 (там же библиография).

[17] Ср.: *Бутков П. Г.* Объяснение русских старинных мер — линейной и путевой. — Журнал Министерства Внутренних дел, 1844, № 8, с. 261; СлРЯ XI—XVII вв., 2, с. 93.

[18] *Трубачев О. Н.* К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства. — ВЯ, 1957, № 2, с. 88; *Он же.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, с. 152.

[19] *Tischler J.* Op. cit., S. 189.

ra/i+tu-sa) 'потомок'[20]; для клинописного лувийского — производное на *-att-* *ḫardu̯u̯-att* 'потомство в следующих поколениях'[21], использующееся в итеративном сочетании *ḫar-tu-u-u̯a-ḫar-tu-u̯a-ti* = *ḫartuu̯a-ḫartuu̯ati* в ритуальном контексте (ритуал Туннави IV 13), представляющем особый интерес для сопоставления с сакральным значением др.-рус. *Родъ*[22], *рожаница*, с.-хорв. *рођеница*, словен. *rojenica*. Для клинописного хеттского значение 'потомок', по-видимому, можно считать более достоверным, чем 'правнук' (ср. хетт. *ḫašša ḫanzašša* 'внуки и правнуки', соответствующее иер. лув. *hamasa*, четко отличному от иер. лув. *hartu*). Следовательно, слово по своему значению близко именно к славянскому[23]: для общеанатолийского, как и для праславянского, восстанавливается *$*Hord^h$-* применительно к обозначению 'потомства', 'порождения'.

22. Хетт. *nega-* 'сестра, дочь'

После того, как недавние открытия позволили окончательно установить значение др.-хетт. *nega-* 'сестра, дочь, младшая родственница поколения ego и поколения младше ego', оказалось возможным предположить в этом слове след более древнего термина, характерного для системы омаха-кроу (с обозначением возраста одновременно в двух поколениях), реконструируемой для общеиндоевропейского[24]. Общеанатолийская форма может быть реконструирована благодаря отождествлению хетт. *annaneka-* 'двоюродная сестра' ('младшая родственница по матери', ср. *anna-* 'мать') и лув. *anniu̯a(mi-)* с тем же значением, что указывает на обычное для лувийского исчезновение $*\hat{g}^h$- и развитие интервокального глайда: анат. $*ne\hat{g}^h o$- > $*ne(\underset{\frown}{i})o$ > $*ni\underset{\frown}{i}a$- (ср. $*d^h e\hat{g}^h om$ 'земля' > лув. *tii̯am(i)-* при хетт. *tegan* 'земля').

Уже приходилось отмечать вероятность сопоставления хетт. *nega-* с негидал. *нэхӣ(н)* 'младшая сестра; младший брат = млад-

---

[20] *Hawkins J. D., Morpurgo-Davies A., Neumann G.* Hittite hieroglyphs and Luwian: new evidence for the connection. — In: Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse, Jahrgang, 1973, N 6, Göttingen, 1974, S. 148. В списке имен родства слово *hartu* 'потомок' идет последним после конкретных обозначений потомства, например, в надписи из Мараша: *Meriggi P.* Manuale di eteo geroglifico, parte II: Testi — 1ª serie. I. Testi neo-etei piu o meno completi. Roma, 1967, p. 130 (fr. 1, g) и др.

[21] *Laroche E.* Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, p. 43 (ср. там же о форме им. п. мн. ч. [*ḫ*]*artuwattinzi* 'потомки').

[22] *Комарович В. Л.* Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. — ТОДЛ, т. XVI. М.—Л., 1960.

[23] По этой причине, как и по фонетическим критериям (отсутствие *h-* в армянском), принимавшееся вслед за Педерсеном сопоставление с арм. *ordi* 'сын' кажется менее обязательным.

[24] *Иванов В. В.* Из этимологических наблюдений над балтийской лексикой. — ZfSl 1974, Bd. XIX, 2 (Beiträge zur Baltistik), S. 192—195; *Он же.* К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений. — Труды по знаковым системам, 8. Тарту, 1977, с. 58, примеч. 41 (там же библиография).

ший сиблинг'[25]. Для тунгусских языков с достаточным вероятием восстанавливается значение 'младший сиблинг' (ср. эвенк. *nekū-n* 'младший брат, сестра', солон. *nexū*, эвен. *nō₀* 'младший брат или сестра; двоюродный брат или сестра по материнский линии, младше говорящего', негидал. *nəxū* с теми же значениями, ороч. *neku*, ульч. *neku*, нан. *neu*). Специализированное значение чжурчж. *niēh-hûn-wen* 'младшая сестра' (при маньчж. *non* 'младшая сестра', 'младшая двоюродная сестра', мн. ч. *no-ta* с суф. *-ta*, характерным для имен родства[26]) может быть архаизмом, поддержанным наличием в тех же языках инновации — монгольского заимствования, приобретшего в этих языках коррелятивное значение 'младший брат' (чжурчж. *tèu-wûh-wēn*, маньчж. *deo*, мн.ч. *deote* при исходном монг. *degün* 'младший брат или сестра'). Фонетическое и семантическое соответствие хетт. *nega-* < и. е. **neĝʰo-* и тунгусо-маньчжурского слова представляется возможным, хотя ряд проблем (в особенности характер начального сонанта и интервокального согласного) требует специального решения.

Гипотеза о ностратическом происхождении этого имени родства делается особенно вероятной благодаря установленной Б. Чопом возможности этимологического отождествления хетт. *nega-* и урал. **ńiŋä* 'женщина, молодая женщина'[27] (саам. *njiŋŋa-lâs* 'женщина, самочка', морд. *ńi* 'жена, супруга', мар. *nö* 'женщина'; венг. *nö*, *né* 'супруга; взрослая женщина, женушка', манс. *nī* 'женщина', хант. *ne(ŋ)* ~ *ni*[28]) при сохранении древнего значения в самодийском: ненец. *ńē* 'жена, молодая женщина' и др., где в особенности существенны производные, семантически и фонетически весьма близкие к хеттским.[29] Остается выяснить возможности на-

---

[25] *Иванов В. В.* Рец. на кн.: *В. М. Иллич-Свитыч.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). Сравнительный словарь (*l* — *ʒ́*). Указатели. — В кн.: Этимология 1977. М., 1979. В негидальской транскрипции следую статье: *Мыльникова К. М., Цинциус В. И.* Материалы по исследованию негидальского языка. — В кн.: Тунгусский сборник. 1. Л., 1931, с. 150.

[26] *Haenisch E.* Mandschu-Grammatik mit Lesestücken und 23 Textafeln. Leipzig, 1961, S. 41. См. обо всех тунгусо-маньчжурских словах этой группы: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю, т. 1. А — Н. Л., 1975, с. 617—618, ср. с. 217 о названии 'младшего брата'. Слова типа маньчж. *non*, образованные от той же праформы, могут быть свидетельством в пользу возможной вторичности и лув. *nana* 'брат', внешне с ним совпадающего.

[27] *Čop B.* Indogermanisch-Anatolisch und Uralisch. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979, S. 21.

[28] Отмеченное В. Штейницем аномальное чередование *e* ~ *i*, возможно, относимое в этом слове к прахантыйскому (*Steinitz W.* Geschichte der Ostjakischen Vokalismus. Berlin, 1950, S. 108—109), может быть архаизмом, отражающим след **i* (> *e*), как и рассмотренное выше соотношение хетт. *e*: лув. *i* в этом слове (где лув. niịa < **ńiŋa* не обязательно через **e*!), но при современном состоянии разработанности ностратической сравнительной фонологии древними можно признать только те явления, которые никак нельзя вывести из развития в диалектах.

[29] *Castrén A.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St.-Pb., 1855, S. 20, 278 u. a.

личия следов того же слова в других ностратических языках, кроме индоевропейских, алтайских и уральских.

23. Хетт. *lupanni* 'шапка, диадема': ст.-слав. лъбънъ

Основа *lup-* в хетт. ^{túg}*lup-anni* 'шапка, диадема'[30] (как возможно, и суффикс, если он не должен считаться постпозитивным артиклем, характерным для хурритизованных часто лувийских, а не собственно хеттских имен существительных новохеттского времени) представляется возможным сопоставить со ст.-слав. лъбанъ 'χρανίου' и в особенности с с.-хорв. *лу̀бина* 'череп', словен. *lubánja* 'череп', рус. диал. (новгор.) *лыбонь* 'верхняя часть головы животного' (последнее слово со ступенью растяжения **ū* тождественно хеттскому при условии, что суффикс в последнем — не хурритского происхождения).

24. Хетт. *šakuu̯a-*: лув. *tau̯i* 'глаз'

Соответствие хетт. *šakuu̯a* 'глаза': лув. *tau̯i* 'глаз' фонетически объясняется развитием **-k-* > **-h-* > Ø в лувийском и специфическим лувийским отражением той индоевропейской фонемы, которая наличествует в качестве *š* в начале слова в хеттском и в некоторых изолированных словах других индоевропейских языков (германских, кельтском, албанском[31]: ср. хетт. *šakuu̯ai-* 'видеть'; гот. *saiƕan*, др.-исл. *sjá* 'видеть', др.-в.-нем. *sehan*, др.-англ. *sēon*, др.-фриз. *siā*; ср.-ирл. *ar-secha* 'он должен вас видеть'; хетт. *šakuišk-* 'смотреть'; алб. *shoh* 'вижу' — глагол на **-sk̂-*, длительный характер которого сохраняется в супплетивном образовании аориста) при отражении ее в качестве Ø- (начального нуля) в других диалектах: лат. *oculus*, лит. *akìs* 'глаз' при хетт. *šakuu̯a* 'глаза'. В большинстве других случаев начальное *š-* обнаруживается только в хеттском при нуле в других диалектах: хетт. *šankui-* 'ноготь', лат. *unguis*; хетт. *šamluwa-*: «др.-европ.» **a(m)blu-* 'яблоко' (сообщение в настоящей серии); хетт. *šuwai-* 'птица': лат. *auis*[32]; следы такого же соответствия хетт. *-š-*: лув. *-t-* обнаруживаются и в лув. *šau̯uidara-* 'правомерный, нормальный' при хетт. *šakuu̯aššara-*; лув. *ḫuitu̯ali-* 'живой': хетт. *ḫuišu̯ant-*.

---

[30] *Kümmel H. M.* Op. cit., S. 30, 136; *Košak S.* Op. cit., p. 100—107, ср. в том же тексте хеттского инвентаря наряду с явно хурритизованными формами типа *mannini* 'ожерелье' (арийское заимствование) и такие формы как (лув.?) *arma-nni* 'полумесяц', допускающие, как и *lupanni-*, двоякое толкование (заимствование из арийского и в данном случае не полностью исключено, но мало вероятно ввиду отсутствия родственных форм с *u* в словах других индо-иранских диалектов).

[31] Это исключает предложенное недавно объяснение хеттского и лувийского развития палатализацией начального ларингального: *Josephson F.* Assibilation in Anatolien. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979, S. 101 (там же, S. 94, не учтена бесспорная связь слова с хетт. *šakui-* 'источник', подтверждаемая типологическими параллелями).

[32] *Josephson F.* Op. cit., p. 100.

В. Н. Топоров

ВЕДИЙСКОЕ *ṚTÁ-*: К СООТНОШЕНИЮ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ И ЭТИМОЛОГИИ

Вопрос, сформулированный в заголовке, отсылает нас к более общей проблеме соотношения «исторического» и «логического», если пользоваться терминологией гегелианской традиции, или — более конкретно — «диахронического» и «синхронического», согласно словоупотреблению Ф. де Соссюра, усвоенному современной наукой. В частности, речь идет о той типичной для этимологических исследований ситуации, когда смысловая структура слова известна и может быть проверена или на материале современного языка или на материале достаточного количества диагностически существенных старых текстов (случай ведийского *ṛtá-*), а дифференцированная этимология слова остается неясной (или не вполне ясной) в том отношении, что исследователь н е з н а е т т о ч н о, к а к о е и з з н а ч е н и й с л о в а (реально представленное или реконструированное) «з а м ы к а е т» э т и м о л о г и ю, делая ее законченной, дифференцированной и однозначной. Иначе говоря, неясность состоит в отсутствии или незнании критериев, которые позволили бы построить оптимальную цепочку смысловых переходов, соединяющих д а н н у ю смысловую структуру с т о й и с к о м о й, которая объясняет этимологию исследуемого слова.

Применительно к этимологии крайняя позиция в оценке соотношения «диахронического» и «синхронического» связана с утверждением, что этимология н и ч е г о не объясняет в значении (семантике) данного слова и — тем более — в функциях того, что этим словом обозначается. В известной степени эта крайняя позиция одновременно является и наиболее распространенной и авторитетной [1]. Тем не менее, теоретически она верна лишь в том

---

[1] Ср., в частности, в связи с рассматриваемой в настоящей статье темой: «Since from the point of view of an historian of religion such an Aryan figure as *Ṛta/Aša* can be studied as an entity in its own right, comparable with Greek *Thémis* and Egyptian *Ma-a-t*, the hotly disputed question as to how *ṛta* should be translated in a modern European language would seem to be of little relevance to the archaic religion itself. . . Since the results of modern research do not seem to contradict the working hypothesis that archaic religions have a systematic character, t h e p r o p e r o b j e c t o f r e s e a r c h i s t h e t o t a l s y s t e m a n d t h e f u n c t i o n o f a c e r t a i n e n t i t y i n i t (разрядка наша. — *В. Т.*). For such a study the e t y m o l o g y o f a n a m e i s i n t h e m a j o r i t y o f c a s e s o f l i t t l e h e l p, just as the etymology of the name Christ explains next to nothing of what He stands for, either in Christian theology or in the mind of the believer. Agni, for instance, is no doubt a central figure in the Vedic pantheon but our knowledge that the appellative noun *agní* means fire does not explain the importance attached to God Agni, nor his particular functions and qualities, such as his wisdom. . . It is necessary to stress that a methodological approach which starts from the meaning fire and then tries. in an

смысле, что, действительно, слово данной этимологии, поступив в распоряжение высших (или просто иных) системообразующих инстанций, может не только предельно далеко выйти за пределы первоначальной системы, определившей семантическую мотивировку слова и тем самым утратить связь со своей «этимологией», но и вовлечься в систему связей, которая п р о т и в о п о л о ж н а той, что объясняет этимологию данного слова. Тем более это относится не к словам, а к тому, что ими обозначается, — мифологическим или иным реалиям. Забыть об этом, значит, впасть в грех «реализма» и метафизичности, попасть в порочный круг механических экстраполяций, не учитывающих сдвигов развития при трансляции «культурных моделей» (cultural patterns) из одной системы в другую. Но и пренебрежение попытками определения связей между «историческим» и «логическим», resp. «этимологическим» и «синхронно-семантическим» (смысловая структура в ее актуальном и операционном аспектах) тоже грех против идеи целостности и единства, ведущий к изоляционизму. Отсюда — необходимость исследования подобных связей в принципиальном и общем плане [2]. Установление связей этого рода позволяет открыть новую (или существенно увеличить старую) информацию как об э т и м о л о г и и данного слова по его смысловой структуре, так и наоборот — уточнить и объяснить последнюю на основании этимологии. Из этой ситуации можно сделать вывод о возможности наличия в смысловой структуре слова некоего измерения (хотя бы потенциального), соотнесенного с «историческим», т. е. с этимологией этого слова. Иначе говоря, возникает проблема операционной связи «исторического» и «логического», понимаемая, во-первых, как проблема интериоризации одного в другом и, во-вторых, как проблема конкретной «исторической» детерминированности даже тех элементов, которые давно стали единицами и материалом других систем, реципиентами иных импульсов и тенденций.

В первом приближении эти идеи были сформулированы несколько раньше в тезисе, определяющем указанные зависимости через постулирование связи между этимологическими решениями данного слова и присутствием в его семантической структуре соот-

---

accumulative way, to explain the various aspects of the god from this basic idea would lead nowhere: most likely, the starting point would induce the student to overlook some of the fundamental aspects» (*Kuiper F. B. J. Ahura Mazdā* 'Lord Wisdom?' — Indo-Iranian Journal, 1976, v. 18, p. 26—27).

[2] Само наличие этих связей не противоречит ранее приведенному тезису о независимости «синхронно-функционального» от «исторического». Прежде всего принципиально важна сама возможность таких связей, хотя бы в ч а с т и случаев. Кроме того, есть основания думать о двух типах (тенденциях) семантической организации слова, один из которых ориентирован на предельное забвение собственных истоков и легкую включаемость в систему иных связей (внешних по отношению к исходному ядру), а другой — на максимальное использование унаследованной системы смыслов, постоянное обращение к ним, их оживление и развитие. Соответственно можно говорить и о двух типах текстов. Во всяком случае несомненна гетерогенность семантических тенденций в языке.

ветствующих смыслов (языковых и надъязыковых — мотивных, сюжетных, символических и т. п.)[3]. Сам этот тезис возник как результат анализа ряда слов «сгущенной» семантики, входящих в особого типа сакрализованные и (обычно) закрытые тексты, которые сами «предлагают» все возможные семантические мотивировки. Благодаря таким случаям проблема «многозначной» этимологии (или «полиэтимологических» слов, если взять иной ракурс) впервые может быть истолкована не как печальная необходимость, а как следствие некоторых принципиальных и неотъемлемых характеристик самого слова[4]. Можно пойти еще дальше и не только признать «полиэтимологичность» определенных слов как воплощение некоего принципа, но и утверждать, что все этимологии данного слова исчерпывают его этимологическую проблематику лишь в том смысле, что они отвечают на все вопросы, которые можно предъявить данному слову только в данных текстах. Вообще же потенциальная бесконечность этимологических решений данного слова связана с такой же потенциальной бесконечностью значений слова, также отражающей и воплощающей один из важнейших принципов языка как знаковой системы. Если бы слово исчерпывалось жесткой схемой заданных смыслов (например, словарными значениями), его моделирующая функция была бы серьезно скомпрометирована, аспект экономии нарушен, потенции слова, направленные на будущее (новое), сведены к минимуму[5]. На самом деле, смысловая структура слова достаточно гибка, она нередко избегает слишком четкого и однозначного определения границ между смыслами и самих смыслов; она оставляет зазоры между ними как некий резерв «неопределенностей», который и позволяет наиболее адекватно и творчески ответить на импульсы, идущие из внеположенного языку мира, и в то же время не стать элемен-

---

[3] Иное выражение той же (в принципе) зависимости — прямая связь между структурой семантической парадигмы слова (набором семем) и правилами синтагматического развертывания этой структуры в тексте (в частности, в мифопоэтическом).

[4] Тот факт, что реально далеко не все слова «полиэтимологичны», объясняется не непоследовательностью в действии языковых механизмов, а более общими принципами, в частности, принципом экономии, в свою очередь объясняемым необходимостью вхождения данного слова в другие (уже надъязыковые) системы. Обращение к языку поэзии, религии, философии (сфера «онтологической» этимологии) и соответствующим текстам убедительно демонстрирует ситуацию, когда даже самые этимологически ясные и однозначные слова (со «стопроцентной» этимологией) начинают обрастать окказиональными этимологическими решениями, которые, кстати, со временем могут и в общеязыковом употреблении пониматься как описание основных семантических зависимостей, давая тем самым специалистам материал уже для чисто «научных» этимологий. Такой переориентации особенно способствует утрата очевидности и непосредственности «основных» семантических мотивировок, приводящая к ускоренной автономизации (аналогичной фонологизации вариантов фонемы) «неподлинных» этимологий, которые приобретают статус «подлинных», «научных», «бесспорных» и т. п.

[5] Ср. ситуацию зеркального отражения мира вещей (реалий) в мире слов и отрицательные следствия из этой ситуации.

том этого мира. Ибо — «Разве вещь хозяин слова? Слово — П с и х е я. Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает как бы для жилья ту или иную предметную значимость, вещность, милое тело. И вокруг вещи слово блуждает свободно, как душа вокруг брошенного, но не забытого тела» [6]. И этой многозначной п с и х и ч н о с т и (: Психея) слова не может в принципе не соответствовать нечто аналогичное и на этимологическом горизонте. Поэтому говоря о семантической структуре слова в самом широком смысле, предполагающем, в частности, и выявление элементов, лежащих уже как бы вне языка или, по крайней мере, не имеющих по видимости прямой связи с решением чисто языковых задач [7], всегда нужно иметь в виду эту п о т е н ц и а л ь н у ю часть, которая в некоторых предельных ситуациях может вступать в полноправную и — более того — определяющую все основные смыслы игру. Эта потенциальная и до времени скрытая часть семантической структуры несет на себе отблеск «этимологического» (resp. «исторического»), и в этом смысле «этимологическая» характеристика слова отсылает к одному из действенных факторов словесной структуры вообще, хотя этот фактор и лежит в ином плане, чем, например, совокупность семем данного слова. При таком подходе вырисовывается и другой аспект проблемы — связь между этимологией данного слова (реально — семантикой этимологически связанных с данным словом лексем в родственных языках) и глубинными смыслами этого слова (и обозначаемого им понятия), которые не выступают как лексические значения слова, т. е. пребывают, если говорить о языковом уровне, в латентном состоянии. Излагаемые ниже соображения об этимологии ведийского *ṛtá-* как раз и должны прокомментировать указанные связи.

* * *

Ни концептуально, ни этимологически ведийское *ṛtá-* не составляет загадки. В к о н ц е п т у а л ь н о м плане *ṛtá-* обозначает одно из ключевых понятий древнеиндийского умозрения — универсальный космический закон, определяющий преобразование неупорядоченного (хаотического) состояния в упорядоченное (космическая организация) и обеспечивающий сохранение основных условий существования Вселенной и человека, мира вещей и мира духовных ценностей. Посредством *ṛtá-* достигается п о р я д о к круговращения Вселенной, понимаемый, если обратиться к образам и словарю другой традиции, как устранение энтропических тенденций и формирование эктропических импульсов. Поскольку этот порядок

---

[6] См. *Мандельштам О. М.* Слово и культура. — В кн.: О поэзии. Л., 1928, с. 9. Ср. там же: «Как же быть с прикреплением слова к его значению: неужели это крепостная зависимость? Ведь слово не вещь, его значимость нисколько не перевод его самого. . .»

[7] В этой области многое было сделано в трудах по философии языка. Ср., в частности: *Шпет Г. Г.* Эстетические фрагменты, II. Пг., 1923.

совпадает с истиной, то и *ṛtá-* толковалась как и с т и н а в самом широком плане (противоположность *ṛtá-* — *ánṛta-*, т. е. неупорядоченность как лишенность, неподлинность, неистинность). *Ṛtá-* неизвечна: она была установлена Адитьями, которые и продолжают охранять ее. Более всех богов с *ṛtá-* связан один из Адитьев — Варуна (или Варуна и Митра, наиболее полно моделирующие ведийский Космос в разных его аспектах). Именно Варуна контролирует соответствие между *ṛtá-* и поступками людей. Этот контроль имеет тем больший смысл, что сама *ṛtá-* не видима смертными (*ṛténa ṛtám ápihitam* 'закон сокрыт законом'. RV V, 62, 1): она определяется не извне, а из самой себя; она определяет все (даже деяния богов не более чем частные проявления *ṛtá-*), включая и самое себя. Ею регулируются движение солнца, дождь, рост растений, жизнь животных и людей, действия богов. Само понятие *ṛtá-* восходит с определенностью к индо-иранским истокам (ср. др.-перс. *arta-*, авест. *aša-*(=*ARTA*) и т. п.) и находит себе широкий круг типологических параллелей (ср. др.-греч. Δική и т. п.) [8].

В э т и м о л о г и ч е с к о м плане, если не говорить о деталях и сосредоточить внимание на источниках составных элементов этого слова, *ṛtá-* также не вызывает особых сомнений: оно образовано от и.-е. **ar-* '(при)соединять' и т. п. с помощью суф. *-tó-*=др.-инд. *-tá-* (существенна и гласная суффикса, поскольку от того же корня известны и другие образования с элементом *-t-*, ср. *ṛ-tá-*, но *ṛ-tú-* 'определенное время', 'порядок', 'правило' и *ṛ-tí-* 'способ', 'метод' и т. п., не говоря уж о словообразовательных моделях с другим суффиксальным консонантизмом) [9], причем эта словообразовательная модель (и.-е. **ar-t-*) подкреплена и довольно многочисленными и безусловно надежными параллелями в других языках: помимо др.-перс. *arta*, авест. *aša-* (также и *ratu-*, см. ниже), ср. еще др.-греч. ἀρτύς, арм. *ard* 'порядок' (Gen. Sg. *ardu*), лат. *artus* 'узкий', *ars* (Gen. Sg. *artis*), нем. *Art*, тох. А *ortune* 'дружба' и т. п. Эти и им подобные параллели как раз и сохраняют те смыслы (или позволяют реконструировать их), которые могут отсутствовать в вед. *ṛtá-* (или присутствуют в нем лишь имплицитно) как элементе языкового уровня, но р а з в е р т ы в а ю т с я (становятся эксплицитными) [10] на

[8] Подробнее о *ṛtá-* см.: *Lüders H.* Varuṇa, I—II, (Varuṇa und das Ṛta). Göttingen, 1951—1959; Schmidt H.-P. Die Begriffe *Ṛta* in Veda und *Aša* im Avesta. Wiesbaden, 1957; *Velankar H. D.* Ṛta und Satya in Ṛgveda. Summaries of Papers. Bhubaneshwar, 1959; *Renou L.* Études védiques et pāṇinnéennes, XIII—XIV. Paris, 1964—1965; *Ramakrishna G.* The Concept of *Ṛta* and the Ethical Element in Vedic Literature. — Vedanta kesari 1967, v. 54, p. 154—160; *Огибенин Б. Л.* Структура мифологических текстов Ригведы. М., 1968, с. 48—51; Ригведа. Избранные гимны. М., 1972, с. 141—142, 146—147; 304—309 и др.

[9] См. подробнее: *Mayrhofer* I, S. 122—123; *Pokorny* I, S. 56—57; *Benveniste E.* Vocabulaire des institutions indo-européennes, t. II. Paris, 1969 (Livre 5, chap. 1) и т. п.

[10] Существенное уточнение заключается в том, что эксплицитность этих смыслов является в данном случае выражением предельно благоприятной для

н а д ъ я з ы к о в о м уровне в мифопоэтической концепции космического закона, называемого *ṛtá*. Продолжая эти рассуждения, целесообразно поставить вопрос о последствиях, которые может иметь определение надъязыковых смыслов понятия *ṛtá* уже для языкового, собственно лексического уровня вед. *ṛtá-*. Когда говорят о том, что *ṛtá-* обозначает космический закон, предлагается верное, но экстенсивное определение значения, оставляющее в стороне значение — сигнификат, т. е. языковую мотивировку семантики данного слова. В этих рамках возможны уточнения, суживающие и/или дифференцирующие ситуации, в которых встречается *ṛtá-*, и, следовательно, помогающие несколько снизить экстенсивность семантических определений (ср. понимание *ṛtá-* как ʽистина' и т. п.)[11]. Тем не менее, задача исследователя семантики вед. *ṛtá-* не может считаться исчерпанной — особенно, когда речь идет о словах такого рода. Необходимо не только более точное определение смысла слова, но и непременно и н т е н с и в н о е, внутриязыковое определение значения — сигнификата, вскрывающее глубинные семантические мотивировки[12]. И вот в этом случае набор смыслов соответствующего понятия, развернутых на надъязыковом уровне, как правило, выступает как та ближайшая сфера, где может укрываться и исключительно языковое значение слова. Вед. *ṛtá-* как раз из этой категории случаев.

Но прежде чем попытаться продемонстрировать эти особенности вед. *ṛtá-*, уместно сделать несколько уточнений, опирающихся на данные внутреннего характера. С самого начала бросается в глаза сосуществование именных образований трех типов — *ṛ-tá-*, *ṛ-tú-* и *ṛ-tí-*. Этот факт существен уже хотя бы в силу того противопоставления между именами на *-tu-* и на *-ti-*, которое было установлено Бенвенистом и соотнесено им же с противопоставлением имен на *-ter* и на *-tor*[13]. Это противопоставление (*-tu-*:

исследователя ситуации. Чаще, однако, приходится иметь дело с реконструкцией смыслов, подтверждаемой внешними сравнениями и согласующейся с тем, что уже известно о понятии *ṛta*.

[11] См.: *Lüders H.* Op. cit., II, S. 420 и сл. «die Wahrheit/des Kultliedes/»): «Die folgende Untersuchung hofft zu zeigen, . . . daß dieses Substantiv *ṛtá* nur e i n e Bedeutung hat, nämlich «Wahrheit», worunter zwar auch die einfache Wahrheit im alltäglichen Sinne zu verstehen ist, darüber hinaus aber die Wahrheit als magisch wirksame kosmische Potenz, die im Mittelpunkt einer bisher nicht klar erkannten und gewürdigten gemeinarischen Weltanschauung steht» (S. 405) — с учетом возражений Г. Ольденберга против принятия этого значения, предложенного еще на рубеже 10-х годов Вакернагелем и фон Андреасом (см. *Oldenberg H.* Zur Religion und Mythologie des Veda. 1. *ṛtá-*. — NGGW 1915, S. 167—180).

[12] Не случайно, что так называемая «онтологическая» (философская) этимология, начиная (отчетливо) с Упанишад или Платона, ориентирована исключительно на такого рода слова-концепции и предполагает нахождение наиболее интенсивного (глубинно-языкового) смысла слова, который осветил бы внутренним светом и все ключевые смыслы стоящей за словом концепции.

[13] См.: *Benveniste E.* Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948, p. 87—95, 112—113. Ср.: **-tu-* dénote l'action comme subjective,

-*ti*-), реконструируемое для индоевропейского, вполне актуально и для индоиранского. Так, др.-инд. *gātú*- и *gáti*-, равно относящиеся к обозначению пути (от *gā*- 'идти'), различаются между собой в том отношении, что *gātú*- выступает как обозначение того, что позволяет субъекту идти, так сказать, «идение» как действие, порождаемое субъектом (а не самый факт «идения»), тогда как *gáti*- обозначает действие sub specie того объекта, который оно производит; иначе говоря, *gātú*- — это путь как результат «идения» идущего, а *gáti*- — путь как объект действия «идения» [14]. Сходным образом нужно трактовать и соотношение *ṛtú*- и *ṛtí*-: первое слово обозначает то, что определяется через связь с субъектом действия, кодируемого элементом *ṛ*- [15]; второе — то, что понимается как объект, порожденный действием, обозначаемым элементом *ṛ*-; т. е. *ṛtú*- отсылает к ситуации типа «Subj. & Vb. (*ṛ*-)», а *ṛtí*- — к «Vb. (*ṛ*-) & Obj.». Вместе с тем и *ṛtú*- и *ṛtí*- как отмеченные образования противопоставлены *ṛtá*- как нейтральному в том смысле, что оно специально не актуализирует ни связь с субъектом действия, ни связь с его объектом. Этой нейтральности соответствует, с одной стороны, известная широта значений этого слова, внутренняя форма которого не ограничена указанием связей с субъектом или объектом действия, а с другой — «грамматичность» самого образования *ṛtá*-, представляющего собой отглагольную (причастную) форму на -*ta*-, выражающую законченность (совершенность) действия. Встает вопрос о значении самого глагольного корня *ṛ*- (*ar*-). Когда речь идет о *ṛtá*- и его индоевропейских соответствиях, исследователи обычно исходят из и.-е. **ar*-, актуализирующего такие значения, как '(при)соединять', 'связывать', 'пригонять (друг к другу)', 'устраивать' и т. п. Собственно говоря, именно эти значения постулируются для и.-евр. **ar*- I [16] и его конкретных продолжений, ср. др.-греч. ἀραρίσκω 'соединять', 'сплачивать' ('класть вплотную'), 'смыкать', 'прилаживать', 'соответствовать', 'подходить'. Более

émanant du sujet et l'accomplissant en tant que prédestination ou disposition interne, déploiement d'une virtualité ou pratique d'une aptitude personnelle, dirigée toujours dans le même sens; *-*ti*- indique l'action objective, réalisée hors du sujet par un accomplissement fini en soi-même et sans continuité; apte à caractériser toute notion «effective» sur le plan noétique ou dans une acception concrète» (p. 113). Ср. также: *Bader F.* Emplois récessifs d'un suffixe indo-européen *-*tu*. — BSL 72, 1977, p. 73—127.

[14] Симптоматично, что именно эти критерии выступают в качестве основных в философской концепции движения Нагарджуны. (ср. «Mūlamadhyamakakārikās» II).

[15] Ср.: «*ṛtú*- note le facteur de répartition, l'élément qui sectionne pour ainsi dire une continuité ou la portion ainsi sectionnée». См.: *Renou L.* Védique *ṛtú*-. — Archiv Orientální, 1950, v. XVIII, p. 433. Ср. также: *Benveniste E.* Op. cit., p. 88 (*ṛtú*- «temps préscrit pour le culte»).

[16] Ср.: «fügen, passen, mehrfach und vielleicht ältest vom planmäßigen Aufeinanderlegen beim Holzbau (auch Steinbau?? Meringer. — IF 17, 124) und vom Aufstapeln von Hölzern, aber auch vielfach auf geistiges Zurechtlegen, Berechnen übertragen», см.: *Pokorny* I, S. 55 и еще раньше: *Persson P.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala, 1912, S. 632 и сл., 666, 741 и сл., 856.

того, подобные значения («etwa /A/ worin /L/ *hineinstecken*, *hineinsetzen*, *einfügen*» [17]) обнаруживаются и в вед. *ṛ- (ar-)*, ср. RV I, 142, 9; 164, 12, 14, 48; VI, 58, 2; IX, 86, 14, 39, 45; X, 82, 6; 170, 2. Эти значения, действительно, объясняют семантику вед. *ṛtá* как обозначения мирового п о р я д к а, чего-то о р г а н и з о в а н н о г о, с о е д и н е н н о г о, п р и л а ж е н н о г о друг к другу в своих элементах. Вместе с тем следует иметь в виду, по крайней мере, два обстоятельства, которые сильно снижают ценность только что описанной зависимости между *ṛtá-* и глагольным корнем. Дело в том, что, во-первых, указанные значения составляют ничтожное меньшинство во всей совокупности значений вед. *ṛ-(ar-)* и, во-вторых, даже эти значения в связи с указанными местами из Ригведы определены не наилучшим образом, поскольку они изолированы от основного круга значений ('приводить в движение', 'двигать', 'вздымать', 'возбуждать', 'идти', 'достигать' и т. п.) и, следовательно, лишены указания на идею д в и ж е н и я. В действительности же, именно эта идея является ведущей для подавляющего большинства словоупотреблений вед. *ṛ-(ar-)*: облака, дым, ветер, волны, вода, корабли, песня, голос, гнев, сила, боги, люди, миры «приводятся в движение», и д и н а м и ч е с к и й аспект глагола составляет основной нерв его семантики. Когда это движение направлено к определенной и конечной цели, оно может результироваться как д о с т и ж е н и е некоего состояния, устройство, прилаженность, упорядоченность, т. е. выступать уже как застывшее движение, с подчеркиванием именно с т а т и ч е с к о г о аспекта (ср. *подходить*, т. е. 'идти к. . .' (динамический аспект), при *подходить* 'соответствовать' (статический аспект)) [18]. Есть основания думать, что и глагольные соответствия в других индоевропейских языках еще хранят следы более раннего состояния, обнаруживающего связи с идеей движения (по всей видимости, целенаправленного, регулярного, контролируемого). Ср. др.-греч. ἀρτύνω 'приводить в порядок',

---

[17] Ср.: *Grassmann H.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Wiesbaden, 1955, S. 99 (ср. 'meet with', 'fall upon or into' и т. п., *Monier — Williams* 1, p. 223). Глаголы с превербами также иногда реализуют сходные значения.

[18] Ср.: sánemi cakrám ajáram v í v ā v ṛ̥ t a uttānā́yāṃ dáśa yuktā́ v a h a n t i
sūryasya cákṣu rájasa i t y ā́vṛtaṃ tasminn á r p i t ā bhúvanāni víśvā
'Вертится нестареющее колесо [scil. — солнце] вместе с ободом; везут десятеро [scil. — кони солнца], впряженные в горизонтальное [scil. — дышло];
Глаз солнца д в и ж е т с я, даже покрытый мглою.
В нем п о м е щ е н ы все существа' (RV I, 164, 14).
Характерные примеры употребления *ṛ-(ar-)* относятся к описанию насаживания колеса на ось (движение определенного рода → фиксированное состояние) или спиц на колесо, ср. др.-инд. *ará-* 'колесная спица' (:*ar-*) *aratí-*, слово с не вполне ясным значением, определяемым П. Тиме как 'Speichenkranz', 'Gesamtheit der Speichen' (см.: *Thieme P.* Untersuchungen zur Wortkunde und Auslegung des Rigveda. Halle, 1949, S. 26 и сл.). Ср. также: *Lüders H.* Op. cit. II (10. Das Ṛta unter dem Bilde des Wagens, S. 457—461).

'выстраиваться' (также 'приделывать', 'прилаживать' и т. п.), ἀρτάω, ионич. ἀρτέω 'вешать', 'привешивать', 'привязывать' (ср. ἄρσις 'поднятие', 'подъем'); арм. *yarem* 'aggiungere', 'congiungere' и даже авест. *arānte* «sie setzen sich fest, bleiben stecken» и т. п., предполагающие, по меньшей мере, движение, предшествующее описываемому в этих глаголах переходу к статическому состоянию (или уже достигнутому состоянию покоя, неподвижности).

В вед. *ṛtá-*, которое в силу стандартности своего словообразовательного типа не могло утратить связи с *ṛ-*(*ar-*), идея движения в каком-то виде должна была сохраняться уже на уровне языковой семантики (порядок как выстраивание ряда, его организация во времени и т. п.). Приняв это предположение, можно получить удовлетворительное объяснение некоторым устойчивым образам, в состав которых входит *ṛtá*. Прежде всего стоит напомнить о *ṛtá* в виде колесницы (Брихаспати восходит «на сияющую колесницу *ṛtá*», ср.: ā́... jyótiṣmantaṃ *rátham ṛtásya* tiṣṭhasi, RV II, 23, 3)[19] и о богах, выступающих как колесничие *ṛtá* (*rathī́r ṛtásya no bhava*, RV VI, 55, 1 «будь нам колесничим *ṛtá*», — обращаются к Пушану; ср. *rathī́r ṛtásya* применительно к Агни [IV, 10, 2], к Адитьям [VI, 51, 9; VII, 66, 12; VIII, 83, 3]). Если *ṛtá* метафорически понимается как средство движения, а боги — как те, кто руководит, направляет и контролирует это движение, то для завершения образа недостает пути, который проделывает *ṛtá*. Действительно, формула «путь *ṛtá*» (*ṛtásya pathí* [*pánthā*]) принадлежит к числу устойчивых и частых выражений в ведийских гимнах. Ср.: *ṛtásya* mitrāvaruṇā *pathā́* vām apó ná nāvā́ duritā́ tarema, RV VII, 65, 3 'О Митра и Варуна, мы бы хотели с помощью пути вашей *ṛtá* переправиться через несчастье, как с помощью корабля через воды' (образ движения *ṛtásya pathí* контрастен по отношению к ему непосредственно предшествующему образу препятствия движению, ср. *ánṛtasya sétū* 'путы *ánṛta*', т. е. отсутствия *ṛtá*, беспорядка, лжи), ср. также RV I, 128, 2; III, 12, 7; VII, 44, 5; VIII, 31, 13; X, 31, 2; 70, 2 и многие другие (ср. еще *ṛténa* = *ṛtásya pathā́*). Следовательно, «путь *ṛtá*» может быть истолкован как образ развертывающегося в пространстве и времени *ṛtá*, творимого мирового порядка, что опять-таки возвращает нас к динамическим параметрам и этого образа и его истоков. Уже на этом этапе можно думать о том, что динамичность, процессуальность, изменяемость — не только и даже не столько одно из значений слова *ṛtá-* или один из главных смыслов соответствующей концепции, сколько целая сфера, чрезвычайно существенная в ведийской модели мира, выражать которую и призвано вед. *ṛtá-*, на-

---

[19] Не исключена и звукоизобразительная ориентация этого образа (*rátham ṛtásya*), имеющего тенденцию к дальнейшей дифференциации, ср. поводья (вожжи) *ṛtá* (*ṛtásya raśmím*. RV V, 7, 3), упряжка *ṛtá* (*ṛtásya yóga*. III, 27, 11, ср. *ṛtáyukti-*, *ṛtayúj-* и др.) и т. д. Ср. еще *ṛtásya tántu*, о натянутых нитях (пряже) истины (напр., в RV IX, 73, 9 и др.).

ряду с некоторыми другими важными средствами (ср. *три* vice versa *четыре*, *Атман* vice versa *Брахман*, *urú loká* vice versa *ámhas* и т. п.). Это предположение приобретает дополнительный вес, если вспомнить о двух вариантах построения ведийского Космоса — первом (и, возможно, более архаичном), ориентированном на статическую картину, в которой все фиксировано, конечно и однозначно детерминировано (одно из основных понятий этой модели — твердая опора, ср. *ādhāra* [от *dhar-* 'держать, удерживать'], *ālambana*, *āśraya*), и втором, ориентированном на динамическую схему, которая предполагает развертывание, процессуальность, изменчивость, наличие неопределенности, бесконечность (поток — один из обычных образов этой модели)[20]. Различение этих двух моделей тем более показательно, что каждая из них имеет свой закон и свою истину. Если в динамической модели они обозначаются словом *ṛtá-*, то в статической модели закон передается словом *dhárman* (ср. род, позже *dharma-*), относящимся к некоему жестко фиксированному установлению, порядку, связанному с определенным местом, удерживающим этот порядок (ср. *dhar-*), или словом *dhāman* (ср. род), обозначающим сакральный закон Митры-Варуны в его от века данной неподвижности («установленности», от *dhā-* 'ставить', 'класть' и т. п.; ср. также др.-греч. θέμις, нем. *Gesetz*, рус. *устав*, *уложение* и т. д.)[21]; истина же в статистической модели обозначается как *satyá-* (ср. род), от *sant-/sat-* 'сущее', причастная форма глагола существования (собственно, из и.-евр. **sn̥t-i̯ó-*)[22].

---

[20] См.: *Heimann B.* Fixity or flow, determination or flux: two human attitudes. — In: Facets of Indian Thought. London, 1964, p. 60—69. В этом контексте первой модели соответствует *in-stitutio* (: *stare*), а второй — *in-itio* (: *ire*) как обозначение начала, вступления, творческого импульса. Отражения этих двух моделей пронизывают и всю структуру языка, о чем см. особо.

[21] Впрочем, в Ригведе известно сочетание *ṛtá-* с *dhā-* и *dhāman* (ср.: I, 71, 3; VII, 36, 5; VIII, 27, 19; ср. также *Ṛtádhāman* как эпитет Вишну и Индры и, может быть, nom. pr. *Artatama* у митанийцев; известны и авестийские соответствия к *ṛtásya... dhā́man*), которое, однако, не противоречит сказанному, поскольку — в принципе — в таких случаях речь могла бы идти лишь о начале (об установлении) *ṛtá-*, но никак не о характере самого *ṛtá-*. Людерс (Op. cit., S. 476 и сл.), однако, настаивает на том, что в обоих случаях сочетания *ṛtám dhā-* слово *ṛtá-* обозначает песню («Lied»). О *dhāman* см.: *Gonda J.* The Meaning of the Sanskrit Term *dhāman*. Amsterdam, 1967.

[22] Помимо др.-перс. *hašiya-*, авест. *haiþya-* 'истинный', 'подлинный' (ср. х.-сакск. *haṭhṭha-* 'истина' и т. п.), заслуживает особого внимания пра-герм. **sanþa-*, откуда др.-сев. *sannr*, др.-англ., др.-сакс. *sōđ*; хетт. *asant-* и др. К соотношению *ṛtá-* и *satyá-* см.: *Lüders H.* Op. cit. II, S. 633—643: *ṛtá-* обозначает исключительно истину высказанного слова или мысли (S. 635); *satyá-* имеет более широкую сферу употреблений (о лицах, вещах — конкретных и абстрактных [ср. показательное определение *Brahman*'а как *satyasya satyam*], без ограничений, касающихся выражения в слове или в мысли, S. 636—637). Однако уже довольно рано появляются примеры, в которых *ṛtá-* и *satyá-* сосуществуют. Если в некоторых из них можно наметить семантические различия (ср. известное *ṛtáṃ* ca *satyáṃ* cābhī́ddhāt tápasó'dhy ajāyata, RV X,

Учитывая внутреннюю форму слов, обозначающих закон и истину статической модели (или в их статическом аспекте), целесообразно допустить, что и связь *ṛ-ta-* и *ṛ-* 'приводить в движение', 'двигать(ся)' и т. п., в актуальности которой для ведийского периода не приходится сомневаться, использовалась для выражения закона (порядка) и истины в их динамическом аспекте, в частности, не только в их настоящем (*satyá-* при *sat* 'сущее' и 'реальный мир'), но и в их потенциальности, включающей и будущее.

Подобная семантическая структура вед. *ṛtá-*, как и других слов такого типа, позволяет, наконец, предположить, что *ṛtá-* как нечто производное от движения или связанное с ним не только моделирует динамический аспект внеположенного мира в общем, но и соотнесено совокупностью своих значений с более дифференцированной картиной мира. Соотнесение же через идею движения вед. *ṛtá-* и описываемого этим словом ведийского Космоса образует лишь исходный пункт, открывающий путь к дальнейшим разысканиям соответствий указанного рода (латентные значения *ṛtá-*: характеристики ведийского Космоса).

Одна из самых основных особенностей ведийской Вселенной состоит в том, что это мир широких пространств (*urú loká*), находящихся вовне по отношению к некоему центру, из которого и осуществлен переход в *urú loká*. Этим центром является остаток Хаоса во Вселенной — *áṃhas*, сфера косного, дезинтегрированного, безблагодатного, обуженного и ужасного (ср. авест. *ązah-*, слав. **ǫzъkъ*, **ǫzostь*, лит. *añkštas*, нем. *Angst*, лат. *angor*, *angustus* и т. п.). Ведийский Космос и возникает только в результате выхода из *áṃhas*'а; и только тогда появляется *ṛtá-*: будучи единосущна миру широких и свободных пространств, она описывает их и управляет ими В *áṃhas*'е для *ṛtá-* нет места: свою подлинность и истинность она обретает только в *urú loká*, здесь ее дом и двор. Можно полагать, что этот аспект широты внешних пространств, развертывающихся по выходе из некоего центра, отражен не только в концепции ведийской Вселенной и *ṛtá* как миротворящей силы, но и на уровне этимологических связей слова *ṛtá-*. Речь идет о возможности соотнесения *ṛ-tá-*: *ṛ-*(*ar-*) с кругом слов типа хет. *arḫa* 'наружу', 'вовне', 'прочь' (ср. *arḫai̯an*, *arḫai̯a* Adv. 'gesondert', 'extra', 'außerdem')[23], хет.-иероглиф. *arḫa-*, лид. *aara-* 'двор', 'поместье' (как внешнее пространство по отношению к дому); лтш. *āran* 'снаружи', 'вне', *ārā* 'снаружи', 'наружу' (изнутри), 'вовне', 'на воле' (за пределами чего-либо, за границей), *âra*, *âre*, *ârs* 'Freies', 'freies Feld',

---

190, 1 'закон и истина родились из воспламенившегося жара...' или 'динамическая истина и статическая истина...' и т. п.), то в других примерах различия, видимо, стерты окончательно или во всяком случае недоказуемы (ср. *satyáṃ ca ṛtáṃ ca cákṣuṣí*, AV IX, 5, 21 «*satyá-* и *ṛtá-* [суть] оба глаза...»).

[23] См.: *Friedrich* I, S. 29; *Zuntz L.* Die hethitischen Ortsadverbien *arḫa*, *parā*, *piran*... München, 1936, S. 12 и сл.

'Äußeres', 'Außenseite', лит. *orañ* 'снаружи', 'там', *óran* 'ins Freie hinaus, heraus', *óras* 'воздух' (как в н е ш н е е пространство), *orìnis* 'воздушный', но и 'внешний', 'наружный', алб. *arë* 'поле' и т. п.[24] Некоторые образования с расширением того же корня продолжают развивать указанные значения, ср.: хетт. *araṷa-* 'свободный', *araṷanni-*, то же (*araṷaḫḫ-* 'освобождать', *araṷeš-* 'становиться свободным', прусск. *arwis* 'действительный', 'настоящий', 'истинный', 'верный' (ср. *arwiskai* 'конечно', 'действительно', 'разумеется')[25], слав. **orvьn-*: ст.-слав. ровьнъ, чеш. *rovný*, рус. *ровный* и др.; ср. также авест. *ravah-* 'свободное пространство' (при *ravan-*, ср. рус. *ровесник*), ирл. *róe*, *roi* 'ровное поле' (< **rovesiā*) и т. д. Вместе с тем следует помнить и о случаях естественного «ухудшения» значений в словах этого же корня, в частности, тогда, когда внимание концентрируется не на всем пространстве, обозначаемом корнем **ar-*, а на его п р е д е л а х, г р а н и ц а х (ср. осет. *aræn* 'межа', 'граница' [*fæs-araen* 'заграница' при лтш. *ār-zemes*] или ряд кельтских фактов). Именно так, возможно, объясняются примеры типа др.-инд. *araṇa-* 'чужой', 'далекий' (откуда и дальнейшее развитие — 'враждебный', 'дикий', ср. авест. *aurana-*), допускающее и иной круг сопоставлений, или лат. *artus* 'узкий' и т. п., о котором см. ниже.

Но ведийская Вселенная не просто широкое, развертывающееся вовне, свободное пространство. Это пространство к тому же организовано в том отношении (по меньшей мере), что оно р а с ч л е н е н о, состоит из частей и, следовательно, предполагает две противоположных по смыслу операции, верифицирующих, однако, единое содержание — с о с т а́ в н о с т ь этой Вселенной. Речь идет об операциях ч л е н е н и я (анализ) и с о е д и н е н и я (синтеза), которые не только результат реконструкции, но реально и вполне осознанно используются в основном годовом ритуале на стыке Старого и Нового года: р а с п а д е н и е старого мира (старого пространственно-временного континуума) — р а с ч л е н е н и е жертвы, понимаемой как образ этого мира; с о с т а в л е н и е (соединение, синтезирование из частей, образовавшихся при распадении) нового мира — с о б и р а н и е в о е д и н о членов тела расчлененной ранее жертвы. Этой структурной артикулированности ведийского Космоса можно поставить в соответствие семантику соединения—разъединения, с очевидностью присутствующую в связанных с вед. *ṛtá-* параллелях из других языков. Ср., если говорить о наиболее синтетическом и целостном образе, прежде всего арм. *ard* (*ardu*) 'структура', 'организация', 'устройство', 'конструкция'[26], не говоря уж об

[24] Но здесь уже начинается рубеж, на котором возникает необходимость решить вопрос о характере связи этих слов с и.-е. названиями паханья, пахоты, пашни: др.-греч. ἀρόω, лат. *arō*, ср.-ирл. *airim*, готск. *arjan*, лит. *árti*, лтш. *ar̃t*, слав. **orati* и т. п.

[25] Не исключено, что сюда можно было бы присоединить и лит. *arvas* 'свободный' (если оно не из *ar̃dvas*, *er̃dvas*, что, однако, тоже не очевидно).

[26] Но и 'украшение' (естественное развитие значения, связанное с положительно-приемлющей оценкой самого факта структурирования целого;

исходном и.-евр. *ar- 'соединять', 'подходить (друг другу)', 'прилаживать' и т. д. (ср. выше ἀραρίσκω, ἀρτύνω и т. п.). Именно с этим глаголом и связаны такие убедительные параллели вед. ṛtá-, ṛtú-, как отмеченное у Гесихия ἀρτύς [·σύνταξις], перевод которого идеально обнажает внутренний смысл слова и стоящей за ним концепции [27], или ἀρτύν [·φιλίαν και σύμβασιν], где актуализируется мотив с-хождения, со-ответствия, симпатии, со-глашения, дружбы (ср. мифопоэтическую по своим истокам, но сохраняющуюся еще в раннефилософских и ранненаучных концепциях, например у ионийских натурфилософов, и даже в более поздних «мистических» вариантах научных теорий, идею дружбы элементов (частей), стихий, их взаимную симпатию, сродство; ср. тох. А *ortum* 'дружба', *ortune* 'дружеский', *ortu-* 'друг', 'дружеский', из и.-е. **ar-tu-*) [28]; лат. *artus* 'сустав', 'сочленение', 'член', *articulus* то же, но и 'узел', 'колено'; 'часть', 'раздел', 'стадия', 'момент', 'промежуток времени' (ср.: *in ipso articulo* [*temporis*] в самый критический момент [Terent., Cicero и др.], *in articulo* 'тотчас', 'немедленно'), 'случай' и т. п.[29] С операциями членения и соединения необходимо связана идея частей целого, их соответствия, соизмеримости, меры. Эти последние значения представлены и в вед. ṛtá- ('год-

---

ср. мотив «украшенности» космоса и его соответствие в этимологии др.-греч. κόσμος, а также другие случаи «эстетизации» значения и.-евр. **ar-*, см. ниже).

27 В этой связи нельзя пройти мимо того факта, что и ведийская Вселенная «син-тактична» *par excellence* σύν-ταξις как 'строй', 'устройство', 'порядок', 'сочетание', 'связь', 'союз', 'система' [ср. σύνταξις τῶν μερῶν. Arist.]): она со-ставлена из частей, вытесанных (др.-инд. *takṣ-*: др.-греч. ταξ-, τακτ-, τεκτ- и как способ и результат применения этого действия -τέχνη; ср. и другие соответствия — авест. *tašō*, *tašta*, слав. **tesati*, лит. *tašýti*, лат. *texo*, ср. образ космической пряжи, ткани, текстуры, и др.) божественным Первотворцом-плотником (*takṣan-*, ср. др.-греч. τέκτων). В этом смысле очень показателен фрагмент RV I, 119, 7: yuváṃ vándanaṃ *nírṛtaṃ* jaraṇyáyā ráthaṃ ná dasrā karaṇā́ sám invathaḥ 'Вандану, развалившегося (распавшегося) от дряхлости, вы собираете (составляете), о удивительные, как мастера — колесницу'. Ср.: *Renou L.* Études védiques. . ., t. XVI, 1967, p. 21 (*nir-ar-*: *sam-inv-*). Не менее интересны факты, подтверждающие сочетания типа *ṛtá-* & *takṣ-*, ср. также персеполит. nom. pr. *Ir-da-takma* (= *Ṛtatakma*). См.: *Mayrhofer M.* Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen. Wien, 1973 (8.606) и др.

28 И.-е. **ar-tu-* дало бы тох. **ārtu-*, в котором **ā* > *o* вследствие умлаута под влиянием *u* в следующем слоге. См.: *Ван Виндекенс А.* О некоторых необъясненных тохарских словах. — В кн.: Этимология. 1972. М. 1974, с. 145; *Idem.* Le Tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes, V. I. Louvain, 1976, p. 342.

29 Ср. исп. *articular* 'связывать', 'соединять', 'сочленять' и т. п. Сюда же относятся и многочисленные случаи кодирования этим же корнем конкретных «соединительных» конструкций — рука, локоть, плечо, колено, весло и т. п. Ср. др.-инд. *arítrá-*, *īrmá-*, др.-греч. ἅρμα, лат. *armus*, *armillae*, гот. *arms*, арм. *armukn*, прус. *irmo*, ст.-слав. рамо и т. п. В еще большем удалении находятся элементы, выражающие синтаксическое соединение (ср. лит. *ir̃*, др.-греч. ἄρ и т. д.) и рассмотренные особо.

ный', 'подходящий', 'присущий', 'свойственный', 'правильный' и т. п.) и в ряде других примеров, из которых, может быть, особенно важны древнегреческие; ср. ἄρτιος 'подходящий', 'подобающий' (ἄρτια βάζειν [Hom.], μήδεσθαι [Pind.]); 'парный', 'четный' (ἀριθμός); 'соответствующий', 'совпадающий' (ср.: οἱ φρεσὶν ἄρτια ἤδη [Hom.]); 'здоровый', 'невредимый'; ἄρτιον 'четное число', ἀρτιότης 'парность', 'четность'; 'хорошее состояние', 'безупречность' и т. п. — вплоть до образований с другими суффиксальными элементами типа ἀριθμός 'число', 'счет' (ср. др.-ирл. *rīm* 'число', др.-сев. *rīm* 'счет', др.-в.-нем. *rīm* 'ряд', 'последовательность', 'число'; не исключено, что сюда же могло относиться и слав. **rędъ* 'ряд', о чем см. в другом месте). Если значение числа, числового ряда, объективной меры составляет один полюс в развитии общей идеи с о о т в е т с т в и я, возникающей как результат сравнения членимых и соединяемых частей целого, то другой полюс составляют примеры, в которых э с т е т и ч е с к и оценивается совокупность этих частей: ср. др.-греч. ἁρμονία 'гармония', но и 'соединение', 'связь', 'порядок' и т. п., ἁρμόνιος 'подходящий', 'гармонический' и др. (ср. ἁρμός)[30] (ср. ἄρτισις 'убранство', 'одеяние' как украшенность). Характерно, что и сама сфера эстетического может обозначаться тем же элементом **ar-t-*, ср. лат. *ars* (**artis*, *i*-основа, ср. Gen. Pl. *artium*) 'искусство', 'τέχνη' и т. п., *artificium* 'искусство', 'мастерство', 'техника' и т. д. (в том числе — 'прием', 'способ', 'уловка', 'хитрость' и др.[31]), *artifex* 'художник', 'творец', 'создатель', 'мастер' и т. п.; ср., однако, *rītus* 'ритуал', 'обряд', 'обычай' и др. Пожалуй, уместно отметить различие в эволюции и.-е. **ar-t-* между древнеиндийским (или индоиранским) и древними языками античной культуры Средиземноморья: в первом случае развитие идет в направлении выработки углубленной сакральной концепции универсального характера, во втором — актуализируются общеэстетические или измерительно-технические, логические потенции и.-евр. **ar-t-* (ср. значения 'способ', 'метод', 'прием' и т. п., известные, например, и в германских примерах). Впрочем, эти различия не следует ни абсолютизировать, ни преувеличивать: строго говоря, речь идет лишь о преобладающих тенденциях, во-первых, и о создании клише (терминов, формул и т. п.) противоположных типов, во-вторых. Иногда более точно исходная ситуация фиксируется не в связи с вед. *ṛtá-*, рано вырвавшимся в автономную сферу, где развитие смыслов определялось уже надъязыковыми факторами, а в связи с уже упоминавшимся *ṛtú-*, сохранившим, кстати, и более архаичный словообразовательный тип. Несмотря на то, что *ṛtú-*, несомненно, относится к сфере сакральной лексики, оно характеризуется и значениями, указывающими на некую

---

[30] См.: *Meyer B.* 'Αρμονία. Bedeutungsgeschichte von Homer bis Platon. Zürich — Freiburg, 1932.

[31] Исп. *arte*, помимо этих же значений, знает и такие, как 'невод', 'рыболовная сеть'; 'логика' и др.

меру (причем нередко в техническом или логическом применении) — 'время' (Саяна глосирует *ṛtú-* как *kāla-* 'время'), 'определенное время' (фиксированное, установленное, назначенное), 'подходящее время', 'время, предназначенное для жертвоприношения' (ср., с одной стороны, временны́е значения в лат. *articulus* или др.-греч. ἁμαρτῆ 'одновременный' < *ὅμ-αρτος, а с другой — лат. *rītus* [слово того же корня] как обозначение ритуала) и — далее — 'правило', 'обычай' и т. п. Вместе с тем вед. *ṛtú-* необыкновенно четко выражает идею артикулированности Космоса во времени и в пространстве (т. е. способности его члениться на части и соединяться в целое), характерную для ведийского взгляда на мир. Вед. *ṛtú-* своим значением актуализирует фактор членения целого (напр., времени) через распределение его частей; оно обозначает элемент, который рассекает континуум на части. «Отсюда — слово могло легко использоваться для обозначения членения длительности, временно́го континуума и, наконец, наиболее очевидного членения — времени года, сезона в том основном континууме, который составляет год»[32]. Тем самым *ṛtú-* занимает свое особое место в системе, где глагольный корень *ṛ-* обозначает организацию континуума, его артикулированность, *ṛtá-* — сферу организованного, устроенного, артикулированного, *nírṛti-* — противоположную сферу неорганизованного, неартикулированного (т. е. беспорядок, энтропию), *áram* — способ должного распределения (ср. *aratí-*, эпитет Агни как распределителя функций)[33]. Отсюда становится понятным и значение таких форм, как *ṛtúnā*, *ṛtubhis* = 'в соответствии с распределением', 'по распределению' ('selon la répartition'), 'в свою очередь', подкрепляемое соответствующими текстами (RV I, 15; II, 36—37), где эти слова сопровождают призывы к богам, перечисленным в строгом, вполне определенном, фиксированном порядке, распространяющемся и на сходное распределение жрецов, божественных и жреческих функций, времен года и т. п.[34] Этот контекст, где *ṛtú-* обозначает некий способ, метод организации целого, объясняет наличие подобных же значений и в вед. *ṛtí-* (: нем. *Art*).

При рассмотрении семантики и.-е. **ar-t-* (: **ar-*) и его продолжений в сфере, связанной с организацией пространства, следует учитывать «ухудшенные» значения, которые и здесь возникают примерно по тем же схемам, что были отмечены выше в связи с темой широких внешних пространств (ср. 'далекий', 'чужой',

---

[32] См.: *Renou L.* Védique *ṛtú-*, p. 443. Ср. авест. *ratu-* 'период' и т. п. (в У. I, 17 *ratu-* относится к обозначению дней, месяцев, времен года, годов).

[33] См.: Там же, с. 436—437; *Renou L.* Védique *nírṛti-*. — Indian Linguistics, 1955, v. XVI (= S. K. Chatterji Commemoration Volume. Calcutta, 1955, с. 11—15).

[34] Ср.: «le mot *ṛtú-* désigne ici très précisément la «fonction» distributive en vertu de laquelle officiants et dieux sont liés les uns aux autres suivant l'un système stable, à des fins déterminées (*Renou L.* Védique *ṛtú-*, p. 432—433).

'враждебный'). Речь идет о случаях, когда акцент на идее членимости, разделенности приводит к забвению уравновешивающей идеи соединения, целостности и появлению смыслов, развивающих тему изолированности, обуженности, враждебности. Достаточно сослаться на лат. *artus* 'узкий', 'тесный'; 'тугой', 'плотный', 'густой'; 'скудный', 'жестокий' и т. п. (при *artiō*, *artō* 'сильно сжимать', 'суживать', 'сокращать' и т. п., ср. исп. *artar*), которое, впрочем, иногда склонны объяснять и иным образом[35], или вед. *ṛtí-* 'нападение' (ср. *sam-áraṇa-* 'борьба', а также *ṛ-*[*ar-*] 'вредить', 'обижать' и т. п.), имеющее соответствия не только в авест. *ərəti-* 'энергия', но и в рус. *рать*, *ретивый*, ст.-слав. рѣть ἅμιλλα, рѣтити ἀμιλλᾶσθαι; др.-греч. ἔρις 'ссора', 'состязание', ἐρίζω 'спорю'; др.-в.-нем. *ernust*, ср.-в.-нем. *ernest* 'борьба', 'серьезность'; лтш. *ęrruêtiês* 'сердиться' (?) и т. п. (ср. учение о вражде элементов, прениях стихий и т. п.). Аспект частичности, разъединенности («редкости», разряженности), распадения выступает на первое место в таких случаях, как лат. *rārus* 'редкий' (ср. *artus* 'плотный', 'густой'), лит. *rẽtas*, *retė́ti* 'редеть', 'разрежаться', лтш. *rę̃ns*, слав. **rědъk-*, др.-греч. ἀραιός 'тонкий', 'редкий' (ср. ἔρημος 'одинокий', 'пустынный'), тох. A *ārts*, B *arts* 'каждый' (как 'отдельный'?) и глаголах типа др.-инд. *árdati*, *ṛdáti* 'растворяться', 'распускаться' ('течь'), лит. *ìrti* 'распадаться', 'расползаться', 'разваливаться'; слав. **oriti* и т. п. В этой связи получает свое объяснение и вед. *ṛté* 'без', Loc. Sg. от *ṛtá-* 'abgesondert', которое в таком случае могло бы пониматься как 'в разъединении', 'вне связи с . . .' и т. п.[36] Противоположный ему, но восходящий к общим истокам, аспект подчеркивает именно близость, соседство, временну́ю и пространственную связь расчлененных элементов: помимо уже приводившихся примеров, целесообразно указать на еще одну важную категорию случаев; ср. др.-греч. ἄρτι (Adv.) 'только что', 'совсем недавно', 'как раз теперь', 'ныне', 'сейчас же'[37] (ср. префикс ἀρτι- 'только что', 'недавно', 'очень', 'отлично' и т. п.), лит. *artì* (Adv.) 'вблизи', 'неподалеку', 'возле', арм. *ard* 'только что', 'теперь' (ср. *ard-a-cin* 'новорожденный': др.-греч. ἀρτι-γενής) и т. п. — особенно в связи с семантикой готовности, одновременности, смежности, отмечаемой в ряде продолжений и.-е. **ar-*, **ar-t-*.

Кроме указанных характеристик ведийской Вселенной, имеющих соответствие в слое, определяемом этимологическими связями вед. *ṛtá-*, можно назвать и другие: «видимость» (т. е. возможность воспринимать зрением) манифестаций «невидимой» *ṛtá*, т. е. феноменального мира; «эстетичность» этого мира (т. е. высшая упорядоченность, гармония, красота); воспроизводимость его в слове (аспект принципиальной воплощаемости); сакральность мира и его основных элементов как в их синхронном состоянии,

---

[35] См. *Ernout — Meillet*[3] I, p. 88 и др.

[36] Впрочем, есть попытки и иного понимания значения *ṛté*, см.: *Lüders H.* Op. cit., I, S. 427—428.

[37] Но и 'справедливо', 'правильно', 'истинно' (как и в вед. *ṛtá-*).

так и в их становлении (сакрализованность операций сотворения мира). Некоторые из этих характеристик уже так или иначе затрагивались в связи с этимологическим анализом соответствий вед. *ṛtá*-(:*ṛ*-/*ar*-). В других случаях можно отослать не только и не столько к этимологии, сколько к соответствующим контекстам, в которых эти же языковые элементы используются для обозначения и передачи отмеченных свойств ведийской Вселенной и моделирующего ее понятия *ṛtá*. Здесь можно ограничиться лишь минимальными разъяснениями. Воплощенность *ṛtá* в с л о в е следует как из многочисленных содержательных описаний, так и из установленной Людерсом возможности понимать вед. *ṛtá*- как обозначение к у л ь т о в о й с а к р а л ь н о й п е с н и[38], с чем согласуется употребление *ṛtá*- при глаголах речи (ср. *ṛtáṃ vadann*. . . RV IX, 113, 4; *ṛtáṃ śáṃsanta*. . . X, 67, 2 и т. п.) и такие употребления самого глагола *ṛ*-(*ar*-), как *stóman iyarmi*. RV I, 116, 1 'я пою славу' (собств. — 'поднимаю восхваление') или *íyarti vā́cam*. II, 42, 2 'он поднимает голос (речь)'. Подобные контексты, действительно, дают основания для постулирования связи типа: *ṛ*- 'поднимать (голос)' → 'произносить (слово)' и т. п. — *ṛ-ta*- как 'произнесенное', 'спетое', т. е. выраженное в слове (ср. также и composita типа *ṛta-vādin*-, *ṛta-stubh*- и т. п.)[39]. Эстетическая отмеченность *ṛta*, очевидно, отражена в ее эпитетах из семантического поля «сияющий», «блестящий», «связанный со светом» — и — косвенно — в особой мифологеме о вызволении солнца из тьмы посредством *ṛtá*[40]. Сакральный аспект *ṛtá* тем более не вызывает сомнений, и, опуская многое важное, здесь уместно сослаться на связь *ṛtá* с к л я т в о й[41] как выражением в е р н о с т и (соответствия) с о е д и н я е м ы м элементам и, следовательно, как образом и самой *ṛtá* и управляемого ею Космоса, а также на исключительное широкое использование элемента *ṛtá*- в сакральном именослове. Архаичность этой традиции подтверждается, по меньшей мере, индо-иранскими ее истоками[42]. Не следует упускать из вида и обожествленность *ṛtá* в ведийском и наличие особого персонифицированного иранского божества *Arta*[43]. Наконец, обнаружение обширнейшего общего фонда

---

[38] См.: *Lüders H*. Op. cit., I, S. 421—439, 442—446.

[39] Ср. трактовку *ṛtá* как места поэтического вдохновения и мистического видения (там же, с. 610 и сл.).

[40] Там же, с. 641—643.

[41] Там же, с. 655 и сл.

[42] Об иранском материале см.: *Justi F*. Iranisches Namenbuch. Murburg 1895, S. 31—39; *Абаев В. И*. Скифский язык. — В кн.: Осетинский язык и фольклор, I. М.-Л., 1949, с. 155—156; *Zgusta L*. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Prag, 1955, S. 68, 70; *Idem*. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, S. 99—103 (?); *Kammenhuber A*. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968, S. 255; *Mayrhofer M*. Onomastica Persepolitana. . . (8); *Idem*. Zum Namengut des Avesta. Wien, 1977, S. 20—21; *Zadok R*. Iranian Names in Late Babylonian Documents. — Indo-Iranian Journal, 1975, v. 17, p. 245 и др.

[43] Ср.: «Ahuna-Vairya», одну из важнейших малых зороастрийских молитв, в связи темой *Arta*. См.: *Hinz W*. Zum Ahuna-Vairya-Gebet. — Indo-

индо-иранских поэтических формул с ключевым словом *ṛtá-/aša-*[44] снова возвращает нас к теме с а к р а л ь н о й отмеченности соответствующего понятия. Она же в свою очередь многое объясняет в возникновении той парадоксальной ситуации семантического сгущения, когда «синхроническое» и «диахроническое» идут бок о бок, взаимно отражаясь друг в друге. Вед. *ṛtá* реализует именно такую ситуацию.

Л. А. Сараджева

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ БОТАНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Сравнительное изучение лексики родственных языков, в том числе армянского и славянских, предполагает суммарный анализ семантической филиации слов, их потенциала, характера и соотношения семантических полей, различных комплексов и пучков значений и основных тенденций семантического развития с одновременным учетом как данных других лингвистических дисциплин, в частности, этно- и палеолингвистики, так и данных истории и археологии.

В последнее десятилетие арменистами уделялось особое внимание сравнительному изучению таких семантических групп армянского языка, как названия животных, термины родства, глаголы движения и говорения, временные и цветовые обозначения и т. д., причем они изучаются как на общеиндоевропейском уровне, так и в сравнении с отдельными группами языков.

Кроме специальной задачи — изучения ботанической терминологии в указанных языках большой интерес представляет также то обстоятельство, что данная группа слов может пролить свет не только на характер растительности индоевропейского региона в прошлом, но и способствовать выявлению широкого круга представлений, соотносимых одновременно с несколькими аспектами культуры.

Несомненно, что хозяйственная деятельность древних индоевропейцев была в постоянном взаимодействии с окружающей средой: ландшафтом, климатом, фауной, флорой. Слабая вычлененность человека из природы подчиняла его сознание чередованиям времен года и способствовала антропоморфизации окружающего мира. Значительную долю влияния на жизнь индоевропейца оказывала растительность: собирательство наряду с охотой и рыболовством — одно из древнейших занятий человека.

Iranian Journal, 1960, v. 4, p. 154—159 (подведение итогов дискуссии по этому тексту).

[44] См.: *Mayrhofer* 4, S. 654—655 (с литературой вопроса).

Во-первых, плоды диких растений служили пищей. В частности, имеются свидетельства древних авторов о том, что такой пищей были желуди: ими питались германцы, греки (аркадяне, к примеру, назывались желудеедами — βαλανηφάγοι), в свайных постройках долины По найдены и желуди, в больших количествах сложенные в глиняные сосуды, по всей вероятности, они служили пищей человеку. Питались ли славяне, подобно германцам, также жареными желудями, точно не засвидетельствовано, но это весьма вероятно: археологами, к примеру, были найдены в большом количестве желуди на Пастерском городище у Чигирина на Киевщине.

Следует специально сказать и о таких растениях, как мята и чеснок, которые служили приправой к пище: арм. *dałjn*, *dełjn* 'мята — Menta viridus' из и.-е. **dhel-* 'цвести, зеленеть', арм. *xstor* 'чеснок — Allium paniculatum' из и.-е. **skhodoro-*; рус. *черемша*, лит. *kermūše* 'дикий чеснок — Allium ursinum', при греч. κρόμυον 'лук' < и.-е. **kerem-* 'вид чеснока'.

Во-вторых, индоевропейцы, как свидетельствуют языковые данные, были знакомы и с лекарственными растениями: ср., с одной стороны, арм. *deł* 'лекарственная трава, лекарство из травы' < **dhel-*, при *dalar* 'зелень' < **dhāl-* 'цвести, зеленеть', с другой — рус. *зелье* 'лекарство из травы', при *зелень* < и.-е. **ĝhel-* 'блестеть, желтый, зеленый'. Языковые данные подкрепляются и экстралингвистическими (в частности, этнографическими) фактами [1]. К примеру, у славян и германцев было известно такое растение, как *девясил* — нем. Neunkraft —Inula helenium L., обладающее тонизирующими свойствами и излечивающее, согласно народным представлениям, от девяти болезней, в частности, оно было действенным средством против чумы. У армян особо почиталось растение *loštak* — Bryonia alba mandragora по форме напоминающее человеческое тело и, по народным преданиям, излечивающее самые тяжелые болезни. Помимо мандрагоры, были и другие растения, известные своими целебными свойствами, в частности, *pen(u)nay* < араб. — Paeonia officinalis, диал. *kahanayik*, букв. 'попик', *xałap'ayt* (*xał* 'игра' + *p'ayt* 'дрова'), букв. 'палка для игры' и др.

В-третьих, значительный интерес с точки зрения истории культуры представляют древние фитолатрические воззрения и связанные с ними религиозные представления, восходящие к эпохе индоевропейской языковой общности, в особенности, выявление

---

[1] Из специальной литературы отметим: *Флоринский В. М.* Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1880; Материалы для истории медицины в России, т. I—IV. СПб., 1881—1906; *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960; *Оганесян Л. А.* История медицины Армении с древнейших времен, ч. 1. Ереван, 1946; *Гаспарян Г. К.* История армянской лексикографии. Ереван, 1968 (на арм. яз.); *Амалян Р. М.* Лексикографические памятники средневековой Армении, I—II. Ереван, 1966, 1971 (на арм. яз.).

такого рода воззрений в армянской и славянской фольклорной традиции.

Пласт армяно-славянских лексических схождений в области ботанических обозначений неоднороден как в генетическом, так и хронологическом отношении, что обусловлено известными факторами культурно-исторического порядка: природными условиями, традициями, культурными контактами, религиозными запретами и т. д.

Помимо этого следует принять во внимание и такие экстралингвистические факторы как миграции носителей языка и изменение растительности в связи с изменением климата, что, безусловно, также получило отражение и в языке.

Тем не менее и в армянском и славянских языках сохранилось известное количество индоевропейских ботанических обозначений, среди них представляется возможным дифференцировать: а) параллели, разделяемые большинством индоевропейских языков; б) параллели, имеющие распространение в определенных ареалах; в) эксклюзивные армяно-славянские изоглоссы.

Целесообразно индоевропейские ботанические обозначения, отражаемые и армянским и славянскими языками, рассмотреть в следующей последовательности: 1) названия растения и его частей; 2) названия отдельных видов растений (кроме деревьев); 3) обозначения деревьев.

Однако точно придерживаться данного деления не всегда возможно, так как при процессе номинации растений прослеживаются метафорические переходы, переносы значения, замена по той или иной причине одного признака наименования другим, переходы от части к целому, от общего к частному и т. д.

Среди названий первой группы можно указать на два схождения, совпадающих по значению и форме, разделяемых армянским и славянскими языками.

Одно из них является эксклюзивной изоглоссой: арм. *kołr* 'ветвь', прасл. **golь*, рус. *голья*, укр. *гілля* 'ветвь', блр. *голлё* собир. 'сучья', словен. *gol* 'очищенный от сучьев ствол молодого дерева', чеш. *hůl* 'палка, ветка'. Для этих слов восстанавливается общий корень **gol-* [2].

Второе схождение охватывает, кроме армянского и славянского, также индоиранский и балтийский, т. е. выступает в качестве изоглоссы юго-восточного ареала: арм. *cʻax* 'ветвь', ст.-слав. болг., с.-хорв., др.-рус., рус. *соха* 'вилообразная ветвь', рус. диал. *посошье* (известное в русских говорах Прибалтики — так называют растение Acorus calamus или аир), др.-инд. *çakha* 'ветвь, сук', н.-перс. *šax* 'ветвь, сук, 'рог', лит. *šakà* 'ветвь, сук, развилина', лтш. *saka* 'разветвление дерева'. Для всех этих слов восстанавливают праформы **k̂ak-*, **k̂akhā-* [3].

---

[2] *Фасмер* I, с. 434; *Pokorny*, S. 403.
[3] *Фасмер* III, с. 729.

Можно было усмотреть в качестве общей армяно-славяно-балтийской изоглоссы арм. *ptuł* 'плод', *ptuk* 'росток', *put*, диал. *ptik* 'вид растения — Anemone Armena' [4] и праслав. **bъdla* 'гриб' (чеш. *bedla*, польск. *bedła* 'гриб — Agaricus', рус. диал. (псков., новг.) *блицы* [5] — собирательное название грибов, лит. *budìs* 'гриб', в частности, 'груздь' [6], восходящие к и.-е. корню **bh(e)ŭ-* 'вздуваться, набухать' с общим дентальным детерминативом. Однако этому препятствуют: во-первых, значительная разница в значении армянских и балто-славянских слов; во-вторых, тот факт, что приведенные формы охватывают не все славянские языки; в-третьих, наличие того же корня в некоторых германских диалектах, причем с весьма близкой к армянскому семантикой: ср.-н.-нем. *botte*, нидерл. *but* 'росток' [7].

Все же эта армяно-славянская параллель представляет определенный интерес, так как приведенные слова восходят к общему корню и относятся к единому семантическому полю, между тем как в других индоевропейских языках, за исключением балтийского и некоторых германских диалектов, подобного развития значений не наблюдается.

Таким образом, как видно из приведенных выше примеров, собственно армяно-славянские изоглоссы, разделяемые частично и другими языками, являются, в частности, названиями в е т в и растения. Что же касается общего названия для растения и других его частей, то здесь нет параллелей, которые можно было бы возвести к эпохе индоевропейской общности: обозначение растения в индоевропейском языке-основе не засвидетельствовано [8]: это абстрактное понятие развилось самостоятельно на почве отдельных индоевропейских языков. Более или менее явную параллель в обозначении растения можно провести лишь между армянским и греческим языками, причем оба языка развили и частные значения: арм. *boys* 'растение' при *bun* 'корень' и греч. φυτόν 'растение, побег, отводок'. Эти слова восходят к и.-е. корню **bheu̯-* 'расти, развиваться, существовать' [9], который в славянских языках также дал ботанические названия: 1) собирательное — 'трава, ботва, куст': прасл. **bylь*, ст.-слав. *былие* 'трава, а также лекарство из травы', с.-хорв. *биље*, словен. *bilje*, рус. *былье* 'трава, ботва', чеш. *býlí* 'сорная трава', польск. *byle* 'куст'; 2) 'отдельный вид растения': праслав. **čьrno-bylь* — Artemisia vulgaris L., с.-хорв. *црно-бил*, *црно-билник*, словен. *črna bil*, рус. *черно-быль*, чеш. *černo-byl*, польск. *bylica* 'полынь' — Artemisia absinthium L.; 3) 'часть растения': укр. *билля* 'стебель' [10].

---

[4] *Джаукян Г. Б.* Введение в армянскую диалектологию. Ереван, 1972, с. 301 (на арм. яз.).
[5] *Pokorny* I., S. 100; *Фасмер* I, с. 176.
[6] *Trautmann*, S. 190.
[7] *Pokorny* I, S. 101.
[8] См. соответствующий раздел словаря Бака, с. 486—535.
[9] *Pokorny* I, S. 326; *Ачарян* I, с. 469—470.
[10] *Фасмер* I, с. 259—260.

В свою очередь, в славянских языках общее название растения восходит к и.-е. *er- 'подниматься, быть в движении' [11], праслав. *orsti, *orstǫ, откуда многочисленные производные образования, обозначающие растение (например, в рус. *растение а* из ст.-слав., чеш. *rostlina*; польск. *roślina*, в том же значении и т. д.).

В армянском из этого же корня развилось лишь ботаническое название части растения: арм. *arm*, *armn* и *armat* 'корень', причем в этом случае, кроме армянского и славянских, и.-е. корень *er- для обозначения ботанических наименований используется только греческим и албанским языками: греч. ὄρμενος 'росток, стебель', алб. *rit* 'расту' [12].

Таким образом: 1) при образовании общего обозначения растения в армянском и славянских языках наблюдается любопытная семантическая ситуация: обозначение растения в армянском соответствует частным обозначениям в славянских и, напротив, обозначение растения в славянских соответствует частным обозначениям в армянском; 2) к армянскому и славянским в обоих случаях примыкает греческий с более близкими к армянскому параллелями, во втором случае примыкает только албанский язык, причем в албанском — вербальное образование *rit* 'расту'; 3) в остальных языках индоевропейские корни *bheu̯- и *er- не развили номинаций, относящихся к ботаническим наименованиям.

В обозначении стебля и ствола растения армянский и славянские не обнаруживают общности, имея ареальные связи с другими языками.

Из обозначений второй группы, относящихся к отдельным видам растений, следует отметить армяно-славянские параллели в обозначении мха — Muscus: арм. *mamuṙ* 'мох, плесень', ст.-слав. мъхъ, болг. *мъх*, с.-хорв. *мȁх*, 'мох, плесень', рус. *мох*, чеш., польск. *mech* 'мох' и т. д., восходящие к и.-е. корню *meus- [13]. Помимо армянского и славянских, данную лексическую изоглоссу разделяют балтийские, латинский и германские языки: лит. *mùsos*, лат. *muscus* 'мох', др.-в.-нем. *mos*, 'мох, болото', англ. *meos* 'мох.' По своему образованию армянское слово стоит особняком,основываясь на редупликационной модели (*mamuṙ* < *me-mus-ro) [14].

Если о названии мха можно говорить как об индоевропейской диалектной изоглоссе, то для некоторых общих армянскому и славянским языкам названий растений следует констатировать лишь параллельное семантическое развитие на основании признака, восходящего к общему корню. К подобным наименованиям относятся в первую очередь обозначения колючих растений, продолжающих и.-е. корни *ak̂-, *ok̂- 'острый': ср. арм. диалектное

---

[11] *Pokorny* I, S. 326; *Фасмер* III, с. 445—446.
[12] *Meillet A.* Le slave commun. Paris, 1934, p. 215; *Persson P.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala, 1912, S. 343.
[13] *Pokorny* I, S. 742; *Фасмер* II, с. 665.
[14] Ср.: *Solta G. R.* Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960, S. 176.

(карабахск. диал.) *osi* 'колючее растение' [15] и славянские обозначения осота — Cirsium: праслав. **osъtъ*, ст.-слав. *осътъ*, болг. *осът*, с.-хорв. назв. мест. *Осат*, словен. *oset*; рус., укр. *осот*; чеш., польск. *oset*. От этого же корня в славянских языках образованы и другие ботанические обозначения, в основе которых лежит семантический признак 'острие' (ср. к примеру, рус. *осока* — Carex, *ость* и т. д.) [16].

Подобное развитие значения наблюдается в греческом, а также в некоторых балтийских и германских языках: греч. ἄκανος 'чертополох — Cirsium', ἄκαινα 'острие, шип', ἄκανθος 'колючка', др.-прус. *uckons* — Carex, швед. диал. *ag* 'болотная трава — Gladium mariscus' [17].

Многочисленные названия растений восходят также к близким по значению характерным и.-е. корням **u̯el-* 'вращать, обвивать, крутить' и **u̯ei-* 'вращать, сгибать'. В армянском от корня **u̯el-* образованы наименования растений, обладающих способностью цепляться, виться и т. п.: арм. *gałjn* — Convolvulus, *gełj* 'вьюнок', а также *gałtikur* 'подорожник — Plantago maior' [18]; в славянских от **u̯ei-* образованы: рус. *повилика* — Convolvulus, *вьюн*, *вьюнок*, укр. *повій*, *повійка*, болг. *повитица*, с.-хорв. *повивка*, словен. *povitec*, польск. *powój*. Подобное семантическое развитие значения, причем от корня **u̯el-*, прослеживается и в латинском названии — *Convolvulus*.

К индоевропейскому корню **khvodo-* некоторые исследователи возводят арм. *xot*, род. п. *-oy* 'трава' и славянские обозначения хвоща [19] — Equisetum hiemale: рус., укр. *хвощ*, блр. *хвошч*, ст.-польск. *chwoszczki* pl., совр. *chwoszcz*, словен. *chvošč* болг. *хвощ* и т. д. Данные обозначения в славянских языках ассоциируются с пучком волос, хвостом [20].

Из слов третьей группы можно указать, в первую очередь, на такую важную эксклюзивную изоглоссу в обозначении хвойных деревьев, как арм. *ełevin* 'ель, кедр' и праслав. **jalovь-cь*, рус. *яловец*, укр. *яловець*, чеш. *jalovec*, польск. *jałowiec* 'можжевельник' [21], восходящие к и.-е. **el-* 'красный, коричневый'. Армяно-славянский ареал противопоставляется другим ареалам в обозначении хвойных пород: с одной стороны, греческо-германо-кельто-балто-фракийскому (греч. πεύκη др.-в.-нем. *fiuhta*, ирл. *ochtach* < **puk-tako*, балт. **piauše*, лит. *pušis*, др.-прус. *peuse*, фрак. в оно-

---

[15] Этимология Джаукяна Г. Б., см.: *Джаукян Г. Б.* Введение в армянскую диалектологию, с. 293.

[16] Ср., может быть, арм. *hask* 'колос' и ст.- слав. ость.

[17] *Meillet A.* Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905, p. 209.

[18] *Ачарян* I, с. 506—507.

[19] *Petersson H.* — KZ, 47, S. 278; *Ачарян* III, с. 402; *Фасмер* IV, с. 232.

[20] Подобная ассоциация значений намечается и в других названиях растения: ср., с одной стороны, ст.-польск. *koński ogon*, польск. диал. *koci ogon*, *lisi ogon*; болг. диал. *конска опашка* и т. д., с другой стороны, лат. *setum* < **saeta* 'щетина, жесткие волосы у животных'.

[21] *Фасмер* IV, с. 554; *Ачарян* II, с. 18.

мастике Πεύκη < и.-е. *peuk̂- 'колоть' [22], с другой стороны, латинскому и индийскому (лат. *picea* и *pinus* др.-инд. *pītu-dāru* — Pinus Deodora Roxb. < и.-е. *pei̯(ə)-, *pī- 'смолистый') [23].

Если в основе наименования в армяно-славянском ареале лежит цвет, то в других ареалах обнаруживаются иные признаки: 1) 'колоть, колючий' < *peuk̂-; 2) 'смолистый' < *pei(ə)-, *pī-.

В качестве эксклюзивной изоглоссы часто приводится также армяно-славянское обозначение смолы, живицы, возводимые к и.-е. *g^{u}iu-: арм. *kiv* 'древесная смола' и рус. *живица* 'белая сосновая смола', укр. *живиця*, чеш. *živice*, в.-луж. *żywica*, н.-луж. *żywica* 'смола'. Примечательно, что в таких близких к славянским языкам, как балтийские, наименование смолы восходит к и.-е. *dereu(o)-, обозначающему по преимуществу дерево, древесину: лит. *darvà* 'смола, вар', лтш. *darva* 'смола', аналогично обозначение смолы и в германских языках: др.-сев. *tjora*, др.-англ. *teoru*, *tierwe*, ср.-в.-нем. *tere* 'смола, живица' [24].

Для армянского и славянских языков общим является также название ясеня — Fraxinus, восходящее к и.-е. *ŏ̄s-: арм. *hac'i*, праслав. **asenь*/**asenь* (рус., укр. ясень — Fraxinus excelsior, болг. *ясен* — Fraxinus, с.-хорв. *jȁсен*, словен. *jasen*, *jesen*, чеш. *jasan*, польск. *jesion* — Fraxinus excelsior и т. д.) [25], причем это наименование выступает также в греческом, германских, балтийских, кельтских, латинском и албанском языках.

По суффиксальному образованию здесь явно выделяется два ареала: 1) с суф. *-k и 2) с суф. *-en: по первому признаку армянский язык объединяется с германским, греческим и албанским, обнаруживая при этом наибольшую близость с германскими языками, так как расходится с двумя последними по значению: ср. др.-исл. *askr* 'ясень', алб. *ah* 'бук', греч. οξύη, 'бук', 'копье' [26]. Славянские языки по второму признаку образуют другой ареал вместе с латинским и кельтским: лат. *ornus* osenus, 'вид ясеня', др.-ирл. *huinnius*, кимр. *onnen*, брет. *ounnen* [27]. Особняком стоят балтийские языки: лит. *úosis*, лтш. *uosis*, *uoss*, др.-прус. *woasis* 'ясень' [28]. При этом их объединяет со славянскими формами долгота корневого гласного, в остальном же они отличаются по структуре, причем и то и другое обозначение самостоятельно восходят к и.-е. *ŏ̄s-.

И в армянском и в славянских языках хорошо сохранилось древнее индоевропейское название желудя, имеющее соответствие также в балтийских, греческом и латинском языках: и.-е. *g^{u}elə-, арм. *kałin* 'желудь', праслав. **želǫdь*, лит. *gilė*, лтш. *dzīle*, греч.

---

[22] *Pokorny* I, S. 828.
[23] Там же, с. 793.
[24] *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 217.
[25] ЭССЯ 1, с. 79.
[26] *Klüge — Götze*, S. 179.
[27] *F. Solmsen* — KZ, Bd. 34, прим. 1, S. 32.
[28] *Vondrák* I, S. 77.

βάλανος, лат. *glans*[29]. От этого же корня в армянском образовано и название дуба *kałni* — Quercus, в противоположность и.-е. названию дуба **perkᵘos*. В связи с этим интересно отметить отзвуки древних верований предков армян и славян. В славянских языках и.-е. название дуба **perkᵘos-* сохранилось в названии верховного божества Перуна, которое соотносится как с лит. *Perkūnas*, лтш. *Pērkōns*, прус. *Perkuns* (перв. зн. 'дубовый бог'), так и с лат. *quercus* 'дуб'. В этом названии, как неоднократно отмечалось исследователями [30], продолжаются общеиндоевропейские традиции, которые связывались с почитанием дуба. Аналог языческого почитания дуба прослеживается и в армянской фольклорной традиции, причем в виде реликтов культ дуба сохранился и в христианскую эпоху. Обычно дерево, являющееся объектом почитания, отличается огромными размерами, его считают священным и верят, что оно может излечивать от болезней. Более поздние христианские обряды наложились на древние языческие, в результате чего священное дерево может называться дерево-крест (например, священный дуб в Геташене: *kałni-xač*) [31].

Среди армяно-славянских генетических совпадений, относящихся к рассматриваемой области, следует особо выделить тот случай, когда только в одной из сравниваемых групп языков сохранилось первичное значение, восстанавливаемое для индоевропейского периода. При этом производные значения, имеющие место в одной из групп, частично могут присутствовать и в другой группе, наряду с основным значением. Прежде всего это относится к индоевропейскому обозначению дерева. Первичное значение **deru̯(o)-* 'дерево' сохранилось в славянских, а также хеттском, санскрите и германских языках, прасл. **dervo*, собир. *dervьje*, ст.-слав., болг. *дрeво*, с.-хорв. *дрйјево*, словен. *drevô*, рус. *дерево*, чеш. *drevo*, польск. *drzewo* и т. д., хетт. *taru*, др.-инд. *daru*, гот. *triu* 'дерево' [32]. В армянском оно заменено другим словом *c'ar̄*, которое некоторыми исследователями, начиная с Х. Педерсена, возводится к и.-е. корню **ĝers-* 'завивать, вить, куст, ветвь' [33]. Однако Г. Б. Джаукян высказывает предположение о возможной связи арм. *caı* с урартским *zari/e* (*ṣari/e*) 'фруктовый сад, роща' [34].

Несмотря на то что первичное значение **deru̯(o)-* 'дерево' в армянском не сохранилось [35], однако указанный корень дал в армянском многочисленные производные значения, для которых

---

[29] *Pokorny* I, S. 139; *Фасмер* II, с.44.

[30] См., например: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 4—30.

[31] Подробно см.: *Самвелян А.* Древняя армянская культура, ч. 1. Ереван, 1931, с. 210—211 (на арм. яз.).

[32] *Фасмер* I, 502; *Pokorny* I, S. 425.

[33] *Pokorny* I, S. 609; *Ачарян* II, с. 446.

[34] *Джаукян Г. Б.* Урартский и индоевропейские языки. Ереван, 1969, с. 134, прим. 250.

[35] Происхождение арм. *an-tar̄* 'лес' нельзя считать окончательно установленным, хотя и были попытки возведения его к и.-е. **deru̯(o)-*. В частности, Бугге объяснял арм. *an* в качестве приставочного элемента

прослеживаются параллели и в славянских языках. В качестве метаморфического обозначения из *dru-ra-mo < *dereu̯(o)- засвидетельствованы прилагательные: арм. *tram* 'крепкий', ст.-слав. съдравъ, болг. *здрав*, с.-хорв. *здрȁв*, словен. *zdrav*, рус. *здоровый*, чеш., слвц. *zdravý*, польск. *zdrowy* и т. д. (ср. также др.-инд. *dhruva*, авест. *drva* 'крепкий, здоровый', лит. *drūtas* 'крепкий' и т. д.[36]

От огласовки и.-е. корня *dru- в армянском засвидетельствовано *targal* 'деревянная ложка'.

Подобный же переход 'дерево' → 'материал из дерева' обнаруживается и в славянских языках: болг. *дърва*, рус. *дрова*, чеш. *drvo*, польск. *drwa* 'древесина'[37].

В древнеармянском от указанного и.-е. корня имеются также и такие редкие слова со значениями, не засвидетельствованными в славянских, как *toṙn* 'пест' < *doru-[38] и *torg* < *doru- 'сеть паутины', причем в диалектах сохранились и такие значения, как: 1) ткацкий станок; 2) деревянная рама, на которую налагают нити при выделывании ковра; 3) кусок дерева круглой формы (мотовило, ворот)[39].

Л. Патрубани[40] возводит к и.-е. корню *dereu̯(o)- также арм. *terev* 'лист дерева', однако Гюбшман[41] и Ачарян[42] отвергают это сравнение, считая *terev* заимствованием из сирийского языка (ср. сир. *teref*, при древнееврейском *terep* 'лист').

Интересен также случай, когда на основании одного и того же значения развились хотя и близкие, но не идентичные наименования. Хотя семантическое единство гнезда слов неоспоримо, со-

---

с собирательным значением *an* < *sm-, восстанавливая праформу *sm-dəru- (см.: *Bugge S.* Etruskisch und Armenisch. Christiania, 1890, S. 86); *Ачарян* I, с. 211.

[36] У индоевропейцев дерево было символом прочности, наделенное целебной силой. Так, у армян особо почитались деревья причудливой формы, древесину таких деревьев считали целебной и использовали как лекарство. Больные отрывали куски от своей одежды и вешали на дерево, чтобы их болезни перешли на него. Подобные обряды прослеживаются до настоящего времени (см.: *Самвелян К.* Указ. соч., с. 210—214). Аналогичные представления имеют место и у славян. Положительное значение сырого (зеленого) дерева как символа здоровья, жизни засвидетельствовано, к примеру, в одном из карпатских послепохоронных обрядов, когда обращаются к зеленому дереву со словами: jakyj to derevo zdorovyj, taki i my zdorovy (см.: *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 148). Сходные обряды на славянской почве отражены и в гаданиях типа: ветвь не посохла — жива будет, ветвь посохла — будет жить бедно (при наряжении березки в первое воскресенье после Троицына дня) (см.: *Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1. СПб., 1898, с. 352).

[37] *Фасмер* I, 539.

[38] *Ачарян* VI, с. 120.

[39] *Там же*, с. 956—957.

[40] *Patrubàny L.* Sprachwissenschaftliche Abhandlungen, II. Budapest, 1908, S. 155.

[41] *Hübschmann H.* Armenische Studien. Leipzig, 1893, S. 273.

[42] *Ачарян* II, с. 873—874.

здается впечатление, что первичное значение, сохраняемое в точности в какой-либо языковой группе, в силу определенных причин (в частности экстралингвистических: изменения климатических условий, смены географической среды и т. д.) отклонилось в сторону, дав новые наименования в каждом из сравниваемых языков. Так, от корня **ei-* 'красноватый, пестрый' [43] еще в индоевропейский период были образованы основы *(*e*)*i-u̯o-* и *(*e*)*i-u̯a-* 'тисс', которые дали на почве отдельных индоевропейских языков самые разнообразные значения. В славянских языках и.-е. *(*e*)*i-u̯a-* обозначает иву — Salix и тисс — Taxus; ср. рус., болг. *ива*, с.-хорв. *ива*, словен. *iva*, польск. *iwa* — Salix, при др.-чеш. *jiva* 'тисс' [44], аналогично ирл. *eo*, кимр. *yv*, брет. *ivin*, др.-в.-нем. *iwa*. В древнеармянском языке развилось новое значение 'виноградная лоза' — *aigi*, а также собирательное 'виноградник' (ср. с лат. *ūva* 'гроздь, виноградная кисть, виноград').

По значению отдельно стоят балтийские и греческий языки: ср. лит. *ievà*, лтш. *iẽvą* 'черемуха — Prunus padus' и греч., ὄα, οἴη 'рябина — Sorbus' [45].

В некоторых случаях нельзя с уверенностью говорить о генетических параллелях, так как отражение данного и.-е. корня в одном из сравниваемых языков вызывает сомнение. Так, например, и.-е. название березы — Betula alba, восходящее к и.-е. **bherĝ-* 'белый, блестящий', имеет распространение как в славянских, так и в балтийских, индийском, иранском и германских языках: праслав. **berza* (ст.-слав. брѣза, болг. *бре́за*, с.-хорв. *бре̏за*, рус. *береза*, чеш. *bříza*, польск. *brzoza* и т. д. во всех славянских), лит. *béržas*, др.-инд. *bhūrja* 'вид березы — Betula Bhojpatra', др.-иран. *barza-*, др.-в.-нем. *birihha*, др.-англ. *beorc* 'береза' [46]. Сюда же относится (с переносом значения) и лат. *fraxinus* 'ясень' [47]. В. Георгиев [48] отмечает наличие и.-е. корня **bherĝ-* и в фракийском на основании топонимических наименований Βερζανα, *Bersovia*, реконструируя фрак. *bersa-* 'береза'.

---

[43] *Pokorny* I, S. 297; *Фасмер* II, с. 113; *Ачарян* I, с. 166.

[44] О переносе значений 'ива' > 'тисс' см.: *Moszyński K.* Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957, s. 61.

[45] Несомненный интерес представляет то обстоятельство, что у армян, несмотря на то, что название ивы неиндоевропейского происхождения (*uřeni*), в фольклорной традиции сохранилось почитание ивы как священного дерева, продолжающее индоевропейские представления, связанные с анимистическим отношением к деревьям. К примеру в Гохтане и Васпуракане известны даже священные ивовые рощи (см.: *Самвелян А.* Древняя армянская культура, с. 213). У славян аналог культа ивы обнаруживается в рождественских ритуальных обрядах, когда используются ивовые прутья, образуя культовые символы (например, у чехов *pomlázka*), см.: *Потебня А. А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. 1. Рождественские обряды. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, 1865, кн. 2, апр.-июнь. М., 1865, с. 185.

[46] *Фасмер* I, с. 154; ЭССЯ 1, с. 202—203; *Pokorny* I, S. 139.

[47] *Berneker* I, S. 52; *Walde* I, S. 544.

[48] *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 119.

Отнесение некоторыми авторами арм. *barti* 'Populus pyramidalis тополь' к этой же группе пока нельзя считать вполне достоверным, некоторые авторы предполагают переход **ĝ*'>*t* и восстанавливают праформу **bhr̥ĝii̯o-*[49] (Г. Б. Джаукян), другие сравнивают с родственной названию березы праславянской формой **berstь* — Ulmus (ст.-слав. брѣстъ, рус. *берест* — Ulmus campestris, чеш. *břest* вид вяза — Ulmus montana, диал. *břest* бук — Fagus, польск. *brzost* — Ulmus suberosa[50] и восстанавливают праформу **bhr̥stii̯a-*[51] (Э. Лиден). Из этих двух предположений второе явно ошибочно: **bhr̥sti- i̯a-* дало бы в арм. *barsti*, а не *barti*. Первое же предположение следует считать более вероятным, если иметь в виду, во-первых, аналогичные случаи фонетического перехода и.-е. **ĝ*>*t* (ср. и.-е. **aĝ-ro* 'поле, нива'>арм. *art*; и.-е. **ĝelou̯-* 'золовка'>арм. *tal*; и.-е. **bhuĝ-* 'питать'>арм. *but* 'корм, еда', др.-инд. *bhuj* 'вкушать' и т. д.)[52]; во-вторых, возможность переноса значения 'береза' → 'тополь' в силу того, что береза в естественном состоянии обитает в средней и северной зоне Европы. Следует заметить, что в армянских диалектах (карабах., мушск. и др.) имеется и специальное слово для обозначения березы *keči*, которое употребляется и в современном литературном языке, в грабаре же данного слова не было.

Приведенный выше материал говорит о сохранении значительного количества (вопреки Мейе)[53] армяно-славянских лексических схождений в области ботанических обозначений. Сюда входят как общеиндоевропейские названия, так и ареальная лексика. Часть из них представляют эксклюзивные армяно-славянские изоглоссы: ср. 1) арм. *kołr*, слав. *голь* 'ветвь'; 2) арм. *ełevin* 'ель, кедр', слав. *яловьць* 'можжевельник'; 3) арм. *kiv* 'смола', слав. *живица*. Из других параллелей, разделяемых армянским и славянскими языками, следует отметить обозначения мха, ясеня, желудя и, по-видимому, березы.

В ходе анализа прослеживаются интересные аналогичные типологические переходы в армянском, греческом и славянских языках; в частности, это наблюдается: 1) при образовании ботанических обозначений из и.-е. корней **bheu̯-* 'расти, развиваться, существовать' и **er-* 'подниматься, быть в движении'; 2) при образовании наименований отдельных видов растений, продолжающих и.-е. корни **ak̂-*, **ok̂-* 'острый', **u̯el-* и **u̯ei-* 'вращать'; 3) в отражении и.-е. корня **dereu̯(o)-*: арм. *tram* 'крепкий', слав. *съ-дравъ*, 'здоровый'; арм. *targal* 'деревянная ложка', слав. *дърва* 'дрова'.

---

[49] *J̌ahukjan G. B.* — KZ, 1975, Bd. 89, S. 35.
[50] *Фасмер* I, с. 156.
[51] *Lidĕn E.* — IF, 1892, S. 490 und f.; *Ачарян* I, с. 490.
[52] Ср.: *Джаукян Г. Б.* Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967, с. 182—183.
[53] Ср.: *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, с. 397.

Можно без колебания констатировать близость географической среды предков армян и славян с соответствующей экологической зоной (в частности, совпадения в названиях животных [54] и в ботанических обозначениях).

Данный вывод, основанный на лингвистическом материале, подкрепляется и экстралингвистическими (в частности, этнографическими) данными. Генетическая преемственность проявляется в целом ряде общих черт культовой роли растений, отражаемых и в армянской и славянской языковой традиции [55], что имеет большое значение как для этно- и палеолингвистики, так и для этногенеза и ранней предыстории армян и славян.

Г. А. Климов

НЕСКОЛЬКО КАРТВЕЛЬСКИХ ИНДОЕВРОПЕИЗМОВ

В настоящей статье в стороне оставлена значительная совокупность накопленных в специальной литературе картвельских лексем, часть которых еще с первой половины прошлого столетия внушала некоторым лингвистам гипотезу о возможности отдаленного родства между картвельскими и индоевропейскими язы-

---

[54] См.: *Сараджева Л. А.* Индоевропейская животноводческая терминология и ее отражение в древнеармянском и славянских языках. — ИФЖ АН Арм. ССР.

[55] Кроме вышеприведенных, следует отметить следующие аналогичные проявления ритуалов, связанных с растительным миром. У армян и славян почитаются, кроме деревьев, также и цветы. Особенно интересен мотив брата и сестры, прослеживаемый в армянской и славянской фольклорной традиции. У армян особо почитаемы роза и фиалка. Согласно старинным народным легендам роза (брат) и фиалка (сестра) связаны взаимной любовью. У славян подобные представления прослеживаются в почитании цветка Иван-да-Марья. Происхождение этого цветка объясняется в купальской песне как следствие нарушения брачного запрета между сестрой и братом. Эту песню поют в Купальскую ночь, пока не сгорит колесо и не потухнет костер (см.: *Богданович А. Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродна, 1895, с. 120).

Следует также отметить и такой обычай, как гадание по цветам (славяне гадают на ромашке — Anthemis romana, у армян существует известный обычай siri-siri — гадание на трилистнике — Trifolium), и такой поэтический обычай, как употребление названий цветов в качестве женских имен.

Большое значение цветов и зелени прослеживается как в армянских, так и славянских ритуалах, отражаемых в народных праздниках: арм. *całkazard* букв. 'цветоукрашение' — 'вербное воскресенье', диал. *carzardar* 'деревоукрашение'. Причем народ называет эти праздники праздником матери цветов.

У славян в подобных ритуалах девушку, с головы до ног украшенную зеленью и цветами, водят по селению (см. *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей, с. 76).

ками (и которая, впрочем, далеко не исчерпывающим образом учитывается в современных ностратических исследованиях). Напротив, предметом внимания здесь избрана небольшая группа слов, которая имеет основания скорее трактоваться в качестве древних заимствований, относящихся, как правило, уже к периоду, последовавшему за «распадом» общекартвельского единства. Следовательно, объектом рассмотрения не являются и древнейшие индоевропеизмы, характеризовавшие еще общекартвельское состояние. Такого рода ограничение материала статьи имеет определенный смысл. Оно продиктовано тем, что именно в этом случае наблюдается довольно показательное распределение лексем внутри картвельской языковой области, анализ которого позволяет высказать некоторые соображения о путях их проникновения. Соответственно, исследование получает дополнительные свидетельства о зоне древних ареальных соприкосновений картвельских и индоевропейских языков.

1. И.-е. **k̂rā* 'голова', 'рог' ~ лазск. *kra* (>*kja*), мегрел. *ka*, груз. *rka* 'рог', 'лоза (виноградная)'. Бросается в глаза особая близость лазской формы к индоевропейской. В ее историческом мегрельском соответствии **rka* (>*ka*; ср. отыменный глагол *rkalua* 'наматывать на рога') дает себя знать характерная для этого языка метатеза консонантного комплекса (ср. также мегрел. *orko* 'золото' при груз. *okro*, мегрел. *rkia* 'дуть, веять' при груз. *krola* и т. д.). Поэтому грузинское слово следует, по всей вероятности, рассматривать как мегрелизм, что оказывается в соответствии с постулируемой вторичностью последовательностей заднеязычных согласных с начальным *r* в грузинском [1]. В пользу распространения лексемы с крайнего юго-запада картвельской языковой области на север и восток может также свидетельствовать ее отсутствие в сванском, обозначение рога в котором (ср. лашх. *mič̣w*) может претендовать на исконность.

2. И.-е. **snusa* 'невестка, сноха' ~ лазск. *nusa*, *nisa*, мегрел. *nosa*, *nisa* 'невестка', груз. [*nusa*-?]. Лексема хорошо известна в занской ветви картвельских языков, где налицо и ее производные (ср. лазск. *nusaγa* 'ятровь', 'жена брата по отношению к жене другого брата'). В речевом сознании лазов она представляется старым словом [2]. В грузинском след ее бытования в прошлом обычно усматривают в глоссе *nusadia* 'жена дяди', сохраненной в словарном собрании Сулхана-Саба Орбелиани [3], хотя в памятниках древнегрузинской литературы она не засвидетельствована. И в этом случае обращает на себя внимание отсутствие слова в сванском языке (а также в географически близком ему представителе абхазско-адыгских языков — абхазском). Последнее обстоятельство тем более интересно, поскольку это индоевропейское слово оказывается заимствованным и во многих северокавказских язы-

---

[1] *Утургаидзе Ф. Г.* Фонематическая система грузинского языка. — Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, V. Тбилиси, 1978, с. 62.

[2] *Асатиани И. Ш.* Чанские (лазские) тексты. Тбилиси, 1974, с. 158.

[3] См. *Орбелиани Сулхан-Саба*. Соч., т. IV_1. Тбилиси, 1965, с. 600 (на груз. яз.).

ках — в адыгских и большей части нахско-дагестанских [4] (во всех случаях оно представлено подобно греческой, италийской и армянской форме без начального сибилянта). Очевидно также, что кавказские формы отражают уже послепраязыковую перестройку этой первоначально о-основы.

3. И.-е. **klā* 'ключ' ~ лазск. *ḳila*, *ḳola*, мегрел. *ḳila*, *ḳəla*, сван. *ḳəl* 'ключ'. Отсутствие слова в грузинском (груз. *ḳliṭe* 'ключ' имеет более поздний греческий источник) отчетливо указывает на его приуроченность к западному ареалу картвельской языковой области, где налицо и соответствующий отыменный глагол 'запирать'. К тому же, согласно Г. Деетерсу, сванская форма восходит на правах заимствования к мегрельско-лазскому [5]. В существующей литературе индоевропейская лексема с основанием рассматривается как типичный культурный термин, по всей вероятности, еще в древнейшую эпоху проникший из какого-то семитского источника [6]. Неясно, однако, через какое посредство семитское слово вошло и в некоторые языки Дагестана.

4. И.-е. **gᵘern(u)-* 'жернов' ~ лазск. *γurni*, груз. (аджар.) *γurne* 'мельничный желоб' [7]. Лексема, однако, не прослеживается на остальной картвельской территории, характеризуя лишь ее крайний юго-запад. Сван. *gurana* 'пест', отражающее в конечном счете эту же индоевропейскую основу, следует считать древним аланизмом: ср. осет. *kurojnoe* < **kurān*.

5. И.-е. **gᵘēb(h)ā-* 'жаба, лягушка' ~ лазск. *mǯvabu*, *(m)žvabu* 'жаба', мегрел. *žvabu* 'лягушка'. В остальных картвельских языках слово прямых соответствий не имеет. Так, груз. *gombešo*//*gombio* 'жаба' напоминает сходные армянские формы, а сван. *japxw*, *a(m)pxw*, *amxw* 'лягушка', вероятно, дескриптивной природы. Древность проникновения лексемы в занскую ветвь удостоверяется реализацией в ней занского передвижения гласных (*e* > *a*, *a* > *o*//*u*). Бросается в глаза разное отражение анлаутного согласного в этом и предшествующем слове. Ее близость к славянскому *жаба* уже давно замечена [8].

6. И.-е. **bher* 'ребенок' (ср. алб. *bir* 'сын') ~ лазск. *bere* 'ребенок, сын'. В других картвельских языках слово отсутствует (хотя его следы нередко усматриваются как в мегрельских, так и грузинских фамильных именах). Его заимствованный характер признает А. С. Чикобава, предполагающий, что усвоение лексемы — факт далекого прошлого, когда лазы обитали не на ны-

---

[4] Ср. *Абаев*, с. 190.

[5] *Deeters G.* Bemerkungen zu K. Bouda's «Südkaukasisch-nordkaukasischen Etymologien». — Die Welt des Orients, 1957, 3, S. 389.

[6] См. *Иллич-Свитыч В. М.* Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 6.

[7] *Нижарадзе Ш. М.* Аджарский диалект грузинского языка. Лексика. Батуми, 1971, с. 366 (на груз. яз.).

[8] Ср. *Чикобава А. С.* Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, с. 118 (на груз. яз.).

нешних местах расселения, а значительно южнее [9]. Встречающемуся сопоставлению слова с чечен., ингуш. *bēr* 'ребенок' [10] мешает не только отсутствие промежуточных звеньев, но и то обстоятельство, что последняя форма исторически восходит к более пространной **bader* (ср. бацб. *bader* 'ребенок' при бацб. *'abiḳ* 'ложка' ~ чечен. *hajg*, бацб. *qadal* 'самка' ~ чечен. *qāl* и т. д.).

7. И.-е. **lat*(*a*) 'болото, сырой' ~ лазск. *leṭa* 'земля', мегрел. *leṭa* 'грязь, глина' (сопоставление поддерживается и тем фактом, что оба последних значения налицо и в семантике ряда продолжений индоевропейского слова). Лексема характеризует оба картвельских языка занской ветви, отсутствуя в грузинском и сванском. В лазском она представлена преимущественно в атинском диалекте, в то время как в других преобладает *dixa*, что может говорить в пользу древности значений мегрельского слова. В специальной литературе обращалось внимание на сходные формы нахских языков (ср. чечен. *latta* 'земля'), однако отсутствие опосредствующих звеньев затрудняет допущение о проникновении лексемы с северо-востока. Последнему наблюдению Г. Деетерс противопоставляет сближение занских форм с адыг. *йатIэ* 'грязь' (более оправданное, если учесть реальность фонетического процесса $l > j$ в мегрельском) [11].

8. И.-е. **u̯*(*o*)*inik-o-* 'витое' ~ лазск., мегрел. *binex-i* 'виноградная лоза', груз. *venax-i* 'виноградник'. В древнегрузинском слово засвидетельствовано в виде *venaq-i*, что лежит и в основе сванского *venäq*. В картвельском словаре лексема стоит изолированно и, в частности она не сводима к следующей за ней в настоящем перечне (попытка Н. Я. Марра приписать ей архетип **γwenaq-i* не может быть признана удачной [12]). Уже сам характер обозначаемой реалии предполагает факт распространения слова с юга. Еще в 50-ых годах В. Георгиев высказывал мысль о происхождении всех этих картвельских форм из индоевропейского источника [13]. По мнению И. А. Джавахишвили, в грузинском слове произошло смещение его первоначальной семантики (действительно, еще в древнегрузинском ему было не чуждо и значение 'виноградная лоза') [14].

---

[9] Там же, с. 20.

[10] Ср., например: *Гониашвили Т. Н.* Лексические встречи чеченского с картвельскими языками. — Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры, т. V—VI. Тбилиси, 1940, с. 603—604 (на груз. яз.); *Bouda K.* Südkaukasisch-nordkaukasische Etymologien. — Die Welt des Orients, 1957, II, S. 205.

[11] *Deeters G.* Op. cit., S. 383.

[12] *Марр Н.* К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. — Материалы по яфетическому языкознанию, V, СПб., 1912, с. 41.

[13] *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958, с. 214—215, 266.

[14] *Джавахишвили И. А.* Экономическая история Грузии, т. II. Тбилиси, 1935, с. 102 (на груз. яз.); ср. *Абуладзе И. В.* Словарь древнегрузинского языка (материалы). Тбилиси, 1973, с. 156 (на груз. яз.).

9. И.-е. *u(o)ino- 'вино' ~ лазск. γ(v)ini, мегрел. γvin-i, груз. γvino-, сван. γwin-al 'вино'. Лексема, хотя и распространена по всей картвельской языковой области, на картвельской почве не этимологизуется и производит впечатление культурного термина. Характер обозначаемой реалии и в этом случае позволяет предполагать ее южное происхождение. В пользу этого предположения свидетельствуют и хорошо известные параллели слову из индоевропейских и семитских языков [15]. На усвоение слова из какого-то индоевропейского источника указывал уже Г. Деетерс [16] (ср., однако, сомнения Х. Фогта относительно его сводимости к протоармянскому [17]). Вместе с тем неизменное наращение на основу анлаутного γ, характерное по существу лишь для сванского языка (и само по себе указывающее на билабиальность последующего *w*) [18], ставит перед этимологами интересную проблему, решение которой в настоящее время едва ли возможно предугадать.

10. И.-е. **guda-* 'кишки, внутренности' ~ лазск., мегрел., груз. *guda* 'бурдюк, мех (для вина, продуктов)', сван. (нижнебальск.) *gudra* 'кожаный мешок' [19]. Хотя это слово, подобно предыдущему, и прослеживается по всем картвельским языкам, встречаясь также в древнегрузинском, оно стоит здесь совершенно изолированно. Сванская лексема, несомненно, усвоена из других картвельских языков, поскольку конечный гласный общекартвельских основ обычно в сванском не сохраняется. Как известно, не получает слово мотивации и в индоевропейском материале (где оно свидетельствуются лишь нижненемецким *küt*, древнемакедонским γοδα и др.-инд. *guda-* [20]), откуда вытекает условность «архетипа». Естественно допустить, что слово представляет собой бродячий культурный термин, некогда встречавшийся и в Передней Азии и проникший в картвельские языки, по-видимому, через посредство индоевропейских.

Приведенный выше лексический материал представляется показательным по крайней мере в двух отношениях. С одной стороны, будучи по преимуществу закрепленным за занским ответвлением картвельских языков (т. е. за лазским и мегрельским), он обнаруживает довольно отчетливый юго-западный центр своего тяготения. С другой стороны, в большинстве случаев естественно усматривать продвижение соответствующих изолекс в направлении с юго-запада на северо-восток.

---

[15] *Иллич-Свитыч В. М.* Указ. соч., с. 5.
[16] *Deeters G.* Рец. на кн.: Die Indogermanen- und Germanenfrage (hg. von W. Koppers). — IF, 1938, 56, S. 139 e. a.
[17] *Vogt H.* Arménien et caucasique du Sud. — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, 1938, B. IX, p. 334; ср. также: *Джаукян Г. Б.* Общее и армянское языкознание. Ереван, 1978, с. 212.
[18] Ср.: *Топуриа В. Т.* Фонетические наблюдения над картвельскими языками. V. Гуттурализация сонанта w. — Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры, X. Тбилиси, 1941, с. 231 и след. (на груз. яз.).
[19] *Марр Н. Я.* Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum). I. — Изв. Академии наук. Пг., 1915, с. 773.
[20] *Mayrhofer* 5, S. 339.

Оба этих обстоятельства оказываются в согласии с неоднократно высказывавшимся в специальной литературе предположением о том, что некогда картвельские языки должны были контактировать с индоевропейскими где-то на крайнем юго-западном рубеже своего распространения. Так, еще в 1934 г. Р. Лафон относил некоторые из подобных индоевропейско-картвельских схождений на счет древнего «средиземноморского» вклада [21]. Позднее, касаясь отдельных картвельских лексем, имеющих очевидные индоевропейские параллели, А. С. Чикобава приходил к мысли, что их происхождение было обусловлено древнейшими языковыми контактами в пределах Малой Азии [22]. В предпринятом Г. А. Меликишвили обзоре картвельско-индоевропейских лексических параллелизмов, становление которых невозможно приписать взаимодействию с исторически засвидетельствованными индоевропейскими языками (находившимися в соприкосновении с картвельскими на протяжении последних 2500 лет), автор также приходит к выводу, что эти контакты должны были иметь место в сопредельной области Малой Азии [23]. Заметим, наконец, что факты аналогичного порядка, по-видимому, послужили одним из стимулов разработанной в недавнее время Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым гипотезы о прародине носителей древнейшей индоевропейской речи в широкой переднеазиатской полосе, территориально смежной с Кавказом [24].

Напротив, трудно допустить по ряду причин возможность проникновения рассмотренной лексической группы с севера, где, как известно, локализовались либо северноkавказские, т. е. абхазско-адыгские и нахско-дагестанские, языки, либо некоторые представители индоиранской ветви индоевропейских языков (недавние исследования О. Н. Трубачева показали, что в северноkавказских языках следует ожидать определенных отложений индоарийского словарного фонда [25]). Против подобной возможности свидетельствует также характер распределения этих лексем, малоизвестных или иногда полностью отсутствующих на северо-востоке картвельской языковой области.

Наконец, интересный побочный вывод, вытекающий из рассмотренного выше материала, состоит в том, что представленные в нем термины виноградной и винодельческой культур не этимо-

---

[21] *Lafon R.* Mots méditerranéens en Géorgien et quelques autres langues caucasiques. — Revue des Etudes Anciennes (Paris), 1934, XXXVI.

[22] Ср.: *Чикобава А. С.* Указ. соч., с. 327; *Он же.* Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, с. 31 (на груз. яз.).

[23] *Меликишвили Г. А.* К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965, с. 242—243 (на груз. яз.).

[24] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка. — Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 дек.). Предварительные материалы. М., 1972, с. 19—23.

[25] Ср.: *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке. — ВЯ, 1976, 4; *Он же.* Некоторые данные об индоевропейском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. — ВДИ, 1978, 4.

логизируются на картвельской почве и производят впечатление культурных слов. Такое впечатление поддерживается и множеством других лексем этого круга. Ср., в частности, такие грузинские слова, как *mač̣ar-i*, 'молодое вино' (> мегрел. *mač̣ar-i*, сван. *mač̣är*), *vaz-i* 'лоза' (> мегрел. *vaz-i*, сван. *wäz*, *γwaz*), *č̣ač̣a* 'виноградные выжимки' (> мегрел., лазск.), *mṭevan-i* 'гроздь (преимущественно о винограде)' (> мегрел. *ṭian-i*), *ṭiḳ-i* 'бурдюк' и др., большинство из которых повторяется в армянском и некоторых других языках. С трудной задачей сталкиваются картвелисты и в связи с названием самого культурного винограда, не обнаруживающего закономерной дифференциации звукотипа исконных лексем: груз. *qurʒen-i*, мегрел. *ʿurʒen-i*, лазск. *qurʒeni*, сван. *qunzel* < *qulʒen* (неясно, связаны ли они с урартским *ulde*(*ni*) 'виноградник').

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, т. 1.А—Б. Мінск, 1978

1978 год ознаменовался большим событием в славистике — выходом в свет первого тома «Этимологического словаря белорусского языка». Это событие тем более значительно, что это первый опыт этимологической интерпретации белорусской лексики.

В небольшом «Введении» намечена основная задача словаря — выявление специфического белорусского этимологического ландшафта путем анализа словообразовательных и семантических процессов, происходящих в живом языке. С этой целью выявляются архаизмы и инновации, анализируется заимствованная и экспрессивная лексика. Серьезное внимание уделено фактам лингвистической географии, как одному из критериев истинности этимологии.

Несмотря на небольшой объем (439 с.), первый том Словаря содержит большое количество словарных статей, так как белорусское начальное *а* отражает этимологические *а* и *о*.

Очень хорошо отобран словник словаря. Авторы сумели избежать опасности превращения словаря современного славянского языка в словарь иностранных слов. В словнике представлена не только литературная, но и диалектная лексика, причем включены материалы из фольклорных текстов, языка писателей, рукописей. В самом словнике представлено все богатство и своеобразие белорусской лексики. Новым представляется включение в словарь большого пласта экспрессивной лексики. Ее роль в создании лексического фонда языка еще недостаточно оценена. Авторы разумно отказались от приведения всего этимологического гнезда списком, поскольку каждое производное слово имеет свою хронологию, историю, а иногда и этимологию.

Производная лексика представлена достаточно широко. В качестве заглавных слов выступают и морфемы, а иногда и корни (с. 244). К сожалению, полностью отсутствует ономастический материал.

Структура статьи лаконична. Большое внимание уделено словообразовательному анализу, но нередки отсылки просто к производящему корню (см. например статью *адуванчык* — с. 91). Меньше внимания уделено исторической документации и соответствиям в других славянских языках. В ряде случаев отсутствует праславянская реконструкция (с. 106), в качестве реконструкции иногда приводится древнерусская форма (**ožь* вм. *ežь* — с. 96).

Сильной стороной Словаря следует признать привлечение лингвогеографических критериев при этимологизации: см. статьи *аблог*, *агіда*, *адзежа* и др.

Очень удачно и без тенденциозности решается вопрос о заимствованиях.

Этимологическая часть статьи нередко содержит несколько возможных решений.

Словарь содержит значительное число очень удачных и доказательных оригинальных этимологий; см. статьи: *абух* (с. 61), *авярушкі* (с. 70), *агазны* (с. 71), *адлеглы* (с. 85), *адыстар* (с. 94), *амамліваць* (с. 109), *ашаламіць* (с. 234), *аснач* (с. 177), *асыты* (с. 189), *атоса* (с. 199), *ахлуп* (с. 218), *балхва* (с. 297), *баранка* (с. 293), *батлачык* (с. 329), *брыж* (с. 387) и мн. др.

Литература дается не списком, а гармонично вплетается в ткань статьи. Она включена в этимологическую аргументацию.

Замечания следует рассматривать скорее как размышления на ту же тему.

Для слова *абрыняць* 'опухнуть' (с. 59) может быть предложена и другая этимология: *абрыняць* < *ob-rin'ati* к **rinǫti* 'течь', ср. *отечь* 'опухнуть'.

Два слова: *адтачыцца* 'откормиться, поправиться' (с. 91) и *атőчыны* 'сало на кишках' (с. 200) этимологически связаны. Оба они производны от глагола *отечь* 'увеличиваться в объеме, опухать', 'покрываться жиром'. Ср. развитие той же семантики у глаголов *лить* и *плыть*: «Козу́ держа́ла, са́льна была́, са́лом облилас'я фс'я» (Карт. Сл. русск. гов. Карелии); «Груди и руки у ней *наплывистые* были» — полные (Сл. Ср. Урала II, 177).

В статье *апла́вы* 'кровотечение' (с. 125) можно привести близкие формы: укр. *сплав*, *сплавня* то же (Гринченко IV, 179); н.-луж. *kšawny hupław* (Мука I, 448). Интересно привлечь и блр. *апла́ва* 'ливень' (Шаталава, 12) и глаголы *плавить* и *плыть* в значении 'лить, течь', ср. *плыть* 'лить (о крови)' (Карт. Пск. сл.; Карт. Белоз. сл.), *пла́вить* 'много лить' (псков., твер. Доп. Оп., 182); то же в сербохорватском.

В статье *аплавічнік* следует учесть мнение Махека о том, что это калька (Machek V. Česká o slovenská jména rostlin. 240).

Со словом *аплавітна* 'богато' интересно сопоставить рус. *опла́вна* 'множество' (Подвысоцкий, 110). Причем белорусский и русский примеры дают отличную от польского огласовку корня.

Наречие и предлог *апрыч* (с. 134) заслуживает самостоятельного рассмотрения. Оно может быть связано с такими словами, как блр. *апры́кнуць* 'надоесть', *апрыклы*, рус. колым. *опри́чить* ушибить, поранить', праслав. **prikrъjь* 'неприятный', 'резкий', 'крутой', в конечном счете все к и.-е. **(s)ker-* 'резать'. Развитие семантики то же, что и у слова **kromě*.

Для слова *апру́да* 'лентяй, обжора' (с. 135) скорее следует предположить исконное происхождение, ср. рус. яросл. *опрясть* 'много съесть' (Мельниченко, 134).

Апры́ндіцца 'сдохнуть' (с. 136) может восходить к праслав. **obprydіti sę* к и.-е. **(s)preudh-* 'гнуть, напрягать'. Ср. широко представленный в русском языке глагол *опру́диться* с тем же значением. Значение 'сдохнуть' — вторичное и экспрессивное от первоначального 'сгибаться' → 'застывать, коченеть', ср. рус. *загну́лся* 'умер'.

Семантика глаголов с корнем *prud-/prǫd-* очень широка (с. 135). Может быть, имело бы смысл рассмотреть более детально глаголы с близким значением с привлечением соответствий из других славянских языков.

В статье *апяша́лы* (с. 141) нет ссылки на работу Ж. Ж. Варбот (К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I. — Этимология. 1971. М., 1973, с. 18—19).

В статье *астőркнуць* (с. 182) следовало бы привлечь другие образования от того же корня в белорусском языке: *пыостырка́тыся* 'не бывать, редко показываться', *пызастőркнуты* 'не задерживаться' (Народная лексіка, с. 95). Глагол, несомненно, восходит к большому этимологическому гнезду с корнем **tъrk/-stъrk-* 'тыкать, толкать'. Ср. экспрессивное значение глагола *торчать* в русском языке 'долго находиться, задерживаться где-либо'.

Этимология слова *атвоная* 'покатая' (с. 195), данная в словаре (к *отвонный* 'внешний' с утратой внутренной формы), представляется не очень убедительной. Слово *отвонный* 'пологий' широко представлено в русских говорах (новг., псков., прибалт., олон.). Анализ синонимов (*отлогий*, *покатый*, *отхонный*) показывает, что мы имеем везде имя, образованное от глагола. Это дает нам возможность предположить и в данном случае глагольный корень: *отвонный* < *отводный*. Наличие *нн* объясняется ассимиляцией группы *дн* > *нн*; процесс широко представлен на данной территории. Доказательством правильности нашей этимологии служат наречие *во́дом* 'плавно, не порывисто' и блр. *атводны бераг* 'низкий берег, покатый' (Сцяшковіч, 36).

О слове *асу́га* (с. 188) см. еще: Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. VII. — Этимология. 1976. М., 1978, с. 42—45.

Материал к статье *ахара́так* 'объедок' (с. 212) может быть дополнен такими примерами, как *акара́ток* 'большой кусок' (арх. Карт. СТЭ), *охара́ток* 'домашняя рухлядь, скарб' (новг. тихв. Доп. Оп, 169), *охара́тье* 'одежда'

(новг. Карт. Новг. ГПИ). Все это, вероятно, из *ob-xъrtъkъ к и.-е. *(s)ker- 'резать'.

Слово *ачарóмки* 'обложка, переплет' (с. 212) представляет исключительный интерес. Оно восходит к *občertъky* мн. и может быть сопоставлено с цслав. чрѣмъ 'шатер' <*čertъ*, ср. др.-инд. *cárman-* 'кожа', др.-в.-нем. *scirm*, *scërm* 'защита, заслон' < 'щит, покрытый кожей'. Значение слова *ачарóмки* может быть реконструировано как 'обтянутый кожей'. При том, что праслав. **čertъ* представлено единственным примером из церковнославянского, наличие реликтового белорусского слова имеет большое значение для реконструкции праславянского фонда.

Лекарственное применение Sedum с неизбежностью вынуждает нас связать слово *ачитак* (с. 232) с *читый* 'целый, здоровый', 'чистый, трезвый'. Территория распространения слов *читый* и *читавый* в восточнославянских языках достаточно широка. Это белорусские витебские говоры, русские псковские, калужские, воронежские, прибалтийские.

Слово *брускiкi* мн. 'дружки жениха' связывается непосредственно с *брус* 'брусок для точки' (с. 384). Представляется более вероятным связь этого белорусского слова с рус. диал. *брусмá*, *бруснá* 'враль, вралиха', чеш. диал. *brusna* 'сплетница', болг. диал. *брус* 'выдумка', словен. *brusna* то же (См. ЭССЯ, 3, 51).

Для анализа белорусского *брéкаць* 'брезговать' (с. 394) любопытно было бы привлечь русский материал: вологодско-архангельское выражение *в забреку пало* 'показалось обидным, оскорбительным' (Филин, 9, 274). Вариантность *-k-/-zg-* подтверждается такими примерами, как *брыкнуть* 'брызнуть' (Сл. Оби Доп. I, 44).

Встречаются в Словаре обидные пропуски и опечатки. На с. 64 отсутствует статья при слове *абшпарыць*; с. 83 — *jedinъ na desete* — надо *desęte*; с. 241 *ščediti* — надо *ščęditi*; с. 125 *Gnophalium ulginosum* — следует *Gnaphalium uliginosum* и т. д.

В. А. Меркулова

В. И. Георгиев, Й. Заимов, Ст. Илчев, М. Чалъков, Й. Иванов, Д. Михайлова. Български етимологичен речник. Св. XV—XVI (*award клика́р — компло́т*). София, 1978;
В. И. Георгиев, Ст. Илчев, Й. Иванов, Д. Михайлова, В. Анастасов, У. Дукова, М. Рачева, Т. Тодоров. Български етимологичен речник. Св. XVII—XVIII (*компози́рам — крепя́*). София, 1979

Рецензируемые выпуски представляют собой довольно значительную часть второго тома «Болгарского этимологического словаря» (немногим менее 300 страниц). Весь этот отрезок словаря, т. е. практически огромная часть тома, занят буквой *К*, которая, по всей видимости, займет также часть дальнейшего тома — третьего. Как известно, в славянских этимологических словарях лексика на *К*- начальное — наиболее многочисленная, самая богатая часть словаря. Этимологическая разнородность, а также неясность многих слов на *К* делают этот самый обширный раздел словаря также и самым трудным этимологически. Эта характеристика целиком относится и к рецензируемой части нового болгарского этимологического словаря.

Принципы построения, преимущества, а также и недостатки этого продолжающегося словаря в целом знакомы нашим читателям. К его достоинствам по-прежнему можно не колеблясь отнести богатство собранной лексики (особенно диалектной, с подробным указанием ареала слов), определенный интерес представляют сведения о словообразовательной активности (гнезде), как правило, сообщаемые в словарной статье (ср. хотя бы список производных и сложений в статье *клин*[1] — две страницы мелкой печати); правда, объяснительную силу собственно этимологического анализа такая экстенсивная подача словообразования ощутимо не повышает. Авторы, как правило, не упускают возможности привлечь ономастику — как внутри словарных

статей, так и в виде самостоятельных позиций. Здесь читатель нередко может почерпнуть интересную и свежую информацию, в частности о субстратной топонимике, ср. например *Книшава*, название части горного массива Рила и Родоп (с. 498).

Этимологическая часть словарных статей, хотя и представляет в ряде случаев определенный прогресс после словаря С. Младенова 1941 г., все же выполнена несколько бегло. Некоторые проблемы по-прежнему будут дожидаться своего решения либо уже сейчас должны рассматриваться иначе. Возьмем один, но достаточно показательный и крупный пример, в котором как бы сталкиваются два наиболее характерных аспекта болгарской этимологии — собственно славянский и балканский. Это болг. *ко́пиле*, *ко́пеле* 'внебрачный ребенок', (диал.) 'мальчик', 'парень'. По мнению составителей (с. 614), «слово не имеет точно установленной этимологии». Приводится сравнение с сербохорв. *ко̏пӣл*, *ко̏пӣље* 'внебрачный ребенок', алб. *kopill*, *kopilj* 'подросток, слуга', рум. *copíl* 'внебрачный ребенок', тур. *kopil* 'буян, проказник', укр. *ко́пил* 'незаконнорожденный'. Сам подбор соответствий говорит, что слово понимается как заимствование. Еще Миклошич думал, что болг. слово заимствовано из албанского. Бернекер, как и многие другие, считал первоначальным значение 'незаконнорожденный ребенок'. Изощренность существующих этимологий, их многочисленность вместе с их малой эффективностью приводит некоторых к выводу о неясности происхождения слова. Не более убедительны попытки возложить ответственность за возникновение слова на иллиро-фракийский субстрат (Скок) или даже на неиндоевропейский (Оштир); не забыта и балканороманская версия (Шюц), равно как и греческая, и румынская, а также турецкая. И это далеко не полный перечень, см. подробнее, с литературой, на с. 614—615. Репутация балканского происхождения была у этого слова настолько прочной, что никто и не подумал об исконнославянском происхождении. Только Младенов высказал догадку (впрочем, очень отвлеченную), что это слово образовано на славянской почве от и.-е. **(s)kap-* 'создавать'. Ограничение балканским аспектом и сосредоточенность внимания исследователей на значении 'внебрачный ребенок' при проверке, однако, оказывается лишь произвольным выбором, потому что ни указанный ареал, ни данное значение не могут считаться здесь первоначальными. Странно, что здесь не упомянуто рус. *копы́л* 'стояк, подпорка', не имеющее ничего общего с балканским ареалом и вместе с тем старое, отраженное в старой восточнославянской топонимии (*Копыл*, *Копыль*, местное название в Минской области, с XIV в., *Копыль*, старое название города Славянска-на-Кубани). Связь русского слова с болгарским несомненна; если в русском значение 'побочный отросток' только угадывается, то в болгарском оно совершенно очевидно, и если существующие этимологии обходят его, тем хуже для этих этимологий. Ср. болг. диал. 'побочный початок кукурузы', особенно *ко́пило* 'отросток кукурузы, который *вырывается*, поскольку в гнезде их несколько' (с. 613 Словаря). Здесь по сути уже содержится figura etymologica, которая побуждает нас к простому и реальному объяснению (вопреки Фасмеру и Преображенскому) на славянской почве: **kopylъ* 'то, что отсекается' < **kopati*, здесь 'рубить'. В земледелии и садоводстве побочные побеги всегда без колебания отсекались как ненужные и даже вредные; на ребенка, рожденного вне брака, это название было перенесено лишь вторично. Только после этого метонимического переноса началась собственно балканская карьера славянского слова, попавшего и в румынский, и в албанский (но не наоборот!).

О. Н. Трубачев

В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. III (S—T'). Л., 1979

Первые два тома этого словаря давно поступили в научный оборот и являются едва ли не самой заметной публикацией в этимологической иранистике последних десятилетий. К ним прибавился теперь третий том, с выходом которого словарь значительно приблизился к своему завершению. Выдаю-

щиеся особенности этого труда достаточно широко известны, что освобождает от необходимости всесторонней его характеристики, да это было бы и затруднительно для рецензента-нираниста. Отказавшись поэтому и на сей раз от пространной традиционной рецензии (ср. аналогичную нашу рецензию на т. II, — ВЯ 1975, № 1, с. 131—135), изберем более целесообразный метод «замечаний на полях» при чтении, специально выделяя вопросы славянской и индоевропейской этимологии и реконструкции. Свои замечания просим расценивать как дань уважения автору, который в 1980 г. встречает свое восьмидесятилетие.

Надо сказать, что славянский и особенно русский сравнительный лексический материал играет решающую роль в аргументации В. И. Абаева, особенно в неясных случаях, как со словом осет. *sak'ex* 'шаг' (с. 25), которое он пытается объяснить из **šag-k'ex* 'шаг ноги', «где первая часть сопоставима с рус. *шаг*». Неясен при этом возраст предполагаемого осетинского образования, поскольку надо иметь в виду, что рус. *шаг* — из первоначального **сяг* < праслав. **sęgъ*.

В свою очередь иранский, осетинский материал нередко привлекается для прояснения неясной части русской, главным образом диалектной лексики, хотя по понятным соображениям обращаться к этому лучше не сразу, а лишь после анализа внутренних возможностей. Так, дигорское *satar kænun* 'проматывать, растрачивать, разбазаривать' (с. 40), а также его источник — тюрк. *satar*, *sat* — 'продавать' усматривается также в рус. диал. *засатарить* 'задевать, засунуть не помня куда'. Однако слово распространено и в других частях русской территории, ср. у Даля (и у автора) *засаторить* 'затерять, запропастить'. Слово это в общем этимологически ясно (несмотря на фасмеровскую резигнацию: «unklar», цитируемую В. И. Абаевым). Мы видим здесь исконнорусское сложение с приставками *за-со-торить*, ср. *за-про-торить*.

Любопытно соотнесение на с. 46—47 донской казачьей фамилии *Шолоховы* и кабардинской фамилии *Śoloxo* (*Śowloxo*, *Śawloxo*).

Рус. *шáрпать* трудно отделять от польск. *szarpać*; во всяком случае аланское происхождение (см. с. 83) здесь сомнительно.

Проблематично сближение ст.-слав. *сыръ*, лит. *sūras* 'соленый' и осет. *sūr*/*sor* 'сухой' (с. 170), так как осетинское (иранское) соответствие ожидалось бы с начальным *x*- из *s* этимологического. Точно так же осет. (дигор.) *suxæ* 'сухой' (с. 176) обозначается как «скифо-славянская изоглосса», иначе — «славизм» (исконно иранская форма — **hauš*-, **huš*- < и.-е. **saus*-, **sus*-). Поскольку нет как будто никаких указаний на древность формы, может быть, речь должна идти о заимствовании из рус. *сухой*, *сухо*?

Можно упомянуть произведение ст.-слав. *шоумъ*, рус. *шум* (и т. д.) из скифо-сарматского, конкретно — осет. *sym*/*sum* 'звук', 'шум' (с. 198). Осетинское слово объясняется, далее, из ир. **srauma*- от и.-е. **k'leu*- 'слышать', для славянского же вероятнее исходная ономатопея. Разветвленность гнезда **šumъ*, **šuma* в славянском (также → 'лес') снижает здесь вероятие иранизма.

На с. 227 получает исчерпывающую этимологизацию весьма частотное слово нашей действительности — рус. *тамада*, осет. *tamada* 'распорядитель пирушки' — через адыгский и грузинский — из перс. *dāmād* 'зять', 'жених'. Интересующиеся дальнейшей ресторанной терминологией могут на с. 244 почерпнуть сведения о происхождении слова *табака* (например *цыплята* ~) в конечном счете — из араб., перс. *ṯabaq*, *ṯabaqa* 'пласт', 'лист', т. е. '(жаркое) в распластанном виде'. Правда, русского слова автор не упоминает.

Рус. *суматоха* толкуется автором (с. 228) из **су-тамоха*, основа которого якобы заимствована из осет. дигор. *tamasa* (стар. *tamaša*) 'зрелище', 'чудо'. Весьма проблематично.

В. И. Абаев вскрывает заметную скифо-славянскую изоглоссу, сближая осет. *taw*/*tawae* 'отава', 'трава, выросшая на месте скошенной в том же году' и слав. **otava*, рус. (и т. д.) *отава* с общим корнем и.-е. **tu*-, **teu̯*- 'набираться сил, жиру' (с. 237—238).

Говоря на с. 279 о «старой славо-арийской изоглоссе» на примере рус. *турить* 'гнать' — индо-ир. **tar*- 'переправлять(ся)', автор не задерживается при этом на отношениях вокализма, что было бы здесь нелишне.

Рус. *таскать*, *тащить*, до сих пор, кстати, удовлетворительно не объясненное, автор возводит к несохранившемуся **таска* 'сумка' (с. 281). Думается, однако, что *таскать* — изначально глагольное (интенсивное) образование — **tas-k-ati*, **tasati* < **tōs-* < **tes-*: **tos-*, так что дело здесь не в сумке.

Полезна точная этимология др.-рус. *томара* 'стрела', рус. диал. *томар*, *томарка* 'стрела с костяным тупым наконечником' в связи с осет. дигор. *tomar*, арийск. **taumara-* 'стрела', 'дротик', 'копье', др.-инд. *tomara-* 'дротик', 'копье' (с. 299).

Вряд ли можно согласиться с членением (да и вообще реконструкцией) слав. **š-tava*, **š-tavelь* (с. 326), возможно только **ščava*, **ščavьjь*.

На с. 329 для ближайшего сравнения с осет. *tyl/tulæ* 'мягкое место на темени новорожденного' так и просится рус. *тыл*, *за-тылок*. Равным образом для сравнения с осет. *tyrg/turgæ* (дигор. — 'двор') (с. 341) напрашивается слав. **tъrgъ*, обозначающее в некоторых славянских языках 'площадь'.

Здесь можно и остановиться, пожелав автору благополучного окончания словаря, который начал выходить уже более двадцати лет назад. Но как гласит осетинская пословица (с. 221), «быстрая река не достигает моря». Следовательно, медленно, но верно текущая — обязательно достигнет.

О. Н. Трубачев

Etymologica Brunensia. Sborník oddělení historickosrovnávací slovanské jazykovědy. Kabinet cizích jazyků ČSAV. Praha, 1978 (ротапринт).

Этот сборник является первой публикацией сотрудников брненского этимологического коллектива, работающего над созданием «Этимологического словаря славянских языков» (см. Úvod). На базе разработки этой фундаментальной темы уже были, правда, изданы «Základní všeslovanská slovní zásoba» (1964 г.) и пробный выпуск «Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo» (1966 г.). Это собственно коллективные труды словарного типа, отразившие в своих общих принципах и конкретных решениях (особенно пробный выпуск) итоговое мнение редакции будущего словаря. Исследования, вошедшие в состав настоящего сборника, также выросли главным образом из работы над словарем и обнаруживают несомненное единство интересов и общность этимологических позиций авторов, но это все-таки, в отличие от упомянутых публикаций, исследования отдельных авторов, содержащие их оригинальные толкования, независимо от принятия их (или отклонения) редакцией словаря (см. Úvod). Кроме того, состав авторов сборника соответствует с о в р е м е н н о м у составу брненского этимологического коллектива, претерпевшего за истекшее время некоторые изменения. Почти все авторы сборника хорошо известны своими работами в области этимологии. Тем не менее сборник, объединяющий их новые исследования, представляет особый интерес как комплекс индивидуальных трудов членов одного коллектива, выявляющий специфику каждого автора и общее направление коллектива.

Сборник состоит из пяти статей и четырех небольших заметок (последние объединены в разделе Marginalia). Статьи посвящены этимологизации отдельных групп славянской лексики, выделенных по различным принципам. При этом уже тематика статей обнаруживает связь с традициями чешской этимологической школы, наиболее ярко выраженными в работах Й. Коржинека, В. Махека, Ф. Копечного. Так, статья Г. Плевачевой посвящена этимологизации названий растений — теме, которая получила глубокую разработку в монографии В. Махека «Česká a slovenská jména rostlin». В центре внимания статей Е. Гавловой и В. Шаура находится проблема этимологизации омонимов, которая, будучи одной из существенных проблем этимологии, приобретает специфическое значение в связи с методическими принципами чешской школы, опирающейся на требование семантического тождества генетически

сопоставляемых лексических единиц, что значительно расширяет потенциальные границы омонимии. Традиции чешской школы прослеживаются также в специфическом интересе к явлениям звукоподражательного и экспрессивного характера, к выявлению их роли в генезисе различных групп лексики (см. статью В. Шаура).

Корпус сборника открывается статьей Е. Гавловой «Диалектные омонимы Подмосковья». Опираясь на материалы известного «Словаря говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой, автор выявляет 50 групп (двух-, трех- и даже четырехчленных) омонимов, присоединяя к ним еще 9 спорных, по мнению автора, случаев. Толкование соотношения членов отдельных групп как омонимии обосновывается их различным генезисом. Учитывая имеющиеся исследования, автор одновременно предлагает ряд новых этимологических решений для русских диалектизмов. Например, рус. *сачёк* 'молодой человек, ухаживающий за девушкой, поклонник', на основе сопоставления с макед. *сакам се* 'ухаживать, дружить', убедительно возводится к группе слав. **sočiti* < и.-е. **sek^{u}-* 'следовать' (с. 27—28). Интересно сопоставление рус. *потюма* 'неразговорчивый, стеснительный человек' с чеш. диал. *ťouta* 'недотепа, ротозей' и т. п. (с. 25—26). Убедительно возведение рус. *бýтор* 'булыжник' к гнезду с корнем **bot-/*but-* 'бить, толочь' (с. 12—13), а рус. *запблица* 'соха' — к слав. **pola* 'доска' (с. 33). Проведенный автором тщательный анализ обширного материала весьма интересен для суждения об источниках возникновения омонимии (ср. генетические соотношения омонимов в группах *бýфта*, *бýхта*, *фарамыга*, *глы́бень*, *оля́нка*, *сачёк*) и ее хронологических характеристиках. Некоторые авторские толкования вызывают возражения или сомнения. Так, рус. *дýпель* 'шило' вряд ли может быть связано с *дупляшка*, *дуплянка* 'дубленая овчина' (с. 14—15), так как реальность значения 'шило' косвенно подтверждается существованием технического термина *дýбель*, *дюбель* 'монтажный гвоздь в электротехнике, заменяющий пробку'; вероятно, *дýпель* 'шило', как и *дýбель*, *дюбель*, восходит к нем. *Dubel* 'гвоздь'. Рус. *полохнуть*, *полоснуть* 'ударить' скорее связано не с *полоскать* (с. 23), а с *полоса*, *полосовать*. Для истории рус. *солóмница* 'солонка' сомнительна контаминация *солоница* с *солома* (с. 29); более вероятна диссимиляция *-нн-* > *-мн-* в исконном **солонница*. Гипотеза о связи рус. *кóлка* 'одноконная упряжка' с *кол* (с. 37) не разработана семантически; скорее *колка* должно быть связано, как и *двуколка*, *одноколка*, с диал. и стар. *колёса* и *кола* 'телега, простая повозка'[1] (все — из праслав. **kolo*, *-ese*). В группе *кочýра* Е. Гавлова разделяет как омонимы лексемы со значением 'укладка хлеба из 15—18 снопов' и со значением 'пьяница', причем возводит первую к гнезду рус. *кочка*, вторую — к диал. *качать* 'пить, напиваться' (с. 18). Первое толкование не вызывает возражений, второе — достаточно вероятно (ср. и рус. просторечн. *накачáться* 'напиться'). Однако материалы русских диалектов свидетельствуют о том, что имена с корнем *кок-/коч-* на базе первичного значения 'нечто изогнутое' могут развить значения 'верзила', 'глупец, упрямец': ср. *кочёра* 'кривая елка', 'глупец, упрямец' [2]. Семантическое развитие в этом направлении представлено и для рус. *кочура*: ср. *кочура*, *качура* ряз. 'кочка', влад. 'суслон, крестец' [3], но твер. *качýра* 'дылда, верзила', откуда далее *качýрить* 'поваливать', *качуриться* 'маяться, переминаться' [4]. На этом семантическом фоне уничижительных обозначений человека достаточно вероятно и появление значения 'пьяница', так что подмоск. *кочура* в обоих значениях может быть генетически единой лексемой.

Статья Г. Плевачевой «Из славянских названий растений» состоит из двух частей, в которых рассматриваются соответственно хорв. *naglen* 'Cytisus laburnum L.' и чеш. *netík* 'вид папоротника'. Анализ базируется на ши-

---

[1] *Даль*[3] II, стб. 345.
[2] *Покровский Ф.* О народных говорах сев.-зап. части Костромской губернии. — ЖСт. 1897, год 7-й, вып. III—IV, с. 465; *Бычков А.* Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии. — Сб. ОРЯС VIII, с. XLVI.
[3] *Даль*[3] II, стб. 464.
[4] Там же, стб. 248.

роком лингвистическом материале в сочетании с данными о ботанических и медицинских свойствах растений. Опираясь на сведения о быстро проявляющемся рвотном действии растения Cytisus laburnum (*naglen*) и наличие группы в.-луж. *nahlenc* 'болезнь скота', ст.-чеш. *náhlec* 'овечья болезнь', *náhlicě* 'лихорадка', автор толкует хорв. *naglen* как производное от *nagao* 'спешный'. Предполагаемая словообразовательная связь представляется надежной, но семантика слав. **naglъ*, включающая элемент интенсивности, активности, дает, кажется, основания и для реконструкции иной мотивировки названия растения — по его обильному, раннему и яркому цветению (чеш. *zlatý déšť*!) Интересная этимология предложена для чеш. *netík*: учитывая особенности листьев растения («волосатых») и известный в народной медицине принцип similis similibus curantur, Г. Плевачева толкует *netík* (и с.-хорв. *otoka* то же) как производное от **tek-* 'течь' с первичной мотивацией 'препятствующий выпадению волос' (ср. лат. *contra fluxum*).

З. Шарапаткова в статье «К объяснению некоторых старославянских слов» рассматривает значение и происхождение ст.-слав. накладъ и остегъ, остежь. Автор опирается на тщательный текстологический анализ, к которому присоединяется далее этимологический анализ близкой лексики из других славянских языков, и приходит к весьма убедительным выводам: значение ст.-слав. накладъ следует уточнить как 'кованая накладка, острие', а ст.-слав. остегъ, остежь — 'плащ, скрепляемый пряжкой, застежкой, булавкой'. Необходима, кажется, лишь одна поправка: словен. *stogla* 'ремень' восходит не к **steg-*, а, как и чеш. *stuha*, к **tęg-*[5].

В. Шаур в статье «Славянское *pi-*» поставил своей целью пересмотр этимологии обширного круга славянской лексики, объединяемой указанным корневым элементом. Автор исходит из несомненности функционирования как в праиндоевропейском языке, так и в праславянском целого ряда гетерогенных, омонимичных элементов *pi-* и стремится прежде всего уточнить роль звукоподражательных и экспрессивных явлений в формировании соответствующей славянской лексики, которая рассматривается на широком индоевропейском фоне. Обосновывается ряд новых этимологических толкований. Так, к звукоподражательным по природе образованиям автор относит слав. **pěti* (с. 85—87) и **piti* (с. 91—94), указывая на наличие некоторых «неправильностей» в их формо- и основообразовании. Впрочем, иногда автор неточен: так, прaслав. **piješь* не должно было дать рус. **пиешь* (с. 93), так как *i* перед *i* развивалось особым путем (ср. рус. *шея* < **šija*). Вряд ли основательны сомнения автора в реальности каузатива **pojiti* (с. 93). Чеш. *pisk* 'стержень пера' (также толкуемое как звукоподражание, с. 83), вопреки мнению автора, имеет соответствия в других славянских языках (ср. с.-хорв. *piska* 'короткий колышек', 'щепка', болг. (Геров) *пыска* 'клин', *пы́сек* 'рассоха') и может быть генетически объяснено как полнозначное слово, производное от **pьxati*[6]. При анализе полнозначной лексики с корнем *pi-* В. Шаур большое внимание уделяет критике гипотезы Ш. Ондруша о существовании праслав. ***piti* 'резать' как производящей основы слав. **pěti*, **pitva*, **sъpojiti*, **pila*, **pilьnъ*, **pěnęďzь*, **pьxati*, **pьsati*. Эта гипотеза действительно вызывает ряд возражений как структурного, так и семантического порядка, для многих из упомянутых лексем более убедительны другие толкования (**pila*, **pěnęďzь*, **pьsati*), но вряд ли можно игнорировать определенные славянские и иранские аргументы в пользу реальности значения 'резать' для и-е.* *pei-* и его расширений: ср. предложенное О. Н. Трубачевым сопоставление слав. **pitvati* с авест. *pōiϑwa-* 'раздроблять' и далее — со слав. **pьxati*[7]. Некоторые из высказанных В. Шауром сомнений неосновательны: так, структурно и семантически возможно образование **pilъjь* от ***piti* (с. 110) — ср. **gnilъjь*. Детально обследуя большой славянский материал и его индоевропей-

---

[5] См.: *Machek*², с. 590.

[6] См.: *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VI. — Этимология. 1976. 1978, с. 35—38.

[7] *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — Этимология. 1965. М., 1967, с. 62—63.

ское окружение, автор предлагает некоторые новые этимологические решения. Интересны, например, предположение о связи слав. **spojiti* 'соединить' (не **sъpojiti*!) со **spěti* (с. 107), а также мысль о родстве **pilьnъ* с **pitěti*, хотя реконструкция глагола типа **pitti* 'заботиться', как признает и сам автор (с. 111), слабо аргументирована. Статья в целом подчеркивает необходимость и сложность разграничения омонимичных корней (и производных от них образований) на самых различных хронологических уровнях, особенно при таком фронтальном рассмотрении славянской лексики, которое предполагается при составлении этимологического словаря славянских языков.

Большой лексический материал собран и этимологически охарактеризован в статье П. Вальчаковой «Чешские названия каш». Работы этого профиля очень существенны для реконструкции материальной культуры древнейшего славянства. Для этимологии особый интерес представляют вскрытые семантические модели (в частности, обилие производных от звукоподражаний).

В разделе Marginalia З. Шарапаткова публикует заметку о семантике рус. *лядвея*: автор обращает внимание на неточность толкования этого слова и родственных, а также рус. *мулить* у некоторых этимологов и при переводах, что иногда приводит к семантически недостаточно обоснованным сопоставлениям (например, *лядвея* с рус. *ляга*, *ослядь*, см. Откупщиков).

В. Шаур предлагает в этом разделе новую этимологию чеш. *náružívý* 'страстный', толкуя его как родственное со словен. *ružiti* 'лущить, обдирать' и рус. *ружь* (*наружу*), при первичной мотивации 'проявляющийся, явный'. Оставляя в стороне рус. *ружь*, представляется возможным принять связь чешской и словенской лексем как рефлексов слав. **ruž-* 'драть, рвать', но скорее при семантической мотивировке, аналогичной рус. *рвение* (от *рвать*) [8].

Интересны наблюдения Г. Плевачевой о возможности романского происхождения с.-хорв. *nȍsvica* 'Acipenser Ruthenus L.' (ср. лат. *nasua* 'носатый', от *nasus*).

Е. Гавлова в заметке «*Slam*» предложила убедительную этимологию рус. диал. *слам* 'отступное' как тюркизма (ср. казан.-татар. *aslam*). Это толкование, однако, уже ранее разработано В. И. Абаевым [9].

Завершая обзор сборника «Etymologica Brunensia», следует отметить актуальную направленность разрабатываемой тематики, обширность лексических материалов, глубину разработки этимологических проблем, творческий подход к анализу славянской лексики, что характеризует сборник в целом при бесспорной индивидуальности интересов и идей отдельных авторов и побуждает возлагать большие ожидания на создаваемый этим коллективом словарь. Сборник будет встречен с большим вниманием всеми специалистами по славянской этимологии, которые заинтересованы в том, чтобы брненский сборник стал периодическим изданием.

Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина

[8] Ср. обоснование реконструкции праслав. **ruž-*: *Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. V. — Этимология. 1975. М., 1977, с. 34—36.

[9] *Абаев В. И.* Из истории слов. I. — ВЯ, 1958, № 1, с. 120—121; *Фасмер* III, с. 666 (дополнение).

Этимологические исследования. Этимология русских диалектных слов. Отв. редактор А. К. Матвеев. Свердловск, 1978 (Уральский ун-т им. А. М. Горького)

С 1960 г. Издательство МГУ не очень регулярно, но выпускало серию Этимологических исследований [1], затем это издание почти или, может быть, даже совсем прекратилось. Другие наши вузы специальных сборников по такой тематике не издавали. Уже поэтому начало публикации Уральским универси-

[1] Этимологические исследования по русскому языку, вып. I—VIII. М., 1960—1976.

тетом серии Этимологических исследований найдет живой отклик у широкого круга специалистов, интересующихся проблемами этимологии. За последние два десятилетия в филологической серии Ученых записок и регулярно выпускаемых Уральским университетом сборниках «Вопросы топономастики» («Вопросы ономастики») опубликовано немало серьезных работ по истории русского языка и диалектологии, финно-угроведению, языковым контактам, топонимике и другим вопросам языкознания.

Несколько статей сборника связаны с проблематикой реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда. Эти статьи объединяет также стремление авторов вовлечь в круг традиционно этимологизируемых корней и лексем материалы, ставшие известными главным образом из новейших словарей и публикаций собирателей русской диалектной лексики.

Так, в «Заметках по этимологии русской диалектной лексики» Ж. Ж. Варбот затронута проблема реконструкции индоевропейских гнезд, сблизившихся между собой в формальном (материальном) отношении в праславянском языке. Этимологическое толкование диалектизма *жгуль* 'жгут; плетка; узел белья' позволяет установить состав одного такого гнезда с корнем **žьg-* и семантическим основанием 'нечто свитое, скрученное' или 'согнутое, скорченное', отнести к нему значительное число славянских слов (в том числе, например, рус. *жгут* и *Жигули*), отделить это гнездо от гнезда с омонимическим корнем **žeg-/*žьg-* 'жечь' и указать на связь с и.-е. корнем **ghegh-* (Pokorny I, 424). К приведенному автором материалу можно добавить старинный польский горняцкий термин *żygulec*, приводимый с толкованием 'kotwica do zaczepiania liny u kołowrotu' (Варшавский словарь VIII, 734).

Заметка о диалектизме *нáча* 'привычка, обычай' содержит дополнительный материал к опубликованному ранее (Этимология. 1970) очерку, вызвавшему возражения Е. Гавловой [2]. Особенно убедительна приведенная Ж. Ж. Варбот семасиологическая параллель к гнезду **načiti* — первоначально 'нести, вести': в гнезде с корнем **ved-/*vod-* также развились производные со значениями 'обычай', 'привычка'.

В. А. Меркулова в статье «Русские этимологии. II» рассматривает три диалектизма: *скрáвинь*, *неотойчивый* и *пон*. Диалектный материал обнаруживает несколько архаических образований, позволяющих расширить представление о семантике праслав. **krojiti*, которую сначала автор приводит в виде системы значений 'резать на куски (кожу, материал)', 'резать хлеб', 'откалывать', 'отделять зерно от шелухи, просеивать', затем в виде обобщения — 'разделять на части', едва ли передающего смысл реального слова.

Фиксация в уральских говорах прилагательного *неотойчивый* 'плохо прибывающий в весе при откорме' служит основанием для утверждения о существовании в русском языке глагола **tyti*, не зафиксированного другими источниками, а в обских и колымских говорах обнаруживаются два архаизма (**ponъ* и **pьnь* 'веревка'), время образования которых относится к праславянскому или протославянскому периоду.

И. П. Петлева, этимологизирующая диалектизмы *прочáдь*, *прочáдка* 'промах, зевок, ошибка', обращает внимание на закономерность образования слов со значением 'ошибка' от лексем со значениями 'удар, ушиб, порез. . .; драть, резать, бить; кидать, махать', что помогает включить указанные диалектизмы в состав и.-е. гнезда **(s)k(h)ed-*, **(s)k(h)e-n-d-* 'раскалывать', 'разбрасывать'.

Л. В. Куркина предлагает этимологии просторечного *малохольный*, не имевшего до сих пор этимологического истолкования, и диалектизма *сверёжий*. Довольно распространенное рус. *малохольный* (ошибочно фиксируемое последним изданием Орфографического словаря как *малахольный*) имеет широкий круг соответствий на славянской почве, восходящих к и.-е. **ml̥k-*. *Сверёжий*, отмеченное диалектными словарями в значениях 'бойкий, расторопный', 'своенравный, непокорный', 'дюжий, крепкий, дородный, видный', по мнению автора, не имеет ничего общего ни с контаминацией прила-

---

[2] Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity. Ročn. XXII, řada jazykovědná (A), 21. Brno, 1973, c. 100.

гательных *свежий* и *тверёзый* (М. Фасмер), ни с гнездом **sur-* (В. А. Меркулова [3]), а входит в этимологическое гнездо слов с корнем **ver-*.

Л. В. Доровских рассматривает диалектизм *истальный* 'целый' в составе словообразовательной модели: *достати — досталый — досталь — достальной*; *остати — осталый*. . . и т. д. Из «отсутствующих» звеньев словообразовательной цепочки два можно обнаружить в СлРЯ XI—XVII вв.: *досталый* — в вып. 4, с. 336[4] и *исстати* (*истати*) — в вып. 6, с. 311. Соответственно, отпадает предположение о протетическом *и-* в прилагательном *истальный*.

В. А. Чернов, прослеживая распространение в диалектах и арго слов с корнем *галям-/голям-*, считает наречие *голямо* болгаризмом, проникшим в диалекты центра России через посредство ремесленно-торговых жаргонов.

В ряде статей сборника использованы ценнейшие материалы картотеки Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета. Так, О. В. Востриков исследует три субстратных слова в русских говорах Костромской области: *сорьез* 'хариус', *тохта* 'гнилое дерево, гнилая сердцевина дерева', *шохра* 'гнилой, низкорослый лес на болоте' (ср. распространенное *согра*). Фонетический анализ и картографирование слов, по мнению автора, подтверждает наличие значительного севернофинского субстрата в топонимике и лексике севернорусских говоров определенных территорий [5]. Пользуясь случаем, укажем, что наряду с многочисленными фиксациями слова *согра* в памятниках XVII в., относящихся к Ваге (например: *согра* емѹ чистити где годитца[6]), имеются примеры с иным расположением согласных в группе *-гр-*, таким, как в марийском *шўргӧ*, *шЫргы* 'лес': да *сорга* моѧ болшаѧ меж Николскою землею и Коптѧковою да поле в тои же *сорги* ѿ старои рѣки возле Николскую землю. Купчая 1570 г., Ижма [7]; а Григорю. . . досталас. . . оу Шомѡкши *сорга*. «Дело» 1570 г.[8]

В статье А. К. Матвеева, посвященной диалектизму *чильма*, уточнена семантика слова — 'глубокая яма (окно) на болоте', 'трясина', установлена зона его распространения и с помощью методических приемов «этимологического моделирования» установлено саамское происхождение слова.

Л. Г. Гусева в заметке «К этимологии русских диалектных слов с начальными компонентами *рап-* и *роп-*» выводит слова подобного рода, обозначающие различные лесные заросли, из прибалтийско-финских и саамских данных.

Статья Л. А. Субботиной «Заимствованная лексика в русских говорах Прикемья» трактует в историко-этимологическом плане субстратные слова прибалтийско-финского или саамского происхождения в русских говорах западных районов Вологодской области.

Подробные этимологические сведения об отдельных словарных единицах на солидном диалектном (русском и обско-угорском) фоне дает статья Т. Н. Чайко «Новые данные об обско-угорских заимствованиях в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша».

В статье Л. С. Безручко «Тюркские заимствования в русском старожильческом говоре Пий-Хемского района Тувинской АССР» в термин «тюркизм» вкладывается слишком широкое понятие. Для русских говоров едва ли можно считать тюркизмом, например, слово *корчага*, известное почти всем славянским языкам (с различиями в семантике) и представляющее собой в говорах древнерусское (а то и праславянское) наследие. По географическим

---

[3] См.: Этимология. 1964. М., 1965, с. 80—81.

[4] К приведенным в Словаре примерам можно добавить из рукописей Гос. архива Архангельской обл. (ГААО): а в *досталои* огороде емѹ старцѹ самомѹ вѣдатца (ф. 792 Каргопольского монастыря, оп. 1, № 62, Выпись 1630 г.); досталог тог отводног жита изошло. . . (ф. 56 Антониева Сийского монастыря, оп. 3, № 9, прих.-расх. кн. 1638—39 гг.).

[5] *Матвеев А. К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. — ВЯ, 1969, № 5.

[6] ГААО, ф. 829, оп. 1, № 963, Порядная 1610 г.

[7] ГААО, ф. 1408, оп. 1, № 5.

[8] ЦГАДА, ф. 1201 Соловецкого монастыря, оп. 4, № 1.

причинам широко распространенное в русских говорах Европейской России слово *кулага* 'густой напиток, приготовляемый из пророщенного зерна' едва ли может быть тюркизмом по сопоставлению с южносибирскими тюркскими названиями хлебных всходов, ростков типа тобол. алт., тел. *ķулға* (*qulγa*), хакас. *хулға* (*xulγa*).

Большая статья Г. В. Глинских «Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде» фактически представляет собой этимологический словарь такого рода топонимов с опорой на обильный мансийский диалектный материал и без этимологизации соответствующих мансийских апеллятивов. Так, при анализе речных названий типа *А́гарья*, *А́гра*, *А́греп*, возводимых к манс. *аγьг* 'водоворот', было бы желательно сопоставить последний с чуваш. *авăр* (из **аγьг*) с тем же значением для выявления булгарско-мансийских связей. Для гидронимов *Ку́лба*, *По́нынья*, *Ялом*, возводимых у Г. В. Глинских к манс. апеллятивам *хул(у)п*, *пон*, *йалм* и т. п. со значением 'сеть, невод', следует предположить промежуточную семантическую ступень 'место рыбной ловли, тоня', возникшую на базе значения 'орудие для рыбной ловли, невод'. Это название невода восходит к тюрк. *йылым* (от *йыл-* 'ползти'), которое было заимствовано также и в ряд других языков, приобретя и в них значение рыболовного угодья, тони. Именно такое значение имеет ст.-рус. донское *илымъ* в цитате: «Бирали. . . котлы большие, неводы и нити на *илымы* рыбные» (Дон. д. IV, 348), ср. в Сл. РЯ XI—XVII вв., вып. 6, 224: «небольшой невод». Более ярко значение 'рыболовное угодье, тоня' проявляется в Хожении купца Ф. А. Котова в Персию, 1624 г.: «по русскому тоня а в Астрохани зовут *илымъ*». Ср. также чуваш. *йалăм* 'пойма, луговая сторона Волги, заволжский сосновый лес' [9]. В связи с наличием у названий невода вторичного значения 'рыболовное угодье' их употребление применительно к рекам вполне возможно и без номенклатурного компонента (географического термина).

Случаи разной этимологической трактовки одного слова в пределах сборника (слово *щерба* 'уха' толкуется то как болгарско-славянское на с. 41, то как тюркское заимствование на с. 98—99) должны быть соотнесены.

Сборник вводит в этимологическую практику большой фактический материал в квалифицированной обработке и весьма способствует выяснению источников русской диалектной апеллятивной и топонимической лексики.

Судя по первому сборнику, новая этимологическая серия обещает быть интересной.

В. Я. Дерягин, И. Г. Добродомов

---

[9] Ср. несколько иначе: *Добродомов И. Г.* Пути проникновения булгарских элементов в славянские языки. — В кн.: Тюркизмы в восточно-славянских языках. М., 1974, с. 39—40.

O. Szemerényi. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages with special reference to Indian, Iranian, Greek and Latin. — Acta Iranica. Textes et mémoires, V. VII. Extrait. Édition Bibliothèque Pahlavi. Téhéran — Liège, 1977

Несколько раньше выхода этой своей обобщающей монографии об индоевропейских терминах родства О. Семереньи писал в статье на близкую тему: «Оживление вокруг системы индоевропейских терминов родства, которая вызывала столько интереса в прошлом столетии и еще в начале этого столетия, постепенно как будто затихло. Еще выходят различные исследования большего или меньшего объема, но речь в них идет едва ли о приобретении новых знаний, а самое большее — о новых интерпретациях (антропологического толка) уже известных данных. И, однако, в этой области, есть, как мне кажется, еще много проблематичных моментов, которые ждут разъяснения и даже дают решение в руки, если строго соблюдать аспекты и требования сло-

вообразования»[1]. В то самое время, когда писались эти слова насчет затишья в исследовании терминов родства, другой западногерманский индоевропеист Р. Нормье (R. Normier, Саарбрюкен) в каких-нибудь двухстах километрах от О. Семереньи (Фрайбург) заканчивал свою работу об индоевропейских терминах родства, а двумя годами раньше (1975 г.) вышла в Чехословакии книга В. Шаура об этимологии славянских терминов родства[2]. Таким образом, упомянутое затишье иллюзорно, точнее сказать, его нет совсем, и книги о названиях родства пишутся сейчас не реже, а даже чаще, чем во времена Дельбрюка. Другое дело — это то, что, помимо собственно лингвистических работ и даже несколько заслоняя собой эти последние, выходили в свет разные антропологические системы, где много сложных схем и свободных аналогий, много говорится о самих системах родственных отношений и очень мало лингвистического содержания. Делать прямые заключения от родственных отношений людей к структуре самих слов, обозначающих эти отношения, так же неверно, как по данным археологии судить о прошлом языка. Язык отражает внеязыковую действительность, но отражает своеобразно, поэтому в исследовании терминов родства мы вновь должны уделить главное внимание не антропологии и не системам родства австралийцев, а этимологии и словообразованию названий родства.

Далее, парадоксально, но до сих пор остается фактом, что индоевропеистика моделирует свои представления об индоевропейском на базе классических (включая индоиранские) и западноевропейских языков и в очень малой степени — на славянских данных. Это можно не колеблясь сказать об индоевропейских реконструкциях Бенвениста и Трира. Семереньи лучше знает и больше учитывает балтийские и славянские языки, но и у него сказывается это «special reference to. . .» (а по сути дела — preference of. . .) части языковых фактов, что, конечно, ослабляет некоторые «окончательные решения». Поэтому мы в своей рецензии на новую важную книгу Семереньи остановимся главным образом на вопросе адекватности лингвистических (этимологических, словообразовательных, семантических) реконструкций и толкований.

Индоевропейская лексика родственных отношений стара, как сам индоевропейский, даже в отдельных элементах старше индоевропейского языкового типа как такового, поэтому мы должны думать также о достижимой глубине реконструкции. Ясно, что ниже определенного предела реконструкция не поддается уже никакой проверке. Такова, например, этимология лат. *piscis* и т. д. 'рыба' < и.-е. **ap-isko-* 'водяная' (Тиме). Не менее сомнительна реконструкция и.-е. **pri̯o-* 'близкий, милый', 'свободный' < **per-* 'дом' (см., вслед за Ришем, Szemerényi, p. 122), если, во-первых, соответствия последнему, кроме анатолийского, известны, пожалуй, только в египетском (!). Во-вторых, трудно все-таки отрицать естественный характер словообразовательной связи и.-е. **pri̯o-* и **prei̯-*. К последнему пространственному наречию-предлогу-префиксу относятся лит. *prie*, слав. *pri*. До конца не изученные отношения лит. *prie* и лтш. *pie* предостерегают нас от слишком решительных выводов, ср. и возможный параллелизм др.-инд. *priyá-* и лат. *pīus*.

Древность и словообразовательно-морфологическую, типологическую широту индоевропейских терминов родства иллюстрирует наличие в ней не только классических ранне- и позднеиндоевропейских атематических и тематических моделей развитого словообразования, но и совершенно иных, простейших типов: **pa*, **ma*, *papa*, *mama*. Назвать эти последние слова Lallwörter, nursery-type words еще не значит решить проблему. Эмоциональность употребления, постоянная репродукция этих слов в их «неизменном», ахроническом виде (рус. *папа* звучит почти так же, как анатолийск., палайск. *papa-* тысячелетия назад) не должны заслонять факта их глубокой и преимущественной древности, сравнительно с морфологически оформленным **pater*, **pəter*, производным от «детского» *pa*. Было бы упрощением считать, что этот

[1] *Szemerényi O.* Das griechische Verwandtschaftsnamensystem vor dem Hintergrund des indogermanischen Systems. — Hermes, Bd. 105, Heft 4. Wiesbaden, 1977, S. 385.

[2] См. мою рецензию: Этимология. 1976. М., 1978, с. 166—167.

словообразовательный акт состоялся абсолютно во всех языках, даже в тех, где нет никаких следов и.-е. _*pəter_ как в анатолийских (Szemerényi, p. 7). Архаизм последних именно в том и состоит, что они остались при названиях отца простейшего типа — _atta-_, _papa-_. Автор не очень уверен в том, что слав. _*stryjь_ восходит к и.-е. _*pəter_ или его производному (там же) и, кажется, совсем упускает из виду еще один вероятный славянский его континуант — болг. _пáстрок_ 'отчим' < и.-е. _*pō-pətor-_[3]. Автор справедливо негодует по поводу нередких и сейчас попыток истолковать и.-е. _*pəter_ как некий эпитет, имя деятеля 'защитник, покровитель' (Szemerényi, p. 9). Однако для нас осталось неясным принципиальное отличие этой семантической реконструкции от той, которую автор предлагает для и.-е. _*dhugəter_ — 'the person who prepares a meal' (Szemerényi, p. 22). В таких случаях лучше писать ignoramus. Со стороны словообразования, очень сомнительно производство _*dhugəter_ с суф. _-ter_ от вокатива _*dhugə_ (там же), идея, которую автор повторяет в случае с названием жены брата мужа: _*i̯enəter_ зв. п. _*i̯enə_ (Szemerényi, p. 92). Логичнее, конечно, и тут признать полную неясность основы. Впрочем, более внимательная проверка значения ('жена брата мужа', 'жены братьев по отношению д р у г к д р у г у') позволяет нащупать четкую семантическую идею оппозиции, которая хорошо согласуется с противопоставительным формантом _-ter-_. Поскольку в данном случае оппозиция выражается и в значении слова, кажется возможным высказать предположение о соответствующей этимологии корня слова: _*ī-nə-ter_, где _*ī-/i̯e-_ — указательное местоимение, _-nə-_ < _-no-_ — энклитика, ср. др.-инд. _yatará-_ 'который из двух' в качестве базовой конструкции. Кажется, что изложенная гипотеза лучше учитывает специфику употребления и особенности системы. Таким образом, если _papa_ и _mama_ — это, так сказать, дограмматические термины родства, то _*īnəter_, _*i̯enəter_ — целиком морфолого-словообразовательная конструкция, сложность которой может говорить о ее позднеиндоевропейской хронологии. Другие образования на _-ter_ занимают промежуточное положение, и этимология их по-прежнему неясна. Это относится, например, к _*bhrāter-_, о котором можно сказать несомненно только то, что оно принадлежит к именам на _-ter-_. Едва ли можно считать удачным поэтому авторское членение _*bhr-āter_ 'принеси огонь' (так Szemerényi, p. 25).

Я не буду подробно излагать анализ термина 'сестра' (Семереньи членит не _*su̯e-sor_, а _*su̯-esor_, согласно своей теории об и.-е. _*esor_ 'женщина', гласное начало которого остается для нас неясным), упомяну лишь интересный пассаж (начиная со с. 42) о выделяемом здесь корне _*su-_ 'род, семья' и производном отсюда притяжательном местоимении _*su̯o-_. Разъяснению первоначальных отношений здесь весьма помогают удачно используемые Семереньи архаические особенности употребления этого местоимения именно в славянском, ср. рус. _я — свой_, _мы — свой_, т. е. независимо от лица, что в большинстве языков подверглось вторичной перестройке типа _я — мой_, _мы — наш_.

Правда, в других случаях автор не полностью учитывает индоевропейское наследие в славянском, например его утверждение о том, что и.-е. _*au̯o-_ встречается в балто-славянском только в производных формах и только в значении 'дядя' (Szemerényi, p. 47), необходимо поправить, указав на известное прямое продолжение в н.-луж. _wowa_, в.-луж. _wowka_ 'Großmutter, бабушка', ср. лат. _ava_ 'бабка'.

В книге Семереньи довольно много новых и, я бы сказал, дерзких этимологий. Например, и.-е. _*su̯eḱuros_ он толкует как первоначальное _*su̯e-ḱoru-s_ 'глава рода, семьи' (Szemerényi, p. 65; относительно _*su̯e-_ см. выше, а второй компонент — к греч. _κορυφή_ 'голова, верхушка' и далее — к и.-е. _*ḱerəs-_). Не все они убедительны; слав. _*ženixъ_, пóзднее производное с суф. _-(i)xъ_ от глагола _*ženiti_, вовсе нет необходимости реконструировать, вслед за автором, как и.-е. _*$g^{u̯}$eni-is-o-_ 'ищущий жену' (Szemerényi, p. 74) тем более, что славянский знает только расширенную глагольную основу _*jьskati_. В целом книга читается с живым интересом и будит мысль своими — иногда экстравагантными — решениями, каково, например, объяснение и.-е. _*$g^{u̯}$en-_, _*$g^{u̯}$enā_ 'жена' как производного от _*$g^{u̯}$u-_,

[3] _Трубачев О. Н._ История славянских терминов родства. М., 1959, с. 53.

$g^{y}ou$- 'корова' (следуют иллюстрации из современных английских романов и древних классиков, см. Szemerényi, p. 76 и сл.). Автор не упускает случая подискутировать, в частности, с Бенвенистом, подвергая сомнению положения, введенные последним в научный обиход, ср. вопрос о значении и.-е. **dom-* 'социальная ячейка, семья' или 'дом, строение' (Szemerényi, p. 96 и сл.). В работе Семереньи обсуждается огромный материал, выходящий за рамки темы или связанный с ней маргинально [4]. Огромный пассаж посвящен племенному и социальному названию *ārya-*. Автор готов в итоге допустить для него заимствованное, неиндоевропейское происхождение (Szemerényi, p. 146). Но прежде чем углубляться в угаритские тексты в поисках переднеазиатского источника этого термина, необходимо принять к сведению факт, что северно-понтийские иранцы, например сарматы, по свидетельству древних, называли сами себя *arya* — *Arii*, что делает упомянутую догадку сомнительной.

Из числа общих выводов автора («Conclusions and confrontations») остановимся на его рассуждении об употреблении вокатива в роли номинатива (Szemerényi, p. 153). Кроме известных примеров из древних и живых языков, здесь фигурируют собственные примеры Семереньи: весьма проблематичный звательный падеж **dhugə* (якобы в основе и.-е. **dhugəter*) и **i̯enə* — от **i̯enā*, им. п. (в **i̯enəter*), кроме того — в высшей степени сомнительный конструкт **ōšve* (> лит. *úošvis* 'тесть'), якобы из спайки звательного оборота *ō švešure! 'о свекор!' (там же, с. 154). Обращает на себя внимание, что автор дает в реконструкциях всегда исходы *-tēr*, *-ōr* с долготой. Вторичность долготы здесь очевидна, она должна быть объяснена (старый номинатив с краткостью *-ter*, *-or* получил функцию вокатива, после чего в роли номинатива выступает новая форма с долготой *-tēr*, *-ōr* [5]), а главное — снята при реконструкции. Вот почему целесообразно реконструировать первоначальное и.-е. **pəter*, **māter*, **bhrāter*, **su̯esor*.

Живо полемизируя против теорий реконструкции классификаторских систем родства и системы Омаха у индоевропейцев, автор склоняется (вслед за Леви-Строссом) к признанию у них авункулата («особое родственное чувство привязанности или боязни, существующее в бесчисленных культурах между племянником и дядей по матери. . .», см. Szemerényi, p. 184). Дальше (с. 190) живописно изображается, как материнские дядья, обычно не живущие в той же семье, время от времени наезжают и, случается, дарят при этом подарки и как все это приятно (их приезд всегда желателен, к ним обращаются, называя 'dear uncle', а дядьев по отцу — просто, сухо 'uncle'. . .).

Автор резюмирует, определяя индоевропейское общество как патриархальное, патрилинейное, патрилокальное и «патрипотестальное» (Szemerényi, p. 206). Существование матриархата он либо подвергает сомнению, либо неохотно допускает только для «додоиндоевропейских времен» (там же, с. 158). Семереньи демонстрирует полную осведомленность в работах по антропологии, прекрасно разбирается во всех четырех системах Омаха и сам составляет схемы. Не будучи антропологом, я бы не хотел непрофессионально спорить, но все же укажу автору на один релевантный факт из истории индоевропейского общества, который я тщетно искал и не нашел в книге Семереньи: Σαυρομάται Γυναικοκρατούμενοι 'женовладеемые савроматы' (Scyl. Caryand. 70; Plin. NH VI, 19). Трудно отрицать, что один этот факт стоит многих схем и не соответствует таким дифференциальным признакам, как патриархальность, патрилинейность, патрилокальность, «патрипотестальность». . . Как раз наоборот. Эту черту савроматов/сарматов нельзя ни объявить неиндоевропейской, ни отнести за счет субстрата, логичнее и проще видеть здесь реликт индоиранской и индоевропейской древности. Но, повторяю, эту сторону работы Семереньи я здесь не анализирую, ограничиваясь только лингвистическим планом, потому что считаю, что именно этот план — словообразо-

---

[4] Между прочим, греч. δοῦλος, микен. *do-e-ro* 'раб' Семереньи почему-то реконструирует как **doselo-* (Szemerényi, p. 101), хотя это мало что дает. Ср. иную попытку: *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства, с. 37, примеч. 144: из **dhoi̯-elo-* 'ребенок', ср. лат. *fīlius*, лтш. *dēls* 'сын', т. е. семантически — 'дитя, младенец' → 'раб'.

[5] Ср.: *Kuryłowicz J.* L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, p. 143 и сл.

вание, этимология, лексическая семантика — остается главным и решающим в исследовании терминов родства, которое обогатилось теперь интересной, хотя и спорной в деталях, книгой О. Семереньи.

О. Н. Трубачев

Kiss Lajos. Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1978, 726 с.

Обширная книжная продукция Венгерской Академии наук украсилась в 1978 г. (в год 150-летия издательской деятельности ВАН) еще одним отличным изданием. Вышел «Этимологический словарь географических названий» Лайоша Киша. Эта красиво оформленная книга крупного объема интересна с разных точек зрения. Словарь, адресованный, конечно, прежде всего венгерскому читателю и представляющий собой как бы венгерскую языковую модель всего географического мира (6850 словарных статей-названий, из них значительная часть — географическая номенклатура самой Венгрии), содержит вместе с тем массу полезной информации о самых разных географических объектах и их географических названиях на различных языках, что бесспорно интересно для всех читателей вообще. Доброкачественность информации, в целом самый высокий научный уровень, богатство этимологического и прочего содержания придают этой публикации важность и значение также за пределами Венгрии, несмотря на языковой барьер (книга написана по-венгерски). Рецензент имел возможность убедиться в полезности сплошного, постраничного чтения этого труда и охотно готов поделиться своими наблюдениями и замечаниями, возникшими при этом.

С. 40: Afganisztán. . . «этимология неясна». Составителя, конечно, извиняет отдаленность предмета и литературы, но этимология этого названия страны и народа объяснена неплохо: *Avghan* 'афганцы' — из народнодиалектной формы *Assaka* (греч. Ἀσσακηνοί Ἀσσακανοί в источниках о походе Александра) от санскр. *Aśvaka* 'всадники', одно из названий Гандхары (древнего Афганистана). См., вслед за В. де Сен-Мартеном, J. W. McCrindle. Ancient India as described by Megasthenes and Arrian. 2nd ed. Calcutta, 1960, p. 157—158*.

С. 50: *Alsó Kubin*, слвц. *Dolný Kubín*, город в Словакии (ср. *Superior Kolbin*, 1325 г.) оказывается, пытаются объяснить в связи с др.-швед. *Kylfingar*, т. е. варяжскими колбягами.

В статье Belgrád (с. 101) характеризуется, помимо прочих полезных сведений и богатой библиографии, старовенгерское название Белграда — *Nándorfehérvár* (XIV в.) с первоначальным значением 'болгарский белый город', причем *nándor* возводится к этнониму дунайских болгар-тюрок — *onoγundur*.

С. 244: *Göncruszka*, местечко на северо-востоке Венгрии (известия восходят к XIII в.), объясняется из слав. **Rusьka* (*vьsь*) 'русская (деревня)', что указывает, по мнению автора, на восточнославянские поселения.

С. 317: *Karavankák*, нем. *Karawanken*, название гор на австрийско-югославской границе, интересно для славянского языкознания своей этимологией от кельт. *karvos* 'олень', ср. возможную его кальку в словен. *Košúta*, название части Караванкских гор. Дело в том, что кельтский этимон этого оронима — *karvos* весьма близок слав. **korva* 'корова' и может, в частности, иметь отношение к проблеме нарушения нормального сатемного рефлекса в последнем (слав. **korva*, как известно, связано с и.-е. **koru̯ā*, **korəvā* 'рогатая' — через кельтское посредство?).

С. 337: *Kisázsia* 'Малая Азия' объясняется как калька с лат. *Asia minor* греч. Ἀσία ἡ μικρά, нем. *Kleinasien*. Маленькая неточность: надо различать, с одной стороны — название в сравнительной степени — лат. *Asia minor*,

---

* Гадательное сближение с инд. этнонимом avagāṇa (VI в.) см.: *Оранский И. М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979, с. 88, прим. 19.

букв. 'м е н ь ш а я Азия', откуда, действительно, калькировано, например, польск. *Azja Mniejsza*, и, с другой стороны — греч. *'Ασία ἡ μικρά* с его точными отражениями в нем. *Kleinasien*, рус. *М а л а я Азия*, венг. (выше) и др. Отношение *Азия — М. Азия* нуждается в пояснении: выражение *М. Азия* 'Анатолия' возникло с распространением названия Азия на весь континент к востоку от Европы, что произошло далеко не сразу, так как первоначально Азией называлась лишь западная часть самой Малой Азии.

Для названия *Коломна* (с. 349) сообщаются только сомнительные этимологии, хотя сейчас есть возможность непосредственно отождествить его с укр. *Коломия*.

Объяснение названия гор на юге Польши — польск. *Pieniny* (с. 513) — в связи с польск. *piana* 'пена', кажется, не выходит за пределы народной этимологии и не затрагивает подлинного происхождения этого названия, вызванного, по-видимому, кельтским проникновением в Южную Польшу в древности. Ср. бесспорно тождественное название гор в Англии — *Pennine*, прозрачно этимологизирующееся в связи с кельт. — кимр. (валл.) *pen* 'голова, вершина', см. об английских Пеннинах у самого автора, с. 506.

Венгерское племенное название *Székely* (с. 601) восходит к одному из тюркских этнонимов Поволжья.

В статье о названии *Szibéria*, рус. *Сибирь* (с. 611) явно не хватает этимологии в связи с этнонимом *σαυάρ* (Птол.), *Σάβαρτοι* (Конст. Багр.), в конечном счете — из ир. (др.-перс.) *asabāra-* 'всадники, наездники', разумеется, с последующей тюркской передачей. Ср. O. Szemerényi. «Südwestiranische» Lehnwörter im Ungarischen und Türkischen. — Etudes finno-ougriennes, XIII, с. 235—238.

Вызывает сомнения толкование имени *Синоп*, др.-греч. *Σινώπη* (с. 615) — из пелазг. *σινο*. Более уместной кажется этимология в связи с и.-е. **sm̥* 'с', **ăp-* 'вода' из языка древнего местного индоевропейского населения. Синоп, соединяемый с берегом перешейком, к которому с двух сторон подступают воды, вполне оправдывает эту этимологию, к тому же, объясняющую все слово, а не его часть.

О. Н. Трубачев

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	*Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, I—III. М.—Л., 1958, 1973, 1979—.
Ачарян	*Ачарян Р.* Этимологический корневой словарь армянского языка, I—VII. Ереван, 1926—1935 (на арм. яз.).
Барсов	Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, I—II. М., 1872, 1882.
БЕР	Български етимологичен речник. Съст. Георгиев Вл., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. Св. I—XVIII—. София, 1962—1979—.
Бернштейн[1]	*Бернштейн С. Б., Луканов Т. С., Тинева Е. П.* Болгарско-русский словарь. М., 1947.
Бернштейн[2]	*Бернштейн С. Б.* Болгарско-русский словарь. Изд. 2-ое, стереотип. М., 1975.
Богораз	*Богораз В. Г.* Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС, 1901, т. 68, № 4.
БТР	*Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст.* и др. Български тълковен речник. София, 1955.
Бялькевіч	*Бялькевіч І. К.* Краёвы слоўник усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
Варшавский словарь	*Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Васнецов	*Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
Ващенко	*Ващенко В. С.* Словник полтавських говорів, вип. І. Харків, 1960.
Волоцкий	*Волоцкий В.* Сборник материалов для изучения Ростовского (Ярославской губернии) говора. Словарь Ростовского говора. — Сб. ОРЯС, 1902, т. 72, № 3.
Востоков	*Востоков А. Х.* Словарь церковно-славянского языка, I—II. СПб., 1858, 1861.
Герасимов	*Герасимов М. К.* Словарь уездного Череповецкого говора. СПб., 1910.
Геров	*Геров Н.* Рѣчникъ на българский языкъ, I—V. Пловдивъ, 1895—1904.
Говоры Прибалтики	*Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Т. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
Гринченко	*Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль[2]	*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 2-е изд. М., 1880—1882 (1955).
Даль[3]	*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 3-е изд. М., 1903—1909.
Даль[4]	*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. 4-е изд. М., 1912.
Деулинский словарь	Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района, Рязанской области). Под ред. Оссовецкого И. А. М., 1969.

Диттель	*Диттель.* Сборник рязанских областных слов. — ЖСт, 1898, год 8, вып. II.
Добровольский	*Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Донск. словарь	Словарь русских донских говоров. Авторы-сост. Валюсинская З. В., Выгонная М. П. и др., I—III. Ростов-на-Дону, 1975—1976.
Доп(олнение) к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Древнетюркский словарь	Древнетюркский словарь. Под ред. Неделяева В. М., Насилова Д. М. и др., Л., 1969.
Иванова. Подмоск.	*Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
Иркут. словарь	Иркутский областной словарь. Ред.-сост. Бобряков Н. А. I—II—. Иркутск, 1973—1974—.
И-С	*Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М.* Македонско-русский словарь. М., 1963.
Караџић	*Караџић Вук Стеф.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање. Биоград, 1898.
Картотека ДРС	Картотека Словаря русского языка XI—XVII в. (Ин-т русского языка АН СССР, Москва).
Картотека СДР	Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV в. (Ин-т русского языка АН СССР, Москва).
Картотека Словаря XVIII в.	Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Ленинград. отд. Ин-та языкознания АН СССР).
Картотека СРНГ	Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград. отд. Ин-та языкознания АН СССР).
Картотека СТЭ	Картотека Севернорусской Топонимической Экспедиции (Уральский гос. ун-т, Свердловск).
Касьпяровіч	*Касьпяровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік (матер'ялы). Под рэд. Байкова М. Я. й праф. Эпімаха-Шыпілы Б. І. Віцебск, 1927.
Конески	*Конески Б.* Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Скопје, 1961, 1965, 1966.
Кузбас. словарь	Словарь русских говоров Кузбасса. Сост. Жураковская Н. В., Иванищев С. И. и др. Новосибирск, 1976.
Куликовский	*Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Лексика Полесья	Лексика Полесья. М., 1968.
Мельниченко	*Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Миртов	*Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
Младенов	*Младенов С.* Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.
Новосиб. словарь	Словарь русских говоров Новосибирской области. Под ред. Федорова А. И. Новосибирск, 1979.
Носович	*Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский	*Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. I—II. М., 1910—1914. Окончание — в кн.: Труды ИРЯ, I. М., 1949.
Радлов	*Радлов В. О.* Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1893—1911.
Расторгуев	*Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Запад-

	ной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Минск, 1974.
САР[1]	Словарь Академии Российской, I—VI. СПб., 1789—1794.
Словарь Оби	Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, I—III. Томск, 1964, 1965, 1967. Дополнение I ч., 1975, II ч., 1976.
Словн. ст.-укр. мови XIV—XV ст.	Словник староукраїнської мови XIV—XV ст., 1—2. Київ, 1977—1978.
Словн. укр. мови	Словник української мови, I—IX. Київ, 1970—1978—.
СлРЯ XI—XVII вв.	Словарь русского языка XI—XVII вв. Сост. Бахилина Н. Б., Богатова Г. А. и др. Гл. ред. Бархударов С. Г. 1—6—. М., 1975—1979—.
Сл. Сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала, I—II—. Свердловск, 1964, 1971—.
Смирнов	*Смирнов И. Т.* Кашинский словарь. — Сб. ОРЯС, 1901, т. 70, № 5.
Смоленск. словарь	Словарь смоленских говоров. Под ред. Ивановой А. И. 1—. Смоленск, 1974—.
Соликам. словарь	*Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Срезневский	*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.
Сцяшковіч	*Сцяшковіч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Толстой[1]	*Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
Толстой[2]	*Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1958.
Толстой[3]	*Толстой И. И.* Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 3. М., 1970.
Топоров Прус. яз.	*Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. А—Д, Е—Н. М., 1975, 1979—.
Трофимович	*Трофимович К. К.* Верхнелужицко-русский словарь. М. — Бауцен, 1974.
Фасмер	*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. Трубачева О. Н. I—IV. М., 1964—1973.
Филин	Словарь русских народных говоров. Под ред. Филина Ф. П. 1—15—. Л., 1966—1979—.
Цомакион	*Цомакион Н. А.* Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии, ч. II, вып. 1. Красноярск, 1974.
Чукалов	*Чукалов С.* Българско-руски речник. Трето издание. София, 1960.
ЭСБМ	Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Рэд. Мартынаў В. У. 1—. Мінск, 1978—.
ЭССЯ	Этимологический словарь славянских языков. Под ред. Трубачева О. Н. I—VI—. М., 1974—1979—.
Яшкін	*Яшкін І. Я.* Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.
Bartholomae	*Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Straβburg, 1904.
Berneker	*Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. A — morъ. Heidelberg, 1908—1913.
Bezlaj	*Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika, I—. Ljubljana, 1976—.
Bezlaj. Eseji	*Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Brückner	*Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (1970).

Buck — *Buck C. D.* Dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages. Chicago, 1949.

Dauzat — *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1938.

Ernout — Meillet[3] — *Ernout A.*, *Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine, I—II. 3 éd. Paris, 1951.

Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—18. Heidelberg—Göttingen, 1955 и сл.

Friedrich — *Friedrich I.* Hethitisches Wörterbuch, I—IV. Heidelberg, 1952—1954.

Frisk — *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch, 1—22—. Heidelberg, 1954—1970—.

Gebauer — *Gebauer J.* Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916 (1970).

Grimm — *Grimm J.* und *Grimm W.* Deutsches Wörterbuch, 1—16. Leipzig, 1854—1951.

Iveković — Broz — *Iveković F.*, *Broz I.* Rječnik hrvatskoga jezika, I—II, Zagreb, 1901.

Jungmann — *Jungmann J.* Slovník česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.

Kluge — Götze — *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15 neubearbeit. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1951.

Kott — *Kott F. Št.* Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893.

Linde — *Linde S.* Słownik języka polskiego, I—VI. Lwów, 1854—1860.

Lokotsch — *Lokotsch K.* Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.

Lorentz. Pomor. — *Lorentz Fr.* Pomoranisches Wörterbuch, I—IV. Berlin, 1958—1975.

Machek[1] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Machek[2] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968, 1971.

Mayrhofer — *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, 1—29—. Heidelberg, 1953—1979—.

Matejčík. Východonovohrad. — *Matejčík J.* Slovník východonovohradského nárečia. Banska Bystrica, 1972 (ротапринт).

Miklosich — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Miklosich LP — *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.

Miklosich TEL — *Miklosich F.* Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen, I—II. Nachtrag I, II. (Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, № 34 (1884), № 35 (1885), № 38 (1890)).

Monier-Williams — *Monier-Williams M.* A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New ed. Oxford, 1964.

Muka — *Muka E.* Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow, I—II. Пг., 1921, 1928.

Niedermann—Senn—Brender—Salys — *Niedermann M.*, *Senn A.*, *Brender F.*, *Salys A.* Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, I (1932), II (1951), III (1957), IV—V (1960—1967). Heidelberg.

Pfuhl — *Pfuhl Dr.* Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.

Pleteršnik	*Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pokorny	*Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Bern, 1949—1959.
Räsänen	*Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
Reczek Sł.	*Reczek S.* Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław, 1968.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XXIII—. Zagreb, 1880—1973—.
Sadnik — Aitzetmüller. Handwörterbuch.	*Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
Schrader. Reall.[2]	*Schrader O.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. 2. Aufl. von A. Nehring. Bd. I—II. Berlin—Leipzig, 1917—1929.
Schütz	*Schütz J.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.
Skok	*Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—IV. Zagreb, 1971—1974.
Sławski	*Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego, 1—23—. Kraków, 1953—1977—.
Slowník jaz. stsl.	Slovník jazyka staroslověnského, 1—33—. Praha, 1958—1979—.
Słownik prasłowiański	Słownik prasłowiański. Pod redakcją Sławskiego F., I—II—. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk. 1974, 1976, 1979—.
Sł. Polszcz. XVIw.	Słownik polszczyzny XVI wieku. Instytut Badań Literackich PAN. I—XI—. Wrocław, 1966—1978—.
Sł. stpol.	Słownik staropolski, 1—8—. Warszawa, 1953—1977—.
SSJ	Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie Vied, ved. redaktor dr. Peciar Š., I—VI. Bratislava, 1959—1968.
Sychta	*Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—VII. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967—1976.
Trautmann	*Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Vasmer	*Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Heidelberg, 1953—1958.
Vondrák	*Vondrák W.* Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I—II. Göttingen, 1906—1908.
Walde — Hofmann	*Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3, Aufl. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938.

БЕ	Български език
БЕз	Балканско езикознание
ВДИ	Вестник древней истории
ВЯ	Вопросы языкознания
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЖСт	Живая Старина
ЈФ	Јужнословенски Филолог
МЈ	Македонски език
МПр	Македонски Преглед
РИБ	Русская историческая библиотека
СбНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина
СбОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СбРИО	Сборник Русского исторического общества
ТОДЛ	Труды Отдела древнерусской литературы

Чт. ОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AJPh	American Journal of Philology
BSL	Bulletin de la Société de linguistique de Paris
IF	Indogermanische Forschungen
JAOS	Journal of the American Oriental Society
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LB	Linguistique Balkanique
LMS	Letopis Matice Slovenske
NGGM	Nachrichten von Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
RÉS	Revue des études slaves
RO	Rocznik Orientalistyczny
RS	Rocznik Slawistyczny
SR	Slavistična Revija
ZfSl	Zeitschrift für Slawistik

Языки и диалекты

авест.	авестийский
аджар.	аджарский
адыг.	адыгский
алб.	албанский
алт.	алтайский
анат.	анатолийский
англ.	английский
араб.	арабский
арийск.	арийский
аркад.	аркадский
арм.	армянский
арханг.	архангельский
ассам.	ассамский
астрах.	астраханский
балт.	балтийский
бацб.	бацбийский
башк.	башкирский
белозер.	белозерский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
брет.	бретонский
брян.	брянский
булг.	булгарский
валл.	валлийский
вед.	ведийский
венг.	венгерский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
вогул.	вогульский
волог.	вологодский
ворон.	воронежский
вост.-слав.	восточнославянский
вост.-тюрк.	восточнотюркский
вят.	вятский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
гюмюрдж.	гюмюрджинский
дигор.	дигорский
донск.	донской
др.-англ.	древнеанглийский
др.-болг.	древнеболгарский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-герм.	древнегерманский
др.-греч.	древнегреческий
др.-инд.	древнеиндийский
др.-иран.	древнеиранский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-польск.	древнепольский
др.-прус.	древнепрусский
др.-рус.	древнерусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-сев.	древнесеверный
др.-фризск.	древнефризский
др.-чеш.	древнечешский
др.-чуваш.	древнечувашский
др.-швед.	древнешведский
зап.-рус.	западнорусский
и.-е.	индоевропейский
ингуш.	ингушский
индо-арийск.	индо-арийский
ион.	ионический
иран.	иранский
иркут.	иркутский
ирл.	ирландский
исп.	испанский
итал.	итальянский
италийск.	италийский
казан.	казанский
казан.-татар.	казанско-татарский
казах.	казахский
кайк.	кайкавский
калуж.	калужский

камч.	камчатский
карабах.	карабахский
карач.	карачаевский
картв.	картвельский
кашуб.	кашубский
кельт.	кельтский
кимр.	кимрский
кирг.	киргизский
колым.	колымский
костр.	костромской
крымско-греч.	крымско-греческий
кузбас.	кузбасский
куйбыш.	куйбышевский
куманд.	кумандский
курд.	курдский
курск.	курский
кыпч.	кыпчакский
лазск.	лазский
лат.	латинский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
макед.	македонский
манс.	мансийский
маньч.	маньчжурский
мар.	марийский
мегрел.	мегрельский
месопотам.	месопотамский
микен.	микенский
мингр.	мингрельский
могил.	могилевский
молд.	молдавский
монг.	монгольский
морд.	мордовский
моск.	московский
мушск.	мушский
нан.	нанайский
н.-греч.	новогреческий
негидал.	негидальский
нем.	немецкий
ненец.	ненецкий
нидерл.	нидерландский
нижегор.	нижегородский
н.-луж.	нижнелужицкий
новгор.	новгородский
новорос.	новороссийский
новосиб.	новосибирский
н.-перс.	новоперсидский
обск.	обский
общетюрк.	общетюркский
олон.	олонецкий
ороч.	орочский
осет.	осетинский
о.-слав.	общеславянский
османо-тур.	османо-турецкий
осташ.	осташковский
остяц.	остяцкий
павлодар.	павлодарский
пеласг.	пеласгский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский
петерб.	петербургский
петрозав.	петрозаводский
подмоск.	подмосковный
полесск.	полесский
польск.	польский
пошехон.	пошехонский
прагерм.	прагерманский
праслав.	праславянский
прус.	прусский
псков.	псковский
раннепраслав.	раннепраславянский
родоп.	родопский
рум.	румынский
румейск.	румейский
рус.	русский
рус.-цслав.	русский церковно-славянский
ряз.	рязанский
саам.	саамский
сарат.	саратовский
сартов.	сартовский
сван.	сванский
свердл.	свердловский
сев.-двин.	северодвинский
серб.	сербский
сиб.	сибирский
симб.	симбирский
слав.	славянский
словац.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
солон.	солонский
соликам.	соликамский
софийск.	софийский
ср.-англ.	среднеанглийский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-греч.	среднегреческий
ср.-иран.	среднеиранский
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-перс.	среднеперсидский
ср.-урал.	среднеуральский
ср.-франц.	среднефранцузский
ст.-блр.	старобелорусский
ст.-венг.	старовенгерский
ст.-польск.	старопольский
ст.-серб.	старосербский
ст.-слав.	старославянский
ст.-узб.	староузбекский
ст.-укр.	староукраинский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербохорватский
тамб.	тамбовский
тамил.	тамильский
татар.	татарский
твер.	тверской
тел.	телеутский
терск.	терский

тобол.	тобольский	хорв.	хорватский
тох.	тохарский	х.-сакс.	хотаносакский
тульск.	тульский	ц.-слав.	церковнославянский
тур.	турецкий	чагат.	чагатайский
тюрк.	тюркский	чан.	чанский
уйгур.	уйгурский	череп.	череповецкий
укр.	украинский	чечен.	чеченский
ульч.	ульчский	чеш.	чешский
умбр.	умбрский	чжурчж.	чжурчжэньский
урал.	уральский	чуваш.	чувашский
фин.	финский	эвен.	эвенский
флам.	фламандский	эвенк.	эвенкийский
фрак.	фракийский	ю.-рус.	южнорусский
франц.	французский	ю.-слав.	южнославянский
хакас.	хакасский	якут.	якутский
хант.	хантыйский	яросл.	ярославский
хетт.	хеттский		

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Этимология

1979

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Дривинг*. Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Л. В. Каскова*. Корректор *В. А. Березина*

ИБ № 22209

Сдано в набор 08.01.81. Подписано к печати 05.11.81. Формат 60×90 1/16.
Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,5.
Усл. кр. отт. 13. Уч.-изд. л. 15,3. Тираж 3150 экз. Тип. зак. 27. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука». 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12